

СКОТТ
СИГЛЕР

СКОТТ СИГЛЕР

ИНФИЦИРОВАННЫЕ

ЭКСМО

ИНФИЦИРОВАННЫЕ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

СКОТТ СИГЛЕР

ИНФИЦИРОВАННЫЕ

ЭКСМО
МОСКВА

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 34

Scott Sigler

INFECTED: A NOVEL

Copyright © 2008 by Scott Sigler

This translation published by arrangement with Crown Publishers,
an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Random House, Inc.
and with Synopsis Literary Agency.

Разработка серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Сиглер С

С 34   Инфицированные / Скотт Сиглер : [пер. с англ. В. Владимирова]. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-60569-9

По всей Америке сотни обычных мирных людей внезапно превращаются в одержимых паранойей убийц-маньяков. В своем безумии они не падают ни друзей, ни родных, ни даже самих себя. Вот и Перри Доуси — добродушный великан, бывшая звезда американского футбола — замечает, что с ним происходит что-то не то. Сначала — странная сыпь и зуд по телу, затем — непонятно откуда взявшиеся треугольные наросты под кожей. А затем Перри начал слышать голоса, нашептывающие ему страшные вещи... Он инфицирован. Но Доуси не собирается уступать этому «нечто». И, возможно, от исхода жестокой войны, которую он ведет с собственным телом, будет зависеть судьба всего человечества. Потому что паразитам от него что-то нужно — что-то гораздо большее, чем простые убийства...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-60569-9

© Владимиров В., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2012

ПРОЛОГ

То самое место...

Алида Гарсия, спотыкаясь, пробиралась через зимний лес, помечая кровавыми следами долгий путь по сверкающему белизной хрустящему снегу.

Руки женщины судорожно тряслись. Она едва могла сжать в кулак онемевшие пальцы, мокрые от снега, крупные хлопья которого таяли, касаясь кожи. Сумеет ли она, когда придет время, выстрелить из старого револьвера Луиса?

Ноющая боль в животе заставила Алиду вспомнить о предначертанной ей миссии. Божественной миссии.

Плохо, все было очень плохо. Неприятности начались, когда у Алиды зачесались живот и локти. Но куда больше тревожило женщину то, что творилось у нее внутри. Она понимала: так быть не могло, однако поделать ничего не могла.

Алида оглянулась назад, на кровавые следы на снегу, с тревогой всматриваясь в лесную мглу, — нет ли погони?

Несколько лет она жила в страхе перед иммиграционной службой, потом все в одночасье стало куда страшнее. Вначале Алиду хотели лишь депортировать, а теперь намеревались уничтожить.

Исцарапанные ветками ноги и руки были в крови. Левая нога, с которой давно слетел башмак, болезненно кровоточила — ледяная корка каждый шаг превращала

в муку. Из носа тоже сочилась кровь, но все это ничто по сравнению с кровью, которая отхаркивалась каждые несколько минут.

Нужно двигаться вперед, нужно отыскать то место... место, где все начнется.

Алида увидела два мощных дуба — словно вековые любовники, тянулись они друг к другу, застыв в вечном порыве. Она вновь вспомнила о своем муже Луисе, потом о ребенке. И отбросила мысли прочь. Нельзя долго думать об этом на фоне той мерзости, что творится у нее в животе.

Алида сделала то, что должна была сделать.

Три пули для Луиса.

Одна для ребенка.

Одна для человека с автомобилем.

При таком нехитром раскладе в барабане револьвера оставался еще один патрон.

Алида споткнулась, попыталась удержаться от падения, но не смогла — окровавленные руки вошли в глубокий снег. Окостеневшие пальцы уперлись в невидимые камни, захватив еще больше жгучей холодной боли, а голова стукнулась о твердую ледяную корку. Алида подняла изможденное лицо, залепленное мокрым снегом вперемешку с кусочками льда. Из рта снова отхаркнулось кровавой слизью — алая вспышка на белом снегу.

Кровь и несколько мокрых комочков чего-то черного.

Внутри было больно. Очень больно. Женщина начала медленно подниматься, потом замерла и уставилась на пару могучих дубов неподалеку. Они возвышались над поляной, и голые ветки образовали громадную скелетообразную крону, имевшую до пятидесяти метров в поперечнике. Неопавшая мертвая листва слегка колыхалась от зимнего ветра. Алида понятия не имела, что

она ищет; знала лишь, что ей необходимо пробираться подальше в лес, в самую чащу, куда не ступала нога человека.

Вот оно, то самое место...

Проделать такой долгий путь, чтобы завершить его здесь. Машину Алида забрала у того мужчины в Джексоне. Незнакомец жалобно твердил, что он не *la migra*, то есть не из иммиграционной полиции, но люди из этого ведомства всю жизнь не давали ей покоя, и ошибиться Алида не могла. Мужчина не сводил испуганных глаз с револьвера, не переставая твердить, что он не *la migra*, а просто разыскивает ближайший винный магазин. Алида знала, что он лжет. Видела по глазам. Застрелив его, она оставила негодяя там же, где встретила, потом забрала автомобиль и помчалась сквозь ночь по унылому и пустынному шоссе. Машину пришлось бросить в Сагино. Здесь ей удалось запрыгнуть в вагон грузового поезда. Алида ждала, пока на пути не попадется большой лес. Главное — двигаться на север.

Движение в этом направлении и в самом деле красной нитью проходило через всю ее жизнь. Чем дальше на север, тем меньше тебе задают вопросов. Детство Алиды прошло в Монклове, в Мексике. Потом Пьедрас-Неграс, а в возрасте девятнадцати лет Алида перебралась через границу в Техас, однако и там не задержалась. Семь лет изнурительной работы, укрывательства, лжи и... постоянного продвижения на север. Луиса она повстречала в Чикаше, штат Оклахома. Дальнейший путь по Америке они продолжали вместе: Сент-Луис, Чикаго, наконец, приехали к ее матери в Гранд-Рапидс, штат Мичиган. Непродолжительная перемена обстановки, а потом они направились на восток, когда Луису посчастливилось найти постоянную работу в строительной фирме в Джексоне.

Затем началась чесотка, а с ней нестерпимое стремление вновь двигаться на север. Нет, не просто стремление, как раньше. Оно обрело черты миссии, поставленной задачи, которую во что бы то ни стало необходимо выполнить.

И вот, наконец, на двадцать восьмом году жизни Алида достигла цели...

Она неотступно смотрела на дубы, словно желая понять, как они нашли здесь друг друга. Ей-богу, они словно возлюбленные. Как муж и жена. Нельзя было не думать о нем, о ее муже, Луисе. Хотя теперь все хорошо, скоро она к нему присоединится.

Алида оглянулась. Густой снег застилал кровавую стезю, которая сделалась расплывчатой, а скоро и вовсе должна была исчезнуть... *La migra* преследовали ее, хотели убить... однако сейчас погоня отстала, а значит, ее следы вскоре будут навсегда потеряны...

Алида повернулась, чтобы еще раз взглянуть на могучие деревья и запечатлеть в голове их величественный образ.

Вот оно, то место.

Вытащив из кармана старый револьвер 38-го калибра, она прижала дуло к виску.

Окоченевшие пальцы в нужный момент не подвели...

1

КАПИТАН ДЖИНКИ

— Утренняя линия прямого эфира FM 92,5. Здравствуйте! Что у вас наболело, какие новости, чем вы готовы с нами поделиться?

— Я убил их всех...

Марша Стаббинс закатила глаза, издав притворный стон. Ну вот, еще один идиот пытается привлечь к себе внимание.

— Неужели? Превосходно, сэр!

— Мне нужно связаться с Капитаном Джинки. Мир должен узнать...

Марша кивнула. 6.15 утра, самое время для разного рода душевнобольных и прочей нечисти подняться с постели, послушать трескотню Капитана Джинки и решить, что они тоже непременно должны стать частью шоу. И так почти каждый день.

— О чем, по-вашему, должен узнать Капитан Джинки, сэр?

— Я расскажу ему про Треугольники.

Голос человека звучал прерывисто. Слова произносились в промежутках между вдохами, как будто после изнурительной физической тренировки.

— Хорошо, значит, треугольники. Похоже, вы испытываете какие-то личные проблемы, сэр.

— *Не пытайся сбить меня с толку, тупая сука!*

— Эй, не нужно кричать на меня только за то, что я сижу на телефоне и отвечаю на звонки!

— Немедленно соедини меня с Джинки, иначе я приеду и воткну нож в твой поганый глаз!

— Угу, — устало кивнула Марша. — Лучше не придумашь. Нож в глаз. Отлично.

— Я только что убил свою семью, ты не понимаешь? И весь измазан их кровью! Так было нужно! Потому что *мне велели это сделать!*

— А вот это не смешно, идиот, и, между прочим, ты уже третий серийный убийца, который позвонил сегодня утром. Позвонишь еще раз, можешь не сомневаться: вызову полицию.

Незнакомец повесил трубку. Марша чувствовала, что он готов был произнести еще что-то, снова накричать на нее, пока она не упомянула про копов.

Марша провела рукой по лицу. У Капитана Джинки одно из самых рейтинговых утренних шоу во всем Огайо, но, черт возьми, голова пойдет кругом, когда почти каждый день приходится выслушивать разных идиотов и сумасшедших.

Она пожала плечами и посмотрела на телефон. Светились индикаторы всех каналов. Едва ли не каждому гражданину города не терпелось попасть в прямой эфир. Марша вздохнула и нажала на кнопку номер два.

В Кливленде, штат Огайо, есть одна комната на семнадцатом этаже офисного здания компании «АТ&Т». Здание известно как «Гурон-роуд-билдинг», а раньше называлось «Огайо-Белл-билдинг».

Комната в реальности не существует. Или, по крайней мере, не существует то, что находится внутри комнаты. На картах, строительных чертежах и для большинства людей, работающих на семнадцатом этаже, комната 1712-В — просто помещение для хранения папок.

Помещение для хранения папок, которое всегда закрыто. Люди заняты, никто ни о чем не спрашивает, и никому нет дела — таких закрытых комнат миллионы в офисных зданиях на всей территории Соединенных Штатов. Но это, конечно же, не просто комната для хранения папок.

Комната 1712-В не существует, потому что это так называемая «Черная комната». А «Черной комнаты» не существует. Так утверждает правительство.

Чтобы проникнуть внутрь, необходимо пройти несколько этапов проверки. Во-первых, обратиться к охраннику на семнадцатом этаже. Его пульт расположен всего в пятнадцати футах от 1712-В. У охранника имеется доступ к секретной информации от Агентства нацио-

нальной безопасности, и можно не сомневаться: парень всегда начеку. Во-вторых, нужно вставить карту-ключ в слот у входной двери. Карта содержит встроенный код, который изменяется каждые десять секунд в соответствии с алгоритмом, основанным на времени суток: так обеспечивается доступ в помещение только нужных людей и в нужное время. В-третьих, необходимо набрать на клавиатуре персональный код. В-четвертых, приложить большой палец к маленькой серой пластинке непосредственно над дверной ручкой, чтобы миниатюрное устройство могло сверить отпечаток и пульс. По правде говоря, сканер отпечатков пальцев гроша ломаного не стоит и его легко обмануть, зато проверка пульса вещь полезная, особенно на тот случай, если вы капельку возбуждены — например, потому, что кто-то приставил к вашей голове пистолет. Пистолет, которым вполне могли застрелить вышеупомянутого охранника.

Если вы успешно преодолели все барьеры, 1712-B открывается, и вы получаете доступ в «Черную комнату» и к тому, что находится внутри (и официально тоже не существует).

А внутри находится «НарусИнсайт STA 7800», суперкомпьютер, разработанный для того, чтобы осуществлять массовый контроль ошеломляющих масштабов. К «НарусИнсайту» подведены оптоволоконные линии от светоделителей, установленных на магистралях, в которые поступает информация о входящих и исходящих телефонных звонках и интернет-данных со всей территории штата Огайо. Такой техн жаргон подразумевает, что подобные линии несут всю цифровую коммуникационную нагрузку в Огайо, в том числе каждый телефонный звонок на Среднем западе страны. А, так вы не со Среднего запада? Не беспокойтесь, в США «Черных комнат» пятнадцать. Хватит на всех.

Компьютер отслеживает ключевые фразы, такие, например, как «атомная бомба», «поставка кокаина» или всегда популярное «убить президента». Система автоматически фиксирует и записывает каждый звонок, десятки тысяч звонков в секунду, с помощью программы распознавания голоса, преобразующей каждый разговор в текстовый файл. Затем система сканирует текстовый файл на предмет потенциально подозрительных слов. Если таковые не обнаружены, система выводит содержимое аудио. Если же они обнаружены, то аудиофайл (а заодно и преобразованный из голоса текст) немедленно переправляется по сети на компьютер человека, ответственного за мониторинг коммуникаций, содержащих подобную лексику.

Как видите, отслеживается буквально каждый звонок. Каждый. Ведется поиск слов, связанных с терроризмом, наркотиками, коррупцией и другими преступными областями. Но из-за ряда вопиющих происшествий, имевших место за последние недели, президент страны издал секретный указ, согласно которому в перечень наблюдения добавлено новое слово.

Что же это за слово?

Треугольники.

Система проанализировала взаимосвязь слова «треугольники» с такими словами, как «убийство», «покушение» или «сжечь». Оказалось, что два слова из упомянутого перечня прозвучали в телефонном звонке гостевой линии радишоу «Капитан Джинки».

Система преобразовала телефонный звонок в текст и при анализе текста обнаружила тесную корреляцию слов «треугольники» и «убить». Звонок был зафиксирован, зашифрован и отправлен в аналитический узел. То есть в еще одну секретную комнату, которая располагалась в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, Виргиния.

Аналитик трижды прослушала звонок. Уже после первого прослушивания она поняла, что напала на важный след, но прокрутила запись еще дважды, чтобы убедиться окончательно. Потом позвонила Мюррею Лонгуорту, заместителю директора ЦРУ. Она не знала точно, что значит близкое родство таких слов, как «убить» и «треугольники», однако ей было известно, как определить ложный звонок, а этот выглядел вполне нормальным, *настоящим*.

Откуда звонили? Из дома, где проживал некто Мартин Брубейкер. Город Толедо, штат Огайо.

Это не та музыка, которую можно слушать громко. Хеви-метал или безвкусный панк-рок, которым какой-нибудь подросток доставал окружающих, — еще куда ни шло. Или безумная композиция из рэпа.

Но только не Синатра. Никому не взбредет в голову слушать Фрэнка Синатру так, чтобы в доме тряслись окна.

I've got you... under my skin.

Дью Филлипс и Малколм Джонсон сидели в черном «Бьюике» без номеров, наблюдая за домом, из которого доносилась неприлично громкая музыка. Оконные стекла буквально дрожали, вибрировали в унисон с басами, звеня всякий раз, когда звучный голос Синатры выдавал длинную чистую ноту.

— Я, конечно, не психолог, — проговорил Малколм, — но могу высказать научную гипотезу о том, что в доме поселился псих.

Дью кивнул, после чего вытащил «кольт» 45-го калибра и проверил магазин. Тот был полон, как обычно, но Дью все равно проверил: сорок лет привычки даром

не проходят. То же самое проделал Малколм со своей «береттой». Хотя Малколм был почти вдвое младше Дью, привычка проверять оружие прочно укоренилась у обоих мужчин благодаря тому, что профессиональный путь у каждого был один и тот же: вначале служба в американской армии, затем спецподготовка в тренировочных лагерях ЦРУ. Малколм был хорошим, сообразительным парнем и умел слушать, в отличие от большинства нынешних новоиспеченных агентов.

— Чокнутый, зато по крайней мере живой. — С этими словами Дью засунул пистолет в кобуру под мышкой.

— *Скорее всего*, живой, — уточнил Малколм. — Придурок позвонил около четырех часов назад. За это время он мог уже того... отдать концы.

— Будем надеяться на удачу, — ответил Дью. — Если нас ждет еще один вонючий труп, меня точно вырвет.

Малколм рассмеялся.

— Вырвет? Тебя?! Вот интересно посмотреть! Кстати, собираешься ты, наконец, трахнуть ту цыпочку? Как там ее, Монтана?

— Монтойя.

— Да, правильно, Монтойя, — кивнул Мэл. — Судя по тому, как развиваются события, скоро мы ее увидим. А она ого-го для такой старушки.

— Побойся бога, приятель, я старше ее по меньшей мере лет на пятнадцать. Если уж она старая, как ты говоришь, значит, я вообще древний.

— Конечно, древний! Артефакт!

— Спасибо, что напомнил, — усмехнулся Дью. — Между прочим, Монтойя — из образованных, она слишком умна для такого ворчуна, как я. Боюсь, она мне не пара.

— Я вообще затрудняюсь сказать, кто тебе пара. Надеюсь, я тоже тебе не пара?

— Ты — нет.

— Потому что, знаешь ли, моя жена начала бы нервничать. А впрочем, нынче это дело обычное, верно?

— Ладно, к черту, Мэл, мы с тобой заболтались. Оставим шутки на потом. Давай к делу. Пора!

Дью поправил наушники и проверил сигнал.

— Центральная, Филлипс на связи, как слышите?

— На связи, Филлипс, — раздался в наушниках тонкий голосок. — Все патрули на местах.

— Центральная, Джонсон на связи, прием, — проговорил Малколм.

Тот же тонкий голосок подтвердил вызов.

Малколм сунул руку в карман пиджака и извлек оттуда небольшую кожаную визитницу. Туда были вложены две фотографии — жены Шамики и шестилетнего сынишки Джерома.

Дью ждал. Малколм всегда проводил такой обряд перед тем, как они собирались говорить с подозреваемым. Малколму нравилось напоминать себе, почему он занимается своей работой и почему всегда нужно оставаться внимательным и осторожным. У Дью в бумажнике лежала фотография дочери Шэрон, но он не собирался вытаскивать и рассматривать ее. Не стоит думать о дочке перед выполнением очередного задания. Лучше отделить ее от тех кошмаров, которые могут ждать впереди.

Малколм закрыл и спрятал визитницу. Мужчины вышли из «Бьюика» и направились к небольшому одноэтажному дому Мартина Брубейкера. Лужайка и тротуар были покрыты толстым слоем снега.

Брубейкер жил на углу Кертис и Миллер-стрит, ближе к окраине Толедо. С четырех оживленных переулков, пересекающих Вестерн-авеню, доносился шум, но

и его было явно недостаточно, чтобы заглушить голос Фрэнка Синатры.

На случай, если ситуация станет угрожающей, наготове имелись три автомобиля с четверкой спецназовцев в биокостюмах. Одна машина патрулировала в конце Кертис-стрит, где улица сливалась с Вестерн-авеню, одна — на пересечении Кертис и Моцарт-стрит, и еще одна — на углу Дик и Миллер-стрит. Это исключало любую возможность бегства на автомобиле, а мотоциклов на имя Брубейкера в Отделе транспортных средств зарегистрировано не было. Если он вздумает махнуть на север и пересечь замерзающую бухту Суон-Крик, парни из четвертой машины наверняка его перехватят. Все пути Мартину Брубейкеру были отрезаны.

Дью с Малколмом биокостюмы не захватили. Да и к чему? Операцию нужно провести тихо, не привлекая внимания посторонних, а иначе те, кто проживают по соседству с Брубейкером, могут разволноваться и поднять шум. Парочка громил в желтых скафандрах, которые ломаются в дверь добропорядочного гражданина — какое уж тут, к чертовой матери, спокойствие?

Если все пойдет по плану, они возьмут Брубейкера, мирно отведут к серому автомобилю номер один и доставят в городскую больницу Толедо, где уже выделена и полностью подготовлена соответствующая карантинная зона.

— Приближаемся к входной двери. — Дью не обращался ни к кому конкретно, но микрофон, присоединенный к наушникам, фиксировал все произносимые звуки, которые тут же передавались на пульт управления.

— Принято, Филлипс.

Наконец-то выпал шанс взять подозреваемого тепленьким. После чего, возможно, удастся выяснить, что, черт побери, происходит.

— Не забывай про приказ, Мэл, — напомнил Дью. — Если дела пойдут плохо, никаких выстрелов в голову.

— Ясно, босс: в голову не стрелять.

Дью надеялся, что до применения оружия вообще не дойдет, но не мог отделаться от дурного предчувствия. После нескольких недель погони за жертвами инвазий, когда напарники натыкались лишь на зловонные трупы либо обугленные останки, им, похоже, выпал шанс столкнуться с живым преступником.

Мартин Брубейкер, тридцати двух лет, женат на Анни Брубейкер, двадцати восьми лет. Один ребенок, Бетси Брубейкер, возраст — шесть лет.

Дью прослушал звонок Мартина Капитану Джинки в записи. И все равно полной уверенности не было. Парень мог оказаться нормальным. Просто захотел погромче врубить Синатру в полночь...

I tried so... not to give in,

I said to myself, «This affair never will go so well».

— Дью, чувствуешь? Пахнет бензином...

Дью даже не пришлось особенно принюхиваться, чтобы понять, что Малколм прав. Несомненно, бензин. Запах исходил изнутри дома. Черт!

Дью взглянул на напарника. Ладно, бензин или нет, в любом случае пора двигаться. Хотелось шепнуть об этом Мэлу, но чертов Синатра пел так громко, что пришлось перейти на крик.

— Ладно, Мэл, давай вперед, и побыстрее! Наш псих, видать, хочет спалить дом. Надо упаковать его прежде, чем он доберется до спичек, уловил?

Малколм кивнул. Дью отступил от двери. Он и сам, если нужно, мог бы выбить ее, но Мэл моложе и сильнее. Пусть позабавится.

Малколм отошел немного и с силой ударил дверь ногой — та распахнулась настежь, а вырванный металлический засов со звоном отлетел куда-то в сторону. Мэл вошел первым, Дью — за ним.

Песня в исполнении Синатры зазвучала еще громче — Дью скривился.

*In spite of a warning voice that comes in the night,
And repeats, repeats in my ear...*

Перед ними открылась небольшая гостиная, которая вела в маленькую столовую и на кухню.

В кухне на полу в луже крови лежал труп женщины. Глаза широко раскрыты, горло перерезано. Сморщенный лоб, на лице застывшее удивление, не ужас... Именно удивление или, может быть, смущение — как во время напряженных раздумий над загадкой из «Колеса фортуны».

Мэл сохранил спокойствие, лицо его осталось бесстрастным, и Дью даже почувствовал гордость за напарника. Правильно, ведь в любом случае нечестной не поможешь.

*Don't you know, little fool, you never can win,
Use your mentality, wake up to reality.*

Ботинки Дью хлюпали по коричневому ковру из грубого ворса. Ковровое покрытие было насквозь пропитано бензином, отчего сделалось еще темнее.

Мэл и Дью медленно двигались вперед.

Первая дверь направо. Мэл открыл ее.

Детская комната, а в ней еще одно мертвое тело. На сей раз — труп маленькой девочки. Малышке шесть лет; Дью знал об этом, поскольку успел ознакомиться

с делом. На лице — стеклянная пустота. Рот приоткрыт. Личико залито кровью. В крови и футболка девочки с эмблемой «Кливлендских медведей»¹.

Мэл остановился. Девочка — ровесница его сына Джерома. Дью в ту же секунду понял, что напарник, вероятно, убьет Брубейкера, как только они его найдут. И не собирался препятствовать этому.

Впрочем, долго здесь задерживаться было некогда. Дью нетерпеливо хлопнул Мэла по плечу. Напарник вышел из детской и закрыл за собой дверь. Впереди виднелись еще две двери: одна направо и одна — в конце коридора. По-прежнему играла музыка, заглушая все вокруг.

*But each time that I do, just the thought of you
Makes me stop, before I begin.*

Мэл открыл дверь направо. Внутри спальни ни души.

Дью сделал глубокий вдох, и легкие наполнились парами бензина. Мэл открыл дверь.

И увидел Мартина Брубейкера.

Предположение Мэла, высказанное в патрульной машине, оказалось пророческим — в доме действительно находился сумасшедший.

Широко раскрыв глаза, с безумной улыбкой на лице Брубейкер сидел на полу в ванной, вытянув ноги. На нем была толстовка с капюшоном, вся пропитанная бензином, и джинсы. На ногах никакой обуви. Выше колена ноги были туго перетянуты ремнями. В одной руке мужчина держал оранжевую зажигалку, в другой — здоровенный тесак с зазубринами. Позади лежала

---

¹ «Cleveland Browns» — команда из Американской футбольной конференции (американский футбол).

серебристая канистра, содержимое которой медленно вытекало на черно-белый линолеум.

'Cause I've got you... under my skin.

— Поздно заявили, легавые, — проговорил Брубейкер. — Мне сказали, что вы придете. Но знаете что? Я никуда не собираюсь, и *их* с собой брать не буду. Пусть отправляются туда сами, дьявол их побери!

Он поднял тесак и сильно взмахнул. Толстое лезвие разрезало джинсовую ткань и вонзилось в кожу чуть ниже колена. Раздался жуткий хруст, на пол хлынула кровь, смешиваясь с лужей бензина.

Брубейкер вскрикнул, взглянув на отрезанную ногу, и этот вопль ненадолго заглушил звуки оркестра и голос Фрэнка Синатры. Все произошло в считанные секунды. Тесак снова взмыл вверх; сильный, безжалостный удар отделил ниже колена и вторую ногу. Брубейкер откинулся назад, потеряв равновесие. Из обрубков ног хлестала кровь, забрызгав стены и даже потолок. Дью и Малколм инстинктивно закрылись ладонями, чтобы кровь не попала в глаза.

Брубейкер щелкнул зажигалкой и поднес ее к полу. Бензин мгновенно вспыхнул, и пламя заплесало вдоль мокрой дорожки, ведущей в коридор и комнаты. Пропитанная бензином толстовка Брубейкера сразу превратилась в огненный столб.

Энергичным движением Малколм спрятал оружие в кобуру, сбросил с себя плащ и бросился вперед.

Дью хотел было предупредить напарника, но не успел — Мэл набросил плащ на Брубейкера, пытаясь сбить пламя. Неожиданно огромный нож в руке самоубийцы пришел в движение, вонзившись глубоко в живот Малколма. Несмотря на громкую музыку, Дью рас-

слышал глухой скрежет, когда лезвие наткнулось на позвоночник...

Дью бросился в горящую ванную.

Брубейкер поднял голову, его глаза расширились, а улыбка сделалась еще безумнее. Он хотел что-то произнести...

Дью Филлипс выстрелил в него трижды. Пули вонзились мужчине в грудь, опрокинув на гладкий от крови и бензина пол. Спиной Брубейкер ударился об унитаз, однако к этой секунде был уже мертв.

— Всем подразделениям! Прошу помощи, немедленно! Ранен офицер!

Дью спрятал оружие, нагнулся и взвалил Мэла на плечо. Потом тяжело выпрямился. Брубейкер горел, но пламя странным образом пощадило его правую руку. Дью крепко схватил ее и тяжелой поступью направился по коридору, неся на себе одного человека и волоча по полу другого.

2

СЫРОЕ И ЖАРЕНОЕ

Дью, шатаясь, выбрался из горящего дома. Зимний воздух приятной прохладой ударил в лицо.

— Держись, Мэл, — проговорил Дью окровавленному напарнику, глухо стонущему на правом плече. — Еще немного... Скоро тебе помогут.

Дью с трудом сделал несколько шагов, едва не рухнул на заснеженную лужайку, потом, восстановив равновесие, добрался до тротуара. Перейдя улицу, он, шатаясь, словно пьяный, подтащил тело Брубейкера к неглубокому сугробу. Горящий труп зашипел как спичка, опущенная в воду. Дью опустил на одно колено и мягко положил Малколма на землю.

Белая рубашка напарника в области живота вся пропиталась кровью. Лезвие тесака проникло очень глубоко, разрезав кишечник. Дью приходилось видеть подобные раны, и больших надежд на положительный исход они не внушали.

— Потерпи, Мэл, прошу тебя, — шептал Дью. — Вспомни Шамику и Джерома, и тебе сразу легче. Ты ведь не можешь оставить семью...

Он держал Малколма за горячую влажную руку, покрытую волдырями от ожогов.

Воздух разрезал визг шин. Рядом остановилось несколько автомобилей «Шевроле». Десяток людей в громоздких костюмах химзащиты выскочили на дорогу, покрытую снежной грязью. Вооруженные компактными пистолет-пулеметами FN-P90¹, они с отработанной точностью образовали кольцо вокруг Дью и Малколма и окружили дом.

— Видишь, приятель? — прохрипел Дью. Он поднес губы к самому уху Малколма. — Мэл! Кавалерия уже здесь; ты и глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в больнице. Только потерпи немного, дружок.

Малколм издал глухой стон. Его голос больше походил на шепот.

— Тот... кретин... сдох?

— Придурок отправился напрямик куда следует, — ответил Дью. — Три пули в сердце, и все дела.

Малколм издал хрип, сплюнув на снег густую черную кровь. Мужчины в спецкостюмах аккуратно подняли его и побежали к одному из автомобилей.

Дью смотрел за тем, как солдаты погрузили в другой автомобиль дымящийся труп Брубейкера. Остальные помогли обессилевшему Дью добраться до последней

---

¹ Пистолет-пулемет бельгийской фирмы FN Herstal.

машины. Он уселся, услышал стук закрываемой дверцы, потом слабое шипение, когда в автомобиле включили герметизацию салона. Любые неожиданные утечки позволят впустить дополнительный воздух на случай, если Дью заражен спорами неизвестной болезни. Он спрашивал себя, надо ли его будет помещать в воздушный шлюз, а потом подвергать непрерывному осмотру в течение нескольких дней, — вдруг проявятся какие-нибудь неизвестные симптомы. Впрочем, сейчас на это наплевать, лишь бы Малколму помогли. Если Малколм умрет, Дью себе не простит. Никогда.

Менее чем через минуту после прибытия джипы рванули по улице, оставив горящий дом позади.

3

ОДИН МАЛЕНЬКИЙ ШАГ...

Проделав неизвестный путь за неизвестное время, очередная порция семян падала из атмосферы, словно микроскопический снег, разлетаясь в стороны от малейшего дуновения ветра. И так волна за волной. Самые последние волны были ближе всех к успеху, но все-таки не образовали ту необходимую критическую массу, которая требовалась для выполнения поставленной задачи. Произошли изменения, и были выпущены новые семена. Грядущий успех оставался лишь делом времени.

Большая часть семян хорошо переносила падение, однако настоящее испытание ожидало впереди. Миллиарды погибали при контакте с водой или низкими температурами. Часть семян выживала при приземлении, но местные условия зачастую оказывались непригодными для развития. Незначительное количество

попадало туда, куда нужно, однако ветра сметали эти семена прочь, не давая прорасти.

И лишь ничтожное, микроскопическое количество семян обретало условия, идеальные для последующего роста.

Меньше, чем крупницы пыли, эти семена осторожно занимали свои места. Жесткие микрофиламенты с окончаниями в виде застежек-«липучек» помогали друг другу быстро закрепляться на поверхности. После спонтанного приземления начинались гонки со временем. Семена сталкивались с почти невозможной задачей обретения автономности и вели битву за выживание, которая начиналась для них в крошечных арахнидах.

По сути, это были обыкновенные клещи. Вид *Demodex folliculorum*. Будучи микроскопическими по размерам, демодекс все-таки крупнее частички мертвой кожи. Настолько крупнее, что может проглотить кусочек кожи. Демодексы прячутся главным образом в волосяных фолликулах, но иногда ночью выползают и путешествуют по коже организма-носителя, или «хозяина». Это не те паразиты, которые распространены лишь в условиях антисанитарии в странах третьего мира, где гигиена является роскошью. Они обитают на теле каждого человека.

Клещи «хозяина» проживали короткую жизнь, питаясь кожей и никогда не покидая его тела. В своем беспрестанном и безумном пожирании некоторые из клещей наталкивались на семена, которые выглядели подозрительно похожими на кусочки человеческой кожи. Клещи, не раздумывая, поглощали их; это был еще один питательный глоток на бесконечном и обильном банкете из мертвой плоти.

Пищеварительная система клещей усиленно трудилась над ломкой внешней оболочки семян. Ферменты,

именуемые в медицине протеазами и ответственные за переработку белков, постепенно разъедали мембрану. Мембрана оказывалась надорванной в нескольких местах, но не растворялась полностью. Все еще невредимые, семена проходили через пищеварительный тракт клещей.

Вот где, собственно, все и начиналось — в микроскопической кучке клещевых испражнений.

Семенам необходима была определенная засоленность и влажность среды, что невольно обеспечивалось кожей организма-носителя. Подобные условия активизировали рецепторные клетки, тем самым подготавливая семена к росту. Но перед началом интенсивного развития должны были соблюдаться и другие условия.

В рецепте роста главным ингредиентом являлся кислород. За время своего продолжительного падения герметичная оболочка семян предотвращала попадание внутрь любых газов и их контакт с содержимым, которое — в случае его биологического происхождения — можно было бы назвать эмбрионом. Пищеварительная система клещей-демодексов разрушала защитную внешнюю оболочку семян, обеспечивая доступ кислорода. Рецепторные клетки автоматически оценивали создававшиеся условия, реагируя в изысканной и замысловатой биохимической пляске, которая воспринималась как предполетный контрольный перечень.

Уровень кислорода? — Проверить.

Уровень минерализации? — Проверить.

Уровень влажности? — Проверить.

Температура? — Проверить.

Миллиарды микроскопических семян проделали длинный-предлинный путь. Миллионы пережили первоначальное падение, и лишь тысячам посчастливилось

попасть в пригодную для произрастания среду. Сотни сумели обрести конкретный организм-носитель. Всего несколько десятков достигли голой кожи, а некоторые погибли, завершив путь в экскрементах насекомых. В общей сложности проросли лишь девять семян.

Далее наступила фаза интенсивного роста. Клетки делились посредством митоза, и каждые несколько минут их число удваивалось, поглощая энергию и извлекая строительные элементы из пищи, запасенной внутри семян. Живучесть рассады зависела от скорости: необходимо было погрузить корни во влажную среду и выработать защиту в условиях, грозящих вскоре стать неблагоприятными. Семенам не требовались листья — нужен был лишь главный корень, который в растительных эмбрионах называется радикулой, или «корешком». Эти радикулы являлись «линией жизни» семян, средством, за счет которого они могли соединиться с новой для них средой.

Главной задачей радикул являлось проникновение в кожу. Первое препятствие образовывал верхний слой кожи, состоящий из клеток, заполненных жестким волокнистым кератином. Микроскопические корни росли вниз, медленно, но верно пробивая этот барьер и проникая в более мягкие ткани, расположенные ниже. Одно из семян не смогло пробить внешний слой. Рост прекратился, и семя погибло.

Осталось восемь штук.

Преодолев первое препятствие, корни интенсивно росли вглубь, минуя эпидермис и проникая в дерму, сквозь слой жировых клеток подкожного слоя. Рецепторные клетки измеряли перемены, происходящие в химическом составе и плотности. После прохождения подкожного слоя, непосредственно перед мышцами, корни

претерпевали фазовые изменения. Каждый из восьми корней становился центром нового организма.

Наступала вторая стадия развития.

Такой быстрый рост серьезно обеднял питательные запасы семян. Став не более чем средством доставки, маленькая оболочка отпадала. Начинали рост корни второй стадии. Они не были похожи на корни дерева или любого другого растения, а представляли собой нечто вроде крохотных щупалец, отрастающих из единого условного центра. Щупальца поглощали из новой для себя среды кислород, белки, аминокислоты и сахар. Словно биологические транспортеры, корни встраивали эти строительные «блоки» в новый организм, подпитывая и стимулируя клеточный рост. Одно из семян закончило свой путь на лице носителя, как раз над левой бровью. Оно не смогло извлечь достаточное количество «топлива» для подпитки процесса развития второй стадии. У него попросту истощились энергетические запасы. Некоторые части семени-саженца продолжали расти, автоматически вытягивая питательные вещества из организма-носителя и создавая бесполезное сырье, но для любых целей и задач этот саженец был навсегда потерян.

Так число семян сократилось до семи.

Выжившие саженцы приступили к строительству. Первым «сооружением» стала микроскопическая подвижная субстанция, которая — при наблюдении в электронный микроскоп — выглядела словно волосяной шарик с двумя пилообразными челюстями. Эти челюсти кромсали клетку за клеткой, разрывали мембраны, отыскивали ядро и засасывали его внутрь шарика. Шарик считывали ДНК, копию человеческого организма, определяли код биологических процессов, структуру мышц и костей. Но для шариков ДНК представляли

собой лишь отпечатки, шаблоны. Считав их, шарики передавали информацию саженцам.

Получив данные, семерка поняла, что требовалось построить для последующего роста. Не на сознательном уровне, а в сыром, первоначальном состоянии ввода и вывода данных, как у машины. Чувствительность роли не играла — организмы считывали модель и знали, как поступить дальше.

Саженцы высасывали сахар из кровотока и растворяли его; получался химический состав, служивший основой для прочного и гибкого строительного материала. По мере накопления строительных «блоков» организмы создавали очередные автономные подвижные структуры. Там, где шарики скапливались вместе, возникали микроструктуры. Используя растущие запасы строительных материалов, новые элементы начинали плести оболочку. Без быстрого роста защитной оболочки новый организм не просуществовал бы дольше пяти дней.

Вот сколько требовалось для того, чтобы достичь третьей стадии.

4

ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ

Перри Доуси откинул покрывало, ненадолго подставив тело прохладе зимнего утра, — и вздрогнул. Часть мозга настойчиво призывала его установить будильник на четверть часа позднее и подремать еще немного. Однако небольшая оттяжка во времени не помогла разрешить сомнения.

«Видишь? — казалось, твердил ему внутренний голос. — Сегодня утром дьявольски холодно. Заберись

под одеяло, там приятно и тепло. В конце концов, ты честно заслужил день отдыха».

Таков был его типичный утренний ритуал; внутренний голос всегда что-то советовал, но Перри никогда не слушался. Он поднялся и, шаркая, добрался из спальни до крохотной ванной. Линолеум встретил ноги не приветливым холодом. Закрыв за собой дверь, Перри включил душ, и ванная наполнилась приятным теплым паром. Когда он шагнул под поток воды, ворчливый утренний голос, как обычно, сразу куда-то растворился. За три года Перри ни разу не опоздал на работу...

Натерев себя мылом, он окончательно проснулся. В левом предплечье ощущалось жжение от легкой чесотки, Перри рассеянно скреб его ногтями. Он отключил душ, вышел, схватил смятое полотенце, висевшее на рейке рядом со шторкой, и насухо вытерся. Пар скопился наверху в виде облака, которое плавно изменяло свою форму с каждым его движением.

Ванная была едва больше чулана. Справа от двери располагалась маленькая стойка из формайки¹ с раковиной для мытья рук. Некогда сверкающая и белая, керамика была покрыта оранжево-коричневыми пятнами от жесткой воды. Возле раковины имелось достаточно места для зубной щетки, пены для бритья и потрескавшегося куска мыла. Все остальные принадлежности покоились в аптечке возле зеркала, повешенного над раковиной.

Рядом со стойкой находился унитаз, краем почти упирающийся в ванную. Вообще, последняя была на-

---

¹ Ф о р м а й к а — материал, изготавливаемый из ламинированных листов пластика и включающий в свой состав меламин. Применялся как практичное покрытие для столешниц, укрепившись в обиходе в 1950–1960-е гг.

столько мала, что Перри мог сидеть на унитазе и касаться дальней стенки, не наклоняясь вперед. Использованные разноцветные полотенца, шторка над ванной, обе части дверной ручки создавали «махровый» контраст с зеленоватыми стенами и потрепанным желто-коричневым линолеумом.

Единственным элементом обстановки были исцарапанные и испещренные ржавчиной цифровые весы. Со вздохом отвращения Перри встал на них. Нижний ЖК-индикатор «единиц» никогда не загорался, последняя цифра выглядела как «А», а не «8», но все это не могло скрыть вес: 268 фунтов.

Перри сошел с весов. Снова зачесалось — на левом бедре, как от укуса комара. Мужчина дернулся и хорошо почесал это место.

Перри прекратил вытирать волосы, резко отбросив руку. Над левой бровью он ощутил внезапную боль — тупую и ноющую, как от случайно содранного прыща.

Полотенцем он вытер запотевшее зеркало. Яркая борода и прямые светлые волосы — таков был странный отличительный признак мужчин рода Доуси на протяжении ряда поколений. Волосы он отращивал до плеч — не ради стиля, а скорее, потому, что это помогало скрыть поразительное сходство с отцом. С возрастом отражение в зеркале все чаще выглядело как лицо, которое Перри больше всего хотел забыть.

— Долбаная сидячая работа. От нее так и прет.

Перри сосредоточил внимание на прыщике над бровью. Тот выглядел как вполне нормальный прыщик, но вместе с тем был довольно странным. Маленький шишковатый нарост, как от укуса крохотного насекомого.

Что за чертовщина?

Перри нагнулся вперед, почти коснувшись кожей зеркала, и надавил пальцем на больное место. На ощупь

твердая кожа, из которой наружу выступало что-то совсем крохотное. Что-то черное... микроскопическое пятнышко. Несколько секунд Перри тер его ногтями, но боль лишь усилилась. Возможно, вросший волос или что-то в этом роде. Надо оставить его в покое и разобраться позже.

Перри протянул руку к баночке с кремом для бритья. Он всегда внимательно осматривал себя в зеркале, прежде чем побриться и вычистить зубы, — не из тщеславия, просто чтобы увидеть, насколько он отличается от «старого маразматика».

В колледже Перри, защитник футбольной команды, порой ловил на себе восхищенные взгляды; его тело было сильным и мускулистым, словно вытесанным из камня. Однако через семь лет после травмы колена, положившей конец спортивной карьере, произошли изменения: мышцы лишились былой эластичности, на их месте образовались обширные жировые отложения. Избыточный вес не так уж бросался в глаза, и Перри все еще привлекал к себе женские взгляды, однако для него самого разница была ой как заметна.

Перри побрился, пригладил волосы и в завершение утренней процедуры почистил зубы. Выскочил из ванной и вновь оказался в холодной квартире. Быстро натянул джинсы, старую футболку с фотографией группы «AC/DC» и теплую толстовку с эмблемой «Золотоискателей из Сан-Франциско»¹. Укрывшись, наконец, от холода, он направился в свой кухонный уголок. Просто «кухней» это место назвать было трудно, поскольку ниша размером шесть на восемь футов с плитой, шкафом

---

¹ «San Francisco 49ers», также «Найнеры» — команда Национальной футбольной конференции (американский футбол).

чиками и небольшим холодильником могла называться только «уголком», но никак не «кухней».

Он подошел к серванту с «поп-тартсами»¹, выгнул спину от нестерпимого и болезненного зуда под лопаткой, закинул руку за плечо, чтобы почесать больное место.

Уняв зуд, Перри подумал, что, наверное, подхватил сыпь, а может, просто кожа зимой слишком сильно сохнет. Он вытащил коробку «поп-тартсов» и извлек серебристый пакетик. Цифровое табло микроволновки показывало 8.36. Запихнув вишневый «поп-тартс» в рот, Перри шагнул к компьютерному столу и принялся укладывать бумаги в потрепанный, местами заклеенный скотчем портфель. На выходных он хотел выполнить кое-какую работу, но в субботу играли «Вожди» и «Рейдеры», а все воскресенье он провел перед экраном телевизора, наблюдая за различными соревнованиями на спортивном канале. Вечер завершился походом в бар, где Перри не без удовольствия посмотрел, как надрали задницу «Львам»².

Застегнув портфель, Перри набросил плащ, схватил ключи и вышел из квартиры. Миновав три лестничных пролета, вышел из здания и окунулся в пронизывающий декабрьский холод. Ощущение было такое, словно в лицо и руки вонзились тысячи маленьких булавочек.

Затолкав в рот второй «поп-тартс», Перри направился к своему двенадцатилетнему, изрядно тронутому ржавчиной «Форду», молясь всем богам подержанных

¹ «Поп-тартс» — сладкие пирожки. Производятся компанией «Келлогг»; продаются в виде полуфабрикатов, перед употреблением разогреваются в тостере.

² «Вожди» (Kansas City Chiefs), «Рейдеры» (Oakland Raiders), «Львы» (Detroit Lions) — команды по американскому футболу.

авто, чтобы сегодня его старушка обязательно завелась и не доставила особых проблем.

Свою машину Перри никогда не запирали — кому она нужна? Усевшись, он захлопнул дверцу. Покрытые инеем стекла с трудом пропускали свет утреннего солнца.

— Ну, давай, сестричка, — пробормотал Перри, затаив дыхание, и издал победное ворчание, когда «старушка», слегка «прокашлявшись», завелась-таки с первой попытки.

Перри схватил щетку для очистки льда и вышел из машины, но тут нестерпимо зачесалась правая ягодица. Он машинально схватился за беспокойное место и принялся растирать его и скрести ногтями. Дернувшись, не удержал равновесия и растянулся на парковке. Джинсы пропитались влагой от мокрого снега.

— Да уж, — проговорил Перри, тяжело вставая и отряхиваясь. — Сегодня определенно понедельник.

5

АРХИТЕКТУРА

Оболочки увеличивались в размерах и становились прочнее. Они были все еще слишком маленькими, чтобы различить их невооруженным глазом, но с течением времени могли заметно вырасти. Те же крохотные клеточные устройства, построившие защитные оболочки, использовали доступный материал, чтобы начать создавать то, что находилось под оболочками, — каркас, предназначенный для нового, более крупного организма.

Растущего организма.

Сажены строили свою третью и окончательную свободно перемещающуюся микроструктуру. Если сначала возникали «считыватели» ДНК-отпечатков, потом

«строители» оболочек-раковин и каркаса, то теперь настала очередь «пастухов».

«Пастухи» размышались в теле организма-носителя в поисках очень специфичной разновидности клеток — стволовых. ДНК-снимки показывали, что именно стволовые клетки необходимы саженцам. «Пастухи» отыскивали стволовые клетки, отрезали их и тащили за собой назад, к строящемуся каркасу. Сначала «пастухи» закрепляли стволовые клетки на каркасе при помощи простых химических связей, затем в дело вступали шарики-«считыватели».

Пилообразные челюсти врезались в стволовую клетку, но на сей раз действовали более нежно. Микрофилamentы с нанометрической точностью проникали в ДНК стволовых клеток. Проникали и начинали производить перемены.

Потому что «считыватели» явились сюда не только для того, чтобы *считывать*...

Они также были предназначены для *записи*.

Стволовые клетки не обладают сознанием. Они понятия не имели о том, что их только что поработили. Они делали то, чем всегда занимались: выращивали новые клетки. Производимые ими новые сегменты лишь слегка отличались от тех, которые должны были быть сформированы изначально. Новые клетки распространялись по растущему каркасу, образуя мышцы и другие, более специфичные ткани.

То, что являлось в виде микроскопического семени, атаковало организм носителя и, используя встроенные биологические процессы, создавало нечто чуждое этому организму, причем способом, еще более скрытым и непонятным, чем способ формирования вируса.

У саженцев не было концепции времени, но миссия их завершалась за несколько коротких дней.

6

РУТИНА

Перри вошел в офис «Америкэн компьютер солюшнз» минут за шесть-семь до девяти. Не спеша направился по коридору к своей кабинке, по ходу здороваясь с коллегами. Опустившись в кресло, он бросил портфель на серую крышку стола и включил компьютер. Тот издал тонкий звук, словно обрадовавшись, что выходит из состояния вынужденного покоя, и приступил к циклам прогрева и процедуре проверки оперативной памяти. Перри бросил взгляд на настенные часы, которые висели достаточно высоко, чтобы каждый мог увидеть их из своей кабинки. 8.55. То есть, когда стукнет 9.00, он уже будет всю погрузен в работу.

— Хочу тебя кое о чем попросить, — проговорил женский голос за его спиной.

Перри не удосужился повернуться, открыл портфель и вытащил пачку беспорядочно сложенных бумаг.

— Сегодня никак, работы по горло, босс, — ответил он, слегка улыбнувшись своей ежедневной шутке. — Может, в следующий раз?

— Позвонил Самир Кансил из «Пуллмана», — продолжала женщина. — У них там опять проблемы с сетью. Позвони им, пожалуйста.

— Хорошо, мэм.

Сэнди Родригес покинула кабинку Перри и ушла к себе. Бóльшая часть персонала, отвечающего за работу с клиентами, опаздывала на несколько минут, но Перри всегда приходил вовремя. Сэнди редко обращала внимание на время прихода. Все знали, что ей по большому счету все равно, если люди немного опаздывали. Главное, чтобы они не злоупотребляли такой поблажкой

и справлялись с работой. Перри, тем не менее, всегда приходил вовремя.

Именно Сэнди дала ему тот единственный шанс, когда Перри сидел без работы и у него не было поручителей, чтобы надеяться на положительный результат при собеседовании. После того, что произошло на прежнем рабочем месте, Перри был уверен, что никто и никогда не согласится принять его. Но сосед по общежитию в колледже Билл Миллер замолвил за него словечко в «АКС», и Сэнди согласилась.

Когда его кандидатуру одобрили, Перри поклялся себе, что никогда не подведет начальницу. В частности, будет своевременно приходить на работу. Как любил повторять его отец, тяжелый труд ничем не заменишь. Перри отбросил неожиданную и неприятную мысль об отце: не хотелось начинать день в плохом настроении.

Двадцать пять минут спустя в соседнюю кабинку проскользнул его приятель Билл Миллер. Он, как обычно, опоздал — и, тоже как обычно, ему на это было наплевать.

— Доброе утро, неженка, — пропел Билл своим тягучим монотонным голосом. — Сладко ли спалось?

— Знаешь, Билл, я давно вышел из детского возраста. Хочу верить, что и тебе удастся когда-нибудь повзрослеть. Я вчера вон сколько на грудь принял, а на работе вовремя.

— Ты молодчина, приятель, — сказал Билл. — Хотя в действительности я выпил больше тебя.

Перри хотел было ответить, но отвлек пронизывающий зуд в правой ключице. Он продавил пальцами толстовку, стараясь расчесать зудящее место. Может, аллергия? Или ночью в постель пробрался паук и случайно укусил его?

Перри заскреб сильнее, намереваясь покончить с опостылевшим зудом. И тут напомнило о себе раздражение на предплечье.

— Что, приятель, блохи заели? — слышался сверху голос Билла, необычайно четкий, словно разделительная перегородка перестала служить для него препятствием.

Билл перегнулся через панельную стенку, разделявшую кабинки, и его голова оказалась всего в нескольких дюймах от потолка. Он не раз так делал, забираясь на стол. Билл, как всегда, выглядел безупречно, несмотря на то, что покинул бар одновременно с Перри. А ведь он проспал не более четырех часов. Голубые глаза, аккуратно подстриженные темные волосы и чисто выбритое детское лицо, лишенное даже мельчайших кожных дефектов, делали его идеальной моделью для рекламы какого-нибудь сверхэффективного крема от прыщей.

— Ничего особенного. Просто какое-то насекомое укусило, — ответил Перри.

Билл кивнул и молча ретировался на свое место за стенкой.

Перри перестал чесаться, хотя зуд продолжал беспокоить, и активировал в компьютере файл «Пуллмана». Заодно он запустил программу мгновенного обмена сообщениями. Хотя люди порой находятся друг от друга в нескольких метрах, обмен сообщениями доказал свою эффективность и стал предпочтительным методом бесед в офисе. Особенно с Биллом, занимавшим кабинку по соседству.

Перри начал свой дневной ритуал с сообщения в адрес Билла — «StickyFingazWhitey».

Bleedmaize-n-blue: Эй, привет. Что у нас с вечерним футболом в понедельник?

StickyFingazWhitey: Носит ли папа римский женское белье?

Bleedmaize-n-blue: Наверное, фраза должна была звучать так: «Носит ли Папа забавную шляпку»???

StickyFingazWhitey: У него просторное платье. Хотя, по моим источникам, он недостойн носить белое. Если ты, конечно, в курсе, что я имею в виду.

Перри фыркнул. Он знал, что выглядит сейчас как идиот: плечи трясутся, голова опущена, а рука прикрывает рот, чтобы как-то сдержать смех.

Bleedmaize-n-blue: Все, прекращай. Не хочу, чтобы Сэнди подумала, будто я снова смотрю клипы в YouTube.

StickyFingazWhitey: Как насчет того, чтобы бесплатно посмотреть «Необузданного папу», мистер? Эх, больной, несчастный ты наш человек!

Перри рассмеялся, на этот раз громко, не сдерживаясь. Билла он знал... бог ты мой, уже, наверное, лет десять?! Первый год пребывания в колледже выдался у Перри непростым, именно тогда проявилась его склонность к вспыльчивости и неприкрытой агрессии. Из Мичиганского университета Перри не отчислили лишь благодаря исключительной преданности американскому футболу и знанию всех тонкостей игры. Поначалу его пытались подселить в комнаты к другим игрокам, но Перри всегда рассматривал их как соперников. На почве соперничества неизбежно возникали перепалки. После третьей подобной ссоры тренеры готовы были лишить Перри стипендии и выгнать.

Пусть этот придурок отправляется искать счастья в другие школы, а в Мичиганском университете ему не место.

Тем не менее потерять его они все-таки не захотели. Тренерам важна была ярость игрока на поле. Когда об этом узнал Билл, то сам напросился в соседи к Перри. Билл был племянником одного из помощников главного тренера футбольной команды. С Перри он познакомился во время посвящения в студенты, и между ними завязались весьма неплохие отношения. Перри вспоминал, что в первые трудные месяцы лишь неутомонный юмор Билла мог вызвать у него улыбку.

Все думали, что Билл сумасшедший. С чего бы невысокому (165 см) и легкому (60 кг) англичанину добровольно подседаться в комнату к мощному защитнику, пересчитавшему ребра трем своим соседям, каждый из которых являлся значимым игроком Первого дивизиона? К всеобщему удивлению, они сумели найти общий язык и даже подружиться. У Билла, как оказалось, был талант рассмешить кого угодно, хоть дикого зверя. Билл сумел спасти не только спортивную карьеру Перри, но еще и студенческую. И Перри никогда не забывал об этом.

Он знал Билла десять лет и все это время ни разу не слышал, чтобы его друг дал прямой ответ на любой вопрос, который не был так или иначе связан с работой.

Из кабинки Билла доносились звуки музыки. Допотопная песенка в исполнении дуэта Сонни и Шер, которому Билл подпевал «У меня чесотка» вместо оригинального текста — специально, чтобы подсолить и задорно подзадорить Перри.

На экране компьютера мелькнуло очередное сообщение:

StickyFingazWhitey: Думаешь, «Грин-Бей»¹ задаст сегодня вечером трепку «Найнерам»?

---

¹ «Green Bay Packers» — команда Национальной футбольной лиги (американский футбол).

Перри не стал печатать ответ, он даже толком не понял вопрос. Лицо замерло в маске ожесточенной сосредоточенности, которую со стороны можно было принять за ощущение боли. Он боролся с отчаянным желанием чесаться, правда, теперь зуд был сильнее, чем прежде, и исходил из куда более интимного места.

Перри приник к клавиатуре, собрав остатки былой спортивной дисциплины, чтобы не почесать себе... левое яичко.

7

ПОЛНЫЙ БАРДАК

Дью Филлипс плюхнулся в пластиковое кресло рядом с телефоном-автоматом. После такого испытания даже молодой человек почувствовал бы себя собачьим дерьмом недельной давности, а в пятьдесят шесть, как у Дью, юность осталась далеко позади. Измятый костюм источал смешанный запах пота и дыма. Густого черного дыма, который бывает только при пожаре. Этот запах казался чуждым в чистых помещениях больницы. В глубине души Дью чувствовал, что следует быть благодарным Богу за то, что он сейчас находился в приемной муниципального госпиталя Толедо, а не в герметичном карантинном помещении в Центре контроля заболеваний в Цинциннати, но на подсчитывание преимуществ сил уже не хватало.

Неровные полосы жирной копоты покрывали почти всю левую половину его потрепанного временем и испещренного глубокими морщинами лица. Копоть осталась и на лысине, напоминая о том, что пламя совершало свою опасную пляску где-то совсем рядом. Остатки рыжих волос в затылочной части, между ушами, чудом избежали контакта с огнем и не почернели от сажи. Дью

выглядел изможденным настолько, что, казалось, мог в любую секунду свалиться.

Он всегда носил с собой два сотовых телефона. Один тонкий, пластиковый, в общем, обыкновенный мобильник. Дью использовал его в большинстве случаев. Корпус другого был металлическим и на вид громоздким. Телефон был напичкан самым современным шифровальным оборудованием, в котором Дью ни черта не смыслил. Он вытащил большой телефон и набрал номер Мюррея.

— Добрый день, — слышался в трубке деловитый женский голос.

— Соедините меня с Мюрреем.

В телефоне дважды щелкнуло, и его поставили в режим ожидания. В качестве заставки зазвучала «Satisfaction» «Роллинг Стоунз».

«Господи, — подумал Дью. — Даже в сверхсекретных линиях связи не обходится без этих долбанных песен!»

Вскоре в трубке слышался властный голос Мюррея Лонгуорта, и Дью сразу позабыл о своем раздражении.

— В чем дело, Дью?

— Полная херня, сэр, — ответил Филлипс. Опустив голову, он впервые заметил, что подошвы ботинок расплавились, а потом, остывая, пропитались беспорядочной смесью песка и битого стекла, которая застыла прочным слоем. — Джонсон тяжело ранен. Врачи говорят, его жизнь висит на волоске...

— Черт!..

— Да уж, — тихо проговорил Дью. — Хорошего мало.

Мюррей помолчал, словно давая понять, что жизнь Малколма значит для него больше, чем поставленное задание, а затем продолжил:

— Вы взяли его?

— Нет, — хрипло ответил Дью. — Возник пожар.

— Останки?

— Здесь, в госпитале, ждут вашего эксперта.

— Состояние?

— Между средним и удовлетворительным. Думаю, экспертизу есть над чем поработать.

Мюррей ненадолго замолчал.

— Сам с ним побудешь, или мне кого-нибудь прислать?

— Вы не вытащите меня отсюда даже упряжкой мулов, сэр.

— Я так и думал, — сказал Мюррей. — Место вы, надеюсь, проверили и провели стерилизацию.

— Как в аптеке.

— Хорошо. Маргарет уже выехала. Окажи ей необходимую помощь. Я приеду, как только смогу. Подготовишь полный отчет.

— Есть, сэр. — Дью отключил аппарат и снова плюхнулся в кресло.

Малколм Джонсон находился в критическом состоянии. Значительная часть его тела получила ожоги третьей степени. Да еще страшная рана в животе от удара тесаком... Шансы на спасение невелики.

Дью многое пришлось повидать на своем веку — сначала во время войны во Вьетнаме, потом за три десятилетия службы в Агентстве, — но такого субъекта, как Мартин Брубейкер, ему видеть не приходилось. Его страшные глаза... они были полны бешенством. Брубейкер, без ног, охваченный пламенем, словно голливудский каскадер, размахивавший ужасным тесаком...

Дью опустил голову и обхватил ее руками. Эх, если бы он среагировал быстрее, если бы у него оказалась в запасе хотя бы парочка секунд! Он наверняка сумел бы

удержать Малколма от попытки сбить пламя. Ему, Дью, с его-то опытом, следовало бы знать, что произойдет: Блейн Танариве, Шарлотта Уилсон, Гэри Лиленд — все попытки задержания этих людей завершились гибелью. Почему он решил, что с Брубейкером произойдет нечто другое? А с другой стороны, кто мог подумать, что придурак спалит весь дом?

Следовало сделать еще один звонок — жене Малколма. Дью сомневался, что Малколм будет еще жив к тому времени, когда Шамика прилетит из Вашингтона.

Да, очень сильно сомневался.

8

НЕ ЖЕЛАЕТЕ ЛИ ВЗГЛЯНУТЬ?

В обеденный перерыв Перри закрылся в одной из туалетных кабинок и сел на крышку унитаза, спустив штаны ниже колен и сбросив на пол модную толстовку. В верхней части левого предплечья, на левом бедре и правой голени появилась красная сыпь. Нестерпимо чесались еще три источника зуда: пальцы безошибочно говорили о том, что аналогичная сыпь появилась на правой ключице, на позвоночнике сразу под лопатками и на правой ягодице. И вдобавок — на левом яичке, о чем Перри старался не думать.

Иногда зуд усиливался, иногда прекращался, но временами безжалостно охватывал и точил тело сразу в нескольких местах. Ну точно, паучьи укусы, думал Перри. А может, это сороконожка? У нее, насколько ему было известно, очень неприятный яд. Больше всего Перри удивляло, что он спокойно спал во время атаки насекомых. Что бы ни явилось источником укусов, наверное, все произошло как раз перед тем, как он проснулся. Во

всяком случае на теле не было видно никаких следов, когда он собирался на работу, то есть яд только поступил в организм, а реакции еще не последовало.

Конечно, чесотка доставляет неудобства, однако в целом волноваться не о чем. Просто надо постараться не расчесывать зудящие места, и постепенно все пройдет. Если оставить их в покое, то они исчезнут сами по себе. Проблема заключалась в том, что Перри всегда было трудно игнорировать свои кожные дефекты, будь то корки, прыщи, волдыри или что-нибудь еще, но дурная привычка беспокоить их все равно ни к чему хорошему не приводила. Нет, надо сосредоточиться и «играть, невзирая на боль», как повторял его футбольный тренер в институте.

Перри встал, застегнул штаны, натянул толстовку. Глубоко вдохнул и попытался забыть о своих неприятностях. «Испытание воли. Проверка дисциплины. Мне нужно стать дисциплинированным».

Он вышел из туалета и отправился к своему рабочему месту, готовый, отбросив тревожные мысли, вновь с головой окунуться в работу.

9

ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ БЫТЬ БОССОМ

Мюррей Лонгуорт просмотрел список членов персонала, имевших достаточную категорию допуска для участия в проекте «Танграм». Список был короткий. Малколм Джонсон выбыл из строя. При этом Дью оставался без напарника, и ему предстояло действовать в одиночку. Собственно, поначалу Мюррей так и планировал, но Дью настоял, чтобы к нему подключили Джонсона. Мюррей покачал головой: решение останется на совести Дью и будет теперь его мучить всю жизнь.

Неизбежные потери, к сожалению, являлись неотъемлемой частью их работы. Ты посылаешь цветы на кладбище и продолжаешь двигаться вперед. Мюррей это понимал. Дью — никогда. Поэтому Мюррей сейчас второй человек в ЦРУ, а Дью Филлипс — всего лишь исправный оперативник, но такой же ворчун, как и прежде. Ворчун в приличном костюме.

Пять президентов страны призывали Мюррея Лонгорта. Его вотчина — секретные операции, разные тайны и неприятности, которые никогда не войдут в учебники по истории, но с которыми, так или иначе, необходимо иметь дело. На этот раз президент Соединенных Штатов попросил Мюррея выяснить, что за феномен превращает нормальных, законопослушных американцев в безумных убийц. Причем речь шла о том, чтобы привлечь к делу его, Мюррея из ЦРУ, а не представителя ФБР, занимавшегося расследованиями происшествий внутри страны. Вообще-то, ЦРУ не вправе проводить такую операцию на территории США, однако президент пожелал задействовать именно Мюррея — если речь идет о терроризме, требуется более изощренная тактика. А порой, в случае необходимости, и противозаконная.

На данный момент имелось пять жертв, и грозящее бедствие могло обернуться для страны беспрецедентной паникой. А информации было очень мало. До сих пор Мюррей прекрасно справлялся с работой, которая заключалась в том, чтобы проливать как можно меньше света на те или иные вещи или события. В его непосредственном подчинении находилось больше сотни человек, однако едва ли десяток имел представление о том, что происходит. Исчерпывающей информации не было даже у Объединенного комитета.

Когда доктор Маргарет Монтойя впервые передала в ЦРУ свой первый и весьма необычный отчет, инфор-

мация в конечном итоге легла на стол Мюррея. Нет, эта дама не была эксцентричной особой или пессимисткой, переживающей по поводу надвигающейся глобальной катастрофы. Она работала в Центре по контролю над заболеваниями и заподозрила, что, возможно, напала на след нового биологического оружия террористов. Ее полномочия и изрядная настойчивость убедили некоторых дать ход звонку через телефонный лабиринт, продвигая на каждом уровне все выше и выше, до тех пор, пока о звонке не узнал сам Мюррей Лонгуорт.

Маргарет сообщила, что не стала передавать информацию по соответствующим каналам в ЦКЗ, поскольку боялась утечки. Мюррей понимал, что это верно лишь отчасти — на самом деле ей хотелось немного «засветиться», обрести известность человека, лично отследившего эксцентричного убийцу. Если бы Монтойя стала действовать по обычным каналам, то какой-нибудь начальничек мог перехватить у нее дело, а вместе с ним и признание вышестоящих властей.

Мюррей Лонгуорт встретился с Маргарет. Ему стоило лишь взглянуть на отчеты — а также на фотографии Шарлотты Уилсон и Гэри Лиленда, — чтобы убедиться в ее правоте: на горизонте появилась новая угроза.

Маргарет, естественно, не являлась мировым авторитетом по заболеваниям или нобелевским лауреатом. Она была компетентным эпидемиологом, работавшим в отделении Центра по контролю над заболеваниями в Цинциннати, и даже не имела доступа в главный офис ЦКЗ в Атланте. Мюррей знал, что может распорядиться о переводе Монтойи в свое подчинение, и лишь горстка лиц заметит ее отсутствие.

Он организовал работу по поиску малейших ссылок на «треугольники» — всего, что могло привести на след. В результате таких поисков удалось наткнуться

на Блейна Танариве, который неделей раньше звонил на телестанцию в Толедо, сообщив о «заговоре треугольников». В отчетах мистер Танариве описан как «параноик» и личность «с нарушенной психикой».

Два дня спустя соседи обнаружили в доме трупы Танариве и всех членов его семьи. Сообщалось, что тело Танариве находится в «сильной степени разложения». Жена и обе дочери тоже были найдены мертвыми. Судебные эксперты выяснили, что женщине и двум девочкам нанесли по меньшей мере два десятка ран ножницами. Затем специалисты передали отчет о телефонном звонке Танариве, в котором тот твердил о «заговоре треугольников».

Танариве никогда не отличался жестокостью. Ни у него, ни у членов его семьи никогда не было психических заболеваний. Исследователи списали все на внезапный, трагический и необъяснимый всплеск умопомешательства. Дело считалось закрытым до тех пор, пока Мюррей не распорядился о поиске любой информации, связанной с «треугольниками».

Данных, полученных от Маргарет, вместе с делом Танариве было для Мюррея пока вполне достаточно. Он передал все директору ЦРУ, затем попросил об экстренной встрече с президентом. Не с начальником штаба или министром обороны, а именно с первым лицом страны. Мюррей, естественно, не забыл привести туда и Монтойю.

Ее сообщение оказалось весьма убедительным. Внимание президента привлекли фотографии голубых треугольных опухолей у Гэри Лиленда и схожих гниющих новообразований на трупе Шарлотты Уилсон, а также фотографии разъеденного шрамами, тощего тела Блейна Танариве, покрытого жутким зеленым пухом.

Президент предоставил Мюррею карт-бланш.

Мюррей имел полномочия взять под свое начало кого угодно, но большая команда ему была не нужна. Во всяком случае, пока. Нужно держать все в секрете. Стоит просочиться хоть какой-нибудь информации, и улицы охватит небывалая паника. Скорее всего, страна перейдет в качественно новое состояние: люди не захотят покидать свои дома, боясь подцепить страшную болезнь, а те из них, кто покинет, заполнят приемные отделения больниц, напуганные любым комариным укусом. Однако рано или поздно новости неизбежно выплывут наружу. Необходимо собрать как можно больше информации, прежде чем начнется паника.

Пять случаев — и потом еще два после встречи с президентом. Джуди Вашингтон, шестидесяти двух лет, была обнаружена через день после смерти Гэри Лиленда, но, очевидно, ее заражение произошло раньше. Дью с напарником обнаружили разъеденный труп в поле, неподалеку от коммуны пенсионеров, где жили она и Лиленд. Инфекция у Джуди была в самом разгаре. Теперь — новый ужас под названием Мартин Брубейкер. Пять случаев за шестнадцать дней, и у Мюррея возникло стойкое предчувствие, что этим не ограничится.

Он был уверен: ситуация станет еще хуже.

10

ПОЛВСКРЫТИЯ ВСЕ ЖЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ НИЧЕГО

Маргарет Монтойя вынуждена была признать себе, что глубоко взволнована возможностью исследовать свежее тело. Прежде всего, она врач, целитель — в этом состояло ее обучение, если не истинное призвание, и неприкосновенность, святость человеческой жизни

имела для нее первостепенное значение. Тем не менее профессиональное возбуждение начисто заслонило все остальные чувства, как только Мюррей Лонгуорт поручил ей прибыть в Толедо.

Маргарет не была особенно обрадована по поводу очередной смерти. Какая уж тут радость. Но нужно было увидеть тело, не испорченное ускоренным процессом разложения. Не просто еще одно тело — на данный момент пятое, — а шанс добиться какого-нибудь прогресса в борьбе с болезнью, по сравнению с которой геморрагическая лихорадка Эбола и СПИД выглядели обычной простудой.

Многое могло измениться за столь короткое время. Шестнадцать дней назад она работала экспертом Координационного центра инфекционных болезней в Цинциннати. КЦИБ являлся подразделением ЦКЗ. Маргарет хорошо справлялась с порученной работой, но ситуация препятствовала эффективному продвижению по карьерной лестнице, и это несколько ее угнетало.

Потом Маргарет вызвали обследовать труп в Роял-Оук, в Мичигане, где мог быть обнаружен агент неизвестного инфекционного заболевания. Когда она увидела тело, или, скорее, то, что от него осталось, то поняла: появился реальный шанс заявить о себе. Всего через семь дней после обследования трупа Маргарет провела совещание с агентами ЦРУ Дью Филлипсом и Малколмом Джонсоном, заместителем директора ЦРУ Мюрреем Лонгуортом и с самим президентом страны. Она, Маргарет Монтойя, сидела рядом с президентом и участвовала в обсуждении жизненно важных для страны вопросов.

А теперь, менее суток после тайного совещания в Овальном кабинете, Маргарет, как главу государства, сопровождал агент ЦРУ. Она рассеянно жевала кончик ручки «пейпер-мейт», поглядывая на улицу с пасса-

жирского сиденья, когда черный «Лексус» заезжал на территорию госпиталя Толедо.

На парковке вблизи главного и аварийного входов стояли четыре автомобиля внестудийного телевидения.

— Черт поberi! — проговорила Маргарет. Очень не хотелось сейчас иметь дело с прессой.

Водитель остановил машину и повернулся к ней.

— Отъехать куда-нибудь в сторону?

Это был удивительно приятный темнокожий мужчина по имени Кларенс Отто, которому Мюррей Лонгуорт специально поручил везде ее сопровождать. В основном, для «улаживания вопросов», как выразился сам Мюррей. Кларенс взял на себя заботы обо всех мелочах, с тем чтобы Маргарет могла полностью сосредоточиться на основной работе.

Забавно было осознавать, что Кларенс Отто — полноценный агент ЦРУ, в то время как она, эпидемиолог среднего уровня из ЦКЗ, с головой погружена в проблему, имеющую все шансы со временем стать величайшей угрозой, с которой когда-либо сталкивались Соединенные Штаты Америки.

Взгляды Отто отвлекали Маргарет, поэтому обычно она разговаривала с ним, отвернувшись в сторону.

— Да, пожалуй... лучше избежать общения с прессой и поскорее добраться до места. Дорога́ каждая секунда.

За свою двадцатилетнюю карьеру Маргарет обследовала на предмет различных заболеваний бесчисленное множество тел. Мертвое тело превращается в труп, требующий вскрытия и обследования. Труп помещают в холод, и он будет дожидаться тебя сколько нужно. Но не в данном случае. Из трех обнаруженных трупов два уже настолько разложились, что от них было мало

толку. Еще один труп — первый из вышеупомянутых трех — буквально растворился на глазах у Маргарет.

Это был первый намек на то, что творится нечто странное и опасное. Парамедики в Роял-Оук доставили труп семидесятилетней Шарлотты Уилсон. Незадолго до собственной смерти Шарлотта мясоразделочным ножом убила пятидесятидвухлетнего сына. А потом бросилась на двух полицейских, истошно крича о том, что не позволит «кучке копов» взять ее живой. У полицейских не было выбора, пришлось стрелять на поражение. Парамедики сообщили о необычных наростах на теле женщины, каких раньше им никогда видеть не приходилось.

Десять часов спустя, во время вскрытия, странные новообразования побудили медиков позвонить в офис ЦКЗ в Цинциннати, откуда прислали Маргарет с группой экспертов. К тому времени, когда она прибыла сюда через шесть часов — а в итоге через шестнадцать после того, как женщину застрелили, — состояние трупа было уже неважным. За последующие двадцать часов от трупа остались лишь изъеденные кости, толстые куски непонятной зеленой плесени и лужа черной слизи. Замораживание никак не препятствовало разложению трупа. Даже в максимальном режиме. Фактор, атаковавший тело, представлял собой нечто совершенно новое, неизвестное, и вызванную им химическую реакцию нельзя было остановить.

Вскоре после разложения трупа Уилсон Маргарет активировала базы данных и провела анализ на слова «треугольный нарост». На глаза ей попала запись о Гэри Лиленде, пятидесятисемилетнем мужчине, который поступил в госпиталь с жалобами на некие треугольные новообразования. Менее суток спустя Лиленд поджег собственную больничную койку и совершил са-

моубийство. Фотографии Уилсон и Лиленда и послужили причиной прибытия сюда Маргарет.

Отто не спеша объехал новенькие автомобили телевизионщиков и скучающие съемочные группы. «Лексус» без номеров привлек несколько случайных взглядов, но не более того. Машина остановилась возле запасного выхода, однако здесь также поджидали репортер с телеоператором.

— Что сообщили прессе? — спросила Маргарет.

— САРС, атипичная пневмония, — ответил Отто. — То же самое, что и у Джуди Вашингтон.

Четырьмя днями ранее Дью Филлипс и Малколм Джонсон обнаружили разложившийся труп Джуди Вашингтон на пустыре неподалеку от дома престарелых в Детройте. Труп сохранился хуже всех — остался лишь изъеденный скелет и маслянистое черное пятно на земле. И ни кусочка плоти.

— Второй случай за восемь дней, — вздохнув, проговорила Маргарет. — Журналисты могут возомнить, что началась эпидемия САРС.

САРС, или тяжелый острый респираторный синдром, пресса не в первый раз называла очередной «кошмарной чумой». В то время как заболевание в перспективе являлось смертельным и в том же Китае унесло значительное количество жизней, для страны с эффективной системой здравоохранения, как, например, США, оно большой угрозы не представляло. САРС, тем не менее, заразное, переносимое по воздуху заболевание, что объясняло применение специальных биокостюмов и обязательное введение карантина. Итог по САРС? Достаточная угроза, чтобы на нее обратили внимание, однако по-настоящему серьезная лишь для пожилых людей и населения стран третьего мира. Только не для Америки.

Маргарет вышла из машины. Репортер с оператором встрепенулись и подскочили к ней. Свет камеры тут же направили в лицо, ко рту поднесли микрофон. Маргарет отпрянула, с трудом пытаясь сообразить, что лучше сказать, но тут подоспел Кларенс Отто: одной рукой он закрыл камеру, другой схватил микрофон и, отгородив Маргарет от журналистов, дал ей возможность пробраться к двери. Отто двигался с плавным изяществом танцора и скоростью атакующей змеи.

— Извините, — с очаровательной улыбкой проговорил агент. — Пока никаких вопросов.

Маргарет зашла, и дверь за ней плавно закрылась, отрезав путь неистово протестующим репортерам. Кларенс Отто умел обращаться с представителями СМИ. Впрочем, его способности этим, видимо, не ограничивались, и Маргарет часто думала о цэрэушнике, когда проводила в одиночестве ночи в гостиничном номере. Она полагала, что могла бы легко соблазнить Кларенса. Даже в сорок два года ее лоснящиеся черные волосы и темные глаза привлекали взгляды представителей сильного пола. Монтойя считала себя привлекательной женщиной, а мужчины называли ее «экзотической» красоткой. Маргарет все это казалось забавным, поскольку она была уроженкой Кливленда. Конечно, имелся лишний «багаж» вокруг бедер (а у кого, скажите, его нет?), да и морщинки становились все более заметными, однако Маргарет прекрасно понимала, что способна запросто свести с ума любого понравившегося мужчину. Сейчас ей нравился Кларенс.

Маргарет встряхнула головой, стараясь отбросить посторонние мысли. В состоянии стресса у нее всегда начинался сексуальный зуд. Как будто у тела оставался лишь один надежный способ ослабить психическое напряжение. Маргарет глубоко вздохнула. Сейчас ей

предстоит обследовать очередной труп, и нужно держать гормоны под контролем.

Как только она вошла, еще один агент ЦРУ, на сей раз мужчина средних лет, пристроился сзади и теперь сопровождал ее через пустые коридоры. Маргарет поняла: этот человек, как и Кларенс, мало что знает о сути дела. Мюррею так было удобно — чем меньше людей посвящено в детали, тем меньше возможных утечек информации.

В помещении морга ждал Эймос Хант, единственный помощник в этой погоне за ответами в условиях биологического кошмара.

— Доброе утро, Маргарет.

Ей всегда казалось, что голос Эймоса чем-то напоминает лягушачье кваканье. Кваканье нетрезвой лягушки, медленное и ворчливое. Изнеженный и женоподобный, Эймос одевался модно, но с опозданием лет на десять, не меньше. Большинство людей при первом знакомстве подозревали в нем гея. Однако наличие супруги и двоих детей служили вескими доводами в пользу обратного. Хотя Эймос вечно выглядел невыспавшимся, энергии в нем было хоть отбавляй.

Эймос был с Маргарет в Роял-Оук, когда обследовали Шарлотту Уилсон. Он — один из лучших профессионалов своего дела и вместе с тем ее единственная надежда. Маргарет просила Мюррея дать ей больше людей, однако тот отказал; ему хотелось контролировать поток информации и ограничить до минимума количество посвященных в суть дела лиц.

— У тебя какой-то загадочный взгляд, Эймос.

— Ну не всем ведь дозволено флиртовать с президентом, моя дорогая. Становишься звездой, а?

— Заткнись и давай к делу. Времени совсем мало.

Они зашли в небольшую раздевалку, отделенную от остального пространства пластиковыми перегородками.

Внутри каждой кабинки висел биокостюм, предназначенный для того, чтобы защитить обладателя от любых вредных факторов. От этих костюмов всегда веяло каким-то злом, они напоминали о сожженной, свисающей лохмотьями человеческой коже.

Маргарет сняла одежду и провела обработку тела. Затем облачилась в спецкостюм, изготовленный из гибкого синтетического волокна «тайвек», непроницаемого для воздуха, химикатов и вирусных частиц. На лодыжках, запястьях и шее были сложные металлические кольца. Надев костюм, Маргарет поочередно просунула ноги в специальные ботинки, снабженные металлическими кольцами, совместимыми с соответствующими кольцами на костюме. Скрепила кольца вместе, и раздался характерный щелчок, сигнализирующий о герметичном соединении. Потом обмотала стык прочным коричневым скотчем, обеспечив дополнительную защиту ног от возможного заражения. То же самое Маргарет проделала с толстыми перчатками «тайвек», обмотав руки скотчем возле запястий. Скотч, конечно, излишество; тем не менее, увидев, какие загадочные вещи происходят с жертвами, Маргарет решила принять все меры предосторожности и, в частности, неплотно намотала на руки несколько слоев ленты, — если костюм получит повреждения, она сможет быстро залатать их.

Непонятно, каким образом происходит распространение инфекции. За исключением общих симптомов, между пятью известными жертвами не было никакой связи. Инфекция могла передаваться через контакт с неизвестным человеческим носителем; воздушно-капельным путем (хотя такой путь представлялся весьма маловероятным, поскольку никто из тех, кто обследовал трупы, ничем не заразился); через традиционные пути

передачи — пищу, воду и медикаменты; или трансмиссивные пути — через комаров, мух, крыс и прочих паразитов. Нынешнее предположение Маргарет вызывало куда большее беспокойство: следовательно, инфекция умышленно направлена против определенных целей. До тех пор, пока она не узнает способ распространения инфекции, рисковать нельзя.

Когда Маргарет вышла из-за шторы, Эймос уже был готов. В громоздком костюме без шлема он выглядел особенно странно: кольцо для крепления шлема делало шею еще тоньше — как у больного анорексией.

Руководство с большой неохотой дало согласие на участие Эймоса. Мюррей считал, что Маргарет и в одиночку сумеет подобрать ключи к разгадке неизвестного биологического явления. Она поначалу потребовала целую команду экспертов, но Мюррей не желал и слышать об этом.

Опыт Эймоса в биохимии и паразитологии был крайне необходим. Он, конечно, выскочка, однако умный и проницательный специалист, который в дни напряженной работы умел обходиться практически без сна.

Эймос помог надеть громоздкий шлем, зафиксировав кольцо. Защитное стекло сразу запотело. Мужчина обмотал стык скотчем, затем включил воздушный фильтр-компрессор, вмонтированный в области запястья. Маргарет ощутила прилив свежего воздуха; костюм слегка заколыхался. Избыточное давление означало, что в случае утечки воздух начнет просачиваться из костюма наружу, а не внутрь, поддерживая векторы переноса направленными в сторону от тела.

Она тоже помогла Эймосу надеть шлем.

— Ты слышишь меня? — спросила Маргарет. Встроенный микрофон передал звук на маленький громкоговоритель, вмонтированный в шлем в области подбо-

родка. Внешние микрофоны принимали внешний звук и передавали на крохотные динамики, обеспечивая для носителя костюма вполне нормальную слышимость.

— Слышу тебя хорошо, — ответил Эймос.

Герметичного помещения в больнице не было. Мюррей снабдил их портативной камерой сверхсекретной лаборатории 4-го уровня биологической опасности, или ЛБО-4. Маргарет даже понятия не имела о существовании такой штуки, пока Мюррей не приобрел ее в МИИИБ — Медицинском исследовательском институте инфекционных болезней Вооруженных сил США.

Портативная ЛБО-4 предназначалась для установки внутри помещений. На сей раз лабораторию развернули внутри морга. Маргарет точно знала, что должна увидеть в этом небольшом замкнутом пространстве, поскольку оставила очень детальные инструкции для Мюррея. Она обнаружила столик из нержавеющей стали, оснащенный дренажной системой для «сбора» разжижающегося трупа Брубейкера, компьютер для отправки и получения информации по замкнутой сети и разделочный столик со всем необходимым оборудованием, в том числе сосуда́ми для сбора образцов, которые можно было полностью погружать в деактивирующий растворитель в воздушном шлюзе, а затем отправлять в другие ЛБО-4 для анализа.

Маргарет и Эймос вошли в герметизированное помещение через воздушный шлюз. Внутри их ждал Дью Филлипс. Без биокостюма, он стоял рядом с обуглившимся телом, лежавшим на стальном столе. Труп был ужасно обожжен, особенно в местах, оставшихся от ног.

Маргарет почувствовала, что начинает злиться: полицейский мог заразить ее лабораторию и помешать текущей работе, очень важной, поскольку сейчас перед

ними лежал все-таки более или менее сохранившийся труп, а не кучка черной плоти, как раньше.

— Агент Филлипс, что вы здесь делаете без биокостюма?

Тот лишь пристально посмотрел на нее. Вытащил из кармана карамель, медленно развернул обертку и положил конфету в рот. Обертку Дью швырнул на пол.

— Рад видеть вас, док.

Зеленые глаза Дью походили на темные изумруды, лицо осунулось и покрылось щетиной. Испещренная пятнами лысина светилась в свете лабораторных ламп. Тем не менее, несмотря ни на что, Дью выглядел несокрушимой скалой.

— Отвечайте на вопрос! — потребовала Маргарет. Ее раздражала невозмутимая манера детектива, и данный инцидент не способствовал изменению сложившегося мнения.

Дью некоторое время о чем-то раздумывал.

— Я слишком близко подобрался к этому парню, — сказал он. — Если вдруг заразился, то какой смысл надевать презерватив?

Маргарет молча подошла к столу и принялась осматривать труп. Огонь немного затронул голову, сжег все волосы и оставил голую кожу с многочисленными волдырями. Глаза широко раскрыты, лицо погибшего перекошено злобой. Маргарет сдержала дрожь, вызванную картиной застывшего психоза да еще присутствием Дью Филлипса, который смело выдержал ужасный взгляд негодяя и умудрился всадить в него три пули.

Хуже всего оказалось состояние рук и ног, местами они выгорели полностью. Там, где осталась кожа, она имела зеленовато-черный оттенок, присущий ожогам третьей степени. Левая рука представляла собой просто костяной крюк с кусками обуглившейся плоти. Правая сохранилась

несколько лучше, на ней почти не было ожогов; имелся даже странный белый участок в нижней части сморщенного предплечья. Обе ноги ниже колен отсутствовали.

Гениталии трупа оказались сильно повреждены огнем. Живот и нижнюю часть торса покрывали ожоги второй степени. На груди виднелись три большие раны от пуль, две в пределах пары дюймов от сердца, а третья — как раз над ними. Пятна крови высохли, шелушились и, опадая, оставляли белые пятна на выжженной коже.

— Что у него с ногами? — спросила Маргарет.

— Он их отрезал, — ответил Дью. — Тесаком.

— Что ты хочешь сказать? Как это... отрезал? Собственные ноги?

— Ну да, как раз перед тем, как поджег себя. Мой напарник пытался помешать — и получил удар тесаком в живот.

— Господи... — проговорил Эймос. — Отсек ноги и сжег себя?

— Вот именно, — кивнул Дью. — А три превосходные дырки в его грудной клетке — моих рук дело.

Маргарет посмотрела на труп, затем снова на Дью. Агент с легкостью перевернул труп. Маргарет с удивлением увидела на его руках хирургические перчатки. Брубейкер не был особенно крупным человеком, да и значительную часть массы тела поглотил огонь.

Со стороны спины раны оказались намного значительнее; настоящие воронки размером с кулак, распавшиеся пулями 45-го калибра. Тем не менее внимание Маргарет привлекло другое. Она невольно затаила дыхание: слева от позвоночника и как раз под лопаткой был отчетливо заметен треугольный нарост.

— Видел такое еще где-нибудь?

— Кажется, что-то похожее было на предплечьях, хотя я не уверен, — ответил Дью.

— Не уверен? — Маргарет выпрямилась. — Откуда такая неуверенность? Либо ты видел, либо не видел! Не понимаю.

Она заметила, как Эймос слабо подмигнул ей, но было уже слишком поздно.

Дью пристально посмотрел на нее, и глаза его постепенно наливались гневом.

— Понимаете, док, мой взгляд в тот момент был прикован к тесаку, который ублюдок всаживал в живот моего напарника. — Его голос звучал холодно и угрожающе. — Конечно, я тридцать лет занимаюсь подобным дерьмом, но тем не менее в следующий раз постараюсь быть повнимательнее.

Ей вдруг стало стыдно: стоило бросить один взгляд на тело, и она уже забыла, что напарник Филлипса лежит в реанимации в критическом состоянии.

— Дью, прости... Мне очень жаль. — Ей хотелось назвать имя напарника, но оно вылетело из головы.

— Его зовут Малколм Джонсон, — догадавшись, хмуро подсказал Дью. — Заботливый муж и отец семейства.

Маргарет кивнула.

— Да, конечно, агент Джонсон. Я очень сожалею.

— Приберегите это для медицинских книжек, док. Полагаю, я должен отвечать на ваши вопросы, но, знаете ли, мне как-то не по себе. Плохо себя чувствую. Подташнивает от здешних запахов.

Дью повернулся и направился к двери.

— Я должна знать, как все произошло. Мне нужна вся информация, какую только можно получить.

— Прочти мой отчет, — бросил Дью через плечо.

Агент миновал воздушный шлюз и скрылся.

Эймос подошел к разделочному столику. Помимо других инструментов и приспособлений, у них в распоряжении была цифровая камера. Эймос взял ее и принялся методично снимать труп с разных точек.

— Маргарет, почему ты позволяешь ему так с собой обращаться?

Она повернулась к Эймосу, ее лицо полыхало от гнева.

— Не уверена, что ты бы действовал иначе.

— Это потому, что по натуре я слишком мягкий, да и вид у меня... — ответил Эймос. Он сделал еще один снимок. — Тем более, главный здесь не я, а ты.

— Закрой рот, Эймос, — раздраженно проговорила Маргарет. По правде говоря, она даже обрадовалась, что Дью ушел. Этот человек обладал своеобразной аурой, неким ощущением того, что является не только посредником между жизнью и смертью, но и с нетерпением ожидает собственной кончины. В общем, Дью обеспечивал ей нервную дрожь.

Она снова повернулась к столику, где лежал труп, и дотронулась до треугольного нароста. Под обгоревшей кожей он казался мягким. Из одной из вершин треугольника сочилась тонкая струйка черной жидкости.

Маргарет вздохнула.

— Давай ближе к делу. Вырежи образцы нароста, и мы прямо сейчас вышлем их на анализ — тело уже разлагается, и у нас не так много времени.

Она подняла брошенную Дью обертку от карамели и швырнула в мусорный бачок, потом надела большие перчатки и приступила к работе.

11

ШУМ, СВИСТ, ГАМ

— Какого черта он свистит? — Звучный голос Перри слился с протестующими криками других завсегдатаев бара, осуждавших решение судьи в поле. — Не было никакого нарушения!

В заведении яблоку негде было упасть от беснующихся и улюлюкающих футбольных фанатов, но столик, за которым сидели Перри с Биллом, находился в стороне от основной толпы. Такое же перекошенное лицо у Перри было всегда, когда в молодости он сам выходил на поле. Посетители часто бросали в сторону Перри почтительные взгляды, отмечая его огромные габариты и крайне возбужденный вид, как у хищника, готового в любую минуту схватить добычу.

На проекционных телеэкранах мелькали накачанные игроки из Сан-Франциско в темно-красных футболках и золотистых шлемах, яростно боровшиеся за овальный мяч с соперниками из Грин-Бей в традиционной желто-зеленой форме. На замедленном повторе было отчетливо видно, как в одном из эпизодов мяч по замысловатой траектории летит в руки принимающего из «Упаковщиков», затем до него отчаянным броском дотягивается кто-то из «Золотоискателей» и отбивает в сторону.

— Видал? — не отрывая глаз от экрана, вскрикнул Перри. В бессильной ярости он повернулся к Биллу, который спокойно потягивал из бутылки «Бад». — Нет, ты видел это?!

— Да, вроде, все нормально, Перри, — сказал Билл. — Что ты так разволновался?

Перри издал протестующий рев. Он машинально дернул рукой, и из бокала на столик пролилась изрядная порция пива.

— Ты что, спятил? Теперь «Упаковщики» получают право на первую попытку выиграть десять ярдов!

— Лучше постарайся не расплескать пиво, приятель, — предупредил его Билл, сделав еще глоток из бутылки.

Перри вытер пролитое пиво салфеткой.

— Извини. Не люблю, когда рефери творит, что ему вздумается. Он, видите ли, решает, кому должна достаться победа. Вместо того чтобы дать командам возможность доиграть матч!

— Мир жесток и несправедлив, мой друг, — сказал Билл. — Никуда не деться от пристрастий, даже в спорте.

Перри поставил бокал на стол, сосредоточив взгляд на экране. Правой рукой он инстинктивно почесал левое предплечье. Разгоревшаяся схватка возле левого углового флажка преградила путь квотербеку желто-зеленых, устремившемуся было в зачетную зону.

Перри потряс перед экраном сжатым кулаком.

— Вот вам, так и надо! Как же мне это нравится! Ненавижу квотербеков. Чертовы гомики! Хорошо, когда им кто-нибудь вот так утирает нос. — Перри улыбнулся и мощным глотком допил остатки пива, потом машинально почесал бедро.

— Спиртное действует на тебя как крапива, — заметил Билл.

— Что?

— Я опять про твоих блох. Ты все пьешь и пьешь, и с каждой новой кружкой начинаешь чесаться еще сильнее.

— Да ладно тебе, — смутился Перри. — Ерунда все это. Просто укусы насекомых.

— Боюсь даже представить себе, как мы с тобой сидим в одной кабинке... Мне бы не хотелось подцепить вшей.

— Шутник ты, Билл! — Перри подал знак официантке. — Еще выпьем?

— Нет, спасибо, — ответил его друг. — Мне еще домой надо. А тебе, ковбой, лучше остановиться. Ты чересчур возбужден.

— Я в порядке, Билл.

— Что ж, хорошо. Ты ведь знаешь, в кого можешь превратиться, если выпьешь лишку. На сегодня достаточно.

Перри не смог сдержать раздражения.

— Не понял?! — Он резко обернулся к приятелю.

Лицо Билла осталось непроницаемым.

— Знаешь, когда ты злишься, то становишься очень похожим на своего папочку. Не замечал? Так посмотри в зеркало!

Перри вздрогнул, как будто от сильного удара. Сел на место, потом покачал головой. Почувствовал, как к лицу прилила кровь. Смутился. Оттолкнул в сторону пустой бокал.

— Прости меня. — Перри поднял голову, и в глазах его читалась мольба. — Билл, мне действительно очень жаль.

— Ладно, не парься, — улыбнулся его друг. — Все под контролем. В порядке.

— Нет, не в порядке.

Билл нагнулся вперед, и в его голосе чувствовалась искренняя поддержка:

— Сделай перерыв, Перри, отдохни. У тебя не было срывов уже несколько лет. И это хорошо.

Перри уставился куда-то в сторону.

— Я все еще боюсь. Боюсь, что не совладаю с собой. Наброшусь на кого-нибудь и поколочу, прежде чем пойму, что наделал.

— Успокойся, никого ты не поколотил. И не колотил в течение очень длительного времени. А от твоих душещипательных извинений я скоро расплачусь, — улыбнулся Билл.

Перри в который раз поблагодарил Всевышнего за то, что у него есть такой друг, как Билл Миллер. Не

будь его, он бы давно коротал свои дни в одной из федеральных тюрем.

Билл похлопал друга по плечу.

— Перри, тебе стоит отдать должное. Ты ни капельки не похож на своего отца. Весь негатив ты оставил позади. Надо просто быть осмотрительным, вот и все. Научись держать себя в руках. Ну а теперь, может, прекратим хныкать и посмотрим футбол?

Перри взглянул на экран, и глаза его вновь загорелись. Он забыл о небольшом инциденте, неприятные воспоминания об отце также быстро рассеялись. Его начисто поглотила игра.

После дружеского похлопывания Билла в предплечье с новой силой возобновился злополучный зуд. Перри инстинктивно взялся расчесывать руку, следя за тем, как нападающий «Упаковщиков» упал как подкошенный после жесткой остановки лайнбэкером соперников.

Билл сделал большой глоток пива и пристально посмотрел на руку Перри.

— Может быть, стоит отбросить дурные мысли и просто обратиться к врачу?

— Все доктора мошенники. Им лишь бы деньги с человека содрать.

— У тебя за плечами колледж, приятель, ты образованный человек! Неужели ты думаешь, что врачи — это средневековые лекари, умеющие только пускать больному кровь и использовать пиявок для отсасывания из тела злых духов?

— Не люблю докторов, — упрямо повторил Перри. — Не люблю и не доверяю им. Вот и все.

На экране квотербек «Упаковщиков» принял снэп¹ и сделал вид, что отдает пас партнеру. Лайнбэкер дер-

¹ То есть поймал мяч после откидки назад.

нулся, сделав шаг вперед, и Перри заметил, как в середине поля открылась свободная зона. Квотербек тоже это заметил и, выпрямившись, с силой запустил овальный мяч в энд-зону, за несколько ярдов позади лайнбэкера. Принимающий в длинном прыжке нырнул за мячом, обеспечив «Упаковщикам» преимущество в два мяча за какие-нибудь четырнадцать секунд до конца матча.

— Черт побери, — нахмурился Перри. — Как я ненавижу квотербеков!

Изнутри его точила давно знакомая зависть. Тяжело наблюдать еженедельные схватки в НФЛ, зная, что здесь его родное поприще, что он не просто был бы здесь достойным игроком, а доминировал бы на поле. Перри тихо проклинал травму, положившую конец его спортивной карьере.

— Сначала «Львы», теперь «Золотоискатели», а ты до сих пор не выяснил проблемы у «Пуллмана», — сказал Билл. — Видимо, для тебя неделя не задалась, приятель.

— Да уж, не говори, — протянул Перри, почесывая руку. В его голосе послышалось смирение.

12

КЛЮЧИ К РАЗГАДКЕ

Маргарет выгнула спину и сделала вдох, пытаясь успокоить нервы. Громоздкий биокостюм стеснял каждое движение. Руки слегка дрожали, и это мешало работе с лапароскопом.

Такой хирургический инструмент применяется для операций в брюшной полости и состоит из чувствительной волоконно-оптической камеры и приспособления для различных зондов, скальпелей, буров и других

устройств. Камера, укомплектованная собственным освещением, едва крупнее кусочка нити. Хирурги применяют лапароскоп для выполнения тонких и ответственных операций без вмешательства в организм пациента традиционными методами.

Лишь немногие используют такое оборудование для аутопсии, но Маргарет хотелось исследовать область вокруг странного новообразования, стараясь как можно меньше повредить его. Похоже, выбранная стратегия оправдывалась.

Так же как и при обследовании трупа Шарлотты Уилсон, новообразования уже прошли стадию разложения и превратились в жидкую черную пульпу. В самом наросте исследовать было нечего. Распад окружающих тканей происходил с пугающей быстротой, но на этот раз доктор Монтойя оказалась более подготовлена. С помощью лапароскопа она обследовала области ниже и вокруг нароста. Глубоко внутри, почти возле кости и в середине разлагающейся черной плоти обнаружилась частичка вещества, которая явно не принадлежала жертве.

Маргарет с хрустом сжала кулаки, сделала еще один глубокий вдох, затем взяла в левую руку пульт управления камерой. На мониторе появилось изображение почерневшей внутренней части нароста. Она знала, что процесс гниения скоро распространится на другие части тела, за несколько часов растворив их и превратив в бесполезную кучу слизи. Дорога каждая секунда.

Дрожь в руках прекратилась; для такой тонкой работы требовались спокойствие и уверенность. Кусочек вещества, не более четверти дюйма в поперечнике, подходил на часть новообразования. Он был черным, то есть такого же цвета, что и запекавшаяся кровь вокруг, однако отражал свет почти как пластик.

Левой рукой Маргарет манипулировала камерой, приближая ее к черному кусочку. Правой рукой она управляла троакаром, полый трубочкой, через которую специализированные хирургические инструменты могли получить доступ к полостям тела без совершения надрезов. На троакаре крепился крошечный пинцет. Словно увлеченный ребенок за пультом дорогой видеоприставки, она приближала пинцет к черному пластиковому пятнышку. Палец покоился на пусковой кнопке.

Маргарет подкорректировала управление камерой. Изображение, слегка искаженное от сильного увеличения, сфокусировалось на загадочном блестящем пятнышке. Части пинцета напоминали клешни металлического монстра, готовые схватить одинокую жертву в море черной слизи.

Она мягко нажала на кнопку пуска. Кончики пинцета крепко ухватили странный материал, выдавив пузырьки слизи.

— Прекрасная работа, — сказал Эймос. — Первая попытка прошла удачно. Немедленно выдать леди сигару.

Маргарет улыбнулась и потянула пинцет на себя. Материал сопротивлялся. Она посмотрела на монитор, осторожно повернула пинцет в одну сторону, затем в другую, покачивая зажатый объект. Выяснилась причина сопротивления: видимо, объект каким-то образом держался за ребро. Маргарет снова потянула пинцет, теперь сильнее. Раздался хлюпающий звук, когда крохотный пинцет, измазанный омерзительной слизью, выскочил из раны.

Эймос держал под пинцетом чашку Петри. Маргарет нажала на пуск, но маленькое пятнышко прилипло к нижнему зажиму. Эймос схватил скальпель, потом мягко подтолкнул объект в чашку Петри.

Маргарет взяла чашку и поднесла ее к лицевой панели. Пятнышко неспроста так прочно держалось на кости. Оно походило на шип черной розы.

Маргарет ощутила прилив удовлетворения. До разгадки ужасной тайны еще очень далеко, но благодаря Шарлотте Уилсон она теперь лучше знала, что искать. Черное пятно было чем-то новым в расследовании, что еще на один маленький шаг приближало их к истине.

— Ого, — проговорил Эймос. — Ну и что ты скажешь, шеф?

Он стоял возле бедра Брубейкера, одного из мест, наименее поврежденных при пожаре. Палец Эймоса указывал на небольшое поражение вроде шишковатого прыща. Прыща с выступающим наружу тоненьким голубым нитевидным волокном.

— Угревое воспаление, — проговорила Маргарет. — Думаешь, это имеет значение?

— Сейчас все имеет значение. Вырежем и отошлем на анализ?

Маргарет ненадолго задумалась.

— Пока нет. Непохоже, чтобы в этом месте происходило разложение, а мне хочется самой произвести обследование. Давай сосредоточимся на местах, подверженных гниению, поскольку у нас не так много времени. Потом вернемся к этому вопросу, хорошо?

— Разумно, — согласился Эймос. Он поднял камеру с разделочного столика, наклонился поближе, сделал снимок и снова положил камеру на место. — Хорошо, отложим на потом.

— Когда мы получим результаты анализа тканей в новообразовании?

— Информацию предоставят завтра. Уверен, за ночь эксперты уложатся. Анализ ДНК, секвенирование белков и так далее.

Маргарет проверила часы — 22.07. Им с Эймосом придется провести на ногах всю ночь и даже часть следующего дня. Из нелегкого опыта они знали, что до полного разложения трупа Брубейкера осталось всего несколько дней.

13

ДВА БИЛЕТА В ОДНИ РУКИ

— Боже мой, Перри! — усмехнулся Билл. — Два дня подряд. Я, конечно, видел, как чешутся собаки, которых заедают блохи, но люди — никогда!

Билл наполовину свесился через стенку кабинки, глядя на Перри, который иступленно чесался.

— Конечно, я исхожу из предположения, что ты человек, — добавил Билл.

Перри игнорировал насмешку друга, сосредоточившись на левом предплечье. Он закатал выше локтя рукав толстовки и принялся интенсивно расчесывать волосатую руку.

— Говорят, в это время года чесотка обостряется, — заметил Билл.

— Чешется так, что нет никаких сил терпеть, — пожаловался Перри. Он внимательно посмотрел на расчесываемое место. Его структура походила на кожицу земляники — если бы земляника была желтой, — и из нее наружу просачивались капельки прозрачной жидкости. Желтоватый рубец был на ощупь твердым, как будто где-то отломился кусочек хряща и временно «перебрался» в руку. В руку и еще шесть мест на теле.

Вонзающиеся в кожу ногти оставляли длинные красные царапины. Они окружали рубец, словно белок вокруг переваренного желтка.

— Вот это да, смотрится аппетитно, — воскликнул Билл, после чего скользнул обратно к себе в кабинку.

— Ерунда, — вздохнул Перри, вновь обратившись к экрану монитора. Рассеянным движением руки он смахнул со лба прядь светлых волос.

StickyFingazWhitey: Старик, у тебя проблемы... я серьезно.

Bleedmaize-n-blue: Не парься, лучше на себя посмотри!

StickyFingazWhitey: Не дай бог тебе пойти и купить — о, я даже не смею произнести это слово — ЛЕКАРСТВО!

Перри старался не обращать внимания на сарказм друга. Он уже больше часа работал над проблемой, возникшей в компании «Пуллман». Точнее, старался работать. Сыпь не давала возможности сосредоточиться.

— Перестань корчить из себя крутого и сходи в аптеку, — посоветовал Билл, свешиваясь со стенки. — Ради бога, нет никакой необходимости обращаться к знахарю, чтобы купить средство от чесотки. Кстати, не помешает и дезинфектант, судя по тому, как обстоит дело. Я никак понять не могу, зачем сидеть и терпеть боль вместо того, чтобы просто воспользоваться достижениями современного общества.

— Твои хваленые доктора ничего не смогли сделать с моим коленом, верно? А здесь что, смогут?

— Если помнишь, Перри, я присутствовал на той игре. И видел твое колено, когда навещал тебя в больнице. Можешь мне поверить: сам Иисус Христос не в силах был бы вылечить его!

Перри хмыкнул, борясь с нестерпимым желанием вновь почесаться. На сей раз активизировалась сыпь на правой ягодице.

— Что, вечером снова в бар?

— Не думаю, мой заразный друг. Предпочел бы компанию более здоровых людей. Ну, например, с краснухой или оспой. Или, скажем, больных бубонной чумой. Лучше тусоваться с ними, чем с чесоточным.

— Это всего лишь сыпь, придурок, — раздраженно ответил Перри, чувствуя, как потихоньку закипает.

Билл Миллер, похоже, живет именно для того, чтобы раздражать других людей, и как только выпадает удобный случай, он цепляется за него и выжимает максимум. Отделаться от колкостей Билла невозможно. Теперь до конца недели слово «чесотка» не сойдет с его языка, а ведь только-только наступил вторник. Впрочем, это всего лишь слова, к тому же слова из уст вполне добродушного человека. Перри успокоился. Он уже один раз едва не сорвался, и черт его побери, если он позволит себе оскорбить Билла.

Перри двинул мышкой, кликнул, увеличив размеры сетевой диаграммы.

— Послушай, оставь меня в покое, ладно? Сэнди хочет, чтобы я поскорее закончил. В «Пуллмане» просто с ума сойдут, если я не справлюсь.

Билл скрылся из виду. Перри уставился на экран, пытаясь решить проблему, возникшую за тысячу миль отсюда, в штате Вашингтон. Анализ компьютерных сбоев по телефону — непростая задача, особенно при наличии сетевых проблем, когда причиной могли служить обрыв провода, неисправный порт или единственный дефектный компонент на любой из 112 рабочих станций. Перри частенько приходилось сталкиваться с проблемами, о которые обломали бы зубы Агата Кристи, Коломбо и Шерлок Холмс, вместе взятые. Нынешняя была как раз такого порядка.

Ответ уже теплился в дальних уголках его интеллекта, но он никак не мог сосредоточиться. Перри от-

кинулся в кресле, отчего зуд в области позвоночника возобновился с ужасающей силой. Словно слились во-едино укусы сотен комаров.

Перри неистово заерзал в кресле, растирая спину. Лицо его сморщилось, когда вдруг воспалились рубцы на ноге, причем так сильно, как при укусе крупной осы. Он с силой принялся скрести ногтями голубую джинсовую ткань. Это походило на мифическое сражение с Гидрой — всякий раз, когда он убивал одну кусающую голову, на ее месте вырастали две другие.

Из соседней кабинки доносился голос Билла, пытающегося перефразировать Шекспира.

— Чесотка или не чесотка — вот в чем инфекция!

Перри заскрежетал зубами и едва сдержался, чтобы не ответить резко. Зуд сводил его с ума, и он легко раздражался по малейшему поводу. Хотя Билл и друг, иногда он просто не может вовремя остановиться.

14

ГРЯЗЬ ПОД НОГТЯМИ

Маргарет внимательно смотрела в окуляр микроскопа, пытаясь сосредоточиться на увеличенном изображении. Глаза женщины покраснели от недосыпания. Протереть их было невозможно: мешали пластиковая лицевая панель и громоздкий биокостюм. Она несколько раз моргнула. Сколько времени они с Эймосом работают над телом Брубейкера? Сутки, наверное, и отсчет времени продолжался... Маргарет нагнулась и посмотрела в микроскоп.

— Гм, что у нас здесь? — Ее усталость и ужасное состояние кожи жертвы усиливали неуверенность. — Эймос, взгляни-ка.

Он отложил химические образцы и подошел ближе. Как и Маргарет, Эймос не спал уже больше суток, однако двигался с таким мягким изяществом, что создавалось впечатление, будто коллега плывет, а не идет. Он нагнулся к окуляру, ни до чего не дотронувшись, и спустя секунду спросил:

— А что мне нужно искать?

— Я надеялась, что ты сразу увидишь...

— Я много чего вижу, Маргарет. Конкретизируй, пожалуйста. Откуда взят образец кожи?

— Из внешней части нароста. Ты видишь хоть что-нибудь, что указывало бы на умеренную травму кожи? — Эймос почти выпрямился и приготовился было ответить, но Маргарет перебила его: — Только не нужно давать заумных ответов. Я прекрасно понимаю, что тело разодрано на кусочки.

Эймос снова нагнулся к окуляру и несколько секунд неотрывно смотрел. Унылое помещение морга наполнила тишина.

— Да, вижу. Вижу струпья и кое-какие поражения в подкожном слое. Похоже на длинный прорез — словно рана от когтя животного.

Маргарет кивнула.

— Думаю, мне нужно еще раз взглянуть на образцы кожи, которые мы получили из-под ногтей жертвы.

Эймос выпрямился.

— Но ведь не сам себе он это сделал? Разрыв до самых мышц... ты представляешь, как это больно?

— Догадываюсь. — Маргарет вытянула руки вверх, наклонилась влево, вправо. Она устала от работы в лаборатории и от недосыпания. Сейчас бы в постель да выпить пару бокалов хорошего красного вина... И желательно в объятиях агента Кларенса Отто.

Маргарет тоскливо вздохнула. Агенту Отто придется подождать другого, более подходящего дня. Сейчас ее серьезно беспокоило совсем другое: что могло заставить человека яростно разрывать ногтями собственное тело?

Компьютерный терминал выдал длинный сигнал о поступлении информации. Эймос подошел и уселся за пульт.

— Странно, — проговорил он. — Весьма странно.

— Ну что там?

— Во-первых, результаты по образцам, взятым из нароста. Эксперты сообщают, что образец почти целиком превратился в жидкость к тому времени, когда они его получили. Хотя они сделали все, что могли. Ткань оказалась злокачественной.

— То есть как — злокачественной? Мы же видели. Это не скопление неконтролируемых клеток. Там просматривалась структура.

— Согласен, однако взгляни на результаты — ткань подобна раковой. Да плюс к тому огромное количество целлюлазы с незначительными следами целлюлозы.

Маргарет на секунду задумалась. Целлюлоза представляет собой первичный материал в растительных клетках, самую обильную форму биомассы на планете. Однако ключевым словом было «растения» — поскольку животные не вырабатывали целлюлозы.

— Целлюлоза не сохранила структуру, — продолжил Эймос. — В течение нескольких часов с момента получения материала она трансформировалась в целлюлазу. Они сделали все, чтобы остановить процесс, в том числе пытались заморозить материал, но не смогли.

— Почти как фермент, который разлагает плоть. Какой-то механизм... саморазрушения.

— Суицидальный рак? А ведь это уже кое-что, Маргарет.

Да, это было кое-что. Некая ниточка, которая, возможно, приведет к успеху, и удастся постичь то, что находилось за пределами понимания современной науки.

15

ЖИЛИЩЕ ОДИНОЧКИ...

К себе домой, в квартиру В-203, он всегда приходил со смешанными чувствами. Это было маленькое и ничем не примечательное жилище в доме стандартной планировки. Уиндивуд представлял собой тип жилого комплекса, где безупречные на вид указатели сбивали с толку; а дома были окружены сетью дорог с такими привлекательными названиями, как Вечнозеленая аллея, Тенистый переулок или Тополиная улица. После одного-двух неправильных поворотов вы оказывались среди однотипных трехэтажных двенадцатиквартирных комплексов.

Его дом находился южнее въезда в жилой комплекс, на противоположной стороне улицы от «Уоштиноупати-стор». Довольно удобное расположение. В паре миль был продовольственный магазин Мейджера, и Перри периодически заезжал туда пополнить холодильник продуктами. Все остальное можно купить в «Уоштиноу». В здешней части города квартиры сдаются недорого, да и сам супермаркет отнюдь не из престижных.

Перри зашел в гастрономический отдел, чтобы купить сэндвич с ветчиной и техасской горчицей и упаковку пива «Ньюкасл». Само собой, какая-то девица в отделе громко разговаривала по телефону. В одной руке она держала мобильник, а в другой — тщательно укутанного ребенка. Перри старался не обращать на нее

внимания, но голос девушки был слишком звонкий; она на что-то жаловалась не то подруге, не то матери, не обращая внимания на присутствующих. Вопиющее безобразие!

Перри въехал на территорию жилого комплекса и поставил машину под навес на стоянке совсем недалеко от главного входа. Если бы у него все сложилось и он продолжил бы карьеру в Национальной футбольной лиге, давно бы жил в дорогом особняке. Перри никак не мог побороть в себе ощущение, что его нынешняя жизнь — удел неудачника. Он заслуживал много большего. Конечно, и нынешняя квартирка по-своему хороша, но уж больно паршивый район.

Семь лет назад никому бы и в голову не пришло, что он поселится именно в таком месте, а не в роскошном особняке. «Ужасный» Перри Доуси, в то время второкурсник Мичиганского университета, играл на позиции лайнбэкера в паре с Кори Крайпвицем из Огайо. Вскоре Крайпвиц перешел в Чикаго и зарабатывал два миллиона в год, не считая двенадцатимиллионной премии при подписании контракта. Небо и земля по сравнению со скудной зарплатой Перри на должности специалиста технической поддержки.

При всем том Крайпвиц по уровню мастерства не мог и близко сравниться с Перри, и все об этом знали. Перри был просто монстром; такие игроки защиты благодаря яростной самоотдаче неизменно доминируют на поле. Пресса дала ему множество метких прозвищ, в том числе Зверь, Кроманьонец и Клык. Конечно, что касается кличек, то здесь последнее слово было за Крисом Берманом с канала «ESPN»; прозвище Ужасный сразу закрепилось за Перри.

Бог мой, как же один неудачно выставленный блок может все изменить!

Травма колена оказалась крайне неприятной — были разорваны связки, затронута малоберцовая кость и обнаружены несколько трещин в коленной чашечке. Целый год восстановительной хирургии и последующей реабилитации не вернули былой формы. Больше Перри не мог играть на прежнем уровне. Если раньше он остервенело неся через футбольное поле, сметая всех, кто имел неосторожность оказаться у него на пути, то теперь оставалось лишь, прихрамывая, семенить по газону, тщетно гоняясь за бегущими соперниками и принимая удары блокирующих, от которых он теперь не мог увернуться.

В характере Перри все явственнее стала проявляться агрессивная жилка, она в буквальном смысле поедала его изнутри. Слава богу, ему встретился Билл, который помогал не выплескивать бешенство наружу. Билл находился рядом с Перри уже два года, действуя в качестве своеобразного наставника и постоянно напоминая о его необузданном характере.

Перри резко дернул на себя ручник «Форда» и вышел из машины. Он был уроженцем Мичигана и любил холодные месяцы, но зима превращала жилой комплекс в безлюдное и довольно унылое место. Все выглядело серым и безжизненным, как будто некая сказочная сила высосала цвет из окружающих предметов.

Сунув руку в карман, он нащупал мятую белую упаковку «Уолгрин». Зуд все еще был очень сильным. Перри зашел в аптеку в нескольких кварталах от жилого комплекса и купил тюбик «Кортейда» — нехотя, словно проявил слабость, купив средство от чесотки.

Отец, будь он жив, не преминул бы высказаться по поводу лекарства. Наверное, что-нибудь в таком роде: «Не можешь вытерпеть чесотку? Господи, как ты меня

бесишь! Надо поучить тебя дисциплине». И сопроводил бы свое замечание ударом ремня или оплеухой.

Дорогой папочка, сама доброжелательность!.. Перри отбросил мысли прочь. Отец, очередная жертва рака, давно умер, и Перри не хотелось больше отягощать себя воспоминаниями об этом человеке.

Он прошел к наружной входной двери здания и открыл ее ключом. Оказавшись в холле, рассеянно вытащил почту из ящика — в основном рекламные листовки и купоны, — потом тяжело преодолел два лестничных пролета до двери квартиры. Джинсовая ткань терлась о рубцы на ноге, усиливая зуд — как будто кто-то вдавливал в кожу раскаленные угольки. Отпирая дверь, Перри заставлял себя не обращать внимания на зуд, стремясь продемонстрировать самому себе хотя бы чуточку дисциплинированности.

Планировка квартиры была простой: открывающийся из маленького коридора кухонный «уголок» располагался слева, а гостиная — справа. Возле «кухни» находилась «обеденная зона». Местечко крохотное, но здесь еще умещались компьютерный стол с «Макинтошем» и небольшой круглый столик с четырьмя стульями. Перемещаться по комнате, ничего не задевая, можно было с превеликим трудом.

Гостиная имела приличные размеры, была удобной и не слишком загроможденной: из мебели только старый диван и кофейный столик. Возле дивана стоял торшер. Небольшое раскладное кресло, в котором едва умещалось грузное тело Перри, было его привычной территорией во время воскресных футбольных матчей. Напротив дивана, чуть правее двери, располагался плоский телевизор с диагональю в тридцать два дюйма, а также стереофоническая система «Панасоник». Нужды в стационарном телефоне не было: его функции пре-

красно выполнял мобильник, а кабельный модем обеспечивал связь с Интернетом.

Комнатных растений Перри не держал, украшений в квартире почти не было. За телевизором на стене размещались многочисленные футбольные награды. На одной из полок стояли призы, врученные ему как лучшему игроку команды, и «Кубок аллигатора», который Перри получил за победы на первом курсе. На стенах висели почетные значки: «Лучшему защитнику года», приз от «Детройт фри пресс», полученный на выпускном курсе, и еще десяток других.

Рядышком висели два предмета, занимающие почетные места среди других наград. Первый представлял собой то, что в свое время вызвало у Перри немалое удивление и отметило важный поворот в его жизни: письмо о принятии из Мичиганского университета. Второй предмет вызывал у него одновременно и любовь, и ненависть: его перекошенное, мокрое от пота, облаченное в шлем лицо на обложке «Спортс иллюстриейтед». На фотографии он боролся с Джервисом Макклетчи, зажатым в тиски могучих рук Перри. Надпись на обложке гласила: «На пути «Ужасный» Перри Доуси: вместе с Вулверайном он ведет Мичиган к матчу «Розовой чаши»¹.

Обложка ему нравилась по очевидным причинам — кто из атлетов не мечтает попасть на обложку такого престижного издания? А ненавидел ее Перри потому, что, как и многие футболисты, был суеверным. Многим казалось, что обложка «Спортс иллюстриейтед» несет

¹ Матч «Розовой чаши» (Rose Bowl) — ежегодный матч двух лучших (по выбору организаторов) команд студенческого футбола в г. Пасадена, штат Калифорния, который проводится начиная с 1902 г. С 1916 г. приурочивается к Фестивалю роз и проводится на Новый год, с 1932 г. — на стадионе «Розовая чаша».

в себе проклятие. Если вы играете в непобедимой команде и кто-то из игроков попадает на обложку журнала, то следующий матч команда проигрывает. Или если вы лучший лайнбэкер десятилетия, чье фото красуется на обложке, то ваша карьера может закончиться. Где-то в глубине души Перри не мог отделаться от глупого ощущения, что, если бы его физиономия не оказалась на обложке, он до сих пор играл бы в футбол.

Да, нынешняя квартирка невелика, чем-то напоминает гетто, но по сравнению с его жилищем в детстве просто роскошна. Перри очень ценил уединение. Временами было скучно и слишком одиноко, зато он мог в любое время делать то, что хочется. Никто не вмешивался в распорядок дня, никому не было дела до того, что он приведет сюда девчонку, с которой познакомился в баре; никто не мог упрекнуть его за грязные носки, брошенные возле кухонного стола. Никто не мог повысить на него голос. Конечно, тут не особняк, не обиталище звезды НФЛ, но это *его собственная* квартира.

По крайней мере, он нашел себе работу в Анн-Арбор. Перри влюбился в этот город еще в студенческие годы. Он ненавидел крупные города, чувствовал себя дискомфортно в таких беспорядочно застроенных метрополиях, как Чикаго или Нью-Йорк. И в то же время был фермерским мальчишкой, который не смог устоять перед огнями большого мира и вернуться к прежней жизни. К той жизни, которая не могла давать столько развлечений. Университетский Анн-Арбор с населением свыше ста тысяч жителей сохранил комфортное тепло и уют маленького городка.

Положив ключи и сотовый телефон на кухонный стол, Перри швырнул портфель и тяжелое пальто на потрепанный диван, вытащил из кармана упаковку

«Уолгрин» и направился в ванную. Ощущение от сыпи было такое, как будто в кожу вонзились несколько раскаленных электродов, подключенных к мощному источнику тока.

Сейчас он обработает больные места, но в первую очередь самое важное: нужно расправиться с прыщиком, вскочившим над бровью. Перри открыл аптечку и вынул оттуда маленький пинцет. Привычно щелкнув по нему пальцем, услышал знакомый металлический звук, похожий на гудение камертона, потом подошел к зеркалу. Странный прыщ, естественно, никуда не исчез, да вдобавок еще болел. Однажды он видел, как удалял себе прыщ его друг Билл: процесс занимал минут двадцать, не меньше. Билл обладал изрядным терпением, поэтому все прошло хорошо. Перри лучше переносил боль, зато в смысле терпения уступал Биллу. Он сделал глубокий вдох, зажал пинцетом маленькую красноватую шишку и резко дернул. Кусочек плоти оторвался — моментально возникла боль. На лицо брызнула кровь. Перри сделал еще один глубокий вдох, быстро отмотал кусок туалетной бумаги и приложил к ране. Свободной рукой поднял пинцет и посмотрел. Ничего особенного, всего лишь кусочек свежей плоти. А вот в середине... Что это? Волос? Только цвет не черный, а какой-то радужно-голубой.

— Вот странно...

Перри опустил пинцет под горячую воду, смыв в канализацию ненавистный прыщик. Из аптечки вынул упаковку лейкопластырей с тампонами: осталось всего четыре штуки. Освободив один из пластырей от бумажной оболочки, приложил его тампоном на маленькое кровоточащее место. Это было легче всего: боль способен вытерпеть любой дурак, а вот снести зуд — совсем другая история.

Перри расстегнул ремень, снял штаны и уселся на крышку унитаза. Из белой упаковки извлек тюбик с противочесоточной мазью. Выдавив немного мази на ладонь, приложил ее к желтоватому рубцу на левой ягодице.

И сразу же пожалел о том, что сделал.

Контакт с мазью неожиданно вызвал сильнейший зуд и приступ обжигающей боли, как будто кожа в этом месте моментально расплавилась. Перри подскочил и вскрикнул. Через несколько секунд, вернув самообладание, он сделал медленный глубокий вдох и заставил себя немного расслабиться.

Боль улеглась, едва успев возникнуть. Улыбнувшись маленькой победе, Перри принялся осторожно растирать мазь по рубцу и прилегающим тканям.

Он едва не рассмеялся от облегчения. С еще большей осторожностью обработал «кортейдом» остальные источники зуда. Когда закончил, все семь мест раздражения перестали напоминать о своем существовании.

Перри ощутил подобие эйфории, хотелось кричать от радости. Теперь на него вдруг навалилась усталость. Последние дни он просто измучился от чесотки, пребывая в стрессовом состоянии; когда стресс внезапно ушел, он почувствовал себя шхуной, дрейфующей посреди моря при полном безветрии.

Перри сбросил одежду, оставил ее в ванной и перешел в спальню. Почти все пространство здесь занимала большая кровать, оставляя совсем немного места для комода и тумбочки. От стены матрац отделяло менее десяти дюймов.

Перри тяжело опустился на кровать. Закатавшись в одеяло, он дрожал от холода. Впрочем, одеяло быстро согрело его, и в пять тридцать он заснул с легкой улыбкой на лице.

ВЕНЫ

Маргарет ходила, стараясь разогреть мышцы, но в ЛБО-4 было совсем мало места — впору разгуляться клаустрофобии. Она подошла к Эймосу, который не отрывал глаз от окуляра микроскопа.

— Обнаружил что-нибудь на том шипе?

— Нужно проверить... Я нашел еще одну структуру, на которую тебе стоило бы взглянуть. И побыстрее, все разлагается буквально на глазах.

Эймос встал, дав Маргарет возможность посмотреть в микроскоп. Сильно увеличенный образец выглядел как капилляр, нормальный кровеносный сосуд. Но он не был *нормальным*. Часть его была повреждена — отсюда, из этой области выходил серовато-черный каналец. Он завершался разлагающимся участком с характерным для трупов гниением. Эймос оказался прав: можно было видеть, как ткань разлагается прямо на глазах. Отвлекаясь от области гниения, Маргарет сосредоточила внимание на каналце.

— А это что за чертовщина?

— Мне нравится твое утонченное использование научной терминологии, Маргарет. По-моему, это своего рода сифон.

— Сифон? Ты хочешь сказать, что он, словно комар, всасывался в кровоток?

— Нет, отнюдь не как комар. Тот просто вставляет свой хоботок в кожу и высасывает оттуда кровь. Упомянутый сифон выкачивает кровь из кровеносной системы, но он присоединен *перманентно*; нет никаких видимых средств открытия или закрытия сифона. Это означает, что, вероятно, существуют сифоны, возвраща-

ющие кровь в систему, — иначе нарост переполнился бы кровью и лопнул.

— Так значит, если он возвращает кровь в систему кровообращения, то кровь не является его непосредственной пищей?

— Нет, хотя он определенно использует телесные функции организма-носителя. Новообразование, очевидно, всасывает из кровотока кислород и питательные вещества. Видимо, так обеспечивается рост. Оно может и непосредственно питаться организмом носителя, хотя вряд ли; тогда возникает вопрос о пищеварительном процессе и методах выведения шлаков. Следует признать, что новообразования, которые мы наблюдали, подверглись полному разложению, поэтому мы не в состоянии подтвердить или опровергнуть наличие пищеварительного тракта; но, при том, что известно на данный момент, я сомневаюсь в его существовании. Зачем развивать сложную пищеварительную систему, если в том нет крайней нужды — кровь обеспечит новообразование всем необходимым.

— Значит, это не скопление канцерогенной ткани, а полноценный паразит.

— Нам пока ничего не известно, — ответил Эймос. — Не забудь, результаты лабораторных исследований не выявили наличия каких-либо тканей, кроме тканей Брубейкера, а также огромных количеств целлюлозы. Но для поддержания своей жизнеспособности оно, похоже, использует телесные функции, поэтому по крайней мере на данный момент я бы согласился с тобой и охарактеризовал то, что мы обнаружили, как паразита.

От Маргарет не ускользнуло волнение в голосе коллеги.

Эймос нагнулся к микроскопу.

— А ведь это революционное открытие, Маргарет, разве не видишь? Вспомним скромного ленточного червя. У него нет пищеварительной системы. Ему она не нужна, потому что он живет в кишечнике организма-носителя. Носитель поглощает пищу, поэтому ленточному червю остается только впитывать питательные вещества. Куда поступают эти вещества, если до них не доберется ленточный червь? В кровоток. Кровь переносит питательные вещества вместе с кислородом в различные ткани и удаляет отходы и газы.

— А подключаясь к кровотоку, треугольные паразиты получают пищу и кислород. Им не нужно есть или дышать.

— Выходит, так. Удивительно, не правда ли?

— Ты паразитолог, — сказала Маргарет. — Если продолжать в том же духе, то ты будешь главным, а я — у тебя в подчинении.

Эймос рассмеялся. В этот момент Маргарет его ненавидела: они провели тридцать шесть часов, спать удавалось в полубреду — урывками, по двадцать-двадцать пять минут, не больше. А этому типу хоть бы что!

— Смеешься надо мной? — спросил Эймос. — Я обычный, заурядный спец, и тебе это хорошо известно. При малейших признаках опасности, физической или эмоциональной, я просто спасаюсь бегством.

Маргарет рассмеялась. Эймос вполне открыто признал свою роль и расставил все по местам.

— Мне и так хорошо, — добавил Эймос. — Я предпочту находиться на вторых ролях и выполнять чьи-то поручения, если должность начальника означает тесное общение с Дью Филлипсом и Мюрреем Лонгуортом. Но если мне и доведется когда-нибудь покомандовать, то просто помни: я люблю черный кофе, а не с молоком.

Оба на некоторое время замолчали, пытаюсь, не смотря на усталость, пропустить через себя и понять странную информацию.

— Такое невозможно вечно держать в секрете, — наконец сказал Эймс. — Могу, не задумываясь, назвать имена трех экспертов, которым следовало быть здесь прямо сейчас. Вообще, политика секретности, которую проповедует Лонгуорт, не очень разумна.

— Тем не менее в секретности есть смысл, — возразила Маргарет. — Предавать историю огласке пока рановато. Придется обследовать любых пациентов с сыпью, укусами насекомых или сухостью кожи, которыми наводнены больницы. Очень трудно будет обнаружить того, кто на самом деле инфицирован, особенно если мы понятия не имеем о том, как выглядят ранние стадии такой инфекции. Если утечка информации произойдет сейчас, мы будем вынуждены обследовать миллионы людей. Надеюсь, к тому времени, когда это случится, мы успеем выработать какой-нибудь процесс скрининга или теста на инфекцию.

— Я прекрасно понимаю шаткость ситуации, — кивнул Эймс. — Просто мне кажется, что Мюррей зашел слишком далеко. Одно дело не допускать утечки информации, и совсем другое — сознательно лишать себя хотя бы минимального количества специалистов. А что случится, если объявится сотня Мартинов Брубейкеров и никто не будет подготовлен к такому повороту? Самая мощная бомба террористов — ничто по сравнению с сотнями сумасшедших, готовых перегрызть друг другу глотки!

Эймс снова подошел к своему рабочему месту, оставив Маргарет наедине с обгоревшим трупом. Непрекращающийся процесс разложения частично изменил состояние окостеневшей руки Брубейкера: если раньше

она занимала вертикальное положение, то теперь существенно наклонилась вниз. Чернеющее, размягчающееся тело не оставляло много времени для анализа.

Маргарет задумалась над замечанием Эймса. Если на самом деле существует подпольная лаборатория с технологическими возможностями создания на генетическом уровне паразита, способного изменить поведение человека, то, может быть, *уже слишком поздно?*

17

ЛИХОРАДКА «КОШАЧЬИХ ЦАРАПИН»

Перри проснулся от собственного крика. Ключица горела от боли, словно он скреб ее металлической теркой для сыра. Пальцы правой руки были холодные, мокрые и липкие. Сквозь щель между шторами пробивались лучи восходящего солнца, играя в кристалликах льда на оконном стекле. Комната постепенно наполнилась тусклым светом зимнего утра.

Перри пристально посмотрел на свои руки — казалось, они покрыты шоколадным сиропом, густым и липким. Он долго нащупывал выключатель на торшере. Вспыхнула электрическая лампочка, осветив комнату и его руки. Перри сразу понял, что это не шоколадный сироп.

Это кровь.

В ужасе раскрыв глаза, Перри осмотрел кровать. Белые простыни были измазаны кровью. Протерев глаза, он бросился в ванную и приник к зеркалу.

На левой части груди виднелись тонкие струйки крови и кровавые следы от пальцев. Видимо, ночью он продолжал расчесывать кожу в местах зуда, глубоко вонзаясь ногтями в плоть. Левую ягодицу тоже покры-

вали пятна крови — некоторые из них были на ощупь сырыми, некоторые — липкими, а некоторые — абсолютно сухими.

Перри охватил ужас, когда он заметил крупные капли крови на трусах. Сняв их, Перри издал вздох облегчения: на мошонке, слава богу, крови не было.

Да, выходит, он чесался всю ночь, непрерывно и с такой яростью, которой не замечал в себе в дневные часы. Почему же он не проснулся? Выражение «спал как убитый» в данном случае выглядело бы явным преуменьшением. Но, несмотря на более чем тринадцать часов сна, он все-таки чувствовал усталость. Усталость и голод.

Перри внимательно посмотрел на себя в зеркало. Бледная, почти белая кожа, испачканная полосками собственной крови, которые после высыхания стали бурыми. Он выглядел словно холст для детского рисования пальцами или как древний шаман, нарядившийся для племенного ритуала.

За ночь сыпь увеличилась, отдельные пятна стали размером с долларовую монету и приобрели красновато-желтый цвет. Перри изогнулся, пытаясь рассмотреть в зеркало поражения на спине и ягодицах. Они выглядели как и прежде, то есть ночью, он, видимо, их не расчесывал.

Не зная, что еще предпринять, Перри быстро принял душ, чтобы смыть с тела запекающуюся кровь. Положение хуже некуда, но именно сейчас он мало что мог предпринять. Кроме того, через несколько часов нужно быть на работе. После работы нужно записаться на прием к врачу.

Перри тщательно вымыл руки, затем наложил остатки противочесоточной мази, проявляя особую осторожность по отношению к ранам на ноге и ключице. На оба участка

Перри наложил лейкопластырь, потом оделся и приготовил обильный и сытный завтрак. Желудок стонал от голода, и это ощущение было намного острее, чем обычно по утрам. Он приготовил яичницу из пяти яиц, поджарил восемь гренок и запил двумя большими стаканами молока.

В целом сыпь почти не ощущалась, хотя пятна выглядели хуже, чем когда-либо. Если бы они больше не чесались... Перри искренне надеялся, что к концу дня сыпь уляжется. Уверенный, что организм справится с проблемой, он собрал потрепанный портфель и отправился на работу.

18

НЕРВЫ

Маргарет с недоверием смотрела на экран.

— Эймос, — позвала она коллегу. — Подойди-ка.

Эймос неслышно подошел, бодрый как никогда.

— Что у тебя?

— Я закончила анализ образцов, взятых из различных частей тела, и обнаружила большие количества нейротрансмиттеров, особенно в головном мозге.

Эймос наклонился вперед, поближе к монитору.

— Чрезмерно высокие уровни допамина, норэпинефрина, серотонина... Господи, его нервная система вышла из-под контроля! Чем это вызвано?

— Не совсем моя специализация, необходима дополнительная проверка. Тем не менее повышенные уровни нейротрансмиттеров могут вызывать параноидальные расстройства и даже психопатическое поведение. И я не уверена, что когда-либо был зафиксирован пациент с такими высокими уровнями. Новообразование контролирует жертвы с помощью естественных средств. Эх, если

бы обследовать живой организм, увидеть внутренние части проклятых наростов... А мы уже во второй раз оказываемся в ситуации, когда процесс гниения почти полностью уничтожил необычное новообразование. Как будто тот, кто придумал этот кошмар, заранее предусмотрел разлагающий фактор, чтобы труднее было докопаться до истины.

Маргарет прокрутила мысль в голове. У нее начала формироваться другая теория.

Эймос указал на экран.

— Нарост либо производит сам, либо вызывает производство чрезмерного количества нейротрансмиттеров, что дает воспроизводимые результаты. Блестяще. Просто великолепно!

— Есть и другие варианты, — сказала Маргарет. — В тканях, окружающих нарост, уровень энкефалинов повышен в семьдесят пять раз. А энкефалин — естественный болеутолитель.

Эймос на секунду задумался, на его лице промелькнуло восхищение.

— Что ж, разумно. Похоже, новообразование вызывает массовое поражение окружающей ткани. А тот, кто все придумал, очевидно, не хотел, чтобы организм-носитель ощутил боль. Уровень сложности просто астрономический.

— Эймос, прекрати их хвалить! — отчитала коллегу Маргарет. — Не забывай, мы здесь для того, чтобы прекратить эти вещи.

Он улыбнулся.

— Очень трудно не испытать изумление, Маргарет. Подойди сюда и взгляни на то, что сейчас под стеклом ультрафиолетового микроскопа.

Маргарет подошла к прибору, с которым Эймос работал последние полчаса, и, нагнувшись, прильнула

к окуляру. Образец выглядел как обычная нервная клетка. Эймос выполнил превосходную работу по изоляции и подготовке ткани: пальцевидные дендриты, окрашенные и излучающие металлическую голубизну под ультрафиолетовым светом, выступали за пределы более толстых аксонов. Такая же связь обеспечивает передачу сигналов в организме любого животного на планете:

— Изолированный пучок нервных клеток, — сказала она. — Откуда он взят?

— Я обнаружил его поблизости от восьмого черепного нерва. Процесс гниения происходит и здесь, но мне удалось найти несколько относительно чистых участков.

Маргарет нахмурилась. Сюда, в восьмой черепной, или преддверно-улитковый нерв, поступали сигналы из уха.

— Он сильно поврежден, налицо признаки разложения, тем не менее очевидно, что это нервная ткань, — проговорила Маргарет.

Коллега промолчал. Маргарет оторвала взгляд от окуляра микроскопа.

— Ты уверена? — спросил, наклонившись к ней, Эймос.

Маргарет отнюдь не была расположена к шуткам, однако посмотрела в окуляр еще раз. И не увидела ничего необычного.

— Эймос, если хочешь на что-то обратить внимание, то, прошу тебя, не тяни.

— Эти клетки не принадлежат Мартину Брубейкеру. Глаза Маргарет округлились.

— Не Брубейкера?.. Зачем ты изучаешь чужие образцы? Если клетки не Брубейкера, то чьи?.. — И вдруг она осознала страшный смысл происходящего. — Эй-

мос, ты хочешь сказать, что клетки принадлежат наросту?..

— Я провел секвенирование белков в области черного шипа и венозного сифона. В результате выявились неизвестные белки, очевидно, не человеческого происхождения. Поэтому я взял несколько образцов по всему телу и провел аналогичное секвенирование. Я обнаружил высокие концентрации в головном мозге — вот как удалось отыскать скопление клеток на черепном нерве. Белок я обнаружил и в других местах, но больше нервов не было, а одни лишь остатки странного гниения. Высокие концентрации найдены в коре головного мозга, таламусе, мозжечковой миндалине, хвостатом ядре, гипоталамусе и перегородке.

Маргарет нахмурилась. Значительная часть высших функций мозга по-прежнему представляла собой загадку, как тут разобраться во всем? Инфицированные участки мозга Брубейкера составляли часть лимбической системы, которая, помимо прочих функций, управляла хранением информации в памяти и эмоциональными реакциями.

Но что, черт побери, злополучное новообразование делало в мозгу у Брубейкера? Оно ведь и так держало организм под контролем с помощью передозировки нейротрансмиттеров, не так ли?

Эймос продолжал:

— Сейчас ты наблюдаешь единственный из обнаруженных мной образцов, который не полностью разложился. Никогда не видел подобные белки, поэтому предполагаю, что они имеют синтетический характер. Если они натуральные, то, поверь, такие мне ни разу не попадались. Я внимательно проштудировал все академические и биотехнические базы данных и не обнаружил ничего подобного. То есть, если белки синтетические,

кто-то очень хорошо замаскировал их производство. Что, в общем-то, неудивительно, учитывая передовые технологии, с которыми мы имеем дело.

Маргарет стало страшно. Невероятно, чтобы можно было создать нового паразита, который вырастает из малюсенького эмбриона размером с клетку и вцепляется мертвой хваткой в организм человека-носителя. Еще более непостижимым являлось то, что это существо производило нейротрансмиттеры, словно какая-то фабрика, и пачками швыряла их в кровоток. Ее приводила в оцепенение мысль о существовании гения, разработавшего искусственные нервы настолько аккуратно и точно, что они могут взаимодействовать с человеческими.

— Что касается венозного сифона, разделяю твою точку зрения, она имеет смысл, — сказала Маргарет. — Однако сифон — лишь физическая присадка для отсасывания питательных веществ. А как быть с мимическими нервами?

— Напрашивается логический вывод: новообразования внедряются в нервную систему точно так же, как и в кровеносную.

— Но почему? — спросила она, обращаясь скорее к себе, нежели к Эймосу. — Передозировка нейротрансмиттеров дает непредсказуемые результаты. Если цель заключается в том, чтобы сделать людей сумасшедшими, то зачем такие сложности?

Эймос пожал плечами. Он несколько раз согнул руки в локтях, встряхнул ими, сделал несколько наклонов в стороны, чтобы размяться и хоть немного взбодриться.

Маргарет перешла к своему рабочему месту, не переставая думать о загадочном организме, вызывавшем благоговейный трепет.

Раньше казалось очевидным, что цель организма — делать людей жестокими. Теперь, однако, она не была

в этом уверена. Было еще что-то, что не объяснишь теорией о существовании высокотехнологичных террористов.

— Маргарет, подай мне, пожалуйста, камеру.

Оглянувшись, она увидела, что Эймос стоит рядом с бедром Брубейкера. Почти все части тела были охвачены черной гнилью, но некоторые участки все же разлагались не так быстро. Одним из таких участков оставалось бедро. Она схватила камеру с разделочного стола и подала ее Эймосу.

Он указал на небольшое поражение на бедре, которое они рассматривали раньше.

— Маргарет, взгляни. — Эймос опустил на колени и сделал снимок.

— Ты уже показывал.

— Да, но разве ты не видишь разницу?

— Эймос, — вздохнула Маргарет, — давай больше не будем драматизировать. Если у тебя есть что сказать, не тани, пожалуйста.

Эймос что-то переключил в камере, потом встал вместе с Маргарет плечом к плечу, так чтобы оба могли видеть маленький экранчик с крупным планом пораженного участка, из которого торчало тонкое голубое волокно.

— И что? — усталым голосом спросила Маргарет. — Давай скорее. Прежде чем от тела ничего не останется, нам предстоит еще сделать кучу работы.

— Вот фотография, которую мы сделали, когда впервые увидели пораженный участок, — тихо проговорил Эймос, а потом нажал на кнопку и вывел следующий снимок. — А вот фотография, которую я сделал только что.

Маргарет внимательно посмотрела на экран. Две картинки казались идентичными, за исключением одного:

на второй картинке волокон было уже целых три: маленькое красное, маленькое голубое и первоначальное голубое, которое стало раза в три длиннее, чем раньше.

Хотя Мартин Брубейкер был давно мертв, волокна продолжали расти...

19

ПЕРЕЛОМНЫЙ ДЕНЬ

К полудню чертовы болячки чесались сильнее прежнего, и Перри уже стал всерьез задумываться о визите к врачу. Но ведь это всего лишь паршивая сыпь! Только никчемный слабак из-за такой ерунды побежит к докторам... Если у тебя нет самодисциплины, на что ты вообще годеи?

Перри никогда ничем не болел. В то время как другие подхватывали грипп или воспаление легких, Перри отделялся легким насморком или несерьезным расстройством желудка. Коллеги могли без особых причин опоздать или придумать какой-нибудь предлог, чтобы не приходить на работу, а Перри за три года не пропустил ни одного рабочего дня и ни разу не опоздал. Подобную стойкость он унаследовал от отца.

Перри было двадцать пять лет, когда господин Рак, наконец, заявил о своих веских претензиях Джейкобу Доуси. Он отправился в последнюю поездку — в больницу, из которой так и не вернулся. А до этого за всю жизнь пропустил всего лишь один рабочий день. В тот день Перри сломал отцу челюсть.

Перри как раз возвратился с тренировки и увидел, как отец избивает его мать. Целую неделю шел снег, покрывая редкую траву и сырую грязную дорогу, ведущую к дому. Отец вытолкнул жену с крыльца в лужу,

продолжая стегать ремнем. Подобные сцены были не редкостью, и Перри по сей день понятия не имел, почему он тогда — впервые в жизни — бросился на отца с кулаками.

— Я покажу тебе, кто здесь главный, — приговаривал Джейкоб Доуси при каждом ударе. — Вам, женщинам, только дай волю, вы на шею сядете! Кем ты, черт возьми, себя возомнила?!

Отец всю жизнь провел в Северном Мичигане и имел привычку растягивать слова. Это придавало некоторый колорит его речи.

В то время Перри был студентом-второкурсником, ростом шесть футов два дюйма и весом 200 фунтов. Конечно, габаритами он пока не мог сравниться с отцом, однако все равно бросился на него, сбив с ног и навалившись сверху.

Перри встал на ноги первым и, хрипло выругавшись, нанес папаше боковой слева. О том, что сломана челюсть, стало известно позднее. Джейкоб Доуси отбросил сына, словно мусор, потом схватил лопату и принялся яростно его дубасить.

Перри дрался ожесточенно, так как был уверен, что живым отец его не выпустит. Он нанес противнику еще два удара в челюсть, но Доуси-старший даже не пошатнулся, продолжая размахивать лопатой.

На следующий день боль оказалась невыносимой даже для такого здоровяка, как Джейкоб Доуси. Он пошел в больницу, где ему наложили несколько швов. Когда отец вернулся домой, то позвал сына на кухню. Покрытый синяками и ссадинами, Перри после избития лопатой едва мог двигаться, но все-таки пришел и уселся за стол. Отец начал что-то писать на клочке бумаги. Перри едва разобрал полуграмотные каракули: *«Не могу говорить, сломана челюсть. Ты дрался, как*

мужчина. Горд за тебя. В этом чертовом мире надо научиться выживать. Когда-нибудь ты поймешь и даже скажешь мне спасибо».

Перри запомнил его взгляд. В нем были печаль, любовь и гордость. Этот взгляд словно говорил: «Мне больнее, чем тебе». И не потому, что сломана челюсть. Избиение лопатой Доуси-старший рассматривал так же, как здравомыслящий отец мог рассматривать порку — нечто неприятное, отвратительное, что должно быть непременно выполнено в целях воспитания. Джейкоб Доуси считал, что поступает правильно. И хотя ему не нравилось причинять боль единственному сыну, он делал то, что считал нужным, чтобы быть хорошим отцом.

Да уж, спасибо тебе, папочка. Огромное спасибо. Ты у меня лучше всех.

Впрочем, несмотря на ненависть, Перри не мог отрицать, что именно отец сделал его таким. Джейкоб Доуси хотел, чтобы сын вырос крутым парнем, и он этого добился. Жесткость Перри помогала ему на футбольном поле, благодаря ей он получил стипендию и закончил колледж. Каким бы сумасшедшим ни был Джейкоб Доуси, он волей-неволей привил сыну нестигаемое упорство, которое Перри считал ключевой характеристикой своей личности. Ему нравилось упорно трудиться. Нравилось ощущать себя надежным.

Невзирая на сыпь, Перри вновь отправился на работу. Однако присутствовать на работе и эффективно справляться с ней — две разные вещи. Сосредоточиться не удавалось. В голове то и дело всплывали одни и те же возможные решения, мозг был словно окутан туманом, мешавшим ухватиться за самую суть проблемы.

— Перри, можно отвлечь тебя на минутку?

В его кабинку вошла Сэнди. Особого удовлетворения в ее взгляде он не заметил.

— Конечно.

— Мне только что позвонил Самир из компании «Пуллман». Их сеть бездействует вот уже третьи сутки.

— Я работаю.

— Я знаю, что ты работаешь, но не вполне уверена, что ты уделяешь проблеме должное внимание. Судя по тому, что сообщил Самир, вчера ты заставил их сбросить настройки сетевых маршрутизаторов. Притом дважды. И хотя ни в одном из случаев это не помогло, сегодня утром ты попросил сделать то же самое.

Перри отчаянно пытался что-нибудь ответить, однако не придумал ничего вразумительного.

— Наши партнеры теряют деньги, Перри. — В голосе Сэнди зазвучали гневные нотки. — Если мои подчиненные не могут решить какую-либо проблему, тут ничего страшного нет, но я не хочу, чтобы ты всем морочил голову, если не знаешь, что делать.

Перри почувствовал, что и сам закипает не на шутку. Он трудился упорно, как только мог, черт побери! Он лучший в отделе. Видимо, существуют проблемы, которые попросту невозможно решить. Во всяком случае, быстро.

— Так ты можешь мне сказать, что у них с системой? — спросила Сэнди.

Перри впервые заметил, что, когда она сердится, ее глаза делаются круглыми, а ноздри немного раздуваются. Взгляд был по-детски обидчивым, как у маленькой девочки, которая возомнила, что родители будут перед ней плясать.

— Не знаю, — хмуро ответил Перри.

Глаза Сэнди расширились еще сильнее, а руки уперлись в бока. Увидев такую надменную позу, Перри разозлился еще сильнее.

— Как, черт возьми, не знаешь? Ты просидел над проблемой целых три дня. И не догадался попросить помощи?!

— Я сказал, что работаю! — огрызнулся Перри.

Даже самому себе его собственный голос показался странным — гневным и нетерпеливым. В глазах Сэнди мелькнула неприкрытая тревога. Обидчивость прошла, ее место заняло недоумение, сопровождаемое некоторым испугом. Перри невольно осмотрел себя, пытаясь увидеть, что ее так заинтересовало. Оказалось, что руки сжались в кулаки, да так сильно, что через красноватую кожу проступили костяшки пальцев. Все его тело замерло в агрессивном напряжении, точно так же, как во время футбольных баталий, когда он готовился отбить или перехватить мяч, — или перед дракой. В офисе неожиданно стало очень тихо. Перри представил, какой ужас могла почувствовать в такой ситуации Сэнди, когда его огромная туша нависла над ее слабым, хрупким телом. Видимо, он выглядел как разъяренный медведь, готовый броситься на раненого оленя.

Перри разжал кулаки, испытывая смущение и стыд. Получается, он вынудил Сэнди бояться его, опасаться, что он может сорваться и ударить (как на предыдущей работе, язвительно напомнил ему внутренний голос, как с предыдущим твоим начальником!).

— Простите, — тихо пробормотал Перри.

Страх в глазах Сэнди сменился озабоченностью, но, несмотря на перемены в поведении Перри, она все-таки отступила к выходу.

— Похоже, в последнее время у тебя стресс, — задумчиво сказала Сэнди. — Ступай домой, отдохни.

Перри даже побледнел при мысли о том, что придется раньше времени уйти с работы.

— Со мной все порядке. В самом деле. Я в состоянии решить проблему в «Пуллмане».

— Неважно, — ответила Сэнди. — Поручу кому-нибудь другому. Отправляйся домой. И поскорее.

Она повернулась и вышла.

Перри тупо уставился в пол, ощущая себя полным неудачником, человеком, не оправдавшим доверие. Какие-то мгновения разделяли его от страшного момента, когда он мог ударить человека, предоставившего ему возможность уладить жизненные неурядицы. Сэнди дала ему все, и вот как он ее отблагодарил!.. Все семь больных мест зачесались одновременно, лишь усилив раздражение. Перри упаковал портфель и набросил пальто.

Он вышел из офиса, чувствуя спиной сочувственные взгляды коллег. С красным от стыда лицом сел в машину, швырнул портфель на заднее сиденье и включил зажигание.

20

НЕКОМПЛЕКТ

Трудно было поверить, что прошло всего семь дней с тех пор, как за ним послал Мюррей. Семь дней назад он еще ничего не слышал ни о треугольниках, ни о Маргарет Монтойе, ни о Мартине Брубейкере. Семь дней назад его напарник не был прикован к больничной койке.

Семь дней назад Дью Филлипса вызвал к себе шеф. Когда-то они воевали бок о бок, но после Вьетнама почти не общались. Звонок Мюррея означало лишь одно — ему нужен исполнитель. Для весьма... непривлекательной работы. Необходимо было покопаться в грязи, а Лонгу-

орт с его английскими костюмами и маникюром этого не любил. И все-таки они прошли вместе огонь и воду. Хотя Мюррей теперь занимал высокий пост в ЦРУ, намного опередив сварливого лейтенанта, с которым воевал во Вьетнаме, когда он обращался к Дью за помощью, тот неизменно отвечал согласием.

Лишь семь дней назад Дью стоял в приемной Лонгуорта, рассеянно поглядывая на симпатичную рыжеволосую секретаршу и раздумывая над тем, спит с ней Мюррей или нет.

Та сверкнула большими зелеными глазами и широко улыбнулась.

— Чем могу помочь вам, сэр?

Ирландский акцент, отметил про себя Дью. Если Мюррей не трахает ее, он точно импотент.

— Я агент Дью Филлипс. Меня ожидает Мюррей.

— Конечно, агент, проходите, пожалуйста, — еще раз улыбнувшись, сказала рыжеволосая. — Вы немного опоздали, а мистер Лонгуорт не любит ждать.

— Да неужели?

И Дью вошел в спартанский кабинет Лонгуорта. Одну из стен украшал изрешеченный пулями американский флаг. На противоположной стене висели фотографии Мюррея с каждым из последних пяти президентов. Дью обратил внимание на отсутствие каких-либо фотографий Мюррея в форме. Очевидно, ему хотелось забыть о том времени, о том, кем он тогда был и что делал. Дью забыть не мог, да и не хотел. Это являлось частью его жизни.

Он, естественно, вспомнил флаг, висящий на стене, вспомнил артиллерийскую базу, на которой в живых, кроме них с Мюрреем, осталось лишь шесть человек; вспомнил, как сражался за свою жизнь с ожесточением раненого зверя. Вспомнил схватки с вьетконговцами

в грязных, заваленных мешками с песком окопах, при тусклом свете звезд.

Мюррей Лонгуорт сидел за полированным дубовым столом, лишенным какого-либо декора, если не считать компьютера.

— Привет, босс, — сказал Дью.

— Не люблю, когда ты меня так называешь. Мы ведь об этом уже с тобой говорили.

— Было дело, — кивнул Дью. — Наверное, я начисто все забыл.

— Присаживайся.

— Неплохое у тебя здесь местечко. Ты в этой конторе года четыре заседаешь, не так ли? Рад, что наконец и мне довелось ее увидеть.

Мюррей ничего не ответил.

— А последний раз мы с тобой разговаривали... постой, дай-ка вспомнить. Семь лет назад! Семь лет прошло с тех пор, как тебе в последний раз от меня что-то понадобилось. Твоя карьера снова трещит по швам? Решил позвать старину Дью, чтобы он вытащил твою задницу из пекла?

— Сейчас речь совсем не об этом.

— Конечно, босс, конечно. Ты ведь знаешь, я не так молод, как раньше. Мое дряхлое тело может не подойти для грязной работенки.

Левый верхний угол национального флага был грязно-коричневого цвета. Дью лучше других знал, в чем тут дело. Когда-то полотнище крепилось к флагштоку, которым Дью убил вьетконговца, вогнав медный наконечник ему в живот, словно копье в дикого зверя. Нижний правый угол тоже был чем-то испачкан, и Дью хорошо помнил, как он тщетно пытался остановить кровь, хлеставшую из горла восемнадцатилетнего капрада Квинта Уоллмана, сраженного пулей из АК-47.

В то время никто из них не мог похвастаться особым патриотизмом. Просто знамя оказалось именно в том месте, где происходил бой, где они из последних сил отбивали атаки до тех пор, пока не прибыли вертолеты. Лонгуорт был последним, отстреливался от наседавших врагов и ждал до конца, убедившись, чтобы все остальные, включая Дью, забрались на борт. Он схватил и занес в вертолет забрызганное кровью, изорванное пулями знамя. На его месте в тот момент мог оказаться любой. Когда все поняли, что самое страшное позади, что им удалось избежать смерти, оставив на поле боя тела друзей и врагов, боевое знамя естественным образом приобрело особое значение.

Дью смотрел на потрепанное полотнище, не в силах отогнать нахлынувшие воспоминания, пока Мюррей его не окликнул. Тогда, вернувшись к реальности, он молча сел на стул возле стола, вытащил из кармана пиджака мягкую карамельку «Тутси-Ролл», развернул ее, положил конфету в рот и машинально бросил обертку на пол. Некоторое время молча жевал, поглядывая на Мюррея, потом спросил:

— Слышал о Джимми Тилламоке?

Мюррей отрицательно покачал головой.

— Схлопотал пулю. Из старого «кольта» 45-го калибра. Лицо всмятку.

Мюррей опустил голову и тяжело вздохнул.

— Бог мой, я не знал!

— Только представь, — продолжал Дью, — за последние четыре года он несколько раз проходил реабилитационное лечение. Туговато ему пришлось. Ему были нужны друзья для поддержки.

— Почему ты мне не позвонил?

— А ты разве приехал бы?

Ответом на вопрос было молчание Мюррея. Оторвав хмурый взгляд от пола, он посмотрел в каменные глаза Дью.

— Выходит, остались только мы с тобой...

— Да, — проговорил Дью. — Только мы вдвоем. Здорово, что все эти годы мы не теряли друг друга из виду... Давай-ка к делу, босс. Что тебе нужно?

Мюррей вытащил из ящика стола папку и передал ее Дью. К ней была прикреплена бирка с надписью «Проект Танграм».

— У нас, по всей видимости, назревают большие проблемы.

— Если это какая-нибудь чертовщина, которая необходима для твоего карьерного роста, то сразу предупреждаю: на меня можешь не рассчитывать.

— Дело очень серьезное, Дью. Очень.

— Да? Опять провести какую-нибудь зачистку? От кого сейчас грязное белье?

— Я связан обязательством хранить молчание.

Дью бросил на Мюррея тяжелый взгляд. До него вдруг дошло: тот не может назвать никаких имен, зато под рукой у него всегда есть человек, готовый взяться за любую грязную работу.

— Вот дьявол! Какие-нибудь секретные дела — с ведома президента страны? Я прав?

— Дью, я же сказал, что не вправе раскрыть подробности, — кашлянув, ответил Мюррей.

Классический способ отмазки.

Дью открыл папку и начал просматривать содержание: три отчета и общий обзор. Он дважды перечитал обзор, прежде чем поднял взгляд, в котором сквозили крайняя озадаченность и недоверие.

— Манипуляция биологическим поведением? Биоинженерный механизм? Инфекционное террористическое

оружие? Мюррей, ты хочешь, чтобы у меня крыша поехала от этой белиберды?

Мюррей покачал головой.

— Чертовщина какая-то. Какие-то террористы создали... сейчас, ну-ка посмотрим... э-э... «биоинженерный механизм», чтобы сделать людей психами?

— Не совсем так, Дью. Пока известно о трех случаях, когда люди, чем-то зараженные, проявили явные психопатические наклонности. Мы не знаем наверняка, что это как-то связано с террористической активностью, но ты ведь понимаешь, что приходится действовать соответственно обстоятельствам. Нельзя допустить, чтобы нас застали врасплох.

К отчету по делу Шарлотты Уилсон была приложена фотография, сделанная «полароидом». На плече жертвы виднелась голубоватая треугольная метка. С фотографии Гэри Лиленда с ненавистью и подозрением смотрело морщинистое, поросшее щетиной лицо старика. Неприятное впечатление подчеркивал бугорчатый голубоватый треугольник на шее.

— Именно эта странная штука и превращает людей в убийц?

— Шарлотта Уилсон, семидесятилетняя старуха, зарезала собственного сына мясоразделочным ножом. Блейн Танариве убил ножницами жену и двух юных дочерей, а потом поджег собственную койку в больнице, погубив себя и еще трех пациентов.

— Не совпадение? Мы проверили биографические данные жертв? Психическое состояние?

— Проверили, Дью. Иначе я не стал бы тебе звонить. В истории болезни каждой жертвы не отмечено никаких вспышек жестокости, психозов или психологических проблем. Все друзья и соседи в один голос утверждали, что они — хорошие люди. Фактически единственное,

что их как-то объединяло, — это внезапные острые параноидальные припадки и те странные треугольные новообразования.

— А как насчет подобных случаев за рубежом? Кто-нибудь сталкивался с такими ситуациями?

Мюррей снова покачал головой.

— Нет. Мы все проверили, Дью, притом очень тщательно. Насколько нам известно, США — единственная страна, где это произошло.

Дью медленно кивнул, понимая теперь, почему Мюррей предпочел соблюсти конспирацию.

— Как могли террористы придумать такое?

— Сомневаюсь, что это изобретение террористов. Не террористы изобретали ядерные боеголовки, зарин или реактивные лайнеры...

Дью еще раз перечитал отчет. Если речь идет о террористическом оружии, то оно безупречно. В сравнении с ним бомбы, заложенные в автомобилях, и захваты самолетов — детская забава. Представьте себе страну, где ваши друзья или соседи внезапно начнут убивать всех, кто попадает в их поле зрения. Люди перестанут ходить на работу и вообще покидать дома невооруженными. Всех и каждого будут подозревать как потенциальных убийц. Если уж родители убивают собственных детей, никто не может чувствовать себя в безопасности. Такое оружие способно погубить Америку.

Дью сунул руку в карман и нащупал еще одну конфету.

— Мюррей, не может быть, чтобы какой-то из наших видов оружия случайно вышел из-под контроля?

Лонгуорт неистово затряс головой еще до того, как Дью успел закончить фразу.

— Нет, никоим образом. Я все проверил. К нам это не имеет никакого отношения, Дью, честное слово.

Дью развернул конфету и снова бросил обертку на безукоризненно чистое ковровое покрытие.

— И каким образом оно работает?

— Пока неизвестно. По логике, возникающие на телах жертв новообразования вырабатывают соединения, своего рода наркотики, которые «закачиваются» прямо в кровоток. Что-то вроде шприца для подкожных инъекций.

— Многие ли в курсе событий?

— Несколько человек знают лишь обрывки информации, а обо всем известно лишь мне, директору, президенту и еще двум врачам из ЦКЗ, фамилии которых перечислены в отчетах.

Дью внимательно рассмотрел фотографии. Где-то в глубине души, на инстинктивном уровне, у него возникло ощущение тревоги.

— Мне нужна твоя помощь, ротный, — сказал Лонгуорт.

Упоминание о «ротном» раздражало Дью не меньше, чем Мюррея, когда Дью называл его «боссом». В этой должности он служил под началом Мюррея во Вьетнаме. На протяжении долгих лет «ротный» было единственным его именем; так Дью называли все, кто его знал. А теперь из них остался лишь один Мюррей — человек, которому хотелось сделать вид, будто Вьетнама никогда не существовало.

— И плевать, сколько тебе лет, ротный. Насколько мне известно, ты до сих пор лучший в своем деле. Нам нужен именно ты — человек, который пойдет на что угодно, лишь бы добиться поставленной цели. А выяснить, что происходит, совершенно необходимо, причем как можно скорее.

Дью всмотрелся в лицо Лонгуорта. Тридцать лет знакомства. Несмотря на то что они долго не виделись,

Филлипс прекрасно знал, когда Мюррей недоговаривает, когда говорит правду, а когда лжет. Мюррей и раньше обращался к нему за помощью, и в каждом случае Дью отлично понимал, что это способствовало карьерному росту бывшего командира. Но Дью все равно выполнял порученную работу, потому что он сражался с Мюрреем плечом к плечу во время самого кошмарного периода их жизни. Теперь все изменилось: командир не преследовал личные цели. Он был напуган. Напуган до смерти.

— Ладно, считай, что я согласился. Надо только ввести в курс дела моего напарника.

— Ни в коем случае. Я приставлю к тебе другого. У Малколма нет допуска к секретным материалам.

Дью поначалу удивился, застигнутый врасплох тем, что Мюррей знает имя его напарника.

— Какой еще, к черту, допуск, командир? Вам нужен человек, который умеет исправно нажимать на спусковой крючок, и — как ни больно осознавать — это все, что я умею. И умею хорошо. С Малколмом мы уже семь лет, и я не собираюсь участвовать в деле без него. Поверь мне, он надежен.

Мюррей Лонгуорт умел настоять на своем и заставить выполнять приказы, но Дью прекрасно знал, что он еще и мудрый политик. Иногда политикам приходится поступиться малым ради того большого, что они задумали. Вот в чем состояла природы игры, которую Дью никогда не мог до конца понять, но в которую превосходно умел играть Мюррей.

— Ладно, — кивнул Мюррей. — Положусь на твой выбор.

Дью пожал плечами.

— А дальше что?

Мюррей повернулся к окну.

— Дальше мы подождем, ротный. Подождем следующей жертвы.

Он ждал тогда и ждал сейчас. Семь дней назад он ждал событий — возможности убедиться в том, что чертов «Проект Танграм» существует, что он реален, или что он провалился, что он представляет собой какой-нибудь хитрый трюк. В общем, раньше он ждал того, что так или иначе поспособствует карьерному росту Мюррея. Теперь Дью ждал другого — когда умрет его лучший друг.

А ведь этой смерти не было бы и в помине, если бы Дью сам не настоял, чтобы Малколма включили в число посвященных лиц.

Сейчас Дью сидел один в гостиничном номере, зажав большой сотовый телефон между плечом и ухом. Несколько часов сна взбодрили его, однако не могли снять утомление, накопившееся за несколько дней изнурительной работы.

— Твой напарник до сих пор в критическом состоянии? — спросил Мюррей.

— Да, на волоске от смерти. Борется как может.

На столике прямо перед Дью была аккуратно расстелена желтая тряпка, а на ней разложены составные части автоматического «кольта» 45-го калибра. Тусклый металл переливался голубовато-серыми тонами.

— Врачи?..

— Трудятся день и ночь. Кстати, сучка из ЦКЗ тоже приходила взглянуть на него. Она, что, не может подождать, пока парень отдаст концы?

— Ее послал я, Дью, ты ведь знаешь. Ей нужно как можно больше информации. Мы в буквальном смысле хватаемся за соломинки.

— Ну и какая там у нее информация?

— Завтра я сам прилечу. Ознакомлюсь с самым свежим отчетом, потом введу тебя в курс дела. Ты уж, пожалуйста, наберись терпения.

— Как обстоят дела в стране? Есть новые клиенты? — спросил Дью, завершая смазку и сборку пистолета. Положив оружие в сторону, он вытащил две коробки, в одной из которых лежали пустые обоймы, а в другой — патроны 45-го калибра.

— На западном фронте, похоже, без перемен, — ответил Мюррей. — А о новых клиентах не беспокойся. Тебе не мешает перерыв. Я постараюсь в ближайшее время привлечь к делу больше людей.

С привычной скоростью Дью зарядил первую обойму. Отложив в сторону, взялся за вторую. Вдохнул, как будто его слова могли повлиять на судьбу друга.

— Мэлу не выпутаться, Мюррей. Наверное, жестоко так говорить, но это правда.

— Я уже кое-кого для тебя подыскал. Скоро я его проинструктирую.

— Больше никаких напарников.

— Черт бы тебя побрал, Дью! — раздраженно воскликнул Мюррей. Он всегда умел скрывать эмоции, но сейчас не выдержал. — Не упрямясь! Я знаю, что ты хотел бы работать в одиночку, однако сейчас это невозможно, одному не справиться. Потребуется помощь.

— Я сказал, что больше у меня не будет никаких напарников, Мюррей.

— Прежде всего ты должен выполнять приказы.

— Как только пришьлешь мне напарника, я прострелю ему колено, — сузив глаза, предупредил Дью. — И ты знаешь, что я не шучу.

Мюррей промолчал.

— Малколм был моим напарником, — хмуро продолжал Дью, — а сейчас он почти мертвец. Убитый мной

негодяй был сумасшедшим, Мюррей. Люди, зараженные этой дрянью, уже не люди. Я видел собственными глазами, а потому знаю, что нам противостоит. Понимаю, что Маргарет нужно с чем-то работать, притом как можно быстрее. Управлюсь сам. С этого момента я работаю в одиночку.

— Дью, ты не можешь выносить персональных решений. Сейчас не время для того, чтобы глупые мысли мешали трезвой, рациональной оценке событий.

Дью закончил со второй обоймой. Он держал ее в левой руке, рассеянно уставившись на сверкающий кончик единственной выступающей пули.

— Это не месть, Мюррей. Не будь глупцом. Сукин сын, ранивший Малколма, мертв. Кому я могу отомстить? Просто мне хочется работать без напарника.

Мюррей на несколько секунд замолчал. Дью на самом деле было все равно, согласен с ним Лонгуорт или нет — он твердо решил работать в одиночку.

— Хорошо, — тихо произнес Мюррей. — Только помни: теперь нам нужен не труп, а живой материал.

— Позвони мне, когда приедешь, — сказал Дью и повесил трубку.

Он, естественно, солгал. Дело было личным. Если пропускать что-то через себя, думать, размышлять, переживать, то все, так или иначе, становится личным. Рано или поздно он выяснит, кто стоит за странными маленькими треугольниками. Малколм больше не у дел, и кто-то за это заплатит.

Легким движением Дью вставил обойму в оружие, дослал патрон в патронник и прошел в ванную. Сжимая пистолет правой рукой и положив палец на спусковой крючок, внимательно посмотрел в зеркало. Кожа выглядела нормально, но то появлялись, то исчезали маленькие красные пятнышки. Это все игра воображения.

Если он заразился, то сколько продержится в здравом уме — успеет узнать симптомы? Впрочем, долго терпеть не придется — в нужный момент он просто спустит курок.

Дью подошел к кровати, положив свободную обойму на ночной столик, сунул пистолет под подушку, улегся и вскоре заснул. Ему снились горящие дома, разложившиеся трупы и Фрэнк Синатра, поющий «I've got you under my skin»...

21

ПРЕДЛИЧИНОЧНАЯ СТАДИЯ

Как приятно освободиться от громоздкого биокостюма! Она дождалась не могла того счастливого момента, когда сможет, наконец, принять душ. Нужно вымыться — Мюррей собирался посетить госпиталь в самое ближайшее время и провести совещание. Впрочем, душ подождет. Маргарет прочитала отчет об анализе странного волокна, выросшего на трупе Мартина Брубейкера.

— Через несколько часов волокно растворилось, — сообщил Эймос. — И никто не может понять почему. Когда мы делали образцовый вырез, не было заметно ни единого признака гниения, но что-то спровоцировало эффект.

— Отчет поступил раньше, не так ли?

Эймос кивнул. Он также был рад снять костюм и чувствовал облегчение, как юноша, который только что лишился девственности.

— Правильно, анализ успели провести до наступления эффекта. Чистая целлюлоза.

— Тот же материал, из которого состоял треугольный нарост.

— Точно. Целлюлоза в новообразовании обладала структурой — оболочка, скелет, элементы формы. Большая часть новообразования состояла из раковых клеток.

Костюмы сняли, потому что больше не имело смысла исследовать тело, которое представляло собой смесь черной сжигающейся ткани и странной зеленой плесени, покрывавшую полстола. Маргарет с Эймосом сделали все, что могли, в минимально возможные сроки, однако ответов не нашли; напротив, возникли дополнительные вопросы. Один вопрос волновал медиков больше всего — целлюлоза.

— Итак, голубое волокно состоит из того же материала, что и структура треугольника, причем такой материал не вырабатывается человеческим организмом, — сказала Маргарет. — Мы считаем, что это какой-то паразит. Есть какие-нибудь мысли по поводу голубого волокна?

— Думаю, это составная часть паразита, которая не «дожила» до личиночной стадии.

— А мы знаем что-то о стадиях?

Эймос пожал плечами.

— За отсутствием лучшего термина давай назовем треугольник в теле личиночной стадией. Очевидно, существует и предличиночная стадия. Треугольник главным образом состоит из целлюлозы, волокно — это целлюлоза.

Термин «личиночная» стадия также вызывал у Маргарет беспокойство.

— Если существует личиночная стадия, — сказала она, — то, как я предполагаю, наступит и подобие имгинальной, взрослой стадии.

Эймос прищелкнул языком.

— Конечно, наступит. И я не знаю, что это будет. На данный момент мне все равно — очень хочется при-

нять душ, прежде чем мы встретимся с Мюрреем Лонгуортом.

Может быть, Эймос способен на время отключиться от проблем, но не Маргарет. Точнее, она не могла отключить страх.

Если это личинка, то что же, черт побери, ожидает их во взрослой стадии?

22

ШЕЛУШЕНИЕ

Перри тяжело опустился на диван, в одной руке сжимая банку темного пива, а в другой — дистанционный пульт управления. Он рассеянно переключал каналы, не задерживаясь подолгу ни на одной программе.

Старый диван в зеленовато-голубую клетку Перри помнил с детства, когда отец привез его домой из Армии спасения в качестве сюрприза для матери. В то время диван находился в весьма хорошем состоянии для подержанной вещи, но с тех пор прошло пятнадцать лет. После смерти матери Перри забрал из родного гнезда диван, а также посуду и столовое серебро — вот и все. Насколько ему было известно, их полуразвалившийся дом до сих пор стоит на грязной дороге в Чебойган. Когда Перри был маленьким, отец без конца делал ремонт, и это помогало поддерживать жилище в более или менее пристойном состоянии. Однако больше никто не согласился жить в обветшалом доме, который по-хорошему нужно просто снести.

Перри пользовался диваном несколько лет: сначала в колледже, потом в своей маленькой квартирке. Постепенно все изгибы дивана стали повторять контуры его тела, как будто он был изготовлен по спецзаказу.

Впрочем, ни диван, ни пиво, ни пульт управления не могли подавить мрачных чувств, которые сопровождали Перри по пути домой. Его отправили с работы раньше положенного времени. За то, что он вел себя как недисциплинированный, ленивый работник. Одного этого было достаточно, чтобы сломить его дух, так еще и Великолепная Семерка¹ просто отказывалась исчезать.

Теперь пораженные места не только чесались. Они *болели*.

В корочках на коже было что-то другое, то, что ощущалось где-то *глубоко*. Что-то в его теле говорило, что все вокруг изменялось... и выходит из-под контроля.

Перри всегда задавал себе вопрос, осознают ли больные раком, что им грозит. Естественно, для многих было неожиданностью узнать, что, по словам врача, им осталось жить весьма недолго. Некоторых это не удивляло, однако многие испытывали боль от сознания того, что скорая смерть неестественна. Как в свое время отец.

Отец знал. Хотя Доуси-старший никогда ни с кем и словом не обмолвился, он стал еще спокойнее, серьезнее и злее. И хотя Перри понял самое страшное, лишь когда отца положили в больницу, старик знал все заранее.

А теперь знал и Перри. У него были странные ощущения в животе — не инстинкт, не интуиция, а какое-то слабое, тошнотворное чувство. Оно возникло впервые с тех пор, как в понедельник утром воспалилась сыпь. Начало... конца?

Он встал и отправился в ванную, где, сняв рубашку, принялся рассматривать свое когда-то мускулистое тело. Очевидно, начинало сказываться недосыпание,

---

¹ Аллюзия на одноименный культовый киновестерн (1960, реж. Дж. Стерджес), где главных положительных героев было семь.

вызванное обстоятельствами (суть этих «обстоятельств» заключалась в ощущении того, что с ним происходит что-то опасное и странное). Последнее время он выглядел все более грустным и задумчивым. Когда нервничал, то всегда чесал голову, после чего волосы беспорядочно торчали в разные стороны. Кожа стала намного бледнее, а под глазами явственно обозначились темные круги.

Он явно выглядел... больным.

И еще одна деталь привлекла внимание, хотя поначалу он приписывал ее нездоровому воображению. Мышцы казались теперь более очерченными. Перри медленно покрутил рукой, наблюдая дрожание дельтовидной мышцы под кожей. Расстегнул штаны, снял их и швырнул в угол. Открыв аптечку, взял пинцет, потом уселся на унитаз. От соприкосновения с холодной керамикой бедра, ягодицы и низ живота покрылись гусиной кожей. Перри щелкнул по пинцету пальцем, услышав мягкий, напоминающий вибрацию камертона звук.

Легче всего было добраться до сыпи на левой ягодице. Он и так серьезно травмировал больное место постоянным расчесыванием. Участок сыпи диаметром в три дюйма состоял из старых, засохших, и свежих красных корочек. В общем, он прямо-таки просился первым получить заслуженный нагоняй.

Перри сдавил участок вокруг покрытой струпьями сыпи указательным и большим пальцами, вызвав небольшое вздутие. Краешек струпа начал естественным образом отслаиваться. Он поймал его пинцетом, сдавил и слегка потянул. Струп приподнялся, однако от кожи не отходил.

Перри нагнулся, его глаза сузились от напряжения. Он знал, что будет больно, но был исполнен решимости убрать ненавистную корку с тела. Сжал пинцет еще

сильнее и резко дернул. Толстый струп наконец поддался, и Перри ощутил приступ резкой боли.

Положив пинцет, он отмотал немного туалетной бумаги. Сложив вдвое, приложил ее к кровоточащей ранке. Спустя некоторое время кровотечение прекратилось. Однако обнажившаяся кожа не выглядела нормальной. Она должна быть влажной и блестящей. А оказалась совсем другой.

Плоть выглядела как апельсиновая кожура, не только по цвету, но и по структуре. Она отдавала слабым запахом мокрых листьев. Из мельчайших трещинок и дырочек потихоньку сочилась водянистая кровь.

Тело пронзило гнетущее ощущение паники. Если это произошло с его ногой, значит, то же самое ожидает и?..

Он внимательно осмотрел свои гениталии, изо всех сил надеясь, что с ними ничего не произошло...

Ничего страшнее в жизни он не видел. Левую часть мошонки покрывала бледно-оранжевая кожа. Этот участок был, в основном, лишен волосяного покрова; оставалось лишь несколько одиноко торчащих волос.

До сих пор Перри просто нервничал, видимо, не осознавая всего ужаса своего положения. Но теперь что-то страшное происходило с его... яйцами! Окоченев от ужаса, Перри сидел на унитазе, который отказывался нагреваться от тепла его тела. В раковине так сильно подтекало, что он удивлялся, как раньше умудрялся засыпать в крохотной квартирке под звук льющейся воды.

Во рту стало сухо. Он мог расслышать собственное дыхание. Все вокруг, казалось, замерло. Перри отчаянно пытался побороть панику и дать происходящему какое-то рациональное объяснение.

Всего лишь странная сыпь. Он отправится к врачу, и все прояснится. Возможно, ему назначат уколы, но,

скорее всего, это не сложнее анализов на гонорею или сифилис, которые Перри сдавал в колледже.

Собравшись с духом, он ощупал подозрительное место. Оно было твердым и каким-то ненастоящим. Нет, здесь укол с пенициллином едва ли поможет, потому что болезнь сосредоточена не только на поверхности. Внутри мошонки что-то прощупывалось — то, чего никогда раньше не было, что-то под толстой кожей апельсинового цвета.

Перри вдруг явственно осознал одну неумолимо простую вещь: он скоро умрет. Что бы с ним ни происходило сейчас, эта чертовщина рано или поздно убьет его, когда разрастется, заполнит мошонку и проберется к половому члену. Мрачный, холодный ужас начал беспощадно терзать его душу.

«Дыши, — твердил он себе. — Просто дыши». Перри заставил себя разжать ладонь и отпустить отвратительный твердый комок под кожей. Им вновь овладела необычная отстраненность, и он уставился в стену пустым взглядом.

Вдруг Перри схватил пинцет и свирепо ткнул себе в бедро. Острые концы легко проникли в кожу и пробили верхнюю часть покрытой струпьями раны. Перри вскрикнул от боли — и осознал, что делает и что предстоит сделать.

Ярко-красные кровавые полоски разлетелись во все стороны, тоненькими нитями усеивая линолеум. Они смешивались с мокрыми нитями темно-красного цвета — такими темными, что выглядели... фиолетовыми.

Кровавые и фиолетовые струйки стекали вниз по ноге. Перри отмотал порядочный кусок туалетной бумаги и прижал к ране. Бумага сразу окрасилась в ярко-красный цвет. Кровотечение уменьшилось.

Подождав немного, Перри убрал бумагу. Пинцет продрал оранжеватую кожу, обнажив в центре раны толстый нарост.

Его следовало убрать, удалить, притом немедленно. А боль нужно перетерпеть.

Перри захватил пинцетом краешек оранжеватой кожи, крепко зажал и сильно рванул. Ногу пронзила адская боль, тем не менее он улыбнулся, удовлетворенный тем, что кусочек оранжевой плоти оторвался. На пол снова брызнула кровь.

Перри поднес к свету оторванный кусочек плоти — толстый, как кожура грейпфрута. По бокам выступали какие-то белые усики, словно щупальца крохотной медузы. Мясистый кусочек был изрезан и надорван во многих местах. Перри отложил его в сторону и прижал к ране свежий клочок туалетной бумаги. Невзирая на боль, возникло удивительно приятное ощущение — он наконец взял ситуацию под контроль. Обнаженная кожа выглядела сверхчувствительной, и даже малейшее прикосновение причиняло сильнейшую боль. С краев раны стекали крохотные ручейки крови.

Потом Перри устался на окровавленное бедро, и ощущение внутреннего контроля моментально растворилось: ничего еще не закончилось. В центре раны располагался обесцвеченный участок размером с четвертак. Идеально круглый, а вокруг него распухли кусочки обычной плоти.

Острым концом пинцета Перри надавил на белое новообразование: оно показалось твердым, но все же гибким.

Охваченный холодной паникой, он осознал, что фактически не почувствовал прикосновения пинцета. Не ощутил его, потому что беловатое пятно не было частью... *его тела.*

Когда Перри захватывал его пинцетом, обычная плоть по краям легко отслаивалась от белого участка. Белый участок был отдельным... от его собственной кожи. Как будто в толстые мышцы бедра случайно вросла круглая пластмассовая пуговица.

Он сдвинул свободную плоть с краев белого нароста. Благодаря блестящей оболочке тот выглядел как кусочек костяного фарфора.

Неужели рак? Вряд ли: раковая плоть не способна создавать идеальные круги и возникать ни с того, ни с сего за пару дней.

Рак или не рак, вид молочно-белого новообразования разбудил в душе Перри страх; сердце как будто попало в медвежий капкан и не могло больше биться и качать кровь. Он попытался восстановить дыхание и успокоиться.

Перри осторожно просунул пинцет под странный нарост. Острые стальные концы царапнули незащищенные мышцы — он не обратил внимания на боль. Приподнял пинцет снизу: было видно, как твердый нарост пошевелился, однако остался «прикрепленным» к ноге. При каждом шевелении из раны хлестала кровь.

Пальцами Перри осторожно сдвинул плоть как можно дальше, подталкивая снизу пинцетом. Словно засунув руки в карман и обретя способность «увидеть», что там находится, Перри ощутил какой-то стебелек, который врос в бедро, прочно удерживая новообразование, словно якорь.

Пора к врачу. Определенно.

Но сначала ему хотелось выдрать гнусную мерзость из ноги, причем немедленно. Он должен это сделать; нельзя оставить ее хотя бы на секунду.

Захватив пинцетом невидимый стебелек, Перри мягко потянул. Поднимая белый кусочек, он вдруг почувствовал длину стебелька через комбинацию ощущений

в мышцах бедра и сопротивление пинцета. Беловатая масса оторвалась от плоти со звуком, напоминающим тихий хлопок. Из открытой раны заструились красные ручейки, кровь обрызгала ногу, смешиваясь с красно-фиолетовыми струйками на плиточном полу, однако стебель остался на месте, прочно и глубоко вросший в бедро. Ногу охватила мучительная боль, но Перри терпел, стараясь сохранить присутствие духа.

Нужно сделать это. Настало время превратить Великолепную Семерку в Большую Шестерку¹.

Прочно ухватив пинцетом необычный стебель, он дернул изо всех сил, с яростью и отчаянием приговоренного к смерти.

Упругий, эластичный стебель тянулся, тянулся и тянулся до тех пор, пока зажатый пинцетом конец не оказался в доброй паре футов над бедром. Он растягивался и делался все тоньше, словно ириска, покрываясь кровью и какой-то слизью. Наконец растягивание прекратилось. Заворчав, Перри потянул сильнее. Невидимый якорь оторвался; стебель выскочил из ноги, словно резинка, и шлепнул по запястью.

Перри посмотрел на израненное бедро. Узкая дырочка, образовавшая после выхода стебля, уже затягивалась, погружаясь в плоть и кровь. Наружу брызнул ручеек крови, выдавленный сокращением мышц.

Лицо Перри исказила слабая улыбка. Его переполняло чувство первобытного успеха, смешиваемое с проблесками надежды. Он переключил внимание на странный белый нарост, на круглую головку, крепко зажатую пинцетом, на стебель — или хвост? — намотанный вокруг запястья.

---

¹ Аллюзия на старое прозвище НХЛ — Национальной хоккейной лиги, когда (1942–1967) в ней играли всего шесть команд.

Перри поднес руку к свету, чтобы получше рассмотреть. Повернув запястье и с удивлением рассматривая необычный беловатый стебель, он вдруг увидел то, от чего волосы стали дыбом.

Глаза широко раскрылись от ужаса, в животе что-то скрипнуло.

Хвост белого стебля извивался, как у змеи, попавшейся в зубы к хищнику. Вскрикнув от ужаса, Перри швырнул пинцет в ванную; инструмент упал со звоном и скатился к водостоку. Дергающийся мокрый белый стебель по-прежнему оставался на запястье, а круглая, похожая на пластмассовую пуговицу «голова» болталась и крутилась с каждым движением Перри.

Перри вскрикнул от отвращения и ужаса и взмахнул рукой, как будто хотел стряхнуть прилипшую к пальцам грязь. Белая масса ударилась о зеркало со звуком, напоминающим шлепок. Извиваясь и оставляя беспорядочными движениями гадкую слизь на стекле, она начала медленно спускаться вниз.

И это было... внутри! Оно... живое! До сих пор!..

Перри инстинктивно взмахнул руками, и зеркало издало звон. Белая масса лопнула, словно он раздавил яйцо всмятку. Зеркало покрылось брызгами какого-то фиолетового желе. Перри машинально отдернул руку. Ладонь была заляпана кусочками белой и фиолетовой массы. Скривив губы от отвращения, Перри быстро повернулся, чтобы схватить полотенце, висевшее на штанге. Однако он поторопился. Неожиданный порыв не позволил ему сохранить равновесие, что усугубилось спущенными ниже колен штанами. Перри упал. Вытянул руки, чтобы как-то подстраховаться, но ухватиться было не за что. Лбом он ударился о сиденье унитаза. Треск многократным эхом наполнил стены ванной, и Перри потерял сознание.

ПАРАЗИТОЛОГИЯ

Мартина Брубейкера больше не существовало. В среду, менее чем через трое суток после того, как Брубейкер был застрелен, от него остался лишь разъеденный безногий скелет. И еще тончайшая, словно паутинка, плесень, которая теперь пятнами покрывала не только скелет и стол, но местами попадалась и снаружи ЛБО-4. Скрюченная рука Брубейкера наконец распрямилась. Она лежала на столе, причем пальцевые кости сильно раскрошились. Камеры, установленные внутри палатки, фиксировали процесс и записывали изображения — как фотоснимки, так и видео, — что давало Маргарет возможность наблюдать конечную стадию разложения.

Такого дурного предчувствия у нее не возникало с детства, со времен непримиримого соперничества и гонки вооружений между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Взаимные заверения в полном уничтожении, предостережения о том, что любой конфликт может быстро перерасти в полномасштабную ядерную войну.

Тогда Маргарет была всего лишь девчонкой, однако достаточно проницательной, чтобы понять, какая всем грозит потенциальная опасность. Забавно, что родители думали, будто она все понимает благодаря своему интеллекту. Словно лишь одаренный ребенок способен постичь неминуемую угрозу войны. Что ж, как это часто случалось раньше и будет происходить впредь, простодушие и невинность детей взрослые принимают за невежество.

Как и большинство одноклассников, Маргарет точно знала, что происходит. Они понимали, что от коммуни-

стов исходит угроза и что, случись ядерная война, их родной Манхэттен едва ли не в первую очередь окажется погребенным под руинами.

Почему люди считают, что конец света — настолько трудное для детского понимания понятие? Значительная часть детства прошла в страхе перед неизвестностью, в ожидании жутких теней и всего того, что предвещает долгую и мучительную смерть. Ядерная война являлась просто еще одним монстром, который угрожал всех уничтожить. Монстр наводил страх на родителей и остальных взрослых, и дети настраивались на «частоту» страха, точно так же, как на Багса Банни¹.

От чудовища можно убежать или обмануть его; с ядерной войной ничего сделать нельзя. Она могла прийти в любой момент. Может быть, когда Маргарет будет резвиться на игровой площадке во время каникул. Может быть, когда она сядет пообедать с семьей. Или будет спать в своей кроватке и видеть какой-нибудь интересный сон.

Укладываясь спать, я всегда прошу Господа сохранить мою душу. Если мне суждено умереть до того, как проснусь, я молю, чтобы Господь забрал мою душу.

Маргарет помнила, как они жили в постоянном страхе перед неведомым. Конечно, она играла, ходила в школу, смеялась и тусовалась с подругами, но угроза пронизывала всю ее жизнь.

И эту игру нужно было доиграть до конца, стать победителем или проиграть, хотя едва ли что-то можно было изменить.

Маргарет пыталась убедить себя, что сейчас происходит нечто другое. В конце концов, она просто оказалась на переднем краю потенциального холокоста, на рубе-

---

¹ Популярный мультперсонаж.

же обороны. Ситуация не выходила из-под контроля, а скорее находилась прямо у нее в руках. По некоторым причинам такое рациональное взрослое мышление не могло отогнать детские страхи о том, что на исход игры никак повлиять нельзя.

Маргарет удивлялась тому, как Эймосу удастся игнорировать такое чувство, если тот вообще что-то чувствовал. Он в миллионный раз напевал себе под нос мелодию из «Гавайи, пять-ноль»¹, а Маргарет слишком устала, чтобы жаловаться. Она отхлебнула из кружки кофе, в очередной раз надеясь взбодриться, но никак не могла выйти из полулетаргического состояния. Как приятно дышать нормальным, свежим воздухом, не профильтрованным через биокостюм! Хотелось спать или хотя бы вытянуться и расслабиться, но времени не было. Необходимо закончить работу, сжечь разложившиеся останки и убираться ко всем чертям из этого госпиталя.

Взъерошенный, в измятой одежде, с горящими от возбуждения глазами, Эймос повернулся к ней.

— Потрясающе, Маргарет, только представь! Человеческий паразит чрезвычайной, ни с чем не сравнимой сложности! Лично у меня нет никаких сомнений по поводу того, что создание превосходно подходит для человеческого организма-носителя.

Маргарет уставилась в стену и едва слышно проговорила:

— Ненавижу перефразировать избитое клише, но то, о чем ты говоришь, слишком совершенно.

— То есть?

---

¹ «Гавайи, пять-ноль» («Hawaii Five-0»), полицейский телесериал; шел в 1968–1980 гг., рассказывая о приключениях полицейских из 50-го отделения полиции штата Гавайи, возглавляемого Стивом Макгарретом.

— Как ты сказал, создание подходит идеально. Чувствует себя в организме-носителе, как рука в перчатке. Подумай об уровне технологии: это как если бы русские неожиданно приземлились на Луне, а братья Райт все еще только строили свой аэроплан в Китти-Хок.

— Согласен, удивительно, но мы не можем игнорировать тот факт, что существо здесь, перед нами. Для нежного американского самолюбия просто нет времени. Где-то живет настоящий гений.

— А если нет никакого гения? — тихо спросила Маргарет.

— О чем ты толкуешь? Конечно, есть! Как иначе можно было создать такое?

Она повернула к нему усталое лицо.

— А если оно никем не создано? Если у него вполне естественное происхождение?

— Да ладно тебе, Маргарет! Если создание неискusstvenного происхождения, то почему мы раньше ни разу с ним не сталкивались? Человеческий паразит таких размеров и вирулентности — и ни одного задокументированного случая? Невероятно. Чтобы существо обладало такой совместимостью с человеческим носителем, потребовались бы миллионы лет коэволюции. И все-таки мы никогда не наблюдали ничего подобного ни у каких млекопитающих, не говоря уж о приматах или людях.

— Уверена, на свете очень много такого, чего мы никогда не видели, — возразила Маргарет. — Тем не менее я просто не могу поверить, что кто-то мог это *создать*. Оно слишком сложное, слишком развитое. Независимо от того, о чем любят разглагольствовать СМИ, американская наука все-таки самая передовая в мире. Где еще можно отыскать такой высокий уровень технологии? В Китае? В Японии? В Сингапуре? Конечно, некоторые страны начинают кое-где наступать нам на

пятки, но одно дело сравнимые показатели, и совсем другое — превосходство в десятки и сотни раз. Если мы не в состоянии создать нечто подобное, то трудно поверить, что такое может создать кто-то еще.

Эймос скривился.

— Конечно, существуют какие-то до сих пор не открытые виды, но есть разница между неизвестным микроскопическим созданием и *этим*. То, что мы открыли, просто уникально. Трудно припомнить какой-нибудь племенной миф или народное предание, где упоминалось бы что-то подобное. Поэтому если здесь речь идет о природном творении, то откуда, черт возьми, оно взялось?!

— Не знаю, — пожала плечами Маргарет. — Может, пребывало в какой-нибудь длительной спячке. Скажем, эти твари существовали в доисторические времена, а потом что-то случилось, и они вымерли. Только вымерли не все, часть впала в спячку на тысячи лет, и потом какой-нибудь катаклизм вывел их из этого состояния. Например, семена некоторых орхидей могут оставаться в спячке в течение двух с половиной тысяч лет.

— Твоя теория не более правдоподобна, чем легенда о Лохнесском чудовище, — заметил Эймос.

— Хорошо, а как тогда насчет целаканта? Считалось, что кистеперая рыба вымерла семьдесят миллионов лет назад, пока ее не выловил один рыбак в 1938 году! Только потому, что никто ничего не видел, не значит, что оно не существует, Эймос.

— Согласен. Наша тварь, получается, пребывала в спячке сотни лет в регионах с высокой плотностью населения? Одно дело обнаружить ее в джунглях Конго, и совсем другое — у нас в Детройте. Это ведь не СПИД, когда люди просто умирают. В нашем случае у жертв возникают вполне определенные треугольные новооб-

разования. В век коммуникации что-то подобное нельзя обойти молчанием. Прости мою тупость, но тебе придется придумать другую теорию, более удобоваримую.

Маргарет рассеянно кивнула. Эймос, в общем-то, прав. Концепция выведенного из спячки паразита никуда не годится. Какими бы ни были эти твари, они — нечто новое и необычное.

Эймос решил сменить тему разговора:

— Удалось ли людям Мюррея обнаружить связь между жертвами?

— Пока нет. Они отследили пути следования жертв и всех тех, с кем те могли контактировать. Никакой взаимосвязи. Единственной зацепкой является то, что Джуди Вашингтон и Гэри Лиленд возникли как фигуранты детройтских дел с интервалом в одну неделю и, кроме того, жили в одном и том же доме престарелых. Там хорошенько прошлись мелким гребнем, но ни у кого больше следов инфекции не обнаружили. Провели тестирование воды, пищи и воздуха — никаких отклонений от нормы, хотя нам до сих пор не ясно, что именно нужно искать. Два случая в Толедо разделяют две недели, а территориально — несколько кварталов. Определенный эффект близости имеется. Вектор передачи неизвестен, но Лонгуорт считает, что существует некий террорист, намеренно заражающий случайных людей.

— Это вполне согласуется с нашими наблюдениями, — сказал Эймос. — Я все больше и больше убеждаюсь в том, что Брубейкер и компания были инфицированы, однако сами заразными для окружающих не являлись. Мы не обнаружили на его теле никаких следов отложенных яиц или чего-то еще, что могло бы послужить отправной точкой для размножения паразитов. Кроме того, никаких симптомов не обнаружили ни

у Дью, ни у тех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к трупам Брубейкера.

Маргарет протерла глаза. Ей требуется хотя бы короткий сон. А еще лучше — неделя беззаботного отдыха на Бора-Бора в компании стройного паренька, готового исполнить любой ее каприз. Но здесь не Бора-Бора, а Тоledo, штат Огайо. И рядом не услужливый мальчик, а покрытый плесенью, разъеденный черный скелет, известный ранее под именем Мартина Брубейкера.

24

ПОЛ В ВАННОЙ

Генетический шаблон был опознан, когда оболочки достигли необходимой толщины; далее вся жизнедеятельность направлялась в рост тела. Клетки активно делились в безостановочном процессе развития. Начинали формироваться внутренние органы, однако поскольку организм-носитель по-прежнему обеспечивал всю необходимую пищу и тепло, с внутренними органами спешки не было — наибольшую важность представляли усики, хвост и мозг.

Мозг развивался быстро, хотя до какого-то подобия сознательного мышления было еще очень далеко. Зато усики, несложные по структуре, росли стремительно, со скоростью лесного пожара в ветреную погоду, разветвляясь во всех направлениях и проникая все глубже в организм хозяина-носителя. Усики искали нервные клетки носителя, переплетаясь с дендритами, словно сцепленные пальцы.

Начиная свое развитие медленно, осторожно, почти на ощупь, организмы выделяли сложные химические соединения в синаптическую щель, пространство между

усиками и дендритами. Каждый нейротрансмиттер являлся частью сигнала, или сообщения: они проникали в рецепторные участки аксонов, словно ключ в замок, заставляя нервную клетку вырабатывать свои нейротрансмиттеры с их собственными сигналами. Как и в нормальном сенсорном процессе организма-носителя, такие действия вызывали электрохимическую цепную реакцию: сообщения повторялись через нервную систему, пока не достигали мозга носителя. Длительность процесса — от момента выработки сигнала до достижения последним мозга — занимала менее тысячной доли секунды.

Хотя организмам в теле Перри еще предстояло обрести сознательное мышление, на примитивном уровне они уже знали, что атакованы. И инстинктивно активизировали немедленный рост. Хвост начал претерпевать фазу изменения. Специализированные клетки росли, чтобы организм достаточно долго оставался приросшим к среде — вплоть до своего полного развития.

Шесть оставшихся организмов росли быстро и беспрепятственно, а их организм-носитель неподвижно лежал на полу в ванной комнате.

Линолеум был холодным. Перри ощутил это щекой. Вставать не хотелось. Пока он лежал, боль была вполне терпимой.

Когда в последний раз он был в нокауте? Лет восемь назад? Нет, скорее, девять, когда отец ударил его по затылку полной бутылкой виски «Дикая индейка». В больнице ему потом наложили девять швов...

Это было давно и не шло ни в какое сравнение с волнами тупой боли, проносящимися сейчас в голове. Перри попытался сесть — стало еще хуже. Как будто похмелье после бутылки текилы умножили на десять.

Нахлынула тошнота. Малейшее движение и попытки выпрямиться вызывали настоящие взрывы головной боли. Рвотные массы подступили к горлу.

Перри поднял руку и осторожно потрогал разбитый лоб. Хорошо еще, что обошлось без крови. Он нащупал большую шишку размером с мячик от гольфа.

Спущенные ниже колена штаны усугубляли задачу: встать было еще труднее. Штаны пришлось натягивать лежа. Перед глазами все расплывалось.

Перри крепко схватился за сиденье унитаза. Оно закачалось, когда он попытался подтянуться, потом треснуло и разломилось надвое. Что-то подобное произошло и с головой.

В животе забурлило, Перри наклонился вперед, и его вырвало в унитаз. Рвотные массы — в основном желчь — в большом количестве выплеснулись в воду, а керамический резервуар отразил хриплое эхо. Зажатый желудок ослабил хватку, дав возможность дышать, но воздух застыл в глотке, когда голову пронзила режущая боль.

Перри издал тихий стон. Боль лишила его подвижности подобно смирительной рубашке. Он даже не мог встать на ноги, чтобы поискать «экседрин».

Когда-то Перри слышал, что при сотрясении или контузии часто случается рвота. Интересно, каково же тогда боксерам или профессиональным квотербекам? Никаких денег не пожалеешь, лишь бы никогда такого не испытывать.

В желудке зародилась еще одна рвотная волна, и в мутный унитаз выплеснулась новая порция желчи. Ванную наполнил отвратительный запах.

От вони затошнило еще сильнее, головная боль усилилась. Порочный круг, который даже людей неверу-

ющих заставлял молить у Бога помощи и спрашивать, чем они его так прогневали.

— Наверное, в прошлой жизни я занимался растлением малолетних, — пробормотал Перри. — Или был самим Чингисханом.

Блевать было попросту нечем, но желудок словно взбесился. Он яростно сокращался, заставляя Перри корчиться и опускать голову все глубже в унитаз.

Желудок отказывался оставить его в покое еще несколько мучительных секунд, мешая нормально дышать. Когда он наконец успокоился и легкие наполнились воздухом, Перри приоткрыл слезящиеся глаза, и тут голову пронзила резкая боль. Он увидел несколько черных пятен, а потом лицо опустилось обратно на холодный линолеум.

25

ПАРАЗИТОМАНИЯ

Болезнь Моргеллонс.

Маргарет в недоумении уставилась на отчет ЦКЗ.

— Паразитомания, — повторила Маргарет. — Сам черт не разберет...

— Похоже, сюда относится большинство случаев заболеваний, — сказал Эймос. — Симптомы самые разные — от укусов до подкожных проникновений. В некоторых случаях зафиксированы необычные волокна, причем у многих жертв отмечены формы ненормальных психических состояний: депрессия, острое проявление синдрома дефицита внимания и гиперактивности, биполярные расстройства и... угадай-ка последние три.

— Паранойя, психоз и психопатия?

— Да ты сегодня просто в ударе, Марго.

Маргарет, Эймос и Кларенс Отто сидели в кабинете главного врача, по углам которого стояли четыре ухоженных фикуса в больших горшках. Агент Отто очень вежливо попросил главврача удалиться, извинившись за неожиданное вторжение, но не оставив тому выбора и времени, чтобы ответить отказом. Маргарет давно решила, что Отто прирожденный продавец — человек, который умеет заставить вас сделать то, что нужно, и в то же время считать, что вы осуществляете собственную идею и делаете это охотно. Маргарет и Эймос уселись на кожаный диван и просматривали страницы текста, разложенные на кофейном столике. Отто занял кресло главврача за богато украшенным деревянным столом. Он крутился в кресле то влево, то вправо и, казалось, смаковал свое присутствие в кабинете, улыбаясь, как ребенок, изображающий из себя крутого начальника.

Скоро подъедет Мюррей, и они представят ему отчет о проделанной работе.

— Я знаю, что выгляжу здесь просто куклой, — сказал Отто. — Поэтому извините за вопрос — ведь у вас на руках отчет из ЦКЗ. То, о чем сейчас идет речь, вы, ребята, изучаете уже несколько дней... но получается, что все давно известно?

Эймос покачал головой.

— Отнюдь. О болезни Моргеллонс никто ничего толком не знает. Не знают даже, насколько реально это заболевание. Или это вообще коллективный самообман. Понадобились годы, чтобы представители жертв хорошенько надавили на ЦКЗ и вынудили хотя бы притвориться, что там восприняли все всерьез. В ЦКЗ создали оперативную группу, но до сих пор не получили четкого определения болезни Моргеллонс. Большинство случаев действительно подпадает под паразитоманию.

Люди *думают*, что чем-то инфицированы — какими-то организмами, которые может наблюдать только пациент. На самом деле термин «Моргеллонс» известен всего несколько лет, и с тех пор как он обрел некоторую популярность, все больше и больше людей сообщают о сходных симптомах.

— Что свидетельствует о распространении болезни, — добавила Маргарет.

— Необязательно. Как только люди с нестабильной психикой узнают о каком-то заболевании, то решают, что именно таким недугом они и больны, и в их мозгах рождаются надуманные симптомы — отсюда и «маниакальная» составляющая.

Отто трижды крутанул в кожаном кресле.

— Итак, чем больше людей заявляет о наличии заболевания, тем большую огласку оно получает. Значит, все больше новых людей узнает о болезни и начинает думать, что и они ей заражены.

— Идиотский замкнутый круг, — сказал Эймос.

— Черт побери! — хрипло выругалась Маргарет. — Мюррей прав, что старается не предавать дело огласке. Он как раз и предупреждал о таком развитии событий, если произойдет утечка информации. Что в равной степени справедливо для этой чесотки, когда человек ощущает каких-то жучков у себя под кожей. Только представьте себе, какая будет реакция, если людям показать фотографии с треугольниками!

— Или рассказать им о бабушках, кромсающих своих детей и внуков, — кивнул Отто. — Психованные тетки быстро наведут ужас на Мистера и Миссис Средних Американцев. Уж если они пугают копов!..

— Верно, — согласился Эймос, — в позиции Мюррея есть определенный смысл. Пять лет назад случаев с симптомами болезни Моргеллонс насчитывалось не более

десятка, а сейчас в наших пятидесяти штатах и Европе таких инцидентов более полутора тысяч.

— Тогда почему мы не слышали ничего нового о треугольниках? — спросила Маргарет. — Мы ведь знаем, что паразитомания реальна. Мы видели этих тварей, наблюдали химические диспропорции в мозге Брубейкера. Это реальность, Эймос.

— Потому что большинство случаев — бред, но далеко не все. Дело в волокнах, Маргарет. Есть задокументированные случаи с голубыми, красными, черными и белыми волокнами из целлюлозы. В трех эпизодах на протяжении последних четырех лет врачи анализировали эти волокна, и — угадай, что? — оказалось, что они имеют точно такой же химический состав, как у Брубейкера. Точно такой же, на молекулярном уровне!

— Твоя пресловутая предличиночная стадия...

— Вот именно, — улыбнулся Эймос. — В нашем распоряжении отчеты о треугольниках, с которыми мы имели дело на протяжении последних недель. Давайте предположим, что в этих случаях организм сумел развиться до личиночной стадии. Однако в отчете о болезни Моргеллонс указывается, что на протяжении ряда лет зафиксированы множественные случаи волокон на предличиночной стадии развития. Вполне возможно, что встречались полноценные личиночные инфекции *до* упомянутых нескольких недель, но если они существовали, никто о них ничего не слышал.

Агент Отто продолжал крутиться в кресле. Казалось, он пытается определить, сколько оборотов можно сделать с одного толчка.

— Значит, хотя волокна существовали уже некоторое время, личиночной стадии они достигают только сейчас? Означает ли это, что они развиваются?

Маргарет хотела было машинально ответить, чтобы поправить дилетанта, и вдруг осеклась на полуслове. Отто сильно упрощал представление о ситуации, однако его концепция не лишена смысла.

— Эймос, — сказала она, — а наносились ли на карту места, где были зафиксированы случаи с волокнами?

— Наверное, — пожал плечами Эймос. — Надо поговорить с экспертами.

Маргарет принялась перелистывать страницы.

— Доктор Фрэнк Чен. Руководитель проекта. Нужно поговорить с этим человеком. Правда, не знаю, позволит ли Мюррей ему позвонить.

— Маргарет, можно мне задать вопрос? — повернулся к ней Отто.

— Конечно.

Не переставая улыбаться, агент крутанул кресло, затем схватился обеими руками за крышку стола.

— Складывается впечатление, что ты позволяешь собой командовать. Не замечала?

Маргарет почувствовала, что краснеет.

— Не твое дело! — отрезала она.

— А мне кажется, ты намного сильнее, чем сама думаешь. Мы ведь здесь имеем дело с сумасшедшими, не правда ли? — Она молча кивнула. — Поэтому хватит быть белой и пушистой.

— То есть?

Эймос хлопнул рукой по кофейному столику.

— Продолжай проповедь, брат Отто!

— Просто-напросто, — продолжал Отто, — не позволяй Мюррею вертеть собой, как ему вздумается.

Маргарет раскрыла рот от удивления.

— Ты что, ненормальный? Он заместитель директора ЦРУ, не забывай! Как я могу не позволить ему командовать, если он мой начальник!

- Хорошо, он заместитель директора. А кто ты?
- Скажи ей! — Эймос стоял, воздев руки к небу. — Скажи нашей благословенной сестре, кто она такая!
- Да, агент Отто, уж не сочтите за труд...
- Отто совершил два оборота в кресле.
- Ты ведущий эпидемиолог, изучающий новое, неизвестное заболевание с ужасающими последствиями.
- Ужасающими! — словно эхо, повторил Эймос.
- У тебя не хватает персонала, и ты не можешь получить столь необходимых тебе экспертов.
- Грех, — добавил Эймос.
- Эймос, прекрати сейчас же!

Тот улыбнулся, потом взял со столика журнал и, усевшись, сделал вид, что читает.

— Маргарет, он назначил тебя главной. Что произойдет, если ты будешь настаивать на разговоре с Ченом? Неужели ты думаешь, что Мюррей кем-нибудь тебя заменит?

Нет, конечно, Мюррей этого не сделает. Она нужна Мюррею.

— Итак, — проговорил Отто, резко раскрутив кресло. — Используй то, что имеешь.

Ее гнев улетучился.

Агент Кларенс Отто оказался все-таки прав.

26

ЯДОВИТАЯ ПИЛЮЛЯ

Рассада постоянно отслеживала собственное развитие, подпитываемая данными от блуждающих «считывателей». В определенный момент, согласно контрольным таблицам саженцев, работа «считывателей» была завершена, и через организм носителя проходил химический сигнал. «Считыватели» претерпевали фазовые

изменения. С помощью простой корректировки пилообразные челюсти отваливались, и шарики надежно герметизировались.

Внутри них начинала «завариваться» смерть...

Они раздувались, наполняясь новым химическим составом. «Пастухи» перемещали химические шары по каркасу, загоняя их то в одну точку, то в другую.

Там, где раньше были челюсти, теперь появился жесткий колпачок. Смертельный состав постепенно проедал колпачок изнутри, а саженцы наводняли структуру другим химикатом, который увеличивал толщину колпачка снаружи. Таким образом, соблюдалось хрупкое равновесие, но пока саженцы были «живы» и производили химикат, ядовитые шарики оставались герметичными.

Если, однако, саженцы прекратят функционировать, колпачки разрушатся, и мерзкий катализатор проникнет в каркас, растворит его, растворит модифицированные стволовые клетки, а также все клетки, ими созданные. Клетки погибнут, и отходы примутся заражать остальные клетки. Возникающая цепная реакция приведет к растворению любых мягких тканей у нее на пути — мышц, кожи, органов... в общем, всего.

Чтобы предотвратить такой процесс, саженцы должны выжить.

И организм-носитель никак не мог знать об этом.

27

ПРОЩАЙ, НАПАРНИК...

— Очень сожалею, мистер Филлипс, — проговорил врач. — Ваш напарник только что скончался.

Дью пристально посмотрел на усталого врача. Винить врачей не в чем: они сделали все возможное. Тем

не менее Дью никак не мог сдержать волну гнева и желания наброситься на собеседника и сломать его тонкую шею.

— Отчего он умер?

— От нескольких факторов. Думаю, все вместе было слишком тяжелым бременем для организма. Если говорить напрямую, он должен был умереть еще в понедельник, однако его организм оказался достаточно силен и боролся целых шестьдесят часов. Вот мы и подумали, что, может быть, удастся спасти его, однако раны оказались слишком серьезными. Искренне сожалею. А теперь, если позволите, мне необходимо поговорить с его женой.

— Нет, — отрезал Дью. И добавил спокойно: — Я сам. Он был моим напарником.

— Как вам будет угодно, мистер Филлипс, — сказал врач. — Если понадобится, я всегда к вашим услугам.

Врач ушел, и Дью усталился в пол, собираясь с духом. Он не впервые терял напарника и не впервые приходилось сообщать ужасную весть новоявленной вдове. Опыт в таком щекотливом деле отнюдь не облегчал задачу. Забавная штука: убивать он привык, а к смерти привыкнуть не мог.

Дью усталым взглядом окинул вестибюль. Шамика пристально посмотрела на него; ее сын, Джером, дремал, положив голову на подол ее пальто. Она уже все поняла. И все-таки нужно было ей сказать, произнести те самые, трагические слова.

Он медленно направился к ней. Вспомнилась другая больница, когда они с Малколмом сидели в приемной, и напарник так нервничал, что места себе не находил от волнения. В тот день родился Джером. Дью помнил, как разговаривал с Шамикой через несколько часов после родов.

Дью шел очень медленно. Женщина затрясла головой, прижав к себе мальчика. Что-то пробормотала. Дью хотелось оказаться где-нибудь в другом месте, лишь бы не встречаться лицом к лицу с охваченной горем женой его друга, напарника... человека, которого он не сумел защитить.

Он сдержал подступившие слезы, но в душе остались печаль и жгучая ненависть. Сейчас лишь одно придавало ему сил: уверенность, что он обязательно отыщет тех, кто за всем этим стоит. И тогда живые позавидуют мертвым!

28

И СНОВА ПОЛ В ВАННОЙ

В какой-то момент в голове у Перри закрутились воспоминания. Вот ему семнадцать. Мать, как обычно в слезах, устало треплет его по голове. Перри медленно открывает глаза, чувствуя, как голову пронзает резкая боль, пальцы касаются затылка, и на них видна кровь. Отец сидит за кухонным столом, пьет из горлышка «Дикую индейку», которую только что использовал в качестве оружия против собственного ребенка.

На бутылке видна полоска крови.

Джейкоб Доуси уставился на сына.

— Как себя чувствуешь, сынок?

Перри медленно встал. Голова трещала так, что он едва мог видеть окружающее.

— Когда-нибудь, папочка, — пробормотал Перри, — когда-нибудь я убью тебя...

Отведя взгляд от сына, Джейкоб сделал еще один большой глоток. Поставил запачканную кровью бутылку на стол, вытер рот грязной ладонью.

— Просто помни, сын, что мир жесток и выживает только сильнейший. Я готовлю тебя к вступлению во взрослый мир. Потом скажешь мне спасибо. Когда сам все поймешь.

Перри встряхнул головой, пытаясь понять, что происходит, и обнаружил, что лежит на полу в собственной ванной.

Нет; отца с матерью рядом нет. И он не в родном Чебойгане. Отец давно умер. Та страница жизни повернута и завершена.

Холод слегка взбодрил Перри. Хорошо еще, что он лежал лицом вниз, иначе мог бы захлебнуться собственной рвотой, как в свое время Бон Скотт — вокалист группы «AC/DC». По слухам, Бон умер на заднем сиденье черного «Кадиллака», напившись виски и еще какого-то зелья; проснуться он так и не смог, захлебнувшись собственными рвотными массами.

Перри провел рукой по лицу, стерев слюну и грязь. Волосы тоже оказались испачканы. Желудок потихоньку приходил в норму — рвотный «фестиваль» завершился.

Как все это, черт побери, произошло? Неясные мысли носились в голове, словно ночные мотыльки в свете уличного фонаря. Левая нога испытывала приступы режущей боли.

Используя стойку в качестве опоры, Перри подтянулся и медленно встал. Тело охватила необычная слабость; любопытно, сколько времени он провел без сознания. В ванной, с наполовину закрытой дверью, не было возможности хотя бы приблизительно узнать время: в коридор совершенно не проникал солнечный свет.

Опершись о раковину, Перри посмотрел в зеркало. Правую часть лица покрывала зеленовато-желтая рвот-

ная пленка, на лбу выделялась синевато-черная шишка, словно рог у молодого носорога. Темные круги под глазами выглядели почти курьезно, как будто он перестарался с макияжем перед съемками в очередной серии ужастика «Ночь живых мертвецов».

Впрочем, привлекло внимание Перри не собственное лицо, а какая-то грязь, засохшая пятнами по всей поверхности зеркала. По стеклу сочились ручейки странной жидкости, которые высохли, оставив черные полосы. Тонкие кусочки сероватого вещества прилипли к стеклу, словно старая паста или раздавленное насекомое.

Только это было не насекомое. Перри не мог сказать, что именно, но ясно, что перед ним зло, несущее смерть...

Нужно немного тайленола, а еще — поскорее отмыть грязь. Когда Перри с трудом дотянулся до крана и включил душ, голова затрещала от боли. Он не мог припомнить, когда в последнее время испытывал подобную боль.

— Пора к врачу, — пробормотал Перри. — Черт бы побрал всю медицину!

Он поплелся на кухню искать тайленол. Двигался медленно и осторожно, обхватив голову, как будто боялся уронить на пол свои дребезжащие мозги. Встроенные в электроплиту цифровые часы показывали 12.15.

Понадобилось не меньше минуты, чтобы осознать происходящее. Сначала Перри некоторое время ломал себе голову над тем, каким образом солнце могло взойти в четверть первого ночи, потом осознал всю глупость и ужас своего предположения. Было четверть первого пополудни. Он проспал и не вышел на работу! Но он не может никуда идти — во всяком случае, до тех пор, пока не почувствует себя лучше. Оставалось тешить себя мыслью о том, что он обязательно позвонит и попытается все объяснить.

Бутылочка с тайленолом стояла на микроволновке рядом с деревянной подставкой для ножей. Глаза Перри застыли на ножницах для разделки кур. Из подставки виднелись лишь коричневые пластмассовые ручки, а внутри корпуса скрывались толстые, острые лезвия, способные легко резать сырое мясо и крошить куриные кости. На несколько секунд ножницы приковали к себе внимание Перри, после чего он протянул руку к бутылочке с лекарством.

Перри бросил в рот четыре пилюли, запив глотком воды из-под крана. Шумно выдохнув, шаркающей походкой направился обратно в ванную, стягивая по пути одежду, и с удовольствием шагнул под душ. Горячая вода оживила ослабшие мышцы, туман в голове начал рассеиваться. Скоро лекарство подействует и успокоит ставшую уже невыносимой головную боль.

29

МОТИВАЦИЯ

Дью сдерживал слезы. Он не хотел, чтобы их кто-нибудь увидел. Слезы рвались наружу, и ему приходилось нелегко, но, собрав все силы, он все-таки держался. На этой работе у него никогда не будет друзей.

Сколько еще ему терпеть? На много ли его хватит? Сколько еще видеть перед собой смерть?

Скольких еще ему придется... убить?

Он засопел и вытер нос ладонью. Нужно позвонить еще раз.

Дью вытащил маленький сотовый телефон — тот, который из двух имеющихся считал «нормальным», — и набрал номер.

Прозвучало три долгих гудка, прежде чем ответили.

— Алло?

— Привет, Синтия, это Дью.

— О, привет... Как дела?

В словах и интонации Синтии отразилась целая история их сложных взаимоотношений, десятилетия событий, эпизодов, происшествий. По сути, Дью и Синтия ненавидели друг друга, но эта странная ненависть смешалась со страстью, порой более сильной, чем ярость во время схватки с врагом. Ненависть родилась из любви, глубокой, всепоглощающей любви к одному и тому же человеку.

Этим человеком была Шарон, единственная дочь Дью.

— Сказать по правде, раньше дела мои шли гораздо лучше, — ответил Дью. — Только не говори об этом Шарон, ладно?

— Ясное дело, дорогой. Хочешь, чтобы я передала ей трубку?

— Если не трудно.

— Подожди минутку.

Друзьями они с Синтией никогда не станут, но по крайней мере они уважали друг друга. Приходилось уважать, ведь Шарон любила обоих, она не смогла бы разорваться на части, будь они в постоянной ссоре.

Тяжело было слышать, что его маленькая дочь вздумала, будто она лесбиянка. Тем не менее это было ничто по сравнению с болью и гневом, которые Дью ощутил семь лет спустя, когда узнал, что Шарон и Синтия — больше чем «напарники»: они провели какую-то церемонию и фактически вступили в брак. Две супруги, вот так-то! Он пришел тогда в ярость, накричал на обеих, наговорил такого, о чем потом неоднократно жалел.

Синтия, естественно, дала ему решительный отпор. Ей хотелось защитить Шарон, теперь Дью это понимал. Она тоже презирала мужчин, особенно грубых, высокомерных и невозмутимых служак, олицетворением кото-

рых являлся Дью Филлипс. Но ее постоянные нападки на Дью — в том числе в его отсутствие — оказывали негативное влияние на Шарон.

Дью ненавидел. Синтия ненавидела. Шарон любила, просто и искренне.

Понадобилось еще два года, прежде чем Дью понял: их «союз» — не преходящее увлечение, Шарон собиралась прожить с Синтией всю оставшуюся жизнь. И тогда, поняв, он поступил так, как поступил бы на его месте любой добросовестный солдат. Они с Синтией встретились в «демилитаризованной зоне Старбакс» и согласовали непростые условия «перемирия», то есть согласились вести себя корректно и относиться друг к другу с уважением. С годами Дью начал приходить к выводу, что Синтия не такой уж плохой человек — насколько это можно сказать о лесбиянке.

— Привет, папочка! — раздался в трубке голос дочери.

— Здравствуй, моя сладкая. Как дела?

— Все великолепно. Ты-то как?

— В порядке. Лучше и быть не могло. Работаю потихоньку.

— Сидишь в конторе? — В ее голосе послышались нотки беспокойства. — Беготней больше не заставляют заниматься?

— Конечно, нет, в моем-то возрасте? Я бы с ума сошел.

— Наверняка.

— Послушай, милая, у меня всего минута. Я просто захотел позвонить и услышать твой голосок.

— Пожалуйста, слушай. А когда ты снова приедешь к нам в Бостон? Хотелось бы с тобой встретиться. Можем сходить куда-нибудь, ты и я.

Дью судорожно сглотнул. Если уж изрезанный Малколм Джонсон не выдавил из него слезу, то он не позволит, чтобы такое произошло после разговора с дочерью.

— Дочка, ты ведь знаешь, что у нас с Синтией теперь тоже все нормально. Мы ходим вместе и проведем вечер втроем.

Дью едва не рассмеялся, когда услышал, как Шарон засопела в трубку, а потом, не выдержав, громко разрыдалась:

— Да, папочка... Ты и представить себе не можешь, что это для меня значит. Для нас...

— Ну ладно, прекрати плакать. Мне нужно идти. Скоро я позвоню. Пока.

— Пока, папочка. И будь осторожен. Не подхвати занозу от стола, за которым сидишь у себя в конторе.

Дью отключил телефон и глубоко вздохнул. Он получил, что хотел, — на время отключился от проблем. Все, что делал Дью, делалось ради Шарон. И ради страны, в которой его дочь могла жить, как ей вздумается, пусть с другой женщиной и пусть ее отец с трудом это переносил. На свете немало мест, где за подобное Шарон грозила бы смерть...

Что остается? Продолжать борьбу и даже убивать, когда в том есть необходимость, потому что Америка — величайшая страна на свете? Наверное, так, но Дью побуждали причины иного характера. Личные.

И ему их вполне достаточно.

30

МИСТЕР КОНГЕНИАЛЬНОСТЬ

Маргарет, Эймос и Кларенс Отто дружно поднялись, когда в кабинет вошел Мюррей Лонгуорт. После того как он пожал руку каждому, все уселись. Мюррей, естественно, занял место за большим столом.

— Ну, чем порадуете, эксперты? На сей раз вам достался довольно свежий экземпляр. Надеюсь, неразложившийся труп дал хоть пару нитей к разгадке?

Инициативу взяла на себя Маргарет.

— К сожалению, «неразложившимся» труп оставался крайне недолго. Никаких тканей больше нет. Остался лишь скелет — как в случае Джуды Вашингтон и Шарлотты Уилсон. И еще у нас в наличии разжиженные останки, но я полагаю, что из имеющегося материала мы выжали все, что можно. Прежде чем Брубейкер полностью разложился, мы смогли собрать кое-какую ценную — и неприятную — информацию. Мы считаем, что новообразование на теле — не модификация ткани, а паразитирующий организм.

Лицо Мюррея сморщилось от отвращения.

— Значит, все-таки паразит? Почему вы так думаете?

— Как и в случае с Шарлоттой Уилсон, сам нарост уже разложился. Зато обнаруженные в окружающей ткани структуры вынуждают классифицировать его как паразит. Новообразования подключаются к системе кровообращения организма-носителя, высасывают из крови кислород и, возможно, питательные вещества.

Мюррей пристально посмотрел на Маргарет.

— То есть вы хотите сказать, что эти треугольные штуки живые? Что они не часть жертвы, а самостоятельные живые организмы?

— Именно.

— Тогда почему организмы-носители, как вы их называете, сходят с ума?

— Мы обнаружили в мозге избыточные уровни нейротрансмиттеров, — ответила Маргарет. — Нейротрансмиттеры — это вещества, передающие сигналы от одних нервных клеток к другим, тем самым позволяя телу осуществлять связь с головным мозгом и наоборот, а также

давая возможность мозгу функционировать. Отмечены, в частности, высокие уровни допамина и серотонина. Избыток допамина связан с тяжелыми формами шизофрении, а чрезмерные количества серотонина могут вызывать психопатию и паранойю. Кроме того, обнаружены исключительно высокие уровни эпинефрина и норепинефрина. Эти два гормона играют ключевую роль в выработке реакций на чрезвычайные ситуации и угрозы. Еще они вызывают физиологические выражения страха и беспокойства. Когда гормоны превышают нормальные уровни, весьма распространены психические расстройства.

Мюррей понимающе кивнул.

— Так значит, паразиты сводят людей с ума за счет увеличения числа нейротрансмиттеров?

— Верно, — подтвердил Эймос. — Однако дело не только в этом. Паразит выращивает структуры, которые имитируют человеческие нервы. Мы обнаружили подобные структуры в областях вокруг новообразований, но их следы есть и в головном мозге, особенно в лимбической коре.

— Что значит «лимбической»?

— Это особая группа областей, — вмешалась Маргарет, — включающих, помимо прочего, таламус, гиппокамп и мозжечковую миндалину, которые контролируют эмоции и содержат базовые структуры памяти и воспоминаний. Новообразования в данной области могут являться разновидностью эндокринных систем для секретирования избыточных нейротрансмиттеров. Как следует из анализа случаев с избытком допамина в лимбической области, в организмах-носителях может развиваться исключительно острая паранойя. Это согласуется с поведением Брубейкера, Блейна Танариве, Гэри Лиленда и Шарлотты Уилсон. Но поскольку но-

вообразование фактически представляло собой искусственные нервы, то не исключено, что преследовалась иная цель — вполне возможно, что паразит каким-то образом был имплантирован в мозг.

В глазах у Мюррея замелькали гневные огоньки.

— Ну это уж слишком. Я согласен с вашей предыдущей теорией, она не лишена смысла, но имплантация в мозг... Вы же говорите, это не химическая передозировка, паразит каким-то образом контролирует организм-носитель?

— Такая возможность существует, — кивнула Маргарет.

— Почему бы вам тогда не заявить, что носителями овладели злые духи, доктор Монтойя? Начиная подозревать, что я совершил серьезную ошибку, поручив вам руководство исследованиями. Неужели вы думаете, я поверю в то, что какой-то паразит может контролировать организм человека и заставляет его совершать такие ужасные поступки?

— Мы не говорили, что паразит использует людей как роботов, — вмешался Эймс. — Однако в природе есть немало примеров, когда паразиты способны изменить поведение хозяина-носителя. Например, существуют трематоды, паразитирующие на болотных улитках. Чтобы завершить свой жизненный цикл, трематоды должны перейти с улиток на песчаных блох. Личинки трематод каким-то образом вынуждают улиток покидать пруды и болота и выползать на сушу. Здесь улитки погибают. То есть трематоды фактически заставляют их совершать самоубийство, если хотите. На этой стадии трематоды покидают улиток и «пересаживаются» на блох. А колючеголовые черви? Они начинают свой путь на тараканах, после чего перебираются на крыс. Чтобы упростить эти перемены, червь фактически заставля-

ет таракана меньше осознавать опасность, поэтому тот гораздо чаще становится добычей крыс. Кроме того, есть еще...

Мюррей поднял вверх руку, перебив Эймса:

— Мне все понятно, док. То, что вы рассказали, чертовски интересно, но улитки и тараканы, черт бы их побрал, все-таки весьма далеки от человека.

— Поведение — всего лишь химическая реакция, мистер Лонгуорт, — возразил Эймс. — Человеческое поведение связано с более сложными реакциями, но это все равно реакции, а если можно манипулировать улитками или тараканами, то, значит, и людьми тоже.

Мюррей задумчиво почесал кончик носа.

— Знаете, я приехал сюда в надежде получить обнадеживающие новости, а вижу, что с каждой секундой ситуация лишь ухудшается. Хорошо, допустим, кто-то посторонний создал паразита, способного манипулировать человеческим поведением. Когда вы предоставите в мое распоряжение хоть что-нибудь, что можно использовать практически?

— Мистер Лонгуорт, мы имеем дело с невероятно развитым организмом, — медленно проговорила Маргарет. Ее голос стал холодным и сердитым. Начальнику хотелось услышать простые ответы, а их попросту не было. — Речь идет о высокой степени технологического превосходства. Если организм создан на базе биоинженерных технологий, то они настолько опережают наши, что это даже трудно себе представить. Иными словами, если паразит — плод чьего-то разума, нас ждут большие неприятности.

Мюррей нахмурился. Упоминание о дополнительных трудностях его явно не обрадовало.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я подозреваю — и должна заметить, что Эймос со мной не согласен, — что психопатическое поведение жертв, возможно, не преднамеренное действие, а побочный эффект.

Мюррей покачал головой, потом уставился на настенные таблички.

— Это оружие, доктор Монтойя, притом дьявольски эффективное. Не усложняйте все таким образом, чтобы упустить самое очевидное. Вы разбирайтесь с химией и прочими подобными вещами, а стратегический анализ оставьте мне. Так вот, теперь мне нужны идеи по поводу того, как с этим бороться. Есть какие-нибудь предложения?

— Есть пара первоочередных задач, — сказала Маргарет. — Во-первых, необходимо расширить штат. Нам нужны психиатры.

— Зачем?

— У всех жертв отмечены тяжелые расстройства поведения. Если мы хотим узнать, как все работает, нам нужен живой организм-носитель. Нужен расширенный персонал, особенно нейробиолог и нейрофармаколог, причем как можно скорее. Психолог мог бы помочь объяснить, как обращаться с безумцами. В перспективе нам нужно узнать, как бороться с воздействием паразитов. Может быть, с помощью каких-то препаратов, которые модифицируют поведение человека путем противодействия передозировке нейротрансмиттеров.

— Не думаю, что расширение штата — удачная идея, Маргарет.

— Нам нужны эти люди, причем нужны уже сейчас, немедленно. В любую секунду мы рискуем упустить контроль над ситуацией. Одно дело — контроль за информацией, и совсем другое — позволить чуме распространиться.

Лонгуорт принялся барабанить пальцами по крышке стола.

— Хорошо. Я начну подыскивать людей. Не стоит еще раз напоминать о секретности операции, поэтому в ближайшие пару дней никого к вам присылать не буду. Есть ли у вас что-нибудь, что можно было бы использовать прямо сейчас?

— На теле Брубейкера обнаружен небольшой нарост с растущими из него цветными волокнами. Такой симптом подпадает под характеристику болезни Моргеллонс. Мы считаем, что волокна — это погибший паразит, но части его продолжают жить. Волокна состоят из целлюлозы, обычного для растений материала, только вот абсолютно не вырабатываемого человеческим организмом.

— Волокна соединены с треугольниками?

— Да, соединены, — ответил Эймс. — Структура треугольников состоит из того же материала, что и волокна, — из целлюлозы. И здесь нет места совпадений.

— То есть, если у тебя волокна, — усмехнулся Мюррей, — значит, у тебя есть треугольники? И ты станешь психом?

Маргарет нагнулась вперед.

— Не в этом дело. Похоже, люди могут иметь подобные волокна, однако в них не развивается полноценный паразит.

— А мы не видели такие треугольники раньше? В ЦКЗ есть какие-нибудь данные?

— Нет, — сказала Маргарет. — Но это не означает, что таких данных или случаев не было. Просто мы их не нашли.

— Таким образом, чертовы волокна существуют уже несколько лет, а треугольники — штука совершенно но-

вая, — заключил Мюррей. — Похоже, тот, кто создает оружие, постоянно его совершенствует.

Маргарет судорожно глотнула. Если она намерена склонить дело в свою сторону, то сейчас самое время.

— В ЦКЗ, возможно, имеется информация по болезни Моргеллонс, в том числе временные шкалы и генетические карты людей со сходной симптоматикой. Нам нужно поговорить с доктором Франком Ченом, который возглавляет соответствующие исследования.

Мюррей откинулся в кресле главврача и поднял взгляд на потолок.

— Мы не можем привлекать ЦКЗ, Маргарет. Именно поэтому я и направил вас сюда из этой организации.

— Нам нужно поговорить с доктором Ченом, — повторила Маргарет. — Возможно, у них уже есть база данных по упомянутой болезни. Если нам повезет, то они отслеживают симптомы, даты занесения инфекций и другую информацию, которая в потенциале приведет нас к другим жертвам паразитоза.

— Я не могу этого позволить.

— Вы *позволите*, Мюррей! — вспыхнула Маргарет. — До сих пор я играла по вашим правилам, но я говорю с этим человеком, причем не важно, получу я от вас соответствующее разрешение или нет.

Маргарет ждала тяжелой схватки, однако Мюррей лишь вздохнул.

— Ладно, поговорите с ним. Но вы не должны — и я повторю, чтобы еще раз отчетливо услышали — упоминать о треугольниках. Ясно?

— Да.

— Хорошо, выясните, что у них есть по нашему делу. А я выдам вам соответствующий допуск. Отто, позвоните директору ЦКЗ. Пусть доктор Чен свяжется с доктором Монтойя, причем ему не нужно знать зачем.

— Есть, сэр, — отковырял Отто и улыбнулся Маргарет. Улыбка получилась едва заметной, но она успела перехватить его взгляд.

— Ладно, Монтойя, беседуйте на здоровье, — сказал Мюррей. — Тем не менее, если это ни к чему не приведет, нам понадобятся альтернативы. Дайте мне на вооружение то, с чем можно работать.

— Избыточные нейротрансмиттеры создают биохимические нарушения, — продолжала Маргарет. — Исходя из того, что мы наблюдали, носители страдают от параноидальной шизофрении, возможно, дополняемой острыми галлюцинациями. Паранойя имеет острый характер, сопровождается намеренными угрозами и тайными умыслами, однако я уверена, что это не происходит в одночасье. Видимо, есть какой-то процесс развития, усиления паранойи. На ранних стадиях носители, возможно, ищут помощи, но если судить по пяти уже известным случаям, становится ясно, что эти люди очень недоверчивы и стараются держаться подальше от больниц и врачей. Нам придется самим вызывать их на контакт.

— Как? — недоверчиво спросил Мюррей.

— Можно было бы разместить объявления в газетах. Обыкновенные, неброские заметки, которые взывали бы к параноидальному характеру жертв, но не привлекли бы никакого внимания посторонних. Какой-нибудь бизнес со словом «треугольники» в названии или что-нибудь в этом роде — то, что носители, увидев, немедленно ассоциируют со своими проблемами. У параноиков непрерывно рождаются всякого рода фантазии по поводу окружающего их мира. Если мы как-то затронем эти фантазии, то можем привлечь этих людей и спасти их.

Мюррей кивнул.

— Объявления в газетах — неплохая задумка. Потребуется немного времени, чтобы создать фирму под

вымышленным именем, но придется принять меры к тому, чтобы избежать внимания средств массовой информации. Впрочем, это дело техники. Какие еще идеи вы готовы предложить?

— Извините, что перебиваю, сэр, — откашлявшись, вмешался Отто. — Большинство людей сейчас узнают новости не из газет, а из Интернета. Нужно создать веб-страничку и индексировать ее в основных поисковых службах, чтобы она с легкостью находилась. Сеть — вещь довольно анонимная, поэтому носители могут запросто блуждать там в поисках интересующей их информации — например, о своих злополучных наростах. Натолкнувшись на такой сайт, они тут же свяжутся по электронной почте, начнут участвовать в форумах и так далее.

Мюррей моментально оживился.

— Отлично, я все понял. Немедленно поручу выполнение этой задачи специалистам. Мы разработаем несколько способов, чтобы привлечь носителей. Что у вас еще, доктор?

— Дело вот в чем, — сказала Маргарет. — Треугольники разлагаются так быстро, что у нас не было возможности досконально изучить хотя бы один из них. Нужен либо живой носитель, либо мертвый, но такой, смерть которого наступила не более часа-полутора назад. Мюррей, нам необходимо увидеть живого носителя. Только так мы сможем глубже проникнуть в суть проблемы.

31

ГОЛОВОМОЙКА

Перри вышел из душа в заполненную паром ванную комнату и наскоро вытерся полотенцем. Сейчас он ощущал странное умиротворение, как будто к нему верну-

лись все прежние ощущения. Наверное, это был самый долгий душ в его жизни, но каждая секунда пребывания под горячей водой стоила того. Головная боль в основном прошла. Желудок был пуст, и Перри чувствовал голод. Настоящий голод. Уборка в ванной подождет, пока он не изучит содержимое холодильника. Для начала подойдут несколько «поп-тартов».

Стараясь не ступить чистыми ногами на грязь на полу, Перри проковылял к запотевшему зеркалу и ладню протер пятно достаточных размеров. На водянистом отражении с тревогой заметил, что совершенно зарос: щетина на подбородке была двухдневной давности!

Господи... сколько же времени он провел в отключке?!

Завернувшись в полотенце, Перри прошел в комнату и включил телевизор. Канал 23 всегда показывал время в левом нижнем углу экрана.

Сейчас там мигало 12.40. Только это был не четверг, 13 декабря. Наступила пятница, 14 декабря!

Он пребывал без сознания с момента возвращения домой в среду. Почти двое суток. В луже собственной рвоты?! Неудивительно, что сейчас нестерпимо хотелось есть.

Перри схватил сотовый. Шестнадцать непринятых текстовых сообщений! Большая часть, видимо, от Сэнди, которая хотела поинтересоваться, планирует ли он вообще появиться на работе.

Работа... Он пропустил два полных рабочих дня. Его, наверное, уже уволили. Не тащиться ведь в офис в 13.00! Хорошенькое получится объяснение: «Простите, босс, я поскользнулся в ванной, стукнулся головой о сиденье унитаза и провалялся без сознания, уткнувшись носом в лужу собственной рвоты на полу».

Перри присел на диван и быстро пролистал эсэмэски. Две из них действительно оказались от Сэнди, семь со-

общений пришли от Билла, остальные — от спецов по телефонному маркетингу. Четыре СМС датировались четвергом. По тону сообщений чувствовалось, что Билл не на шутку встревожен. В последнем сообщении пятницы он писал, что зайдет к нему узнать, все ли в порядке.

Перри стер полученные сообщения. Потом отключил звонок; меньше всего ему хотелось сейчас с кем-нибудь разговаривать, даже с Биллом. Подошел к двери и открыл ее. Он не удивился, заметив выпавший из дверной щели листок бумаги, на котором было нацарапано:

Стучал, звонил, стоял под дверью... Послушай, с тобой все в порядке? Позвони, когда вернешься. Не волнуйся, Сэнди не сердится. Ей звонить не нужно, но она хотела бы знать, все ли у тебя нормально. Я тоже. Видел твою старую машину на парковке; значит, ты нигуда не уехал. В общем, позвони.

Два дня. Он прогулял два дня. Что сказал бы его старик-отец? Уж наверняка ничего хорошего. Ничего, он все компенсирует. Ради Сэнди. В ближайшие три месяца он станет работать в две смены и в выходные. Контузия, сотрясение мозга или еще бог весть что... разве это оправдание за такой прогул? Просто позвонить было бы трусостью. Он поедет немедленно и объяснится лицом к лицу. После того, естественно, как вначале посетит больницу.

В животе крутило и бурлило. В первую очередь нужно что-то перехватить.

Через минуту Перри уже жарил на сковородке несколько яиц. Аромат яичницы вызвал моментальное выделение слюны. Перри опустил в тостер два ломтика хлеба, третий закинул в рот и принялся яростно жевать.

Прежде чем яичница была готова, Перри успел вытащить из шкафчика оставшиеся «поп-тартсы» и съесть их. Когда он выкладывал яичницу на тарелку, первая гренка выскочила из тостера. Обмакнув ее в желток, он с удовольствием откусил кусочек, и в животе приятно заурчало.

Потом Перри замер, и наполовину кусок гренки застыл у него во рту.

Круглый, желтовато-оранжевый желток блеснул, окруженный слоем белка. Оранжевый желток, который мог бы превратиться в цыпленка... при более благоприятном развитии событий. Этот желток изменялся, рос, увеличивался.

Гренка упала на пол. Естественно, намазанной стороной вниз.

Что за мысли лезут ему сейчас в голову? Стоит ли беспокоиться о работе, когда в теле такая чертовщина?! Перри отвернул край полотенца, чтобы рассмотреть бедро, обнажив рану, которая помогла ему отключиться на двое суток. Вода в душе смыла запекающуюся кровь, оставив свежую рубцовую ткань с маленьким бордовым струпом посередине. Рана выглядела здоровой. Беловатый нарост, вызывавший чесотку, давно исчез.

Исчез... но другие остались.

Он уселся за кухонным столом, поднял правое колено к груди, чтобы получше разглядеть голень.

Первоначальная шероховатая корка исчезла. А то, что возникло на ее месте, не доставило Перри удовольствия.

Там, где раньше была толстая шелушащаяся оранжевая кожа, теперь располагался странный треугольник. Треугольник, который находился под его кожей. Длина каждой из сторон треугольника составляла около дюйма.

Кожа, покрывающая необычный треугольник, имела бледно-голубой оттенок, такой же, как у вен на запястьях руки. Но это была не его кожа. Никаких повреждений или порезов на коже ноги не было, однако то, что покрывало голубой треугольник, выглядело каким-то чужим. На ощупь более плотным, чем собственная кожа Перри.

Возле каждой из вершин треугольника находилась узкая щель, указывающая на его центр. Это напомнило Перри о разрезах на яблочном пироге — если бы, конечно, пирог был треугольной формы, сделан из человеческой кожи и имел голубоватый оттенок.

Что, черт побери, это такое?

Нужно отправляться в больницу.

Отца тоже когда-то положили в больницу — откуда ему не суждено было выбраться. Врачи ни черта не смогли для него сделать. Последние несколько месяцев своей жизни Джейкоб Доуси провел, увядая на больничной койке, а никчемные доктора утыкали его ослабевшее тело иглками, щупали, осматривали, брали бесконечные анализы. За это время отец из могучего мужчины весом свыше ста килограммов превратился в шестидесятикилограммовую, обтянутую кожей мумию, похожую на персонаж из фильма ужасов.

Когда-то Перри и сам попал в больницу, сразу после травмы колена на матче турнира «Розовой чаши». Он думал, что чертовы доктора смогут что-нибудь сделать. Увы. Несколько месяцев спустя вторая группа специалистов заявила, что первая все перепутала, поставила неправильный диагноз, и что если бы не их ошибки, то Перри смог бы продолжить карьеру.

Но сейчас дело не в колене. И рак здесь ни при чем. Рак — мертвый кусок плоти. То, что Перри вытащил

из ноги, было живым организмом, который двигался *самостоятельно*.

Таких оставалось еще целых шесть штук. Шесть существ, которые беспрепятственно росли лишние два дня, в то время как он валялся без сознания. Всего три дня понадобилось на то, чтобы маленькая, ничего не значащая сыпь превратилась в шевелящийся ужас, а потом — еще сорок восемь часов, чтобы трансформироваться в странные треугольники. Что же ожидает его в ближайшие сутки или двое?

Пора отправляться в больницу. Тянуть больше нет никакой возможности.

32

ЗВОНОК ДОКТОРУ ЧЕНУ

Маргарет с тревогой ждала, пока доктор Чен возьмет трубку. Вообще-то ей не нравилось, когда люди заставляют себя ждать, но грех расстраиваться, пока сильные руки Кларенса Отто массируют занемевшие плечи. Маргарет все еще находилась в кабинете главврача — правда, теперь сама сидела в кресле начальника. Мюррей уже спешил в Вашингтон. Эймос воспользовался возможностью, чтобы подремать в одной из пустых комнат.

Чен был в своем роде важной персоной в штаб-квартире ЦКЗ в Атланте. Маргарет не имела ни малейшего представления об этом человеке, однако забавно было услышать, как переполошилась секретарша, когда она попросила пригласить доктора к телефону. Одно упоминание о заместителе директора ЦРУ открывало множество дверей.

— Слушаю, доктор Чен.

Маргарет слегка покачала головой. Она ожидала услышать азиатский акцент, но мужчина говорил так, словно был родом из южнокалифорнийского Бейкерсфилда.

— Доктор Чен, это Маргарет Монтойя.

— Чем могу быть вам полезен, Маргарет? Похоже, вы хотите обсудить что-то очень важное, раз уже мне позвонил директор центра и попросил предоставить вам всю необходимую информацию...

В голосе Чена сквозило раздражение; похоже, звонок Маргарет оторвал его от важных и неотложных дел.

— Да, доктор Чен. Я и сама работаю в ЦКЗ.

— В самом деле? Странно, что никогда не слышал о вас. Вы работаете в Атланте?

Маргарет поморщилась.

— Нет, в отделении Цинциннати.

— А-а... — насмешливо протянул Чен.

— Доктор Чен, мне нужна информация по работе оперативной группы, занимавшейся болезнью Моргеллонс, — сказала Маргарет.

— Вы решили побеспокоить меня из-за *этого*?!

— Боюсь, что да. Просто мы занимаемся сходной проблемой...

— Не знаю, о каком сходстве может идти речь, — раздраженно перебил ее Чен. — Потому что никакой болезни не существует. Есть кучка сумасшедших, которые сами себя убедили в том, что под кожей у них завелись жучки.

Он говорил с состраданием нациста, открывающего кран в газовой камере лагеря смерти.

— Меня больше интересуют волокна.

Последовало недолгое молчание.

— Да, здесь есть кое-что необычное, но едва ли существенное. Скажу вам откровенно, я был не в восторге

оказаться посреди этого массового самообмана. Волокна в коже не делают вас сумасшедшим, хотя боль, ощущаемая жертвами, представляется вполне реальной. У некоторых обнаружены уникальные волокна, которые, по-видимому, созданы их собственными телами, однако для большинства из них волокна не вреднее ворсинок из ковров. Они сами себе внушили, что заражены паразитами, расчесывают до крови все тело, и из ран иногда торчат тонкие волоски. Едва ли это эпидемия.

— Вы ведь видели такие «уникальные», как вы говорите, целлюлозные волокна, растущие из кожи, не так ли?

— Да, мы их обнаружили, — ответил Чен.

— Надеюсь, у вас имеется база данных на пациентов, которые утверждали, что были заражены, особенно на тех, у которых обнаружили волокна.

Вопрос, по-видимому, разозлил Чена.

— Естественно, такая база данных у нас есть, доктор Монтойя. Мы разослали бюллетени ведущим профессионалам-медикам и просили их сообщать обо всем, что мало-мальски соответствует множеству симптомов, характерных для жертв болезни Моргеллонс. Расскажите, над чем вы работаете. Может быть, ваш случай попадает в сферу компетенции нашей оперативной группы.

Маргарет погрузилась в кресло и протерла глаза. Разговор пошел в нежелательном направлении.

— Маргарет, — прошептал Отто. Она открыла глаза. Агент подошел к столу, указал на нее, затем поднял левую руку и опустил ладонью вниз, как бы призывая к спокойствию. Потом правой рукой сделал несколько характерных взмахов, — так рассерженный отец шлепает нашкодившего малыша. После чего многозначительно указал на телефон. — Давай, девочка, задай жару этому типу.

Маргарет понимающе кивнула. Все правильно. Здесь она начальник и никакому Чену не подчиняется.

— У меня в распоряжении не целый день, Монтойя, — сказал Чен. — Над чем вы работаете?

— Боюсь, что не вправе ничего вам сообщить, Чен, — ответила Маргарет. — У вас нет допуска к этой информации. И в данном случае именно вы подчиняетесь мне, а не наоборот. Вам известно, что такое подчинение приказам?

Наступила пауза.

— Не так ли, доктор Чен?

— Конечно, известно...

— Отлично. У меня мало времени. Либо прекратите быть несносным упрямым, либо я сейчас же позвоню директору ЦКЗ и сообщу о том, что вы отказываетесь сотрудничать.

Последовала еще более длительная пауза. Отто теперь стал изображать ковбоя, который прищпоривал упрямую лошадь. Это выглядело нелепо: взрослый мужчина, агент ЦРУ, в черном костюме и красном галстуке, прыгающий по кругу с выражением неестественного экстаза на лице. Маргарет с трудом сдержала улыбку.

— Хорошо, — наконец проговорил Чен. — Что вам нужно?

— Прямо сейчас мне нужно, чтобы вы вспомнили о самых последних отчетах. Меня интересуют даты первых симптомов, согласно сообщениям от самих пациентов. Таким образом, я отбрасываю тех лиц, которые, по их словам, страдали уже десять лет и лишь сейчас обратились к врачу.

— Мне известно, что такое «даты первых симптомов», — огрызнулся Чен.

Маргарет услышала, как застучали клавиши его компьютера.

— Один случай зафиксирован в Детройте две недели назад, — минуту спустя сообщил Чен. — Имя жертвы — Гэри Лиленд. Он сообщил о волокнах, растущих на правой руке. Множество ран и болячек от расчесывания. Затем... два случая в Анн-Арбор, штат Мичиган. Кьет Нгуен, старшекурсник факультета живописи Мичиганского университета. И еще Саманта Хестер, которая привела свою дочь Мисси к тому же врачу.

Маргарет торопливо записывала, несмотря на то, что приказала Чену продублировать всю информацию еще и по электронной почте.

— Когда? Когда от них поступили сообщения?

— От Нгуена семь дней назад, от Хестер — шесть.

— Успели обследовать?

— По сути — да. Мисси занимался я лично. У девочки на правом запястье было обнаружено тонкое волокно. Я удалил его, хорошенько все осмотрел, но больше никакой сыпи, волокон, волосков или других отметин не нашел.

— Когда это было?

— Четыре дня назад. Очаровательная девочка. Сегодня я лечу туда, чтобы обследовать ее еще раз.

— Не стоит, доктор. Я сама приеду в Анн-Арбор для осмотра.

— О, в самом деле? А вы сами-то понимаете, что ищете?

— Да, доктор, — жестко ответила Маргарет. — Я точно знаю, что меня интересует. А как насчет господина Нгуена?

— Редкий грубиян.

— Что произошло?

— Как только я сказал, что я из ЦКЗ, он сказал... сейчас, я проверю свои записи... Так вот, он сказал следующее: «Если ты, шпионская тварь, только заявишься

сюда, я оторву твои поганые яйца и затолкаю их в твой вонючий рот. Убью любого, кого ты ко мне пошлешь. Иди в задницу!». Затем повесил трубку. Стоит ли говорить, что эта мерзкая личность стоит последней в списке опрашиваемых.

— Еще кто-нибудь?

— Больше никого за последние шесть месяцев.

— Направьте мне эти дела, и поскорее. У вас есть адреса Нгуена и Хестер?

— Я же говорил, что у нас есть база данных, доктор Монтойя.

— Благодарю вас, доктор Чен, вы очень помогли.

Маргарет повесила трубку и немедленно набрала номер Мюррея.

33

ЗА РУЛЕМ И В ТИСКАХ СТРАХА

Хлопья снега мягко ложились на ветровое стекло. Перри медленно ехал через город по Уоштиноу-авеню, направляясь к больнице.

Медицинский центр Мичиганского университета считается одной из лучших больниц в мире. Он оснащен передовым оборудованием, здесь работают врачи экстра-класса и проводятся передовые исследования. Если где-то и можно получить квалифицированную помощь, то только здесь...

Да нет, на самом деле все кончено. Чем врачи ему помогут? С другой стороны, лучше знать своего убийцу, чем сидеть на месте и попусту терять время. Впрочем, скорее всего, врачи осмотрят его, ощупают, обследуют, а потом объявят, что его заболевание — нечто новое и неизвестное. И хотя врачи будут знать о заболевании

не больше, чем папа римский о жестком порно, они все равно напустят на себя важный вид. Врачи все такие, вечно пытаются выглядеть умными и компетентными в глазах своих пациентов.

Перри снизил скорость, чтобы повернуть на Обсерватори-стрит, однако пришлось подождать, пока улицу перейдет группа пешеходов. Он въехал на территорию студенческого городка, а студенты университета отличаются апатичным отношением к автомобилистам. Молодые люди неспешно, почти лениво переходили улицу даже в часы пик, уверенные в том, что водители обязаны притормозить и пропустить их. Большинству из студентов до сих пор не приходила в голову мысль о том, что их может постигнуть быстрая и несправедливая смерть.

— Настанет и ваш день, — тихо проговорил Перри, мысленно обращаясь к мелькающим перед машиной студентам с портфелями и сумками. — А мой, видно, уже настал.

Теперь он находился всего в нескольких кварталах от медицинского центра.

Перри вдруг понял, что нужно позвонить на работу. Хотя какая разница, позвонит он или нет? Разве это поможет выжить?

— Пошли все к черту! — пробормотал он. Скоро его коллеги обо всем узнают в новостях. — Парень из Мичигана умирает от неизвестной болезни, названной по имени его врача, который будет жить и заработает огромную кучу денег на своих исследованиях и лекциях.

На красном сигнале светофора Перри притормозил. Ист-драйв поворачивала направо. В воздухе кружились пушистые хлопья снега, временами то замирая, то стремительно разлетаясь от порывов ветра. Перри

все сильнее охватывало отчаяние. В окружающих его автомобилях сидели нормальные люди. Не имеющие ни малейшего понятия о болезни, выворачивающей его тело наизнанку. Нормальные, дьявол их поberi!

Или... они вовсе не нормальные? С чего он вдруг взял, что эти люди не страдают и не мучаются? Может быть, они с трудом преодолевают зуд и им хочется чесаться до тех пор, пока ногти не станут красными от крови. Откуда ему знать, нормальны окружающие люди или заражены?

Вдруг он не первая жертва неизвестной болезни? Если так, то напрашивался тревожный вопрос: почему он ничего не слышал об этом раньше?

Сзади кто-то засигналил, загорелся зеленый сигнал светофора. Миновав перекресток, Перри направил машину ближе к краю дороги. По правую руку располагалось кладбище. Вполне к месту, рядом с больницей...

Его обгоняли другие машины, и в них ехали люди, которые могли оказаться нормальными или больными. И все куда-то спешили по своим делам. Перри крепче вцепился в руль, чтобы унять дрожь в руках.

Почему он не слышал о подобном раньше?

Ради бога, у него под кожей растут злополучные голубые треугольники! Болезнь явно необычная... В прессу уже давно просочилась бы какая-нибудь информация, верно?

Перри тихо сидел, уставившись через ветровое стекло на винный магазин, а проникающий в салон холодный воздух вытягивал скудное тепло от обогревателя. Что, если в больнице ждут поступления таких, как он? Может, ему и не попытаются помочь. Не исключено, что они лишь обследуют треугольник, а его самого запрут в какой-нибудь палате, словно пленника, чтобы

наблюдать, как он умрет. Или его просто убьют при операции и разрежут на части, как подопытное животное.

В возникшей ситуации крылось еще что-то. В конце концов, это не просто болезнь; он *помечен* смертью, словно узник нацистского лагеря смерти, а треугольники — Давидовы звезды, нашитые на одежду.

Черт, если в больницу нельзя, как тогда быть? Что, черт возьми, делать?

Страх медленно вцепился в подсознание Перри, сдавливая дыхание и вместе с колючим холодом вызывая в теле нешуточную дрожь.

— Нужно выпить, — прошептал Перри. — И немного времени, чтобы выяснить, в чем дело.

Он развернулся, поехал в обратном направлении и не останавливался до тех пор, пока не поравнялся с «Уоштиноу-пати-стор». Телефон-автомат оказался свободным, но в кои-то веки ему не нужно было никому звонить и ни на кого смотреть. Перри быстро сделал необходимые покупки и вышел.

34

ГЛОТОЧЕК ВИСКИ

Неуклюжей шаркающей походкой Перри переступил порог квартиры с двумя бутылками «Дикой индейки», одна из которых была уже наполовину пуста.

Перри спокойно поставил бутылки на кухонный столик, затем прошел в ванную. Пол был покрыт засохшими кусками рвоты и пятнами запекшейся крови. В ванне стояла вода — до трех дюймов воды, — спокойствие которой нарушалось редкими каплями, падающими с кончика душа. Слив был забит много-

численными кусочками оранжевой кожи. Более мелкие частицы плавали на пенистой поверхности.

Перри не подумал об этом, когда принимал душ. Оранжевая кожа, видимо, сама облупилась. Рукой он дотронулся до ключицы, проводя пальцами по отвердевшим очертаниям треугольника. Теперь его края были более ощутимы. Голубизна треугольника стала более отчетливой.

Перри вернулся на кухню, схватил вилку, потом нож; глаза, как в прошлый раз, остановились на куриных ножницах с толстыми лезвиями. Он умирает. А еще столько всего нужно сделать и испытать! Он никогда не увидит Германию, никогда не сможет попробовать себя в глубоководной рыбалке, никогда не посетит Аламо и исторические достопримечательности колониальной Америки. У него никогда не будет детей.

Впрочем, не так уж все плохо. Он прожил полноценную жизнь. Первым в семье стал посещать колледж. Играл в первом дивизионе Американской футбольной лиги, его показывали по ESPN¹, он осуществил мечту детства и сыграл в присутствии 112 000 беснующихся фанатов. А главное, Перри избежал жестокой судьбы отца. Он переступил через окружение, через наследие, боролся и выцарапывал собственный путь к самоутверждению.

Но ради чего? Ради ничего, вот в чем вся штука.

Перри уселся за кухонным столом, положил нож, сделал длинный глоток из полупустой бутылки. Вкус был ужасный, жидкость обожгла горло, однако эти ощущения едва запечатлелись в его мозгу. Он пил виски,

---

¹ ESPN (Entertainment and Sports Programming Network) — американский кабельный спортивный телевизионный канал, один из самых популярных в стране.

словно воду. Алкоголь клокотал в голове. К тому времени, когда Перри опустошил бутылку, он понимал, что изрядно набрался. Он опустошен и уничтожен.

И он не почувствует боли!

К глазам подкатились слезы отчаяния. Как несправедливо!.. Но плакать нельзя. Отец не прослезился в течение всего времени мучительной раковой пытки, и раз уж вытерпел отец, то и ему, Перри, не пристало проявлять слабость.

Он почувствовал головокружение и покалывание в пальцах ног. Мысли, расплывчатые и вязкие, как сироп, смешались. Он посидел еще несколько минут, сдерживая накатывающиеся слезы, пока алкоголь уверенно прокладывает путь в его воспаленный мозг.

Перри схватил нож.

Лезвие составляло в длину почти десять дюймов. Мерцающий свет люминесцентного потолочного светильника чертил замысловатые фигуры на стенах. Когда Перри готовил говядину или курицу, то острым раздельным ножом без особого труда разрезал сырое мясо.

НЕТ НЕТ НЕТ

Наверняка нож отлично подойдет и для человеческой плоти, особенно для кожи над голенью.

В глазах помутилось. Перри вдруг осознал, что собирается резать собственное тело. Нет, не собственное — то, что в нем было чужим, инородным.

НЕТ НЕТ НЕТ

Видимо, он умрет. Что ж, так тому и быть, зато он покончит с ненавистными треугольниками. Настало время Большой Шестерке лишиться одного из своих

членов... Перри громко рассмеялся, допил остатки жидкости из бутылки и удобнее взял нож. Джинсовая ткань легко поддавалась острому металлу. Через несколько секунд штанина была разрезана вдоль, свисая неровными полосками вниз и обнажив колено и голень.

Перри поднял ногу и положил на кухонный стол. В голове шумело и жужжало, будто рядом кружился рой разъяренных пчел. Он знал, что если не начнет действовать немедленно, то вскоре окажется уже ни на что не способен.

Пора.

НЕТ НЕТ НЕТ
УБЕЙ

Перри попытался успокоиться, сделав несколько глубоких вдохов, и ткнул в треугольник вилкой. С момента последнего осмотра никаких изменений не произошло.

— Хочешь убить меня, приятель? — процедил Перри сквозь зубы. — Нет уж, дружище, это я сейчас убью тебя.

Он надавил вилкой достаточно сильно, чтобы удерживать треугольник на месте. Три зубца сделали глубокие зазубрины в голубоватой коже.

Лезвие ножа было усеяно пятнышками ржавчины. Перри никогда раньше не обращал на них внимания. Заметил лишь сейчас. Неожиданно он обнаружил на ноже множество интересного: зазубрины на ручке, серебряные заклепки, крепившие удобную деревянную рукоятку к лезвию...

Перри сделал первый надрез, до конца не отдавая себе отчета в том, что происходит. Горячая пульсирующая кровь окрасила голень, растекаясь по столу

и забрызгивая белый линолеум. Перри услышал звуки кровавых капель до того, как ощутил боль — резкую, но далекую, — как будто эту боль показывали по телевизору, а он, свернувшись калачиком, лежал на диване под пушистым одеялом с баночкой холодной «колы» в одной руке и пультом дистанционного управления в другой.

НЕ УБИВАЙ НЕТ ПОЖАЛУЙСТА
НЕ УБИВАЙ

Перри почувствовал себя в режиме автопилота, наблюдая за собой как бы со стороны, словно зритель. Кто знал, что выльется столько крови? Из-за ее обилия трудно было рассмотреть края треугольника, и все-таки Перри еще сильнее надавил на вилку, приставил лезвие ножа перпендикулярно коже и сделал еще один быстрый надрез. Со стола на пол брызнул новый фонтанчик крови. Боль теперь не казалась такой уж далекой, вовсе нет. Пытаясь взять себя в руки, Перри заскрежетал зубами; очень хотелось завершить начатое.

Кровь потихоньку капала с металлического лезвия на руки. Потом он отчетливо расслышал стук капель о пол.

— Ну, как ты себя чувствуешь, маленький ублюдок? — медленно проговорил Перри. — Каково тебе? Нравится? Хотел убить меня? Не-е-т уж, это я тебя убью. Тебя надо как следует проучить.

Он решил сосредоточиться на следующей задаче. Несмотря на изрядное опьянение, руки все-таки сохранили твердость.

НЕ УБИВАЙ ПОЖАЛУЙСТА НЕТ
НЕ УБИВАЙ

Лицо Перри сморщилось. Что-то щелкнуло в глубине его мозга, какой-то обрывок сна, пытающийся расшевелить ночные тайны. Он неистово затряс головой, а потом вновь уставился на окровавленные вилку и нож. Второй разрез оставил на месте одну из сторон треугольника, словно дверную петлю, — Перри просунул лезвие под угловатый кусочек ткани и перевернул, как окровавленный кусок бекона.

ХОЛОДНО НЕ УБИВАЙ ХОЛОДНО ХОЛОДНО

Он уставился на источник своей чесотки, на то, что заставляло его разрываться на части и биться в истерике, словно попавшего в капкан дикого зверя, — на то, что, несомненно, убивало его самого. Кровь вытекала и скапливалась вокруг темно-синего треугольного куска плоти. Перри протер кровь, чтобы рассмотреть получше.

Треугольник был темно-синий и блестящий. Хотя это, возможно, от влаги, от жидкой крови... Поверхность треугольника выглядела шероховатой, искривленной... злокачественной, похожей на переплетение древесных корней.

Неожиданное осознание молнией пронеслось в голове, внутри похолодело от ужаса. В его теле — в теле любого человека! — такое вырасти попросту *не могло*. Откуда же, черт возьми, оно взялось?

Перри хрипло выругался и взвыл от досады. Это был вой бешеного зверя, который предчувствовал неминуемую гибель. Он засунул вилку под окровавленный синий треугольник. Металлические зубы пронзили его собственную плоть. Никогда еще Перри не испытывал такой острой и всепоглощающей боли, тем не менее

проигнорировал ее, полностью сосредоточившись на мерзости, затесавшейся в тканях голени.

«Играть, невзирая на боль...»

Вилка натолкнулась на ствол треугольника. Перри осторожно пошевелил вилкой, чтобы ее окровавленные зубцы появились с противоположной стороны треугольника.

Забрызганный кровью стол был холодным и липким. Перри потянул вилку вверх. Вроде бы треугольник приподнялся легко. Однако стебель — совсем другое дело, он оказался прочнее, чем прежде. Перри почувствовал, что на сей раз с ним сладить будет намного тяжелее.

С очередным приступом боли его лицо покрылось капельками пота. И все же, решительно настроившись на то, чтобы избавиться от гадости, Перри сильно дернул вилку вверх. Стебель удержался.

НЕ УБИВАЙ НЕ УБИВАЙ

Из раны вновь брызнула кровь, лужица на полу увеличилась.

Перед глазами замелькали разноцветные пятна. Перри крепко зажмурил глаза, затряс головой и быстро заморгал. Он едва не лишился сознания. Неужели потерял так много крови? Главное — не утратить над собой контроль...

ПОЖАЛУЙСТА НЕ НУЖНО

НЕТ НЕТ

Перри надавил на вилку еще сильнее, и зубцы с противоположной стороны треугольника вылезли настолько, что он мог зацепить их пальцами свободной руки. Переведя дыхание, Перри сделал рывок.

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ
НЕТ НЕТ

Раздался характерный звук рвущейся ткани, ногу пронзил всплеск обжигающей боли. В области стебля что-то щелкнуло. Перри потерял равновесие и навзничь упал на линолеум.

Если раньше кровь просто сочилась, то теперь она нещадно хлестала. Глаза затянула серая пелена.

«Надо как-то остановить кровотечение. Иначе подохну прямо на полу».

Перри стащил с себя футболку и нагнулся вперед. Футболкой наспех обмотал кровоточащую голень, завязал узлом и изо всех сил затянул. Через секунду маленькую квартиру сотряс отчаянный вопль.

Корчась в агонии на мокром от крови полу, Перри перекатился на спину.

35

РАЗВИТИЕ

Пять оставшихся организмов проводили «опрос». Следуя врожденным инструкциям, они измеряли плотности тироксина и трийодотиронина — гормонов, стимулирующих показатели обмена веществ. Оба гормона вырабатываются щитовидной железой, которая расположена в шейной области всех позвоночных. Измеряя плотности этих химических веществ в кровотоке, пять организмов определяли, какое их количество сосредоточено у шеи.

Или, точнее, у головного мозга.

Победителем стал треугольник, расположенный на спине организма-носителя, чуть ниже лопаток. Новое открытие стимулировало дополнительный рост клеток из

области упомянутого треугольника — словно осторожная змея, тихо приближающаяся к ничего не подозревающей жертве, новое щупальце медленно росло вдоль позвоночного столба в направлении головного мозга.

Достигнув мозга, щупальце разветвлялось на сотни длинных, микроскопически тонких волосков. Щупальца отыскивали зоны конвергенции головного мозга. Эти зоны действуют наподобие умственных станций переключения, обеспечивая доступ к информации и связь информации с другими данными. Щупальца отыскивали специальные области: таламус, мозжечковую миндалину, хвостатое ядро, гиппокамп, перегородку и определенные участки коры головного мозга. Рост щупалец носил весьма специфический и направленный характер.

Чувствительность была ограниченной, треугольники только-только начали мыслить, осознавать самих себя. Они стали понимать слова, а с вращением в мозг узнавали еще больше и быстрее.

Треугольники пытались остановить хозяина, но их сигналы были слабыми. Им просто не хватало информации для надлежащей взаимосвязи. Однако все менялось; вскоре они станут достаточно сильными, чтобы начать слушать.

36

ПРОСЫПАЙСЯ! МЫ ХОТИМ ЕСТЬ!

ПРОСЫПАЙСЯ
МЫ ХОТИМ ЕСТЬ

Пробуждение на холодном полу потихоньку превращалось во вредную привычку. Снова раскалывалась голова. На этот раз, впрочем, Перри немедленно связал неважное самочувствие с похмельем.

От электрического освещения на кухне рябило в глазах. Сильно болела нога. В животе урчало. Первой мыслью было, что он ничего не ел в течение трех дней. Из гостиной свет не проникал, поэтому, скорее всего, уже наступил вечер или ночь.

Перри взглянул на израненную ногу. Кровотечение прекратилось. Футболка стала похожа на тряпку болезненно-бурого цвета.

Засохшие черно-бурые пятна крови резко выделялись на ярко-белом линолеуме. Как будто четырехлетний мальчуган вдоволь наигрался в песочнице во время дождя и вернулся домой, не вытерев ноги.

По мере того как свежая рана предпринимала отчаянные попытки к заживлению, ногу пронизывала тупая, пульсирующая боль. Никаких признаков жизни у представителей Большой Шестерки не наблюдалось; в этих местах не ощущалось ни зуда, ни боли. Отсутствие ощущений не доставило Перри особой радости; трудно было понять, почему подонки вдруг затаились и ничем себя не выдают.

— Большая Шестерка? — Его губы искривились в болезненной усмешке. — Не совсем так. Надо вам придумать другое прозвище. Вы больше не Большая Шестерка, а Стартовая Пятерка.

Перри захотелось отыскать вилку, ту самую, которую он использовал, чтобы вытащить одно из маленьких чудовищ из собственного тела. Ему хотелось увидеть, как выглядит синее существо, лишенное связи с его искромсанной ногой, словно детеныш кенгуру, насильно извлеченный из сумки матери-самки.

Нога не только изнывала и дергалась от боли: возникло еще какое-то необычное чувство, которое Перри никак не мог понять. Что мог натворить чертов Треугольник в последние мгновения?

Перри перевернулся на живот и попытался подняться, не перекладывая вес на больную ногу. Ему это удалось, и, выпрямившись, Перри с трудом облокотился о стойку. Потом осмотрел глазами пол в поисках злополучной вилки. Та отлетела к холодильнику. Он осторожно прыгнул на здоровой ноге, удержал равновесие, потом медленно опустился, чтобы подобрать вилку.

— Надеюсь, тебе больно, мерзавец, — тихо проговорил Перри, с опаской осматривая неприятный трофей.

Треугольник выглядел как слоистая черная морская водоросль, обволакивающая вилку в смертельных объятиях. Перри едва мог различить треугольную форму, поскольку теперь это был просто кусок дерьма без каких-либо форм или функций.

Но его сосредоточенное внимание привлекло не туловище. Перри раскрыл рот от удивления и нахлынувшей на него новой волны страха.

Хвост твари был таким же сухим, легким и жестким, как и туловище, а вот кончик представлял собой нечто совсем необычное. На нем виднелись крючковатые костяные выступы, похожие на маленькие когти или зубы. Перри осторожно дотронулся до одного из выступов: тот оказался острым, как нож. Тот самый нож, которым он искромсал собственную ногу. Некоторые когти загибались вовнутрь; на них не было разломов или трещин. Наверное, они помогали удерживать хвост на большеберцовой кости. Однако пять когтей были выгнуты наружу или как-то вверх, в направлении высохшей головы Треугольника.

— Как такими когтями за что-нибудь цепляться? — прошептал Перри. — Что за чертовщина?

Губы скривились в отвращении, когда он, наконец, понял назначение когтей. Выгнутые наружу когти не

способны удерживать хвост на месте — они могли лишь резать и рубить, если тварь каким-то образом пытались вытащить из тела человека. Вот почему его нога совершенно истекла кровью — потому что наружу из голени, через собственные живые ткани, он тащил острые, как бритва, когти длиной в четверть дюйма.

Они представляли собой защитный механизм, который должен был причинять Перри боль, если он попытается удалить Треугольник из тела. Теперь Перри знал, что прячется в его теле. Когти служили предупреждением о том, что случится, попытайся он избавиться от других тварей. С ногой еще повезло — если бы один из таких хитроумных когтей резанул артерию, то наверняка погубил бы его.

НЕ ПЫТАЙСЯ ПОВТОРИТЬ

Перри раздумывал, надо ли попробовать еще раз и избавиться от остальных тварей. Однако грубая сила, очевидно, не способ... чтобы...

Перри несколько раз моргнул. Воспаленный мозг отказывался постичь то, что только что произошло.

Он отчетливо расслышал какой-то голос. Неужели он сходит с ума? Мозг заполнили неясные воспоминания о грубой операции, произведенной над собственной ногой, и о голосе, который эхом отдавался в его хмельной голове. Помимо перспективы скорой смерти у него еще и раздвоение личности.

— Я псих. Вот оно что! Я чокнутый. Это единственный ответ на все вопросы.

НЕТ ТЫ НЕ СУМАСШЕДШИЙ МЫ ТАК НЕ ДУМАЕМ

К горлу подступил комок, в животе снова заурчало. Итак, голос явно сказал ему: «Мы так не думаем». Мы.

То есть не что-то одно, а...

Например, Стартовая Пятерка.

Перри на время лишился возможности думать.

— Я сумасшедший, — растерянно шептал Перри.

СУМАСШЕДШИЙ

Голос повторился эхом, и Перри различил его ясно и отчетливо, хотя уши ничего не расслышали. Голос звучал в голове — без вокальных и тоновых оттенков.

СУМАСШЕДШИЙ ПОКОРМИ НАС

Это они, Треугольники. Стартовая Пятерка. Они говорят с ним. Перри тяжело оперся о стойку, боясь свалиться на пол, как будто сраженный физическим ударом. Его сыпь превратилась в Треугольники, которые теперь с ним разговаривали. Следует ли ему отвечать?

Привет, подумал Перри. Никакого ответа. Он попробовал сосредоточиться. ПРИВЕТ, подумал он, напрягшись изо всех сил. Снова молчание.

НАКОРМИ НАС ХОЧЕТСЯ ЕСТЬ

— Накормить вас?!

Ответ пронесся в голове, словно рев толпы болельщиков на финальном матче «Розовой чаши» под Новый год.

ДА ДА НАКОРМИ НАС
МЫ ГОЛОДНЫ

Ему ответили! Перри зажмурил глаза и подумал: «Почему вы отвечаете мне?» Он подождал, но снова не получил никакого ответа. «Ответьте мне!»

Урчание в животе перерастало в своеобразный рев. Несмотря на потрясение от услышанных голосов, Перри не мог не обращать внимания на терзающее его чувство голода.

— Очень хочется есть, — прошептал Перри.

НАМ ТОЖЕ

НАКОРМИ НАС МЫ ХОТИМ ЕСТЬ

Окончательно поняв, он поднял голову.

— Так, значит... вы слышите меня?

ДА ДА СЛЫШИМ

— Вы разговариваете со мной, но не умеете читать мысли?

МЫ ПОСЫЛАЕМ СЛОВА ПО НЕРВАМ

ТВОИ НЕРВЫ НЕ ПОСЫЛАЮТ СЛОВА ОБРАТНО

ХОЧЕШЬ ЛИ ТЫ ЕСТЬ?

Захотелось рассмеяться и заплакать. Из рта вырвался какой-то неопределенный звук, похожий на кашель неизлечимо больного человека. Такие звуки доносились из мрачных барачков Бухенвальда, где люди были лишены всяческой надежды на спасение.

Перри сдержал подкатившие к глазам слезы. Здоровая нога устала. Он тяжело оперся о кухонную стойку, свесив голову вниз и уставившись невидящим взглядом в пол.

НАКОРМИ НАС МЫ ХОТИМ ЕСТЬ

Голос в голове звучал громче и настойчивее, и все сильнее урчало в животе. Внезапная тупая боль в желудке вывела Перри из состояния задумчивости. Он вдруг осознал, что уже несколько дней нормально не питался. Сейчас им всецело овладели голод и легкая тошнота.

ЧЕРТОВ СУКИН СЫН НАКОРМИ НАС МЫ ГОЛОДНЫ

Припадая на одну ногу, Перри проковылял к холодильнику, открыл дверцу и осмотрел содержимое. Немного тунца, почти полная бутылка шоколадного сиропа «Хершиз», малиновый джем «Смакерс» и не-открытая банка соуса для спагетти.

Перри вытащил ее из холодильника, потом исследовал содержимое буфета в поисках макарон или лапши, но обнаружил лишь немного рисового плова «Фуд-Клаб» и наполовину пустой пакетик чистого белого риса «Кост-Каттер». Он также нашел банку свинины с фасолью фирмы «Кэмпбелл», полбуханки черного хлеба и трехфунтовую банку кулинарного жира «Криско». Самое время посетовать на срыв ежедневного ритуала покупок в супермаркете.

Так или иначе, для начала вполне достаточно: настолько хотелось есть, что сейчас он, наверное, не отказался бы даже от залитых шоколадом тараканов. Перри сунул два кусочка хлеба в тостер, а третий — сразу в рот. Откупорив банку со свининой и фасолью, втянул носом заманчивый аромат, нетерпеливо вы-

ложил содержимое в миску и поставил разогревать в микроволновку.

ДА ДА ДА ДА ДА

Прежде чем первый горячий ломтик выпрыгнул из тостера, Перри успел прожевать хлеб и сунул в рот еще один кусок. Как только тостер освободился, он загрузил его новыми ломтиками.

Запищал таймер на микроволновке. Перри вынул миску, схватил тост и заковылял к столу. Стол был измазан кровью. Его кровью. Перри решил поесть у стойки. Наклонившись к ящичку со столовыми приборами, он вытащил вилку и, не дожидаясь, пока фасоль немного остынет, принялся жадно есть.

Кроме ломтика хлеба и яичницы, он несколько дней ничего не брал в рот. Тело бурно радовалось пище. Сви-нина с фасолью, казалось, была вкуснее всего, что он пробовал раньше, — вкуснее креветок, стейка, вкуснее даже озерной форели.

К тому времени, когда миска была начисто выли-зана, он почувствовал себя значительно лучше. Голод удалось ненадолго подавить, и мысли потихоньку со-средоточились на другой проблеме. Перри вдруг понял, что его Стартовая Пятерка не издала ни писка с того самого момента, как он приступил к еде.

— Эй! — воскликнул Перри. Едва ли можно было представить себе разговор с Треугольниками, вживлен-ными в тело, которые отвечали посредством его соб-ственной нервной системы. — Эй, вы где?

МЫ ЗДЕСЬ

Ответ звучал спокойнее по сравнению с предыдущим моментом, когда они жаловались на голод.

— Почему вы перестали разговаривать?

Ему хотелось ощущать разговор, потому что не терпелось узнать что-нибудь новое об этих необычных тварях и еще потому, что они никак не проявляли себя в течение нескольких дней. А когда они сидели тихо, то наверняка... *росли*.

ПОДОЖДИ МЫ ЕДИМ ЕДА В ПУТИ

Услышанное дрожью отдалось в груди. Перри сразу понял, что произошло. Треугольники — паразиты, впитывающие в себя пищу. Существа цеплялись за мышцы, сухожилия и скелет, подключались к кровотоку, словно теленок, сосущий из вымени коровы. Перри почувствовал, что закипает от ярости.

Однако пока он сам ничего не ел, твари, естественно, ничем питаться не могли. Это означало, что *его они не едят*. Итак, хорошие новости? Они не поедают его изнутри. А плохие новости? Треугольники растут еще быстрее благодаря весьма питательному рациону из свинины и бобов. Перри почувствовал себя загнанным в угол.

Он все сильнее ощущал боль. Болела нога. Неприятные ощущения были и в животе. Глаза постоянно закрывались. Хотелось поползти до кровати и уснуть, забыв обо всем.

Перри добрался до дивана, осторожно подпрыгивая на здоровой ноге. Потом тяжело и не без удовольствия опустился на мягкие подушки. Казалось, диван ласкает тело, ослабляет стресс, забирает его куда-то под подушки.

Может, он умрет во сне, но противиться наступлению сна Перри попросту был не в силах.

ОДНИМ ПЫЛЕСОСОМ ЗДЕСЬ НЕ ОБОЙТИСЬ...

Дью сразу ощутил знакомый запах.
Уникальный, ни на что не похожий.
Запах смерти.

Пока еще едва уловимый, словно занесенный легким дуновением ветра. Из многолетнего опыта Дью знал, что через несколько часов все соседи будут в курсе.

— Центральная, на связи Филлипс, — доложил он. — Из дома Нгуена доносится отчетливый запах разлагающегося человеческого тела. Принял решение проникнуть внутрь.

— Вас поняли, Филлипс. Группы поддержки занимают позиции.

Дью тяжелой поступью зашагал по тротуару, из-под ног раздавался хруст подмерзшего снега и кристалликов соли. Анн-Арбор, штат Мичиган. Временное пристанище сорока тысяч студентов, многие из которых проживали в старых потрепанных домах. В пятидесятые годы многоквартирные дома являлись признаком успешного среднего класса и были предназначены для проживания одной семьи. Ныне в зловонных и пропитанных пивом комнатах размещалось больше полудюжины студентов.

Занятия в университете закончились два дня назад, наступили каникулы. Из соседних построек доносились звуки баскетбольного репортажа; собравшаяся у экранов телевизоров подвыпившая молодежь исступленно орала и выкрикивала речевки.

В доме Нгуена стояла необычная тишина. Дью дернул дверную ручку. Заперто. Заглянул в окно — установлено фанерой. Как и остальные окна дома.

Встав перед входной дверью, Дью вытащил пистолет и, отойдя на шаг, с силой толкнул ее плечом. Потом еще пару раз — и дверь распахнулась.

Отвратительный смрад моментально заполнил ноздри.

— Господи... — пробормотал Дью.

— Филлипс, Центральная, ответьте! С вами все в порядке?

— Со мной, черт побери, далеко не все в порядке!.. Высылайте сюда три группы, и поскорее. Только поменьше шума. И вызовите труповозку, предстоит работа.

Только в гостиной Дью насчитал три раздувшихся трупа. Несмотря на зеленоватую кожу, вспухшие животы и стаи мух вокруг, он сумел рассмотреть пулевые отверстия в голове каждого из погибших. У всех троих были связаны руки и ноги. С ними жестоко расправились. Возможно, это произошло дня три или четыре назад, то есть за день-два до окончания семестра. Когда большинство студентов разъехалось по домам, здешнюю молодежь перепутать с чужими было нельзя.

— Ну где ты, чертов дохляк? — спросил Дью.

Согласно имеющейся информации, юноша, сотворивший такое зло, был вьетнамцем. Примерно такого же возраста, как и те вьетнамцы, которых Дью в свое время доводилось убивать в джунглях. И сейчас Филлипс готов был пришить мерзавца без зазрения совести.

Четыре вооруженных полицейских в спецкостюмах вошли в дом. Дью жестами велел им рассредоточиться по первому этажу. Вторую группу из четырех человек он направил в подвал, а третью — наверх. В доме по-прежнему царила мертвая тишина. Доносился баскетбольный репортаж из соседних домов. Судя по шуму и улюлюканью зрителей, одна из команд забросила несколько красивых мячей.

Дью первым направился вверх по скрипучей лестнице. Где-то там они должны обнаружить инфицированного безумца. Такого же, как Брубейкер, с той лишь разницей, что Нгуен вооружен пистолетом.

— На связи Купер, — услышал Дью в наушниках. — Внизу еще один труп.

Ну все, теперь он точно укокошит подонка!

Дью проверил комнаты, готовый в любую секунду стрелять при виде вооруженного преступника. Повсюду царил свойственный шумным компаниям беспорядок. По всем признакам, в доме проживали дети отнюдь не из состоятельных семей, тем не менее в каждой комнате стоял компьютер. А в середине каждого монитора зияло пулевое отверстие...

Вот, наконец, и последняя комната. Дью понимал, что здесь, скорее всего, кроются ответы на все вопросы. Ответы, которые он ожидал с большой тревогой...

Дью увидел чье-то распухшее тело, привязанное к стулу. Туловище без ступней и обеих рук. Полголовы отсутствовало, из расколотого окровавленного черепа торчала ручка молотка.

Внизу, на зеленом ковре, посреди гигантского черного пятна, лежал изъеденный черный скелет. Под ним лежало ружье 22-го калибра. В задней части черепа Дью различил небольшую дырочку под левой глазницей. Ублюдок, видимо, застрелился.

Дью окинул помещение быстрым взглядом. То, что он увидел на противоположной стене, заставило его в изнеможении покачать головой. Чертовы психи были, видимо, полными отморозками.

— Центральная, Филлипс на связи. Первичная цель обнаружена, мертв. Необходимо срочно зафиксировать обстановку и доставить сюда доктора Монтойю. Первая группа, снять спецкостюмы и занять позиции у входов,

двое у основного входа, двое — у черного. Без моего ведома внутрь никому не заходить. Группа номер два, приступить к описанию места преступления. Сделайте побольше снимков. Свяжитесь с университетом, залезьте в их базу данных и раздобудьте фотографии убитых студентов. Шевелитесь, ребята! Местная публика не обрадуется, узнав о количестве погибших.

Интересно, помогут ли Отто с Маргарет данные из электронных дневников Чена? Хуже и быть не могло: массовое убийство на фоне случая с семилетней девочкой, у которой обнаружены необычные волокна.

Хорошо бы экспертам удалось найти что-нибудь важное.

Версия с атипичной пневмонией едва ли применима к нынешнему происшествию с шестью трупами.

Дью Филлипс решительно вытащил из кармана сотовый телефон и набрал номер Мюррея Лонгуорта.

38

ЖУК-ДОМОСЕД

Судороги в ноге вывели Перри из полубморочного состояния. Это были глухие пульсации, происходящие в такт с сердцебиением.

Перри не обладал достаточными медицинскими познаниями, чтобы осознать масштабы катастрофы, разразившейся в левой ноге, прямо под кожей. Не знал он и о том, что ахиллесово сухожилие разорвано острыми крючками на хвосте Треугольника.

Он лишь чувствовал, как ему больно. Нестерпимо больно. Нужно срочно как-то унять боль. С хриплым стоном Перри уселся на диван, осторожно свесив ноги через край, коснулся ступнями пола. Пульсирующие

боли в теле не прекращались, зато голове стало немного легче. Проклятье, насколько лучше он мог бы чувствовать себя, если бы знал, что извивается и растет внутри его тела? Твари медленно его убивали, в этом никаких сомнений не осталось, но вот вопрос — почему? Что им от него нужно?

Откуда они вообще взялись? Перри никогда в жизни не слышал о подобных паразитах, о том, что они могут «говорить», что они способны... к разуму. Нет, это что-то диковинное. Стоп! Может, это какой-то секретный правительственный эксперимент? Может, он лишь подопытная морская свинка для опробирования зловещего заговора? Ему крайне необходимы хоть какие-то ответы.

— Эй, — прошептал Перри. — Где вы там, ублюдки?

МЫ ЗДЕСЬ

— Что вам от меня нужно?

Наступила пауза, потом... в голове послышался скрежет. Или звук, напоминающий радиопомехи. Перри сосредоточился, сразу вспомнив звук, возникающий, когда ручку настройки старого радиоприемника поворачиваешь слишком быстро: музыка и голоса сливались в сплошной неразличимый шум.

Перри подождал, пока ему ответят.

ЧТО ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ

Голос был монотонным, вопрос — кратким и по существу. Никакой интонации, просто равномерный поток слогов и букв, произнесенных очень быстро и не совсем внятно. Выглядело все почти комично, словно голос инопланетянина из дешевого фантастического фильма, в ко-

тором произносятся банальные и избитые фразы вроде «сопротивление бесполезно» или «вы, люди — существа низшего уровня», либо прочая бессмыслица.

— Вам чертовски хорошо известно, что я имею в виду, — раздраженно ответил Перри.

ЧТО ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ

Наверное, он был слишком великодушен, когда называл тварей «разумными». Наверное, они и не притворялись, а просто были тупыми.

— Ну... что вы делаете в моем теле? — Перри с усилием поднялся, опираясь на подлокотник дивана, чтобы сохранить равновесие.

Снова молчание.

Пульсирующая боль в ноге отдавалась ужасным эхом в голове. Долго ли он сможет так терпеть?

МЫ НЕ ЗНАЕМ

— Как это, черт побери, вы не знаете?

Пауза.

Скрежет.

Это просто куски дерьма. Вот и весь ответ. Они впились в его тело... или выросли из какого-нибудь грибка.

Ожидая ответа, Перри попытался вслушаться в скрежет, которым сопровождалась паузы в его нелепом разговоре с Треугольниками. Он сосредоточился и уловил случайные слова, но они пронеслись слишком быстро и неразборчиво. Похоже, ублюдки выбирали нужное, сканировали свой ограниченный словарь...

МЫ НЕ ЗНАЕМ

МЫ НЕ ЗНАЕМ ПОЧЕМУ МЫ ЗДЕСЬ

Твари сканировали его мозг!..

Они не просто засели в его теле, они проникли в мозг, использовали его в качестве своеобразного компьютера для вызова из памяти данных.

— Ага, вот, значит, для чего я вам нужен! — закричал Перри. — Вроде библиотеки?

Он яростно сплюнул.

Молчание.

Скрежет.

Перри раздраженно присел, не в силах что-нибудь предпринять, пока Треугольники искали ответ.

Он закричал так громко, что едва не порвал голосовые связки:

— Что вы делаете у меня в голове?!

МЫ ПЫТАЕМСЯ ОТЫСКАТЬ СЛОВА
ЧТОБЫ РАЗГОВАРИВАТЬ С ТОБОЙ

Неистовая боль пронзила истерзанную лодыжку, вернув мысли обратно к ране. Нужно принять еще тайленола. Перри глубоко вдохнул, успокоился и запрыгал в направлении кухни.

Каждое движение тревожило больную ногу. От очередной вспышки боли потемнело в глазах.

Играть, невзирая на боль. Она была сильной, но теперь Перри знал, чего ожидать, и мог контролировать свое состояние. Он раз восемь подпрыгнул и оказался возле стойки, проскрежетав зубами так, что челюстные мышцы сделались твердыми, как камень.

Перри сосредоточился, сделал глубокий вдох и посмотрел на ногу — обрывки джинсов полосками свисали вниз, на коже запеклась кровь. Он, конечно, все испортил своими на редкость неумелыми действиями,

но какое теперь это имеет значение? Видимо, скоро он умрет.

Схватив с микроволновки бутылочку с тайленолом и вытряхнув из нее шесть таблеток, Перри быстро проглотил их, запив водой из-под крана. Добравшись обратно до дивана, с облегчением сел. Потом вспомнил, что до сих пор не позвонил на работу! Кстати, что за день сегодня, суббота? Он почему-то потерял счет дням недели. Перри даже понятия не имел, сколько времени проспал.

В голову ударила неожиданная мысль. Где же, черт побери, он подцепил эту заразу, «треугольную» болезнь? На работе? Очевидно, вначале Треугольники были маленькими. Вероятно, они переносились воздушно-капельным путем или через укусы насекомых, таких, как малярийные комары.

А может, он прав и его решили сделать подопытным «кроликом»? Не исключено, что теперь все жильцы в его доме инфицированы и жалуются на непрошенных «гостей», поселившихся у них в теле.

Но что-то ведь являлось источником таких событий! Как твари поселились в его теле? Или заражение произошло искусственным путем?

А если паразитов выращивают по спецзаказу? Уж слишком хорошо они прижились в его теле, чтобы считать это простым казусом природы. Самое ужасное, что организм не отвергал их! Нет, это не случайность. Либо такой же болезнью поражены другие жители города или жильцы его дома, либо кто-то решил специально использовать его, Перри, в качестве экспериментального носителя паразитов.

В голове крутился целый ворох различных предположений. Перри попытался отбросить мысли, потому

что попросту надоело об этом думать, надоело лишний раз убеждаться в том, в какое дерьмо он вляпался.

Когда тайленол подействовал, боль в ноге немного ослабла. Стало зябко. Перри проскакал в комнату и набросил на себя трикотажную рубашку с эмблемой Мичиганского университета. Потом вернулся в гостиную и сел на диван. В сон больше не клонило, зато хотелось есть: необходимо было какое-то разнообразие, чтобы отвлечься от мыслей о Треугольниках. Он взял пульт дистанционного управления и направил на телевизор. Канал предварительного просмотра показывал время: 11.23.

Перри рассеяннo переключал каналы, не находя для себя ничего интересного. На одном из спортивных программ наткнулся на баскетбольный матч. Ладно бы футбол... Сосредоточиться на баскетболе сейчас он не мог. Вскоре должны начаться предыгровые шоу в НФЛ, вот тогда он будет по-настоящему прикован к экрану. Сможет забыться. Потом начнется сам чемпионат. Много часов профессионального футбола. Но пока телевизор для него — просто ящик с электронной начинкой, возле которого только время теряешь. Перри уже собирался выключить его, когда вдруг наткнулся на фильм из сериала «Коломбо».

Сегодняшнюю серию он видел раньше, но это не имело значения. Коломбо со своим старым бассетом на поводке проводил расследование в очередном особняке, одетый, как обычно, в старое потрепанное пальто, как будто только что сошел с поезда, в котором ехали одни бродяги. Главный герой пытался слезть вниз с балкона, ненароком зацепился штаниной и, едва не разбившись, повис на соседнем дереве (по которому убийца наверняка проник в дом). Бассет терпеливо ждал внизу, пока его хозяин не рухнет с дерева. Когда тот с превеликим

трудом поднимался, подошел какой-то господин — видно, из богатого сословия — и привычно спросил: «Мистер Коломбо, вы, видимо, опять что-то не рассчитали?»

КТО ТАМ

Перри едва не подпрыгнул, когда Треугольники заговорили.

— Что? — спросил он, оглядывая комнату испуганным взглядом.

КТО ТАМ

Его охватил ужас. Если это эксперимент, то не собираются ли после окончания опытов его убить и потом разрезать на части для изучения в анатомичке? Знают ли Треугольники то, что неизвестно ему самому?

— О чем вы говорите? — пробормотал Перри. — Я никого не вижу, здесь никого нет!

НОВЫЙ ГОЛОС НОВЫЙ ГОЛОС НОВЫЙ ГОЛОС

В это время на экране Питер Фальк, исполняющий роль сыщика, отряхнувшись, своим монотонным голосом спросил: «Простите, что снова беспокою вас. Осмелюсь задать вам еще несколько вопросов, если вы, конечно, не возражаете».

Коломбо! Значит, твари слышат, что происходит на телеэкране. С губ Перри сорвался нервный смех. Треугольники ничего не знают о телевидении!.. Или, может быть... может быть, они не знают, что такое реальность. Точнее, не понимают разницы между фантазией и реальностью. Они ни черта не видят, но могут слышать.

Не понимают разницы между реальным человеком и тем, который разговаривает на экране телевизора.

— Это Коломбо, — тихо ответил Перри, пытаясь «переварить» новый поворот событий.

Он не знал, что хорошего может дать ему такая информация. В глубине души что-то подсказывало ему, что сейчас объяснять что-либо о телевидении не стоит. Доверившись инстинктам, Перри решил пойти на хитрость.

КТО ТАКОЙ КОЛОМБО

— Ну, такой коп, офицер полиции.

Возникла знакомая пауза, потом послышался скрежет. На сей раз он оказался настолько громким, что Перри вздрогнул. Треугольники обрабатывали его мозг, словно большой словарь-тезаурус, стремясь отыскать нужное им значение.

В каком-то смысле такой поиск воспринимался даже хуже, чем боль, хуже, чем созерцание тварей у себя под кожей или их крючковатых когтей. Паразиты сканировали его мозг, словно винчестер собственного компьютера!

Если твари способны проникать в процессы управления памятью, то, значит, они чертовски развитые. Может быть, в телевидении они мало что смыслят, но происходящее все равно находилось за границами возможностей современной науки и...

НЕТ ПОЛИЦЕЙСКИЙ НЕЛЬЗЯ ПОЛИЦЕЙСКИЙ
НЕ ГОВОРИ ЕМУ ЧТО МЫ ЗДЕСЬ

Тирада Треугольников прервала ход мыслей у Перри, и его охватил судорожный страх. Еще больше адре-

налина выделилось от осознания того, что это не его страх, а их, Треугольников. Что-то в образе Коломбо в потрепанном плаще их сильно напугало.

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ
НЕ ПРИХОДИТЕ ЗА НАМИ

— Полегче, приятели! — Перри вздрогнул от странного ощущения чуждых ему эмоций, переполняющих мозг и тело. Он подумал, что было бы легче прогнать страх, если бы он рассказал Треугольникам о телевидении, о том, что никакого полицейского нет и в помине.

ОН СХВАТИТ НАС

Предчувствие советовало ему не раскрывать козырь. Возможно, позже еще удастся им воспользоваться.

КОП УШЕЛ? КОП УШЕЛ?
НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ

— Ушел!.. А теперь примите успокоительное и заткнитесь, черт вас побери!

Руки невольно потянулись к голове, словно пытаясь унять череду криков и неразбериху. Страх становился каким-то заразным. Перри начал поддаваться панике.

— Все! Ушел коп, испарился! Расслабьтесь и прекратите визжать у меня в голове!

ОН ХОЧЕТ ЗАБРАТЬ НАС

Теперь все зазвучало по-другому, но не только из-за страха. Теперь к словам явно добавилась интона-

ция, а также некоторая медлительность, показавшиеся ему знакомыми.

ОН ХОЧЕТ ЗАБРАТЬ НАС

Перри ощутил их ужас. Это было не похоже на монотонный, лишенный каких-либо эмоций поток слов, которые он слышал впервые, — слова произносились с большей силой и, возможно, лишились былой сдержанности.

НЕ ГОВОРИ ЕМУ ЧТО МЫ ЗДЕСЬ

— Ладно, не скажу. — Перри понизил голос, пытаясь расслабиться в надежде, что и твари, поселившиеся у него в теле, тоже успокоятся. — Он ушел, не стоит так волноваться.

Клаустрофобный страх исчез так же внезапно, как будто Перри находился в темной комнате и кто-то включил свет.

СПАСИБО СПАСИБО СПАСИБО

— А почему полиция так вас напугала?

ОН ХОЧЕТ ЗАБРАТЬ НАС

Какого черта?! С чего бы им так бояться полиции? Странно. Перри предположил, что кто-то, видимо, знает о Треугольниках и хочет их уничтожить. Но почему он ничего никогда не слышал об этом? Полиция наверняка не смогла бы сохранить происходящее в тайне от вездесущей прессы. И как Треугольники могли раньше узнать о ненавистной им полиции? Они возникли из

ничего, на пустом месте, и у них не было ни малейшего контакта с внешним миром. Может, их память заранее запрограммирована на потенциальные угрозы?

Твари не сразу распознали слова «коп» или «полицейский» — им пришлось проводить тщательный поиск, чтобы отыскать значение, которое нагнало на них столько страха. Но кое-что в словарном запасе Перри они все-таки нашли. Нечто такое, что им было известно. По крайней мере, они так думали.

— Что значит «он хочет нас забрать»? Разве кто-нибудь знает о том, что вы здесь?

Перри почувствовал, как Треугольники рыщут в его мозге, его памяти в поисках необходимых слов. И чем дольше искали, тем более знакомым становилось ощущение; так глаза привыкают к тусклому свету в темном помещении.

НАС ИЩУТ ЧТОБЫ УБИТЬ

АЙ АЙ АЙ

— Ай? — Слово прочно застряло в голове у Перри. Значит, твари выкрикивали его вместе со словом «убить». Почему они вдруг так заголосили? Былая монотонность речи исчезла, она обрела более медлительный темп, стала растянутой.

Судя по всему, основное значение имел параноидальный страх Треугольников перед полицейскими. Что-то вроде инстинктивной памяти? Интересно получается: Треугольники понятия не имеют, почему находятся в его теле, однако четко знают, что нужно опасаться полиции? Не морочат ли ему голову?.. Впрочем, их неприкрытый страх перед полицией Перри явственно ощущал и сам. Или, может быть... может быть, дело не в полиции, а просто в людях, облаченных в форму?

Думая о копах, Перри всегда представлял себе патрульных полицейских из Мичигана. Это крупные парни в безукоризненно чистых мундирах, нарочито вежливые в общении и всем своим видом намекающие на то, что являются хорошо вооруженными представителями власти и гарантами общественного порядка.

Наверное, такую картинку из его памяти и сосканировали Треугольники, поскольку это было первое, о чем подумал Перри, когда услышал слово «полицейский». И мысленный образ патрульных, скорее, напоминал не столько о копах, сколько...

О военных.

Значит, Треугольники боятся военных? В голове у Перри промелькнули два варианта. Либо Треугольники знают о военных из опыта или благодаря инстинкту, либо имеют более широкое представление об окружающем мире, чем казалось на первый взгляд. В общем, им известно то, о чем Перри не имеет ни малейшего понятия.

В груди мелькнул проблеск надежды. Треугольники боятся военных. Может быть, люди уже знают о Треугольниках? Если так, то он не одинок в своих страданиях.

— Почему вы думаете, что они придут и схватят вас?

Пауза.

Скрежет.

ОНИ ХОТЯТ УБИТЬ НАС

УБИТЬ УБИТЬ УБИТЬ

— Почему вы так думаете? Ведь вы даже не знаете, откуда взялись?

Еще более длительная пауза.

РАЗГОВАРИВАЕМ С ДРУЗЬЯМИ
ОНИ РАССКАЗЫВАЮТ

Друзья? Другие Треугольники? Или другие люди, зараженные подобной дрянью? Может быть, он и не одинок. Может быть.

— И что сказали вам друзья?

На этот раз пауза получилась намного короче.

ХОТИМ ЕСТЬ НАКОРМИ НАС

— Ваши друзья тоже хотят есть?

ХОТИМ ЕСТЬ НАКОРМИ НАС
НАКОРМИ НАКОРМИ

— Неужели вы голодны?

НАКОРМИ НАКОРМИ НАКОРМИ НАКОРМИ

— Забудьте про еду, — сказал Перри. — Расскажите-ка мне про своих друзей. Где они?

НАКОРМИ НАКОРМИ СЕЙЧАС

Команда прозвучала, словно разорвавшийся в голове снаряд. Глаза зажмурились. Зубы заскрежетали в ответ на обострившуюся боль.

НАКОРМИ СЕЙЧАС

Перри издал сдавленный стон, мысли в голове перемешались, он не мог понять, что ему нужно, чтобы...

НАКОРМИ СЕЙЧАС НАКОРМИ СЕЙЧАС
СЕЙЧАС ЖЕ СЕЙЧАС СЕЙЧАС

— *Заткнитесь!* — что есть силы крикнул Перри, и в голосе смешались боль и гнев. — Хорошо, мы будем есть! Только прекратите визжать у меня в голове!

ХОРОШО НАКОРМИ СЕЙЧАС
НАКОРМИ СЕЙЧАС
СЕЙЧАС СЕЙЧАС

Словно тетива от лука, вернувшаяся на место после выпуска стрелы, мозг снова переключился в нормальный режим. По щеке медленно скатилась крупная слеза. Крики оказались такими сильными, что Перри не мог пошевелиться и почти лишился возможности говорить.

СЕЙЧАС СЕЙЧАС СЕЙЧАС

Перри слегка вздрогнул, поняв, что сигналы Треугольников усилились, и на здоровой ноге запрыгал в сторону кухни, стараясь хоть как-то отвлечься от боли.

Он встал по стойке «смирно», словно солдат, получивший строгий приказ командира. Без всяких раздумий, лишь выполняя то, что ему велено, как служака-нацист, выполняющий зловецкий план своего фюрера. *Яволь, герр комендант! Я готов убивать евреев, цыган и чехов, потому что собственного ума у меня нет, и это хорошо, пусть лучше кто-то приказывает, а я буду слепым исполнителем.* Он стал слугой, роботом, которым управляли с пульта. Мысль унижительная — ведь мужчина, в конце концов, призван сам определять свою судьбу, а не по указке извне.

Перри попытался утешить собственное самолюбие, внушая себе, что в любом случае поел бы что-нибудь, — не по требованию Треугольников. Хотя, конечно... сейчас он словно кукла на веревочке, танцующая и подпрыгивающая всякий раз, когда Стартовая Пятерка дергала за какой-нибудь из нервов. Даже хуже, чем кукла: он чувствовал себя десятилетним мальчишкой, трясущимся от страха при виде строгого папаши.

Перри вспомнил, что у него осталось довольно вкусное консервированное рагу. Он взял баночку из холодильника и упаковку риса из буфета. Еда заканчивалась, скоро придется идти в магазин. Ну не забавно ли? Приговоренный к смерти, страдающий от причудливых паразитов, толкает перед собой металлическую тележку и неспешно выбирает с полки продукты для последнего в жизни пиршества...

В нем вдруг проснулся кухонный азарт. Взяв из буфета мерную кружку, Перри поставил на конфорку кастрюлю.

СЕЙЧАС СЕЙЧАС СЕЙЧАС

Сигналы Треугольников угрожающе кружились в голове.

— Попридержите-ка лошадей. Обед будет готов через двадцать минут.

СЕЙЧАС СЕЙЧАС СЕЙЧАС

— Еще не готово! — огрызнулся Перри. Он вывалил содержимое в кастрюлю и включил на минимальный нагрев. — Я же сказал, нужно подождать несколько минут. Голова наполнилась скрежетом.

ЧТО ТАКОЕ МИНУТА

— Минута? Ну... шестьдесят секунд... — Как растолковать очевидное? Странно, что Треугольники не понимали времени. — Разве вы не знаете, что такое секунда? Никогда не слышали о времени?

СЕКUNDA НЕТ
ВРЕМЯ ДА

Ответ пришел быстро. С понятием времени они знакомы. Надо объяснить, что такое секунда. Так сказать, проиллюстрировать. Перри взглянул на цифровые часы микроволновки. Если Треугольники способны их видеть, объяснить будет легко.

— Вы же не можете... — Губы Перри задрожали, на спине выступил холодный пот. Он не был уверен, что хочет услышать ответ. — Вы ведь ничего не видите, не так ли? Ничего не видите через мои глаза?

Перри не слишком задумывался над тем, на что способны мерзавцы, поселившиеся у него в теле. Они умеют «считывать» его разум, то есть принимать оптические импульсы из мозга?

НЕТ МЫ НЕ МОЖЕМ ВИДЕТЬ

Полученный ответ принес облегчение, правда, очень недолгое, поскольку окончание выглядело уже не таким оптимистичным.

ПОКА НЕ МОЖЕМ

Значит, твари все еще развиваются! Возможно, со временем Треугольники целиком завладеют его разумом. Возможно, они потихоньку выдавливают его мозг, словно неуклюжий, волокнистый сорняк в саду, мето-

дически высасывающий питательные соки из розы. Роза может быть очень красивой, яркой и нежной, но выживает именно сорняк-паразит — тот, который растет в бесплодной почве, на скалах, в тусклом свете и в любую погоду. Тот, который сталкивается с суровыми условиями. И не просто выживает — он пышно растет и развивается.

Неожиданно Перри понял, что происходит: Треугольники *врастали* в него, постепенно отнимая тело и мозг. Нашествие похитителей трупов. Пошлый голливудский сценарий. Почему бы и нет? Вполне логично. Зачем снаряжать армии для завоевания Земли, если можно медленно, но верно «заменить» человеческую расу? Намного эффективнее и дешевле. Чище, наконец. Аккуратнее. Никаких трупов, которые пришлось бы убирать. Даже лучше нейтронной бомбы, которая убивала все живое, оставляя нетронутыми строения.

Скоро твари начнут подключаться к его глазам. Что на очереди? Нос? Вот дьявольщина, может быть, они разнюхали запах риса в кастрюле? Или рот? Тогда они смогут говорить с ним его же собственным голосом! Что потом? Мышцы?

И как долго они еще будут оставаться относительно *маленькими*? Может быть, они — лишь различные части, выполняющие различные миссии. Живые составные элементы единого целого, собравшиеся в одном месте под названием «Под кожей у Перри».

Мрачные мысли были прерваны неожиданным шумом:

КАКОВА ДЛИТЕЛЬНОСТЬ СЕКУНДЫ
КАКОВА ДЛИТЕЛЬНОСТЬ МИНУТЫ
КАКОВА ДЛИТЕЛЬНОСТЬ

Перри отчаянно хотелось избежать воплей Треугольников, цепной пилой пронзающих мозг и вгрызающихся в его и без того невеселые раздумья.

— Ладно, давайте прикинем, — быстро проговорил он в надежде предотвратить дальнейший накал страстей. — Так вот, в минуте шестьдесят секунд, а секунда — просто очень короткий промежуток времени. — Гудение замерло на высокой частоте, — видимо, паразиты рыскали по базе данных в поисках нужных значений слов. — Ну, секунда — это как... Давайте я сосчитаю до пяти с помощью секунд. Один... Два... Три... Четыре... Пять. — На память пришла знакомая песня-считалка из шоу «Электрическая компания». — Вот что такое пять секунд, понятно?

Высокочастотный шум усилился, за ним последовала короткая пауза.

СЕКУНДА КОРОТКАЯ
В МИНУТЕ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕКУНД
В ЧАСЕ ШЕСТЬДЕСЯТ МИНУТ ПРАВИЛЬНО

Перри мог лишь предположить, что слово «правильно» являлось частью вопроса, а не утверждения, поскольку в произнесенных словах не было ни намека на интонацию. По какой-то неведомой причине Треугольники вернулись к прежней бесстрастной речи.

— Правильно, — ответил Перри, вспомнив, что ни разу не упоминал о «часе». Они сами вытянули это понятие из его головы, вероятно, уловив связь между минутами и секундами. Способности тварей по сканированию мозга развивались с невероятной быстротой!

Неожиданно его потрясла одна мысль — о том, что люди представляют собой лишь очень сложные механизмы. По сути, они мало чем отличаются от компьюте-

ров. А мозг — всего лишь центр управления, командный пункт и устройство для хранения информации. Когда требуется что-нибудь запомнить, мозг посылает сигнал извлечения данных — точно так же, как какая-нибудь программа выполняет операцию по открытию файла. Команда отправлена, и тогда другая часть компьютера ведет поиск данных с кодом соответствия упомянутой команде, находит их и отправляет информацию на процессор, где считывается и отображается на экране. Мозг представляет собой *абсолютно* то же самое. Память организована с помощью сложных химических процессов в коре, мозжечке или каких-то других составных частях головного мозга. При наличии соответствующей технологии можно считывать данные так же просто, как и информацию на жестком диске или на страницах печатной книги. Все это лишь способы отслеживания простейших элементов данных, которые формируют нечто более сложное.

В НЕДЕЛЕ СЕМЬ ДНЕЙ

Но так же, как и вещество (соединения, химические элементы, потом атомы, затем протоны и электроны), все на свете можно разбить на еще более мелкие составные частицы.

Треугольники явно задуманы, чтобы считывать такие мелкие составные частицы... чтобы добраться до хранилища воспоминаний Перри, которые он носил с рождения: до его мозга.

В МЕСЯЦЕ ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ

Такие сложные и разнообразные способности Треугольников поражали воображение. Они быстро прогрессировали; время поиска информации непрерывно

сокращалось. Треугольники научились не только отыскивать отдельные слова или эпизоды, но и находить взаимосвязи между ними. На данный момент, похоже, они могли подключаться к его долговременной памяти: понятию времени, словарному запасу, словам и ассоциированным с этими словами образам.

В ГОДУ ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Паразиты обладали способностями считывать его мозг, словно компакт-диск, но у них не было изначальных представлений о таких простейших вещах, как время, или о сложных технологиях вроде телевидения.

Что-то было упущено в этой загадке или просто находилось не на своем месте. Перри по-прежнему не знал, что представляют собой злополучные Треугольники, откуда они взялись и долго ли он еще протянет, прежде чем твари целиком овладеют его телом.

Вдруг он сумеет как-то остановить их. Если, конечно, ему помогут...

Мифические Военные находились где-то рядом, и тварям об этом известно. Выходит, Военные знали о Треугольниках и хотели уничтожить, избавиться от них. Возникает вопрос, старина Перри, большой-пребольшой вопрос: *кто же такие эти «Военные»?*

Но здесь ведь не Голливуд. Сюда не явятся «Люди в черном», чтобы спасти положение приятными улыбками и остроумными замечаниями. Не будет исполненных печалью агентов из «Секретных материалов». Не прилетит супергерой с другой планеты, вооруженный особым бластером для выведения тварей. Перри попросту не знал, к кому обратиться, куда пойти.

В СТОЛЕТИИ ДЕСЯТЬ ДЕКАД

В голову пришла неожиданная мысль, от которой все внутри похолодело. Если Треугольники научились сканировать его мозг, то, видимо, скоро смогут считывать его текущие мысли! Что они сделают, когда узнают, что ему хочется связаться с Военными? Они начнут кричать так громко, что его мозг превратится в месиво, вытечет из ушей и ноздрей.

Может быть, они уже сейчас прислушиваются...

Нужно прекратить думать об этом. Но если он перестанет думать, то как сможет найти помощников? Выходит, он не мог и думать о том, чтобы убить Треугольники — паразиты все равно успеют вывернуть его наизнанку. Поджарят мозг, словно картофель в микроволновке. Тем не менее Перри не мог отбросить эти мысли. Если он прекратит, если избавится от них, то наверняка будет обречен.

Прозвучал звонок микроволновки: рис готов. Мозг переключился на новые, более приятные мысли о еде. Так тонущий хватается за брошенный ему спасательный жилет или надувной круг.

Перри не осознавал, что передышка всего лишь временная. Не понимал, что разум дал трещину под давлением всепоглощающего стресса от невероятной ситуации, разворачивающейся внутри его тела и вокруг него.

39

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА

Кларенс Отто остановил машину. Прижав к уху сотовый телефон, Маргарет выглянула из окна на изящный двухэтажный кирпичный дом на Миллер-авеню. Белые жалюзи, ветви плюща, крупной паутиной стелющиеся

вдоль одной из стен: летом она полностью покрыта зеленой листвой.

Эймос разместился на заднем сиденье, явно раздраженный происходящим. Если в тесной лаборатории внутри госпиталя он усердно трудился, совершенно не выказывая признаков усталости, то на уличном холоде становился угрюмым и неразговорчивым.

— Мы только что остановились у дома, где живет девочка, — сообщила Маргарет по телефону.

— Скажи Отто, чтобы был начеку, — предупредил ее Дью. — У меня здесь уже шесть трупов... Группа поддержки с тобой?

Маргарет оглянулась, хотя ей было отлично известно, что она должна увидеть. Серый микроавтобус без номеров припарковался в нескольких десятках метров позади.

— Она здесь. Насчет Отто я поняла. Он пойдет первым. Хотя, я думаю, здесь случай попроще — у девчонки обнаружены волокна Моргеллонс, а не треугольники.

— Хорошо, но все равно будьте начеку, — предупредил Дью. — Вообще, эти ребята — настоящие психи. Как только закончишь, приезжай сюда.

— Что ты обнаружил?

После некоторой паузы Дью ответил:

— Похоже, наш парнишка из колледжа был художником. Думаю, тебе захочется это увидеть...

— Хорошо, Дью. Мы приедем, как только сможем. Дью молча отключил вызов.

— Что он тебе сказал? — спросил Эймос.

— Там у него шесть трупов, — рассеянно проговорила Маргарет. — На противоположном конце города. Поедем туда, как только закончим здесь.

Эймос покачал головой. Ему было скучно, и Маргарет это прекрасно понимала. Глаза агента Кларенса

Отто прикрывали солнцезащитные очки, но челюстные мышцы слегка дернулись.

— Ты готова? — тихо спросил он у Маргарет. Та молча кивнула.

Вместе они направились к дому, Отто — впереди, Маргарет с Эймосом немного сзади. Левой рукой Отто постучал в дверь, правой сжимая в кармане рукоять пистолета.

Вряд ли здесь их ожидала опасность. Согласно отчету Чена, тот внимательно обследовал девочку и уж наверняка обнаружил бы нечто, хоть отдаленно напоминающее треугольник. И все-таки необходимо действовать по возможности бесшумно. Если за дверью проживает нормальная американская семья, то очередная частица конфиденциальности будет утеряна, и беспечные жители окажутся ближе к осознанию происходящего кошмара.

Землю и голые ветви деревьев запорошило снегом. Некоторые лужайки перед домами были вытоптаны: детвора успела поиграть в снежки и налепить снеговиков.

Дверь отворилась. В проеме стоял маленький ангелочек — с белокурыми локонами, в голубом платице и с милым личиком. В руках девочка держала тряпичную куклу.

— Привет, конфетка, — подмигнул ей Отто.

— Здравствуйте.

Девочка не выглядела испуганной. Обрадованной или взволнованной ее тоже назвать было нельзя. По сути, ее лицо вообще не выражало каких-либо эмоций.

— Тебя зовут Малышка Хестер?

Она кивнула, и белокурые локоны на маленькой головке заколыхались.

Отто неторопливо вытащил правую руку, оставив оружие в кармане.

Маргарет подошла справа, так чтобы девочка увидела ее.

— Малышка, нам хотелось бы поговорить с твоей мамой. Она дома?

— Мама еще спит. Вы можете подождать в гостиной.

Она жестом пригласила их войти. Обычная, ничем не примечательная вежливость.

— Спасибо, — ответил Отто. Он переступил через порог, быстро повернув голову влево и вправо, чтобы просканировать каждый дюйм в помещении. За ним последовали Маргарет с Эймосом. Помимо разбросанных везде цветных игрушек, дом выглядел вполне опрятным.

Малышка провела их в гостиную, где Маргарет и Эймос уселись на диван. Отто предпочел остаться на ногах. Из гостиной открывался вид на лестницу, входную дверь и коридор, ведущий на кухню.

— Где твой отец? — спросила Маргарет. — Он дома? Девочка покачала головой.

— Папа с нами больше не живет. Он живет в Гранд-Рапидс.

— Ну что ж, милая, может быть, мы разбудим твою маму? Нам очень нужно с ней поговорить.

Девочка молча кивнула, затем повернулась и пошла наверх по лестнице.

— Вполне здоровый ребенок, — тихо произнес Эймос. — Мы, конечно, обследуем ее, но на первый взгляд никакой инфекции у нее нет.

— Болезнь Моргеллонс может протекать годами. Без треугольных новообразований, — заметила Маргарет.

— Просто они лучше замаскированы, — сказал Отто. — Не хотелось бы обижать вас, коллеги, но порой вы слишком много предполагаете.

— Похоже, не стоит вдаваться в слишком сложные теории и предположения, — проговорил Эймос.

— Что ты хочешь сказать? — не понял Отто.

— Ничего такого. Это лишь означает, что ты прав.

Все трое повернули головы, когда в дверном проеме появился маленький мальчик, на вид не старше семи лет. На его голове красовалась ковбойская шляпа, на лице черная маска, на бедрах по кобуре, брюки отделаны бахромой. В общем, настоящий «Одинокий ковбой»¹ в полном обмундировании.

Отто напрягся было при виде шестизарядных револьверов в руках мальчишки, но дуло каждого было закрыто пластмассовым колпачком. Значит, револьверы игрушечные.

— Всем оставаться на месте! — велел мальчик, пытаясь придать голосу суровость.

Отто рассмеялся.

— Хорошо, Одинокий ковбой, мы стоим на месте и не двигаемся. Есть проблемы?

— Никаких, если вы будете держать руки так, чтобы я их видел, мистер.

Отто поднял руки вверх, разжав кулаки.

— Я не доставлю тебе хлопот, отважный рейнджер.

Мальчишка кивнул, всем видом давая понять, что настроен весьма решительно.

— Если будете слушаться, мы сможем поладить.

Вниз по лестнице сбежала малышка.

---

¹ Одинокий ковбой (Lone Ranger) — персонаж популярного сериала в жанре вестерна, сначала на радио (с 1933), а позже на телевидении (1949–1956); благородный, неустрашимый и находчивый герой в маске, борец за справедливость в Техасе. Во всех приключениях ему помогают друг — индеец Тонто и верный конь Сильвер. Клич Одинокого ковбоя «Эге-гей, Сильвер!» знает вся Америка.

— О вас позаботится моя сестра, — сказал мальчик. — А мне нужно заняться кое-какими делами.

— Не беспокойся, рейнджер, — кивнул ему Отто.

— Хитрый малый, — пробормотал Эймос, когда юный ковбой прошмыгнул на кухню и закрыл за собой дверь. Оттуда донесся грохот и злорадный вопль: видимо, мальчишка сражался с воображаемыми бандитами.

Тем не менее что-то в его поведении заставило Маргарет насторожиться. Они, конечно, поспешили и допустили небрежность, не удосужившись проверить, сколько человек в семье. Отец, судя по словам девочки, уехал. Один брат налицо. Есть ли еще один? А сестры?

— Мамочка никак не просыпается, — вдруг сказала девочка. — Два дня пробую разбудить ее, а она все спит и спит. И странно пахнет.

Маргарет почувствовала, как внутри у нее похолодело.

Девочка между тем подошла ближе.

— А вы из полиции?

Эймос медленно поднялся с дивана.

Отто спокойно встал между девочкой и Маргарет.

— Да, милая, мы из полиции. Как ты догадалась?

— Братик сказал, что вы скоро придете.

Маргарет захотелось бежать отсюда без оглядки. Немедленно. Они явились за девочкой, но им и в голову не приходило, что в доме может быть инфицирован кто-нибудь еще.

— О боже... — проговорил Эймос. — Ты чувствуешь? Пахнет газом!

Маргарет мгновенно ощутила знакомый запах — он исходил из кухни.

— Уберите отсюда девчонку, — тихо сказал Отто. — Поскорее.

Маргарет шагнула к малышке, потом остановилась в нерешительности. Ей не хотелось дотрагиваться до нее: вдруг она заразная?

— Маргарет, — прошипел Отто. — Забери ее... быстро!

Отбросив сомнения, женщина схватила девочку. Она шагнула по направлению к выходу, но, прежде чем успела сделать второй шаг, кухонная дверь распахнулась.

Вышел мальчишка, держа в каждой руке по пистолету.

На нем по-прежнему была надета ковбойская шляпа, но маску мальчишка снял. У него был всего один глаз! Вместо другого красовалась уродливая голубая шишка, которая вытеснила собой веко и бровь. Веко вздулось и лопнуло, обнажив черноватую сморщенную кожу. Что бы это ни было, оно выросло между глазом и веками, причем глаз остался где-то позади и не был виден...

— Вы плохие, — сказал мальчишка. — Надо бы вас... пристрелить.

Он поднял пистолеты.

Эймос бросился мимо Маргарет к выходу. Женщина повернулась и побежала за ним, не выпуская девочку из рук. Тяжелые шаги позади напоминали о том, что агент Отто не отстает.

Маргарет выбежала из дома и успела соскочить с крыльца, когда услышала выстрелы, а секунду спустя газ воспламенился.

Это был не взрыв, а скорее сильный хлопок. Окна задребезжали. На бегу Маргарет почувствовала за спиной жар — если никто не услышал взрыва, это вовсе не означало, что дом не загорится. И мальчишку не охватит пламя...

ОБЕД ПОДАН

Перри наполнил тарелку и умудрился допрыгать до дивана, не просыпав на пол ни крошки. Тяжело опустившись на подушки, он поморщился от очередного приступа боли в ноге, схватил вилку и с жадностью набросился на еду.

Рагу получилось не слишком густым. Кушанье больше походило на густой суп, нежели на испанский рис. Но оказалось вкусным и успокаивало урчание в животе. Перри погрузился в рис, словно никогда не видел подобной еды раньше. Может быть, куда вкуснее сейчас оказались бы четвертьфунтовый гамбургер с картошкой фри? Или пончики «Хостесс»? Или батончик «Бейби-Рут»? Или большой стейк с брокколи и сырным соусом? Нет, лучше всего на свете сейчас было бы поесть мягких тако из «Тако-Белл». В придачу с острым соусом и бездонным бокалом «Маунтин дью».

Перри вдруг подумал о лете. Самая лучшая пора для смерти. Как всегда, он плохо выбрал время. Ведь можно было бы заразиться этой «болезнью» весной, или летом, или хотя бы осенью. Все три времени года в Мичигане невероятно красивы. На деревьях либо распускается новая листва, либо она переливается яркими красками, предвещающими наступление зимы. Умереть летом было бы неплохо: Мичиган буквально утопал в зелени, стоило лишь выбраться из города куда-нибудь на проселочную дорогу. Шоссе, ведущие на север и к Верхнему полуострову¹, —

---

¹ Верхний полуостров — северная часть штата Мичиган («Верхний Мичиган»), расположенная на выступе, образующем полуостров, омываемый водами озер Мичиган, Гурон и Верхнее. Соединена мостом через пролив Макино с Нижним полуостровом — южной частью штата.

это полосы черного асфальта через раскинувшиеся по обе стороны безбрежные моря лесов и фермерских земель.

Земельные угодья, лес, болота, озера... три часа езды от Маунт-Плезант до Чебойгана. На пути попадались маленькие городки вроде Гэйлорда, представлявшие собой скопления невысоких зданий и припаркованных рядом автомобилей. Они быстро исчезали в зеркале заднего вида, словно остатки воспоминаний, которые рассеиваются и постепенно переходят в сладкий сон.

Особенно хорошо в начале лета. В разгар сезона дает о себе знать истинная природа мичиганских болот: повсюду царит влажная духота, тело покрывается липким потом, в воздухе кружат полчища комаров и мошкар. Но это не доставляет особых проблем, поскольку до ближайшего озера от силы десять минут езды. По возвращении домой можно искупаться в Маллет-Лейк и прохладной водой смыть с себя последствия угнетающего зноя. А солнце продолжает нещадно палить, превращая бледную кожу в загорелую и оставляя в глазах многочисленные блики и искры.

Насколько идеальным могло быть лето, настолько же угнетающей и унылой получалась зима. Естественно, она была по-своему хороша: покрытые снегом деревья, простирающиеся вдаль белые поля — бесконечные белые пространства с фермерскими домами, уютно вписывающимися в пейзаж. Чем дальше на север, тем суровее становились зимы. Пронизывающий холод. Сырость. Лед. Грязные сугробы смешанного с гравием и песком снега по бокам дороги. Иногда деревья вплоть до мельчайших веточек покрывал толстый слой снега, но большую часть времени бурые ветви и стволы оставались голыми и безжизненными.

Вот почему, когда Перри думал о смерти, ему хотелось, чтобы его кремировали: он попросту не мог себе представить, как его останки будут вечно тлеть в промерзшей почве унылой мичиганской зимы.

И все-таки последние дни его жизни разворачивались именно на фоне угнетающего зимнего пейзажа. Даже если Военные, столь ненавистные Треугольникам, найдут его, то чем смогут ему помочь? Насколько далеко зашла болезнь, этот «треугольный» рак, отдающийся в ушах нестерпимым звоном и воплями?

Перри отправил в рот остатки риса.

— Довольно вкусно, не правда ли? — проговорил он, рассеянно поставив тарелку на столик. Он медленно умирает, есть ли смысл убираться и мыть посуду?

В голове раздался неясный шум.

МЫ НЕ ОЩУЩАЕМ ВКУСА ПРОСТО ВПИТЫВАЕМ

Не ощущают. Хоть какое-то ограничение. Зато словарный запас Стартовой Пятерки постоянно расширялся.

Урчание в желудке постепенно стихло, затем прекратилось. Уставившись в пустой телеэкран, Перри вдруг был поражен простым, но неожиданным вопросом: что делать?

По ходу необычного сценария, разворачивающегося с Перри в собственной квартире, ему ни разу не пришлось беспокоиться о том, чем себя занять. Он либо спал, либо пребывал в беспамятстве, резал собственное тело, словно отморозок из фильма Клайва Баркера, либо разговаривал с паразитами. А однажды, когда он попытался отвлечься просмотром телевизора, старина Коломбо доставил ему столько хлопот, что Перри быстро пожалел о том, что включил «ящик».

А если не телевизор, то чем себя развлечь? С работы Перри приволок домой несколько компьютерных книг, чтобы внимательно просмотреть их. Однако в данной ситуации надо быть полным идиотом, чтобы тратить время на изучение особенностей работы сетей на платформе Unix или вопросов интегрирования программ с открытым кодом. Ему, конечно, нравилась идея что-нибудь почитать — то, что могло бы дать хоть небольшую отсрочку от ужасного приговора.

Незадолго до этого Перри одолел почти треть книги Стивена Кинга «Сияние», но за последние недели не прочел ни строчки. Что ж, теперь у него появилась возможность. Он никуда не собирался: ни на работу, ни в магазин. Нужно уйти с головой в книгу — это поможет очистить мозг от навязчивых мыслей о Военных и о том, насколько громкими могут стать вопли Треугольников, если он по-прежнему будет о них думать.

Только сначала нужно смыть соус с лица и рук — он испачкался во время обеда. О пятнах на толстовке можно не беспокоиться, однако ощущение чего-то липкого на лице не давало покоя. Перри медленно поднялся с дивана и запрыгал в ванную, сетуя на то, что придется опять принимать тайленол: боль в ноге усилилась.

Вымыв лицо и руки и взглянув на себя в зеркало, Перри не мог не вспомнить о классическом фильме Джорджа Ромеро «Ночь живых мертвецов». Сейчас он запросто мог пройти кастинг на роль одного из ходячих трупов: кожа болезненно-серого оттенка, глубокие круги под воспаленными глазами, грязные взъерошенные волосы.

Впрочем, не так уж все плохо. Боли в животе прошли. Впервые за много лет мышцы обрели более четкие очертания. Он даже различал знакомые «квадратики» в области брюшного пресса. За последние несколько

дней Перри потерял по меньшей мере пятнадцать фунтов веса, причем один только жир. Он покрутил рукой и увидел, как завибрировала дельтовидная мышца.

Великолепная диета.

Но и кроме мускулатуры было на что посмотреть. Он уже некоторое время не рассматривал свои Треугольники. Правда, Перри не был уверен, хочется ли ему этого.

Все-таки нужно взглянуть на них.

Удобнее всего было посмотреть на Треугольник, расположенный возле шеи, прямо над ключицей. Перри потянул вниз за край воротника толстовки.

Вообще, слово «ключица» он выучил раньше прочих. Еще в детстве отец железной рукой хватал Перри за плечо, да так, что от боли темнело в глазах. Парализующую хватку папаша обычно сопровождал словами вроде: «Это мой дом, и ты будешь жить здесь по моим правилам» или вездесущим: «Учись дисциплине».

Перри отбросил мысли об отце и сосредоточился на Треугольнике. Бледно-голубой оттенок сменился голубым, тело стало тверже и плотнее на ощупь, края — более четкими. Точно так же, как его собственные мышцы выглядели более очерченными, через кожу начинала проявляться грубая текстура Треугольника.

Перри присмотрелся к его краям. Обратил внимание на прорези. На голубизну, на поры в коже, которые по-прежнему выглядели нормальными, за исключением области, прикрывающей тело паразита. Перри обратил внимание на количество голубых линий, выходящих из Треугольника. Они использовали кровь. Точно так же, как мелкие вены на запястьях. Вот почему Треугольники выглядели голубыми: они впитывали кислород из крови через свои хвосты или другие части тела, кровь прокладывала себе путь через крохотные тела паразитов

и, лишённая кислорода, растекалась наверху, прямо под кожей.

Прорези теперь выглядели более развитыми, чем в последний раз. На каждой была складка, похожая на тонкие губы или, скорее, на веки...

Вдруг вспомнился обрывок одной из фраз, прозвевшей в голове: *«Нет, мы не можем видеть. Пока не можем»*.

Пока...

— О боже, не допусти, чтобы это оказалось тем, о чем я подумал!..

И снова, как и в прошлый раз, Бог оставил без внимания его мольбы.

Каждая из трех прорезей раскрылась, обнажив черные блестящие поверхности. Если поначалу и мог возникнуть вопрос по поводу того, что они собой представляли, то теперь он исчез сам собой, как только все три века одновременно мигнули...

Перри разглядывал ключицу, а ключица... смотрела прямо на него.

— Вот ублюдки, — пробормотал Перри, и голос его снова дрогнул. Когда же эти штуки перестанут развиваться? Что дальше? Может, у паразитов теперь отрастут ноги, руки, челюсти и хвосты?

Перед глазами все расплывалось, разум, казалось, ненадолго отключился, взял своеобразный тайм-аут. Прыгать на одной ноге стало таким привычным делом, что Перри смог без проблем добраться до дивана и вновь погрузиться в мягкие подушки.

Мозг работал как будто на «автопилоте», как кинофильм, который прокручивали снова и снова, пока Перри сидел и наблюдал, не в силах переключить на другой канал или отвести взгляд от мелькающих перед ним образов.

Перри вспомнил одну передачу на обучающем канале. Там показали обыкновенную осу и некоторые зловещие эпизоды жизни этого хищного насекомого. Осы нападали на определенные виды гусениц. Гусениц они не убивали, а лишь на некоторое время парализовывали и откладывали внутри жертвы яйца. Завершив свою миссию, оса улетала прочь. Гусеница просыпалась и продолжала обычную жизнь, то есть жевала листья, не подозревая об ужасной болезни, которая фактически культивировалась у нее в кишечнике.

Это была самая ужасная вещь, которую Перри доводилось видеть. Осиные яйца не просто пробивали себе путь из тела гусеницы... Они *выведали* его.

Когда из яиц вылуплялись личинки, то они питались внутренностями гусеницы. И росли. Гусеница боролась за жизнь, но ничего не могла поделать с личинками, поедающими ее изнутри. Кожа гусеницы морщилась, собиралась в складки, лопалась по мере того, как личинки продолжали ее есть, методично пережевывая внутренности с той же роботовидной точностью, с которой гусеница измельчала листву. Ничего омерзительнее не придумаешь. Рак, пожирающий тело прямо на глазах у зрителя. Хуже того, повинаясь какому-то страшному инстинкту, личинки знали, что именно нужно есть; они потребляли жир и внутренние органы, оставляя нетронутыми сердце и мозг, как можно дольше сохраняя свой ползающий шведский стол.

Эволюция личинок была совершенной: они не убивали гусеницу до тех пор, пока не закончат цикл роста — когда проедали себе путь из-под кожи гусеницы, сверкая мокрой слизью от прожеванных кишок. А их невежественная жертва продолжала извиваться и корчиться, на удивление еще живая, хотя ее внутренности почти целиком были съедены.

Неужели ему уготована схожая участь? Неужели твари поедают его изнутри? Но если так, то почему они всегда вопят и ноют, уговаривая его есть? Нет, они не собираются овладевать его мозгом. Им ведь тогда не понадобились бы глаза. А теперь? Может быть, это лишь первая стадия: если появились глаза, то почему бы не появиться и рту? Или зубам?

Перри успокоился, убеждая себя в том, что нужно рассуждать логически. В конце концов, он образованный человек. Нужно хорошенько подумать, и тогда он сможет отыскать собственные ответы на интересующие его вопросы.

Сейчас под рукой не было достаточной информации, из которой могла родиться гипотеза, — ничего, за что можно было бы ухватиться. Даже лейтенант Коломбо беспомощно чесал бы затылок в подобной ситуации. Конечно, Коломбо разыграл бы из себя круглого идиота, шута на фоне учтивых, но коварных хозяев. Коломбо изображал из себя тупоголового детектива, а его «подопечные», ничего не подозревая, вели себя все увереннее, однако в конце концов допускали какой-нибудь малозаметный промах. Малозаметный для обычных глаз, но не для проницательного героя Питера Фалька.

Вот в какую игру нужно играть: притвориться тупым и вовлечь тварей в разговор.

— Эй вы, ублюдки.

ЭЙ ПРИВЕТ

— И что вы хотите от меня?

ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ ЭТИМ СКАЗАТЬ

— Что вы делаете у меня в теле?

МЫ НЕ ЗНАЕМ

Как раз работа для сыщика. Ничего другого не оставалось. Только сидеть и ждать. И теперь он не что иное, как ходячая и говорящая закусочная. Сидеть и ждать. Сидеть и слушать.

И ты позволишь им собой командовать, мой мальчик?

Другой голос... голос отца. Не настоящий, а голос в голове, из памяти.

— Нет, папочка, — сухо проговорил Перри. — Я не позволю водить себя за нос.

Он согнул указательный палец, зацепил воротник, яростно оттянул назад и надорвал, чтобы обнажить Треугольник. Сам он не увидел, но понял, что страшные черные глаза неистово заморгали, охватывая взглядом гостиную и все собранные за время учебы в колледже безделушки.

Вилка со следами соуса до сих пор лежала на тарелке. Перри с жадностью дикаря схватил ее и сжал в руке, словно кинжал. Несколько раз шумно выдохнув, он собрался с силами и воткнул вилку себе в ключицу. Центральный зубец с мокрым хрустом вонзился в один из черных глаз. Зубцы пробили трапецеидальную мышцу и вышли наружу, поцарапав и испачкав брызгами крови обивку дивана.

Не нужно было кричать и морщиться от боли: об этом позаботились Треугольники. Получился не крик, а скорее, просто шум. Громкий, невыносимо громкий шум. Дьявольский шум, пронзительный, словно автомобильный клаксон, направленный прямо в ухо. Перри сполз с кушетки и затряс головой, охваченный внезапной и всепоглощающей агонией.

Он перекатился на спину, протянул руку, схватил вилку, покрутил немного, потом снова вонзил себе в плечо.

Перри было невдомек, что при втором ударе зубцы проделали дырку в главном нервном столбе Треугольника, как раз под плоской головой, мгновенно убив па-

разита. А если бы он и знал, то, вероятно, ему было бы наплевать. Главное, он не козел отпущения, не какой-нибудь слабак, а «Ужасный» Перри Доуси, которым когда-то восхищались восторженные зрители и которого опасались соперники на поле.

— Ах вы, ублюдки! — еще громче закричал он в надежде расслышать собственный голос на фоне дьявольского визга Треугольников, эхом отдававшегося в голове. — Ну как, нравится?!

ПРЕКРАТИ ОСТАНОВИСЬ ОСТАНОВИСЬ
ПЕРЕСТАТЬ ОСТАНОВИСЬ

— Так я вас и послушался! Что, съели? Больно вам, твари?

Из-под крепко стиснутых век сочились слезы. Тело пронзила боль. Но воспаленный разум не давал лишить измученное тело последних сил.

УБЛЮДОК ТЫ ЗАПЛАТИШЬ
ПРЕКРАТИ ОСТАНОВИСЬ ПЕРЕСТАТЬ

— Черта с два, приятель! — Перри был опьянен болью, словно алкоголик, оказавшийся рядом с бочонком бесхозного рома. — С этим я покончу сам, а за остальными пришлю Военных. Скоро, очень скоро они явятся сюда!

Он снова взмахнул вилкой и начал говорить, однако слова куда-то потерялись, когда зубцы вонзились в сухожилие. Перри допустил большую ошибку, поддавшись боли и катаясь по полу в бесполезном протесте: плечо и ручка вилки наткнулись на что-то твердое, и зубцы вошли еще глубже.

ПРЕКРАТИ ОСТАНОВИСЬ ПЕРЕСТАТЬ

Зрение то возвращалось, то пропадало какими-то странными вспышками. Клаксон в голове зазвучал еще сильнее, просто невыносимо. Перри снова проиграл и понимал это, но не мог произнести ни единого слова. Не мог сказать тварям, что ему очень жаль... Жаль, что уже нельзя мысленно пообещать отцу вести себя как подобает мужчине. А Доуси-старший не сможет попросить Бога пожалеть его и остановить бездушных тварей, терзающих искалеченный мозг...

Перри упал на пол, не услышав сердитого стука из квартиры, расположенной этажом выше.

41

ПРИВЕТ, СОСЕД!

Эл Тернер сердито топнул ногой по полу. Нет, с него достаточно! Он снова топнул, и вопли внизу прекратились.

Тернер рассеянно почесал огромный волосатый живот, потом, просунув руку в трусы, принялся чесать вспотевшую задницу. Чертов геморрой вконец достал! Хоть на стенку лезь — все равно никакого облегчения.

Что за дьявол вселился в того парня? Шутка ли — поднимать такой крик? А ведь раньше он вел себя тихо, и Тернер редко вспоминал о том, что внизу вообще кто-то живет. Потом оказалось, что сосед этажом ниже — тот самый «Ужасный» Перри Доуси. Эл познакомился с ним, попросил подписать футболку для племянника и парочку футболок — для себя. Доуси тогда улыбнулся, словно был удивлен тем, что кто-то попросил у него автограф. Правда, улыбка растаяла, когда Эл попросил поставить автограф на футболке с изображением «Розовой чаши». Пожалуй, вышло грубовато, но ведь Эл не обучался в школе изысканных манер, так?

Он не ожидал, что Доуси такой громадный. Конечно, почти все футбольные игроки, которых показывали по телевидению, были настоящими здоровяками, но этот парень оказался настоящим монстром. Как позавидовал бы его сослуживец Джерри, если бы узнал, что Эл Тернер может запросто тусоваться в баре с одним из... да что там говорить! — с величайшим лайнбэкером, когда-либо надевавшим желто-голубую футболку. Все изменилось, когда Эл увидел этого парня прямо перед собой. Рядом с ним Тернер чувствовал себя семилетним мальчишкой. В компании такого чудовища пить пиво как-то не хотелось. Все равно что смотреть научно-популярные телепередачи, посвященные крупным представителям семейства кошачьих: их замечательно наблюдать на экране, но не дай бог повстречать на узкой тропинке в джунглях!

Тернер вздрогнул, почувствовав в заднице новую вспышку боли и жжения. Как будто кто-то приложил к этому месту крапиву. Он сморщился и принялся энергично расчесывать. Нет, эта дрянь сведет с ума кого угодно — даже самого папу римского.

Вопли Доуси явно не добавляли Тернеру настроения.

42

НЕОТЕСАННЫЕ ПАРНИ ИЗ МЕСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИЦИИ

Из многолетнего опыта Дью знал, что местные полицейские редко довольны, если в их работу вмешиваются представители других служб. А эти вообще откровенно злились.

Перед домом Нгуена стояли три автомобиля полиции Анн-Арбор. Они занимали часть лужайки и тротуара.

Так было сделано, чтобы освободить проезд трем серым микроавтобусам, припаркованным у обочины. Полицейские толпились на тротуаре и во дворе дома, глаза на людей в камуфляжной форме и с оружием в руках. Четырем спецназовцам из первой группы Дью приказал занять позиции у входов в дом. Он усмехнулся: у его подчиненных был такой вид, словно им убить человека так же просто, как муху раздавить.

Шестеро полицейских из Анн-Арбор кипели от негодования, потому что не могли войти в дом. По сути, им просто не разрешили это сделать. На подконтрольной им территории совершено массовое убийство, а какой-то правительственный чиновник лишил их возможности выполнять свою работу!

К дому подъехал голубой «Форд». Из машины вышел крупный мужчина в коричневой спортивной куртке из полиэстера и тяжелой поступью направился к Дью. На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. Резко выраженная круглая челюсть делала его похожим на персонаж из мультфильмов.

— Это вы агент Филлипс? — хмуро спросил он.

Дью кивнул и пожал руку.

— А я детектив Боб Циммер, полиция Анн-Арбор.

— Где ваш шеф, Боб?

— За пределами города, на конференции, посвященной борьбе с терроризмом, — отчеканил Циммер. — Его обязанности исполняю я.

— Конференция по борьбе с терроризмом? Ну надо же! — усмехнулся Дью.

— Послушайте, Филлипс, — насутился Циммер, — я не знаю, что за чертовщина здесь происходит, у меня сегодня и так дел по горло. Меня только вызвали к дому, в котором взорвался бытовой газ, погибли мать с сыном. По пути сюда мне позвонил сначала мой шеф,

потом — мэр города, которые сообщили, что везде командуют федералы и заправляет ими некий умник по имени Дью Филлипс.

— Неужели мэр назвал меня умником? — переспросил Дью. — Губернатор — я еще мог бы понять, но мэр... Даже как-то не по себе.

Циммер несколько раз моргнул.

— Вы что, шутите?

— Слегка.

— Мне сейчас не до шуток, мистер, — сухо заметил Циммер. — Так вот, приезжаю в дом этой дамочки, а четверо федералов в химических костюмах заявляют, что нужно подождать, пока прекратится пожар. Потом мне звонит гребаный прокурор гребаных Соединенных Штатов гребаной Америки и несет какую-то чушь, из которой я узнаю, что вы и ваши люди оцепили еще один дом и не пускаете туда моих людей!

— Да уж, я смотрю, вы немало времени потратили на телефонные разговоры, — прищурился Дью. — Надеюсь, не исчерпали баланс?

Глаза Циммера сузились.

— Лучше прекратите со мной шутить, Филлипс!

— Черный юмор, простите, — улыбнулся Дью. — Если я не посмеюсь, то наверняка буду плакать. Итак, вам позвонили, вы кое с кем поговорили и выяснили, что здесь всем распоряжаюсь я, верно?

Циммер кивнул.

— Да, но скажите хотя бы, что происходит в доме. Мы слышали о многочисленных убийствах. О том, что жертвы — студенты местного колледжа. Что случилось, черт побери?

— Вам знать не обязательно, — спокойно ответил Дью.

Детектив сделал шаг вперед. Неожиданное движение застало Дью врасплох, тем не менее он не пошевелился.

— Да пошел ты, Филлипс! — прошипел Циммер. — И плевать, кто мне звонил. Шеф — отличный парень, ты с ним поладишь, и он будет выполнять твои указания. Но я... Со мной этот номер не пройдет. Я люблю совать нос туда, куда не следует.

— Последнее высказывание превосходно смотрелось бы на визитной карточке, — заметил Дью. — И вот еще что можно добавить: «Меня зовут Боб Циммер, и я жду не дождусь, когда меня уволят».

Циммер сверкнул глазами, однако не смог сдержать улыбку.

— Мне уже немало лет, у меня свой дом, и я всегда с умом вкладывал деньги. Напугал ежа голый... хм... Да я каждый божий день буду ездить на рыбалку и посмеиваться над вами!.. Я хочу знать, какой опасности подвергаются мои ребята и что угрожает городу. И мне нужно знать это *немедленно!*

Если что-то в данной ситуации и могло пойти не так, как запланировано, то сейчас наступил как раз такой случай. Парня не запугать. Он хочет защитить людей, а карьера беспокоит его в последнюю очередь. Дью понимал, что раскрывать детали Циммеру не следует. Но в Анн-Арбор уже два похожих случая: если разразится скандал, желательно заранее обзавестись союзниками.

Дью отступил на полшага.

— Все очень плохо, Боб. Ситуация критическая. В доме шесть мертвых студентов.

— Сколько? Шесть? — прохрипел Циммер. Он сразу понял, что большую часть информации придется держать в тайне. — Если это очередная шутка...

Дью покачал головой.

— Четверо застрелены. Возможно, их сначала пытали. Еще одного точно пытали, а потом забили насмерть молотком.

— Боже праведный! Стоп... получается пять. А шестой?

— Шестой — сам стрелок, — ответил Дью. — И пока неизвестно, действовал ли он в одиночку.

— Так что, в доме или где-то рядом есть еще кто-то? Вот почему повсюду расставлены твои люди...

— Мы не знаем наверняка. Как только появится хоть какая-то информация, я немедленно сообщу.

— И почему здесь федералы? — спросил Циммер.

— Дело в том, что мертвый убийца, возможно, имел связи с террористической ячейкой. Мы думаем, он разрабатывал бомбу. Не исключено, что ребята, проживающие в доме, что-то разузнали, а может быть, и сами участвовали.

— Хорошо, а как связана пресловутая ячейка с погибшими матерью и сыном? — недоумевал Циммер.

— И этого мы пока не знаем, — развел руками Дью.

— Ты что-то не договариваешь, приятель. Наверняка тебе известно больше.

— Нет, Боб, больше ничего. Я и так тебе рассказал слишком много. Не дави на меня.

Циммер отвернулся на секунду, потом кивнул.

— Ладно. Что мы можем сделать?

— Нам нужен еще час. Потом вы становитесь здесь полноправными хозяевами. Скоро подъедет еще один автомобиль с агентом и парочкой экспертов. Они должны убедиться, что в доме нет следов биозагрязнителей.

— Биозагрязнителей? Вроде сибирской язвы?

Дью покачал головой.

— Мы точно не знаем. В университетской больнице установят временную биолaborаторию. Одно из тел от-

правим на обследование. Как только эксперты завершат работу, вы сможете провести опознание бедняг и вызвать их родителей.

Циммер беззвучно пошевелил губами и несколько секунд напряженно смотрел на Дью Филлипса.

— Мы обеспечим вам всю необходимую поддержку. А если найдете ублюдка, который все это натворил... что ж, будем искренне рады позаботиться о нем как положено.

43

ЯДОВИТАЯ ПИЛЮЛЯ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Треугольник на ключице был мертв. Вилка нанесла слишком большие повреждения, и саженец прекратил развитие. Когда он погиб, то прекратилась выработка химических веществ, которые поддерживали жесткую верхушку над шариками-«считывателями». Мертвый катализатор внутри каждого шарика продолжал поедать верхушку, но теперь нечем было заменить растворившийся материал.

Один за другим шарiki-«считыватели» взрывались, выливая порции катализатора внутрь тела Треугольника.

Катализатор породил две реакции: во-первых, растворил целлюлозу; во-вторых, вызвал апоптоз.

Апоптоз означает саморазрушение клеток организма. Обычно это вполне нормальная вещь. Миллиарды клеток ежедневно «выбирают» для себя саморазрушение, потому что повреждены, инфицированы либо исчерпали свои полезные свойства. Процесс может подстегиваться

силами за пределами клетки, например иммунной системой. Каждая клетка в организме несет в себе такой код саморазрушения.

Катализатор активировал этот код во всех клетках, с которыми соприкоснулся.

Когда клетки растворились и высвободили цитоплазму в окружающие области, они передавали сигнал саморазрушения.

А результат? Разжижение. Начиналось оно медленно, с участием небольшого количества клеток, но каждая новая клетка подвергала риску окружающие клетки, создавая экспоненциальный рост, который в течение двух суток растворял все тело.

К счастью, оставшиеся Треугольники продолжали выработку химических веществ, которые не только восполняли потребности собственных шариков-«считывателей», но и противодействовали большей части апоптозных цепных реакций в организме. К несчастью для организма-носителя, концентрация катализатора в ключице оказалась слишком большой, чтобы опасный процесс можно было остановить.

Целлюлоза медленно растворялась, клетки разрушались. Началось разжижение...

44

ИМПРЕССИОНИЗМ

— Держитесь, доктор, — зазвенел в наушниках у Маргарет голос Отто. — Не раскисай, Марго. Не хватало еще, чтобы ты прямо здесь упала в обморок.

Маргарет нетвердой походкой вышла из гостиной, опираясь на сильную руку агента Кларенса Отто. На нем также был надет специальный костюм биозащиты.

Маргарет вдоволь насмотрелась человеческих трупов, но особенно мрачное впечатление произвели окровавленные тела трех студентов в гостиной: бедняги были привязаны к стульям, лица распухли и приобрели голубовато-зеленый оттенок. А потом еще тот мальчишка — инфицированный, сумасшедший подонок, который сжег себя заживо. Исследовать там было попросту нечего, и слава богу.

Спасенную девочку Эймос отвез во временную биолaborаторию при университетской больнице. Маргарет могла себе представить, как напуган бедный ребенок. Предпринимались попытки установить связь с отцом, но пока безуспешно. Эймос подробно расспросил девочку, пытаясь выяснить как можно больше, однако она так и не смогла понять, что ее мать мертва уже двое суток.

Маргарет перебирала в руках шесть фотографий, переснятых и увеличенных с идентификационных карточек погибших студентов. Шесть юных лиц, которых больше никогда не коснется улыбка. На одной из фотографий ее взгляд задержался. Пятеро других студентов улыбались, а этот парень почти смеялся. Одна из редких фотографий, запечатлевшая человека в непринужденной обстановке. На обороте стояла подпись: «Кьет Нгуен».

Убийца собственной персоной.

Кто-то слегка похлопал ее по плечу. Повернувшись, Маргарет встретила взглядом с Дью Филлипсом. Тот снова был без спецкостюма, один во всем доме, заполненном агентами федеральных служб и полицейскими в защитной одежде.

— Мы сделали массу фотографий места преступления, — тихо сказал Дью. — Пойдемте наверх. Думаю, вам будет интересно.

Отто и Маргарет поднялись по скрипучим ступеням лестницы и направились вслед за Дью в одну из спален. Внутри помещения облаченный в биокостюм фотограф под разными ракурсами снимал труп студента, привязанного к стулу. Тело выглядело не таким распухшим, как остальные; очевидно, парня убили в последнюю очередь. Однако у него не было ни рук, ни ног, а из разможенного черепа торчал молоток. Рядом на полу валялся изъеденный скелет.

Когда же прекратится этот кошмар? И прекратится ли вообще?

— Я имел в виду не это, — добавил Дью, махнув рукой на скелет. — Вот на что я хотел бы обратить внимание. — Он указал пальцем на противоположную стену комнаты.

Стена была покрыта различными рисунками и эскизами. Маргарет повернулась, стараясь взглянуть на комнату в новом свете. Везде рисунки, картины, наброски... Как в мастерской настоящего художника. Она снова обратила взор на противоположную стену. Основную площадь занимали три полотна, каждое размером один фут на три.

Первое представляло собой увеличенное изображение пирамиды с оборотной стороны однодолларовой купюры. На рисунке с хорошо прорисованными деталями был изображен круг с набором зеленых теней. Кто-то добавил сюда однодолларовую банкноту — видимо, для сравнения. Выделялись две вещи. Во-первых, светящийся глаз на вершине пирамиды. Причем не один треугольный глаз, а три, выстроенные угол к углу, так что светящиеся глаза составляли большой треугольник. Их основания составляли другой треугольник. А во-вторых, латинская фраза на стяге под пирамидой. Вместо прежних слов «*Novus ordo seclorum*» («Новая череда веков»)

теперь стояло «*E unum pluribus*» — классический девиз Отцов-основателей: «Один из многих». На втором полотне были изображены два каких-то стилизованных дерева — возможно, дубы или клены, ветви которых тянулись друг к другу и переплетались между собой. Между ними на земле располагался... голубой треугольник.

Третья картина, висевшая справа, посередине стены, ошеломляла.

На ней были изображены переплетенные между собой человеческие тела. Точнее, не тела, а части тел. Вот рука, отрезанная у локтя, там — оторванное бедро, еще дальше фрагменты плоти, с которых на землю падали крупные капли наполовину свернувшейся крови. Внушающие ужас тела, связанные вместе колючей проволокой. Тела повсеместно украшали голубовато-черные треугольники, больше похожие на текстурированные татуировки, нежели на подкожные новообразования. Маргарет различила несколько лиц — живых и мертвых. Живые люди, судя по мимике, издавали вопли. Открытый рот одного человека был опутан колючей проволокой; несчастный, охваченный агонией, широко раскрыл глаза.

Тела, связанные воедино колючей проволокой, составляли нечто вроде строительного материала, образуя своеобразную арку агонии, ужаса и смерти. Арка мягко изгибалась вправо, уходя куда-то за пределы полотна.

Маргарет внезапно осознала, что два лица на картине — судя по оттенку кожи и многочисленным частям тел — это Кьет Нгуен собственной персоной.

— Выходит, перед нами твой автопортрет, приятель, — тихо проговорила она. — Вот что ты натворил, прежде чем расправился с беднягами-студентами.

— Это и есть Нгуен? — спросил Отто. — Ты уверена? Маргарет молча вручила ему фотографию.

— Вот сукин сын... — пробормотал Отто, переводя взгляд с картин на фотографию и обратно. — Черт побери, доктор, вы на редкость проницательны. Но если это Нгуен, то кто остальные?

Маргарет кивнула. Она уже привыкла к умению Отто задавать очевидный вопрос и проводить простую взаимосвязь, которую ей с Эймосом не всегда удавалось увидеть.

— Господи... — Маргарет указала на одно из лиц, изображенное высоко над аркой. Лицо было перевернуто и соединено с телом белого человека, голова и плечи которого располагались на полотне, а ноги выходили за его пределы.

— Мартин Брубейкер, не так ли?

Услышав до боли знакомое имя, Дью Филлипс мгновенно подскочил к ней и встал рядом, нагнувшись поближе к полотну.

— Дьявольщина, — сказал Дью. — Тот самый психопат! Только откуда Нгуен мог знать чертова придурка?

Маргарет покачала головой.

— Не думаю, что он был с ним знаком, Дью.

— Как это «не был знаком»? — недоумевал Дью. — Вот здесь передо мной лицо Брубейкера. Парень нарисовал его довольно точно. Значит, он определенно знал его.

— Хорошо, а это кто, уж не Гэри ли Лиленд? — спросил Отто, указывая на другое место картины.

Маргарет с Дью наклонились поближе.

— Черт побери! — одновременно вырвалось у обоих. Маргарет подала знак фотографу.

— Нужно все здесь отснять, и целиком, и подетально. Возьмите новую флешку, а эту я заберу с собой.

Маргарет повернулась, чтобы уйти, и замерла. Что-то в долларовой пирамиде беспокоило ее. Она снова подошла к картине, остановившись на расстоянии фута. Потом она поняла, что источником беспокойства явилась фраза на латыни.

Нгуен написал: «E unum pluribus». Однако это было неправильно. По-латыни «Один из многих» следовало бы написать так: «E pluribus unum».

Если перевернуть фразу наоборот, то что получится?
Из одного — многие.

45

ПОЛ В ГОСТИНОЙ

Перри не знал, кто поет эту песню, хотя слова были ему почему-то знакомы.

Кто-то стучится в дверь, кто-то звенит в колокольчик. Кто-то стучится в дверь, кто-то звенит в колокольчик. Будь любезен... открой дверь... и впусти их.

Он очнулся в темном коридоре. В воздухе звучала ритмичная, но тревожная мелодия. Казалось, все вокруг ожило, пульсировало и тряслось, наполняя тело неясным теплом; ощущение было такое, что находишься в утробе какого-то чудовища, а не в коридоре. В конце коридора находилась единственная дверь из пористого зеленоватого дерева, покрытого отвратительной слизью. Дверь глухо колыбалась с каждым ударом сердца. Словно была живая.

Или, может быть... ожидала своего шанса немного пожить.

Перри понимал, что это всего лишь сон, но был напуган до смерти. В жизни, когда последние часы сна омрачены кошмарами, когда реальность неожиданно стала вызывать сомнения, можно легко испугаться обыкновенных снов.

Перри направился к двери. За ней находилось что-то необычное, невыразимое, влажное и горячее — нечто, готовое разбушеваться, убивать и властвовать. Он протянул руку к дверной ручке, а ручка потянулась к нему; оказалось, что это толстое черное щупальце, которое обволокло его руку и затянуло внутрь пористого зеленого дерева. Перри отбивался как мог, но его упрямо тащило вперед.

Дверь не распахнулась — она поглотила, всосала в себя, обрадовавшись неожиданной пище из плоти и разума. Зеленое дерево поглотило Перри, и он насквозь пропитался влажной гнилью. Он пытался закричать, и щупальце заткнуло ему рот, перекрыв путь любым звукам и даже воздуху. Страшная дверь обернулась вокруг него, лишила всякой надежды на малейшее движение. Рассудок затмил безумный ужас...

Когда он очнулся, вилка по-прежнему торчала из плеча, скрытая тканью толстовки. Рана не болела. Сколько времени он провел в бессознательном состоянии?

Перри засунул правую руку под толстовку, схватил вилку и плавно вытащил ее; вилка вышла наружу с чавкающим звуком. Густые ручейки крови устремились вниз, затекая под мышку. Передняя часть толстовки окрасилась в ярко-красный цвет, перемежающийся с полосками темно-пурпурного. Сама по себе колотая рана не доставила бы больших проблем, но, проворачивая вилку, Перри разорвал большой кусок плоти. Он

осторожно потрогал рану, пытаясь на ощупь выяснить характер повреждений. Пальцы коснулись мертвого Треугольника: он перестал быть упругим, сделался мягким и податливым.

Когти паразита наверняка еще цепляются где-то за его тело — за ключицу или за ребро. Если так, то при попытке удалить Треугольник когти запросто могут прорезать легкое или даже сердце. Треугольник мертв, но этот бесспорный факт едва ли мог принести Перри удовлетворение, ведь ему придется носить в теле мертвого паразита, от которого опасно избавляться.

Он осторожно встал и запрыгал в сторону ванной. Израненная нога сейчас доставляла меньше хлопот.

Играть, невзирая на боль.

Затереть рану грязью и возвращаться в строй.

Пожертвовать своим телом.

Линолеум был покрыт полосками запекшейся крови. В раковине все еще плавали кусочки оранжевых струпьев, хотя уровень воды заметно поубавился.

Плечо сочилось кровью. Из шкафчика возле зеркала Перри взял пузырек с перекисью водорода. На дне оставалось немного жидкости — достаточно для дезинфекции раны. Поставив пузырек на стойку, Перри попытался снять толстовку, но внезапная боль в плече не дала ему этого сделать. Он медленно поднял руку: было очень больно, однако рука, слава богу, все-таки работала.

Правой рукой Перри неуклюже стащил толстовку, бросил на пол и отшвырнул ногой в угол, чтобы не смотреть на нее.

Хотелось принять душ, только сперва нужно было хотя бы обмыть ванну.

Перри вытащил из-под раковины нетронутую чистую мочалку и вдруг подумал, что Стартовой Пятерки

больше не существует. Теперь тварей осталось четверо. Четыре Всадника.

Четыре Всадника Апокалипсиса.

Улыбка на его лице моментально растворилась. Новое имя отнюдь не придавало сил.

Перри смочил белую мочалку и принялся стирать размазанную кровь с груди, плеч и подмышек. Обмакнул и саму рану; мочалка быстро пропиталась кровью.

В общем-то, рана не выглядела ужасной. Ужасен был Треугольник. «Лицо» было изорвано вместе с покрывавшей его кожей. Поначалу было трудно различить плоть паразита и его собственную; приглядевшись, Перри понял, что ткань чужака на вид немного бледнее.

Он вылил на рану остатки перекиси водорода. Большая часть стекла по груди вниз. Перри немного поежился и прижал к ране мочалку.

В запасе оказалось всего три лейкопластыря; впрочем, этого должно было хватить. Перри соединил вместе обрывки кожи над «головой» Треугольника, затем приложил пластырь и крепко надавил. Белые тампоны на противоположной стороне пластыря сразу окрасились в алый цвет. Впрочем, подкожное кровотечение через нескольких минут прекратится.

Запах пластырей ненадолго взбодрил Перри. Он вспомнил, как в детстве, поранив руку или ногу, шел к матери, и та накладывала на рану подобный пластырь. Боль утихала, и юный Перри снова бежал играть. Если, конечно, отцу в данный момент не хотелось проучить его за слезы.

В доме Доуси-старшего было не принято проявлять признаки слабости. Перри не мог даже сосчитать, сколько раз папаша, разозлившись, порол его, приговаривая: «Сейчас тебе будет от чего заплакать!»

Успокоившись, Перри вдруг понял, что кругом — в том числе и у него в голове — царит необычная тишина. Не ощущалось никакого шума, скрежета или статического треска. Ничего. Не хотелось обманывать себя наивными надеждами, вряд ли Треугольники погибли. Конечно, он по-прежнему ощущал низкое жужжание где-то в дальних уголках мозга. Нет, они не мертвы, тем не менее ощущения явно изменились. Вероятно, твари... заснули?

Если они спят, то, может быть, позвать кого-нибудь на помощь? Копов? Или ФБР? Маленькие негодяи до смерти боятся людей в форме — какой именно, Перри не знал. Но нужно было что-нибудь предпринять.

— Эй? — тихо окликнул он. — Придурки? Вы где? Нет ответа.

Испарились. Мозг заработал, словно заводная игрушка. Нужно сосредоточиться и что-нибудь придумать. Очевидный вариант представлял сотовый телефон; ведь нельзя вскочить в машину и умчаться подальше от опасности. От такой опасности никуда не убежишь.

Но кому позвонить? Кто еще может знать о злополучных Треугольниках?

Позвонить... куда? В ФБР? В ЦРУ? Если там что-нибудь известно о такой ситуации, то наверняка предприняты строгие меры по предотвращению малейших утечек информации. Иначе он бы услышал о схожих случаях. Перри запрыгал обратно к дивану и вытащил из столика телефонную книгу. Начал искать в «Желтых страницах» названия правительственных учреждений, потом его осенила одна мысль.

Он быстро открыл «красные» страницы, где приводился алфавитный список всех местных предприятий

и фирм. Особый интерес, естественно, вызывала литера «Т». Вот, кажется, нашел. Две фирмы.

«Трайэнгл фенс энд компани» в Ипсиланти и «Трайэнгл мобайл хоум сейлз» в Анн-Арбор. Какой только идиот догадался вставить в название предприятия слово «треугольник»? Какой оно несло смысл? Должна же здесь существовать какая-то связь? Непременно! Может быть, это государственные учреждения, специально предназначенные для помощи таким, как он, бедолагам. Рано или поздно люди, инфицированные Треугольниками, снимут трубку и попросят помощи. Правильно, что они несколько закамуфлированы. А что бы произошло, если весь список был бы заполнен фирмами, названия которых пестрят «треугольниками»? Может, в каждом мало-мальски крупном городе — или, по крайней мере, в регионе заражения — имелось соответствующее учреждение. Итак, Перри набирает номер, и к нему приедут ребята в красивой форме с характерными нашивками, отведут к микроавтобусу и отправят в специальную лабораторию, где ненавистные Треугольники будут быстро и безболезненно извлечены из его измученного тела. Естественно, с него возьмут обещание хранить в секрете всю информацию о том, что с ним произошло.

Это шанс. Проблеск надежды. Появлялась реальная возможность проучить маленьких ублюдков.

Перри дрожащей рукой набрал номер.

Через некоторое время на другом конце линии слышался приятный женский голос:

— «Трайэнгл фенс энд компани». Здравствуйте!

Перри перешел на шепот, но каждый произносимый звук, казалось, громом отдавался в тишине маленькой квартирки.

— Гм, да. Мне нужна помощь... с... в общем...

Он отчаянно подбирал слова, все еще сомневаясь, стоит ли раскрывать себя и спрашивать? Что ему сказать? Знает ли что-нибудь секретарь? Прослушивается ли его телефон?

— Чем вам помочь, сэр? — переспросил приятный женский голос.

Перри торопливо отключил вызов, так и не решившись что-либо спросить. Может быть, следовало назвать какой-нибудь пароль? Кроме того, его телефон могли прослушивать. Если он попросит помощи, то догадаются ли Треугольники? Накажут ли его за это?

«Прекрати! Сам подумай: как Треугольники могут прослушивать телефон? У них ведь даже рук нет! Да и стоит ли проверять твою лояльность, если ты уже прикончил трех их сотоварищей? Просто нелогично. Думай, приятель...»

Перри тяжело вздохнул. Вновь навалилась удушливая паника; возможно, у него в распоряжении лишь несколько мгновений, чтобы воспользоваться шансом. А если телефон прослушивается, значит, кто-то знает о его состоянии и ничего не предпринимает. Следовательно, любой его звонок — потеря времени. Нужно успокоиться и действовать, если есть хоть один шанс выжить. Время безвозвратно заканчивалось.

Перри взял телефон и набрал номер второй фирмы — «Трайэнгл мобайл хоум сейлз». Должно быть, это тоже какая-то мобильная служба под ширмой компании по продаже или прокату легковых машин. За ним заедут в автомобиле, он сядет в него — якобы, чтобы совершить тест-драйв, не привлекая внимания соседей. И все, он уезжает, и никто ничего не заподозрит. Очень разумно и логично.

— «Трайэнгл мобайл хоум сейлз», — раздался в трубке не слишком приветливый мужской голос.

— Алло, — тихо проговорил Перри, прижимая телефон к щеке свободной рукой. — Хотелось бы получить от вас помощь.

— Смотря в какой помощи вы нуждаетесь, — слегка насмешливо ответил скрипучий голос. — Что мы можем для вас сделать?

Смотря в какой помощи вы нуждаетесь... Что ему теперь говорить?

— Сначала у меня их было семь. С тремя я разобрался, — хрипло произнес Перри. — Остальные, наверное, продолжают расти. Даже не знаю, сколько смогу протянуть.

— Не понял? Семь — чего?

— Семь Треугольников, — ответил Перри, чувствуя огромное напряжение.

— Что? Треугольников?

— Да, да! Именно! — Перри заерзал на месте, как будто тело не могло справиться с новыми импульсами энергии. — Вы должны мне помочь. Скажите, что еще не поздно! Прошу вас!

— Послушайте, мистер! Я понятия не имею, что за чертовщину вы мне тут несете. Чем мы должны вам помочь?

— Помочь избавиться от Треугольников!

— От Треугольников?..

Перри не выдержал и закричал:

— Что за дурацкие игры! Я не знаю никакого кода или пароля, и я не Джеймс Бонд! Во мне растут паразиты, я никак не могу их остановить. К черту пароли, вы только пришлите кого-нибудь с машиной, чтобы забрать меня отсюда!

У Перри все внутри похолодело, когда он вдруг слышал глухое жужжание в голове.

Треугольники просыпались...

— Мистер, у меня нет времени слушать какую-то ерунду. И мне не нравится...

— Да никакая это не ерунда, дьявол вас побери! — заорал Перри, едва контролируя свое состояние. — К черту все! У меня больше нет времени. Вам нужно...

С КЕМ ТЫ РАЗГОВАРИВАЕШЬ

Сердце бешено заколотилось, накатила волна адреналина. Перри охватила паника, словно кролика, попавшего в ослепительный свет фар несущегося сзади автомобиля.

С КЕМ ТЫ РАЗГОВАРИВАЕШЬ

— Ни с кем! Я... разговаривал с самим собой, вот и все.

ПОЧЕМУ ТЫ РАЗГОВАРИВАЕШЬ САМ С СОБОЙ

— Без всякой причины, просто так.

Перри встал и отправился в ванную. Нестерпимо хотелось отлить. Шум в голове усилился, стал громким и пронизывающим.

Они искали ответ, искали более настойчиво, чем прежде.

Перри остановился в ванной, подыскивая способ избежать того, что сейчас будет, и о чем он знал наверняка: мысленных воплей. Ему нужно было выбросить их из своих мыслей.

ПОЧЕМУ ТЫ ПРИКОНЧИЛ

Перри поначалу не совсем разобрал вопрос.

ПОЧЕМУ ПОЧЕМУ ПОЧЕМУ

Он не мог поверить! Треугольникам захотелось узнать, почему он прикончил трех их собратьев! Внутри медленно закипала ярость, она переполняла его, затмевая страх и былую панику. Мерзкие твари еще имели наглость спрашивать почему?!

ПОЧЕМУ ПОЧЕМУ ПОЧЕМУ

— Потому что они жили у меня внутри! Какая мне еще нужна причина, чтобы расправиться с ними? Треугольники были внутри моего тела, мне хотелось избавиться от них любой ценой. Я всех вас вышвырну, так и знайте!

ОН НЕ ПРИЧИНЯЛ ТЕБЕ БОЛЬ
МЫ ТОЖЕ

— Не причиняете боль?.. Да я едва могу ходить, мое плечо изранено, а весь дом забрызган кровью. Моей, между прочим, кровью!

И НАШЕЙ КРОВЬЮ ТОЖЕ
ТЫ САМ ЭТО СДЕЛАЛ

— Да пошли вы, придурки! Сам себе, ну надо же! Нужно разделаться с вами до того, как вы сожрете меня изнутри! Пусть я для вас ходячий инкубатор, но обещаю, что легко не дамся!

УСПОКОЙСЯ РАССЛАБЬСЯ ОТДОХНИ

— Расслабиться? Ишь чего придумали! Могу ли я расслабиться, когда какие-то мерзкие твари копошат-

ся в моем теле? Я расслаблюсь, когда покончу с вами со всеми! — Где-то в дальнем уголке воспаленного разума Перри понял, что хватил через край. Постепенно им стала овладевать ярость. Хотелось что-нибудь ударить, сломать разбить на миллион осколков. — Я порежу себя на кусочки, лишь бы покончить с вами, маленькие ублюдки! Вот тогда я посмеюсь! Слышите? Я от души похохочу над вами!

УСПОКОЙСЯ КТО-ТО ИДЕТ
УСПОКОЙСЯ

— Никто сюда не идет, придурки! — Перри совершал небольшие прыжки, чтобы сохранить равновесие.

ЗДЕСЬ КТО-ТО ЕСТЬ
УСПОКОЙСЯ УСПОКОЙСЯ

Спор завершили глухие удары в дверь.

46

СОСЕД (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Перри уставился на дверь, не уверенный в том, что услышал стук.

Снова раздались глухие удары в дверь.

ЭТО КОЛОМБО
КОЛОМБО КОЛОМБО КОЛОМБО

— Заткнитесь! — прошипел Перри сквозь стиснутые зубы. — Это не Коломбо.

— Эй там, внутри! — позвал голос из-за двери. Раздраженный мужской голос. Перри узнал характерный баритон Эла Тернера, который жил в квартире этажом выше. — Когда ты, наконец, прекратишь кричать? Приятель, ты сведешь меня с ума.

Эл Тернер, Мистер Синий Воротничок. Один из тех, кому уже перевалило за тридцать, но кто, несмотря на это, измерял собственную зрелость количеством алкоголя, которое способен вылакать за ночь в компании себе подобных. Насколько мог вспомнить Перри, по профессии Тернер автомеханик.

— И не отмалчивайся, Доуси! Я прекрасно знаю, что ты здесь! — Тернер снова постучал в дверь. — Эй, с тобой все в порядке, приятель? Что там у тебя происходит?

— Ничего, — выждав паузу, хрипло отозвался Перри через запертую дверь. — Прошу прощения, я просто поругался кое с кем по телефону.

От своей лжи Перри вдруг почувствовал облегчение. Должно сработать. Получилось вполне логично.

Однако Эл рассердился еще больше и заорал:

— Неужели? Я ничего не слышал, кроме твоих истошных воплей, и это начинает действовать мне на нервы! Ясно?

Перри понял, что немного заигрался в своих бесконечных битвах и перепалках с Треугольниками и зря не задумывался над тем, какой производит шум.

УБЕЙ ЕГО

Он, видно, совершенно достал соседа сверху.

УБЕЙ ЕГО

— Прости, Эл. Обещаю, что такое больше не повторится. Буду вести себя тише. Кое-какие проблемы с женщинами. Ну, ты понимаешь?

— Ты мог бы открыть дверь, приятель. Успокойся, у меня нет с собой оружия, — немного смягчившись, сказал Эл Тернер.

— Да я совсем голый, Эл. Только что из душа. Спасибо, что зашел. Кричать больше не буду.

УБЕЙ ЕГО

Перри услышал затихающие шаги за дверью. Разговор получился грубоватым, но к себе в квартиру пускать соседа он не собирался.

УБЕЙ ЕГО

Треугольники настойчиво повторяли «Убей его». Поначалу Перри не расслышал... или, может быть, не хотел слушать.

— Зачем мне, черт побери, его убивать? — прошептал Перри.

ОН ВСЕ ЗНАЕТ ОН УГРОЖАЕТ

УБЕЙ ЕГО УБЕЙ ЕГО

— Никому он не угрожает! — огрызнулся Перри, повысив голос и произнеся слово «угрожает» немного тише остальных слов. — Это просто мой сосед, который живет этажом выше.

В ответ послышался неразборчивый шум.

Перри предположил, что Треугольники выясняют значение фразы «этажом выше» или, может быть, пытаются понять планировку дома. Он уже начинал по-

дозреть, что замышляют и над чем в данный момент раздумывают Треугольники; в процессе поиска в голове мелькали всякие образы и их обрывки:

ОН ЖИВЕТ КАК РАЗ НАД НАМИ
УБЛЮДОК ВСЕ ЗНАЕТ
УБЕЙ ЕГО ОН ЗНАЕТ
УБЕЙ ЕГО

— Заткнитесь, — спокойно проговорил Перри. — Да отстаньте вы от меня, наконец! Не собираюсь я убивать его. Забудьте и больше не просите. Этому не бывать. Уж если здесь кому-то и суждено погибнуть, так это мне, но не обольщайтесь: вашу четверку я захвачу вместе с собой!

Снова раздался скрежет, низкий и продолжительный. Перри усмехнулся про себя: Треугольники принялись искать нужные слова, чтобы избежать спора.

НЕ УБИВАЙ НАС И НЕ УБИВАЙ СЕБЯ
НЕ НУЖНО
МЫ ПОПРОБУЕМ ОСТАНОВИТЬ КОЛОМБО

Попробуют остановить Коломбо?

То есть они попробуют остановить Военных.

Наверное, стоило давным-давно позвонить по телефону 911: возможно, ему еще успели бы помочь, а теперь, конечно, уже поздно.

Навалилась усталость. Ситуация действительно походила на бесконечный спор. Спор, который высасывал из него силы.

Перри пошел в спальню, но лечь здесь не хотелось; простыни были запачканы кровью. Он взял чистую серую футболку с логотипом «Детройтских львов»,

запрыгал в ванную, кинул в рот четыре таблетки тайленола и вернулся на диван, не без удовольствия опустившись на мягкие подушки.

Через несколько секунд пришел сон.

47

МАРГАРЕТ ОТКРЫВАЕТ НОВУЮ ЛАВОЧКУ

Маргарет заказала печать фотоснимков.

В Мичиганском медицинском центре они заставили выделить площадь в хирургическом отделении. Без ведома Лонгуорта Маргарет приняла решение развернуть здесь не одну, а целых две специализированные лаборатории ЛБО-4.

Представители администрации больницы поначалу воспротивились: потребовали известить о возможных рисках, о состоянии здоровья местной общины и еще о массе всякой ерунды, которой Маргарет не собиралась забивать себе голову.

Ведь у нее указ президента. А про запас — замдиректора ЦРУ. Эти люди дадут ей то, что она потребует, вот и все.

Нужно подготовиться. Два случая только в Анн-Арбор. Они близки к тому, чтобы взять одного из инфицированных живым!

Вошел агент Отто со свертком в руках.

Маргарет почувствовала, как сильнее заколотилось сердце — то ли от новой встречи с Отто, то ли от волнения по поводу его ценного груза.

— Ты получил распечатки, Отто?

Он зажег свою широкую, ослепительную улыбку.

— Никаких проблем, док. По-моему, я даже осчастливил кое-кого из служащих. Ведь не каждый день посреди ночи даешь клятву о неразглашении и использу-

ешь большой цветной принтер ради целей национальной безопасности.

Маргарет помогла ему развернуть цветные распечатки, после чего они принялись развешивать на стене последние художественные произведения Къета Нгуена.

48

ПРОГРАММИРОВАНИЕ

Перри и в голову не пришло, насколько близко он подобрался к возможности получить реальную помощь. Суперкомпьютер «НарусИнсайт» STA 7800, машина, которая сканировала все телефонные звонки, зафиксировал слово «треугольники», не раз произнесенное во время его разговора с фирмой «Трайэнгл мобайл хоум сейлз». Однако компьютер не обнаружил контекстных единиц, которые должны были как-то встревожить спецнаблюдателя из ЦРУ. Если бы Перри изменил несколько слов — или хотя бы всего одно слово, то есть, если бы произнес: «У меня сначала было семь, но троих я *убил*» вместо «Сначала у меня их было семь, но с тремя я разобрался», помощь уже находилась бы где-то поблизости.

Перри не произнес заветных слов. И система не передала информацию о его звонке. Перри заснул, по-прежнему в одиночку сражаясь за выживание.

Он спал как убитый.

А Треугольники не дремали.

Вообще, подсознание — мощная сила. Повторение определенных слов, мысленное представление одних и тех же образов — все это виртуально программирует мозг, чтобы потом человек, пробудившись, мог воплотить в реальной жизни незримые команды. Верно

и обратное: если вы убеждены в том, что вы неудачник, что потеряете свою работу, что не сумеете скопить денег, что вам не удастся похудеть — просто повторяйте подобные вещи снова и снова. И что в результате? Все сбудется. Подсознание выхватывает из услышанного главное и воплощает в реальность. Подсознание не видит разницы между успехом и неудачей. Подсознание не понимает разницы между добром и злом.

Всю ночь напролет Треугольники долбили в голове Перри одну и ту же фразу. Они повторили ее тысячи, а может быть, десятки тысяч раз. Снова и снова.

УБЕЙ ЕГО

УБЕЙ ЕГО

УБЕЙ ЕГО

Фраза короткая, и на самом деле они ее не «произносили» — они посылали сигнал по слуховому нерву, и высокоскоростные данные записывались в программируемое подсознание Перри.

Поблизости находились и другие особи сходного вида. Иногда они слышали голоса, подобные их собственным, но исходящие не из тела хозяина-носителя. Иногда носители были очень далеко. Сейчас один из них находился очень-очень близко.

Они не знали, откуда появились, что собой представляли, однако чем сильнее становились, тем больше понимали, *почему* они здесь.

Они здесь для того, чтобы *строить*.

Как только Треугольники соединятся со своими сородичами из соседнего организма-носителя, они образуют одну группу, одно племя, а потом переместятся дальше, для дальнейшего соединения с себе подобными. Но сначала необходимо сохранить носителя живым, за-

щитить его от опасности и, главное, держаться подальше от Военных.

УБЕЙ ЕГО

УБЕЙ ЕГО

УБЕЙ ЕГО

Огромное умственное и физическое истощение способствовало глубокому, бесконечно крепкому сну. Перри проспал не меньше четырнадцати часов. Треугольники повторяли фразу, пока не закончилось действие тайленола. Потом раздалось гудение, и они погрузились в мечты о грандиозном строительстве, которому очень скоро суждено стать реальностью.

49

СВЯЗАТЬСЯ, НАЙТИ, ПОМОЧЬ

Билл Миллер сидел в кресле и смотрел телевизор. По воскресному утреннему каналу шел фильм из сериала «Коломбо». Рассеянно глядя на экран, Билл задумчиво барабанил пальцами по пульта дистанционного управления.

Что, черт побери, происходит с Перри? Не отвечает на телефонные звонки, на электронные сообщения. Даже не открыл ему дверь. Что-то с ним все-таки случилось. Что-то очень нехорошее...

Билл не помнил, сколько раз звонил другу. Он оставлял голосовые сообщения, но так и не получил ответа. Прицепил записку на дверь — опять безрезультатно.

Очевидно, Перри дома и хочет, чтобы его оставили в покое. Так ведь сегодня, слава богу, воскресенье.

Сегодня футбол, черт побери! Традицию, которой исполнилось почти десять лет, нельзя просто взять и забыть!

Нет, это уж чересчур! Нельзя без конца прятаться в крохотной квартирке, тем более когда вот-вот начнутся воскресные репортажи. Билл должен его увидеть и убедиться, что с другом все в порядке. Перри подвержен нервным срывам. Один мало-мальски серьезный инцидент — и он угодит за решетку. Нужно как-то связаться с другом, чтобы уберечь его от опасных поступков.

Схватив телефон, Билл снова набрал номер Перри.

50

НАЗРЕВАЕТ БУРЯ

— Кто-то стучится в дверь, кто-то звонит в колокольчик.

Он узнал голос. Это Пол Маккартни. Должно быть, мелодия из репертуара «Битлз» — из тех времен, когда музыканты основательно подсели на наркотики и изливали публике свои творения на тему мира и всеобщей любви.

Опять чертова дверь. Тоже гнилая и пористая, хотя на этот раз Перри не шел по темному коридору. Он тихо стоял на месте, а дверь приближалась к нему.

Надвигалась на него.

Из-под двери вдруг высунулись сотни длинных щупалец и, извиваясь, потянулись к нему. Дверь медленно надвигалась, и, казалось, пористое зеленое дерево изнывает от голода.

Перри повернулся и побежал прочь, но на другом конце коридора теперь находилась еще одна дверь, и она тоже двигалась навстречу и была голодна...

Бежать некуда. Сожрет либо одна дверь, либо другая. Или сразу обе. Что бы он ни делал, то, что находится за этими дверьми, заберет, поглотит его.

Перри закричал во сне...

И проснулся. Через зашторенное окошко пробивался утренний свет. Он заснул сидя, опустив голову на спинку дивана. От долгого пребывания в таком положении шея затекла, и теперь он не мог повернуть голову. Перри принялся растирать ее здоровой рукой, стараясь разогреть мышцы. Языком провел по верхнему небу. Нет, лучше выпить немного воды.

Вдруг громко зазвонил сотовый. Едва проснувшись, он машинально ответил:

— Алло?

АЛЛО АЛЛО
СУКИН СЫН

— Перри! Наконец-то! Ты дома? Где ты пропадал, приятель?

— Я был здесь... — Перри рассеянно заморгал, щурясь от солнечного света, и медленно выпрямился. — У себя в квартире.

МЫ ЗНАЕМ МЫ ЗДЕСЬ ТОЖЕ БЫЛИ

— Тебя не было много дней! — В голосе на другом конце линии явно ощущалось волнение. — Мы думали, ты уехал. А ты, значит, все время дома?

Ситуация становилась катастрофической и стремительно развивалась, угрожая стать необратимой.

— Перри, ты слушаешь?

Перри слегка качнул головой, словно пытаюсь смахнуть с лица невидимую паутину.

— Кто говорит?

КТО КТО ЭТО

О ЧЕМ ВЫ РАЗГОВАРИВАЕТЕ

— Это Билл, придурок. Ты что, не помнишь своего лучшего друга? Может, все-таки слышал обо мне?

Разумная, охваченная паникой часть мозга Перри в результате воздействия неведомой реактивной силы обрела контроль над собой. Он отшвырнул телефон в сторону, словно огромного ядовитого тарантула. Трубка упала на пол в нескольких футах от дивана.

— Алло? Алло? — послышался из телефона взволнованный голос Билла.

КТО ТАМ С КЕМ ТЫ РАЗГОВАРИВАЕШЬ

КТО ТАМ

Голос Билла сделался слабым и бесконечно далеким. Так пес, получивший оплеуху от хозяина, трусливо поджимает хвост от сердитого окрика, Перри вздрагивал от каждого доносившегося до него слова.

— Алло? Дружище?

Он дотянулся до трубки и выключил ее.

КТО ТАМ КТО ТАМ

КТО ТАМ КОЛОМБО

Перри никак не мог отдышаться. Словно ребенок, застигнутый врасплох, он отчаянно искал оправдания, хотел соврать, чтобы хоть как-то избежать наказания.

КТО ТАМ КТО ТАМ
КТО ТАМ

— Да нет там никого, — тихо проговорил Перри.

ЗДЕСЬ КОЛОМБО

— Нет! — Перри поборол в себе панику, стараясь не повышать голос. Очень не хотелось, чтобы снова пришел сосед с верхнего этажа. — Никого здесь нет. Это просто телефон. Не о чем беспокоиться.

Мысли пронзил высокочастотный шум — Треугольники сканировали его мозг. Перри сидел тихо, ожидая, когда ярость и бешенство тварей, поселившихся в теле, начнут снова истязать его голову.

Когда Четыре Всадника добавили новые слова и фразы в свой лексикон, раздалось знакомое гудение.

ЭТО ТЕЛЕФОН
И ТЫ МОЖЕШЬ РАЗГОВАРИВАТЬ С ТЕМИ
КОГО ЗДЕСЬ НЕТ
НЕ ТАК ЛИ

Перри тщательно разобрал фразу, произнесенную Треугольниками. Они задавали ему вопрос!

— Да, правильно, так можно разговаривать с теми, кого здесь нет.

Он замер на диване, словно кролик, ожидая, когда мозг острым серпом пронзит невыносимая боль.

МЫ ОБХОДИМСЯ БЕЗ ТЕЛЕФОНА
РАЗГОВАРИВАЕМ С ТРЕУГОЛЬНИКАМИ

— Вы и сейчас с ними общаетесь?

Перри осторожно уводил разговор от темы телефонных звонков, все еще ожидая истошных воплей в голове. Но никаких тревожных эмоций со стороны Треугольников сейчас не ощутил. Казалось, они уяснили для себя концепцию телефона и поняли, что в комнате никого нет. Ответу Треугольников предшествовал высокочастотный шум.

ОДНОМУ ИЗ НИХ ЗВОНИМ СЕЙЧАС
МЫ РАЗГОВАРИВАЕМ С НИМИ

— Они где-то поблизости? — растерянно спросил Перри.

ЧТО ЗНАЧИТ ПОБЛИЗОСТИ

— Ну, вы ведь знакомы с понятием расстояния? — спросил он и сразу почувствовал, как Треугольники ищут слово «расстояние». В голове стали мелькать разные образы — географические карты, спортивные соревнования легкоатлетов, школьные задачки на определение пройденного пути.

ДА
ЧТО ЗНАЧИТ ПОБЛИЗОСТИ
ПОКАЖИ НАМ

Перри почесал в затылке. Придется начать с дюймов и футов. «Поблизости» — понятие весьма относительное, и он сомневался, что сможет правильно объяснить. Перри запрыгал к маленькой кладовке, чтобы отыскать там большую линейку. Во время движения он вдруг ощутил слабый, но очень неприятный запах, который так же внезапно исчез. Линейка нашлась быстро.

Он сам загонял себя в тупик. Он собирался фактически учить их — что делало этот тупик еще более реальным и безнадежным.

Вздохнув, Перри закатал рукав на левой руке.

И там, под кожей, увидел Треугольник, веки которого пока были прикрыты.

ПОКАЖИ НАМ

— Не могу. Его... глаза еще не открываются.

НЕКОТОРЫЕ МОГУТ ВИДЕТЬ

НЕ ВСЕ

ПОКА НЕ ВСЕ

— Так которые из вас могут видеть? Те, которые на спине? На... мошонке?

НЕТ

НА ЗАДНИЦЕ

ПОКАЖИ НАМ

— Нет!

ПОКАЖИ

— Черта с два я вам покажу.

ПОКАЖИ НАМ

Шум в голове резко усилился, порождая не столько боль, сколько страх. То, что предстояло сделать, вызывало у Перри отвращение, но другого выбора не осталось.

Он снял штаны и нагнулся, держась рукой за край стойки. Взяв линейку, поднял ее на уровень ягодич.

— Видите?

Перри был сбит с толку, словно подросток, которого девочки застигли мастурбирующим в туалете. Он почувствовал, как лицо заливает густой румянец. Да уж лучше подхватить СПИД, чем заканчивать свою жизнь таким позорным образом!

ЧТО ЭТО ТАКОЕ

В голове зашумело. От возбужденных Треугольников мгновенно передалось волнение. До сих пор все они были лишены возможности что-либо видеть, поскольку их глаза закрывала одежда. Треугольник на плече успел насладиться лишь несколькими мгновениями созерцания окружающего мира, прежде чем Перри прикончил его. Поэтому сейчас вид, открывшийся со стороны ягодич, был первой картинкой окружающего мира для ненавидистных тварей, поселившихся в его изможденном теле.

— Это линейка, — устало начал объяснять Перри. — Специальный инструмент, которым измеряют расстояния. — Закрыв глаза, он прижал голову к стойке, ощутив приятный металлический холод. — Видите на ней линии и цифры?

Он почувствовал, как Треугольники обрабатывают новые слова.

ДА

ЛИНИИ И ЦИФРЫ

ДА ВИДИМ

Уровень возбуждения Треугольников повысился, передавшись и ему, однако Перри сдерживал себя. Он

весь пропитался злобой, но пока находил в себе силы противостоять эмоциям.

— Хорошо. Так вот, большие линии означают дюймы. Дюйм — одна из единиц измерения. Цифры показывают, сколько содержится дюймов. На линейке двенадцать дюймов. Двенадцать дюймов образуют фут, то есть более крупную единицу измерения. Понимаете?

В голове пронесся короткий вихрь.

ДА

В ФУТЕ ДВЕНАДЦАТЬ ДЮЙМОВ

— О'кей. Ну а теперь, если у вас три фута...

ТРИ ФУТА ЭТО ЯРД

Треугольники снова догадались, сканируя его мозг с быстротой молнии.

ФУТБОЛЬНОЕ ПОЛЕ СТО ЯРДОВ

Зажмурив глаза, Перри попытался взять себя в руки, но сил уже не осталось. Волнение, разочарование, унижительная поза, в которой он сейчас находился, и ощущение того, что его собственный мозг листают, словно какую-то энциклопедию, — все навалилось на него непосильным бременем.

Вдруг донесся голос отца. Он возник ниоткуда. Перри никак не ожидал, что в такую минуту, на фоне изнурительной беседы с Треугольниками, может мелькнуть хоть какой-то лучик надежды. На сей раз голос звучал вполне реально и энергично, не как далекое воспоминание.

Посмотри на себя со стороны, сынок. На кого ты стал похож? Согнулся и стоишь, как гомик, без шта-

нов. Какой позор! Веди себя как мужчина! Неужели ты позволишь этим тварям так поступать с собой? Эй, мальчик! Ты позволишь собой командовать?!

Прищурившись, Перри зло усмехнулся и, протянув левую руку к плите, перевел ручку правой конфорки на максимум.

Потом встал и надел штаны, сразу почувствовав разочарование Треугольников.

ДАЙ НАМ ПОСМОТРЕТЬ
СКОРЕЕ ДАЙ ПОСМОТРЕТЬ

— Хотите посмотреть? Разглядывайте лучше кровавые пятна на трусах!

ДАЙ НАМ ПОСМОТРЕТЬ
ДАЙ ПОСМОТРЕТЬ НА ЛИНЕЙКУ

— Заткнитесь, с вас довольно!
Треугольники наверняка продолжат истошные вопли. Хотелось навредить им и хоть немного проучить.

ДАЙ НАМ ПОСМОТРЕТЬ ДАЙ ПОСМОТРЕТЬ

Перри вздрогнул, когда вопли Треугольников усилились. Приближалась буря. Все надежды на мирный исход спора растаяли, как дым.

— Хотите посмотреть?

Перри знал: скоро наступит боль. Невыносимая боль.

— Я отучу вас, ублюдков, так со мной разговаривать! Сейчас я покажу вам, как я готовлю обед.

С этими словами Перри запрыгал к стойке. Усевшись на столик, примыкающий непосредственно к пли-

те, и свесив ноги вниз, он постарался придвинуть одну из ягодиц как можно ближе к краю плиты. Конфорка постепенно раскалилась докрасна. Осевшее на ней зернышко риса быстро почернело. Потом загорелось, испустив тонкую струйку дыма в потолок.

ПОКАЖИ НАМ
МЫ ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ТЕБЯ

Дымок быстро рассеялся, а на конфорке остался кусочек черной обуглившейся шелухи.

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ТЕБЯ ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ТЕБЯ

— Все еще не терпится посмотреть?

Перри засунул большой палец под пояс штанов. Они, видите ли, «предупреждают» его!.. Стянув штаны, он выставил правую ягодицу к конфорке. Голая кожа мгновенно ощутила жар, исходящий от плиты.

— Ну, теперь видите, ублюдки? — процедил он сквозь зубы. Возбуждение снова переполняло Перри, острое и сильное, как никогда.

ЧТО ЭТО
ЭТО ОБЕД
МЫ СОБИРАЕМСЯ ПООВЕДАТЬ

— Так вы не знаете, что это?!

Перри различил угрозу в собственном голосе, неприкрытые ненависть и гнев, которые овладели телом, отбросив разум и здравый смысл. В собственном голосе он услышал нотки, присущие голосу Доуси-старшего.

— Что ж, если вы не знаете, что это такое, то стоит приглядеться!

Перри подсел поближе к раскаленной конфорке и сразу почувствовал нестерпимый жар. Кожу на ягодице обожгла сильная боль, но это была *его* боль, и Перри, поморщившись, приветствовал ее наивной улыбкой сумасшедшего. Кожа покрылась волдырями и почернела.

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ
НЕТ НЕТ

Перри ощутил зловоние собственной горелой плоти. Невыносимая агония сотрясала каждую клетку его организма. Он отчаянно утешал себя тем, что позднее сможет поздравить себя... Ведь он проявил невероятную силу воли, удержав ягодицу возле раскаленной конфорки в течение целых четырех секунд. Он сумел противостоять естественному порыву организма *удалиться* от источника боли...

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ
НЕТ НЕТ

Вопли Треугольников в голове усилились и нарушили необычную сосредоточенность. Перри соскочил вниз, оперевшись на больную ногу, на которой, естественно, не смог удержаться. Он неуклюже повалился на заляпанный кровью линолеум.

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ
НЕТ НЕТ

Времени на то, чтобы пожалеть о своих действиях, не было. Перри чувствовал нестерпимую боль на обожженной ягодице, зловоние горелой плоти и истошные крики, методично долбящие и раскачивающие его мозг.

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ
НЕТ НЕТ

Невзирая на слезы, ручьями стекавшие по лицу и капавшие на пол, несмотря на жуткую боль, Перри все-таки понимал, что прикончил еще одну тварь в своем теле. Прежде чем потерять сознание, он успел ощутить легкий всплеск удовлетворения.

51

АРКИ

Маргарет, Эймос и Отто рассматривали увеличенную фотографию. Кларенс распорядился, чтобы картину при пересъемке увеличили в три раза. Кошмарный рисунок Нгуена занял почти всю площадь стены.

Все трое успели немного поспать, после чего пришлось снова приступать к работе. После нескольких часов, потраченных на внимательное изучение и осмысление фотографии, Маргарет едва держалась на ногах. Не помогли и пять кружек крепкого кофе. Эймос, как обычно, выглядел бодрым и даже шутил. Под стать ему держался и Кларенс. Маргарет буквально возненавидела обоих.

Эймос стоял прямо напротив картины.

— Откуда Нгуен знал этих людей? — спросил он.

Маргарет посмотрела на коллегу и напряженно задумалась.

— Вряд ли он был знаком хоть с одним из них, — наконец сказала она.

Эймос бросил на коллегу взгляд и скрестил на груди руки.

— Что? Ты хочешь сказать, парень был просто псих?

Не сводя глаз с фотографии, Маргарет медленно покачала головой.

— Нет, не думаю, — ответила она. — Не псих, но что-то *вроде* психа. В общем, точный диагноз его состояния выходит за рамки понимания современной науки.

Там, где можно было провести идентификацию, Маргарет приклеила с помощью скотча фотографии жертв рядом с соответствующими местами на картине.

Блейн Танариве.

Шарлотта Уилсон.

Гэри Лиленд.

Джуди Вашингтон.

Мартин Брубейкер.

Кьет Нгуен.

В созерцании живых лиц рядом с жуткими образами Нгуена чувствовалось нечто злое.

Шесть лиц были прекрасно ей знакомы.

И еще одиннадцать она видела впервые.

Значит, имелись другие жертвы. По меньшей мере одиннадцать человек. И кто знал, сколько будет еще? Фигура, составленная из тел, казалось, росла до бесконечности. Сколько других лиц окажется на... Что это такое? Арка? Нет, скорее, множество арок.

Конструкция.

Почему она сосредоточила здесь свое внимание? Почему ощутила необходимость как-то назвать увиденное? Важно ли это?

Маргарет медленно отступила назад, охватывая взглядом всю картину. Глазами она проследила арку, пытаясь представить, куда, по логике, должен попадать ее второй конец.

Конструкция получалась огромной. Две арки были по меньшей мере двадцати футов высотой каждая.

Арки. Из частей человеческих тел.

— Кларенс, — тихо позвала Маргарет. — Соедини-ка меня с Дью. *Немедленно.*

52

ИНТЕРНЕТ

Внезапно проснувшись, Перри сел и выпрямился, широко раскрыв глаза. Дремлющий мозг находился в поисках мыслей. Но это происходило не так, как у Треугольников, которые сканировали базу данных в его сером веществе в поисках ответа на текущий вопрос. Во время сна мозг, как ни удивительно, отыскал ключевое слово для экстремальной ситуации, далекий лучик надежды в мрачном лабиринте отчаяния.

Слово было очень простое: «Интернет».

До чего глупо он поступил, позвонив по телефону! Судорожно листал «Желтые страницы» в попытке отыскать хоть что-то, связанное с Треугольниками... Как Военные могли обнаружить себя через «Желтые страницы»? Америка — огромное сборище ублюдков. И кто сказал, что эпидемия Треугольников ограничивается только Соединенными Штатами? Не исключено, что она охватила всю планету. Чтобы связаться с жителями разных стран, нужна некая глобальная среда общения. Не телевидение, не радио, не телефон и не пресса. Если человек хочет оставаться в тени, но дать знать о себе, то существует лишь один ответ, единственная глобальная среда общения. Интернет.

Перри лихорадочно протер глаза, энергично зашевелился и закусил губу, чтобы сдержать крик боли. Он нечаянно перенес вес на обожженное место на правой ягодице.

Окошка в гостиной он не видел, но по тому, как стало светло в комнате, понял, что проспал недолго. Перри решил: если удастся выбраться из передрыги живым, первым делом купит себе новую кровать. То, что до сих пор не мог себе позволить. Причем такую удобную, чтобы после сладкого сна не хотелось с нее вставать. Кровать, которая казалась бы раем после бесконечных снов на жестком, заляпанном кровью полу...

Четыре Всадника молчали. Перри почти чувствовал, как они спят. Впрочем, теперь их стало на одного меньше, не так ли? Перри выдавил на лице злобную улыбку, хотя каждый дюйм его тела готов был кричать от боли.

Треугольников стало меньше, в чем он нисколько не сомневался. Их осталось трое. Как ему их получше назвать? Раздумывал Перри недолго.

Три Бездельника — все, что осталось от целого взвода Треугольников. Счет в «матче» стал таким: Перри Доуси — 4 : Проклятые Треугольники — 3. Нет, он ни за что не покинет поле, пока счет в конце концов не станет «сухим».

Перри с трудом поднялся и проковылял к своему «Макинтошу». Через несколько секунд компьютер издал характерный писк и начал процесс загрузки. Экран заполнился строчками загружаемой информации, и вскоре появились значки почтового клиента и программы мгновенных сообщений.

Почему он не догадался раньше? Черт возьми, ведь он висел в Интернете каждый божий день! Вот где скрывается ответ, вот в чем все дело! Перри запустил веб-браузер и перешел на сайт «Google». Неважно, какую именно использовать поисковую систему; парни из правительства обеспечат, чтобы домашнюю страницу легко мог найти тот, кто искал хоть какую-то информацию, так или иначе связанную с Треугольниками.

Почтовый клиент завершил прием сообщений и проигнализировал. Получено шестьдесят четыре сообщения. Перри бегло просмотрел содержимое почтового ящика.

Помимо спама, он насчитал шестнадцать сообщений от одного только Билла.

— Господи, Билл, когда же ты поумнеешь?!

Странно, почему Билл проявляет такую настойчивость?

Билл пытается связаться с тобой, потому что он твой друг, дурья твоя башка.

А вдруг тут кроется что-то большее? Вдруг Билл... должен присматривать за ним?

Ты становишься параноиком, старина, выбрось из головы ерунду и сосредоточься.

Да, нужно сосредоточиться на поиске.

Перри набрал в строке поиска слово «треугольники».

Он никогда бы не подумал, что по запросу отыщет столько материала. Статей было множество: горы данных из «Википедии», сайты, посвященные «Треугольной зоне» в Северной Каролине, статьи на тему Бермудского треугольника. Перри бегло просмотрел эти материалы, едва вчитываясь в суть.

Потом набрал слова «треугольники» и «инфекция».

Наконец нашлось то, что нужно. Буквы на экране засветились надеждой.

Треугольники — Вы не одиноки

Мы здесь, чтобы помочь вам. Данная страница содержит всю информацию относительно вашего состояния и того, как вам помочь.

www.tomorrowresearch.com — 5k — Cached — Similar pages

Руки Перри затряслись от волнения; наконец-то он отыскал тех, кто на самом деле способен ему помочь. Выходит, люди знают о жутких паразитах, поселившихся в его теле.

Перри дважды кликнул мышью на нужном адресе и, широко раскрыв глаза, уставился в экран монитора, чувствуя, как подскочил пульс и сбилось дыхание.

Крупными буквами в верхней части страницы было написано: «Вы не одиноки». Макет был строгим и незатейливым, почти без графики, так что случайный посетитель вряд ли задержался бы здесь дольше секунды. Однако для Перри найденная страничка явилась настоящим кладом. Прямо под строчкой «Вы не одиноки» находился Треугольник — тот самый, который он видел у себя под кожей, стилистическое изображение ужаса, распутившего щупальца по всему телу. Изображение пирамиды с оборотной стороны однодолларовой купюры с сияющим зеленым глазом наверху. На данной пирамиде таких глаз было целых три.

Перри сдержал слезы: лишь тот, кто видел живых паразитов у себя под кожей, сможет понять значение трехглазой пирамиды.

Под картинкой было размещено короткое сообщение. Слова, будто Божье Писание, взывали к его доведенной до крайности и лишенной малейших надежд душе.

Вы не одиноки

Если вы зашли на эту страницу, значит, вы знаете, о чем идет речь. Мы готовы вам помочь. Мы знаем, что с вами происходит, и можем вас спасти. Однако действовать нужно без промедления. С каждой секундой ваше состояние ухудшается. Кликните здесь, чтобы заполнить форму с адресными данными, и мы немедленно направим к вам врачей. Сохраняйте тер-

тение и спокойствие. Не поддавайтесь панике — это лишь ухудшит ситуацию. Никому не рассказывайте о том, что с вами происходит, даже врачам: есть люди, которые хотят вам навредить. Никуда не выходите из дома. Просто заполните форму и ждите. Все будет хорошо. Никому не рассказывайте о Треугольниках. Если вы считаете, что ждать больше нельзя, немедленно позвоните по телефону: 206-203-358.

Перри захотелось подпрыгнуть и пуститься в пляс. Выход нашелся! Да! Да! Да! Он успел катапультироваться до того, как подбитый самолет врезался в гору. Губернатор штата отменил казнь, прежде чем палач успел включить рубильник и подать ток на электрический стул. Он успел выбежать из горящего здания за секунду до того, как воспламенилась газовая магистраль и все вокруг утонуло в смертоносном огненном облаке.

Оставалось лишь ждать. Перри записал номер; он решил позвонить, как только закончит с компьютером.

Форма запрашивала его имя и адрес. Пальцы лихорадочно забарабанили по клавиатуре: Перри Доуси, 300 Уиндивуд-драйв, кв. В-203, Анн-Арбор, Мичиган 48103.

Запрашивался и номер телефона — Перри набрал.

Потом на секунду задумался. Хотелось побыстрее закончить и нажать на кнопку «Отправка», однако очередной вопрос показался ему странным.

Кому вы рассказывали о своем состоянии? Пожалуйста, запишите полные имена и адреса.

Зачем это вдруг им понадобилось? Впрочем, он все равно никому не рассказывал. И Перри набрал: «Никому».

Опишите ваше нынешнее состояние. Сколько времени прошло с тех пор, как закончилась чесотка и отделились струнья? Как можно подробнее опишите, как ОНИ выглядят.

На подобную ерунду просто нет времени. Нужна немедленная помощь! Перри нажал на «Отправка». Неважно, у них теперь достаточно информации, и скоро придет помощь. Оставалось лишь запастись терпением и ждать.

Компьютер пискнул, раскрылось окно мгновенных сообщений.

Пришло сообщение от адресата под именем StickyFingazWhitey. От Билла Миллера!

StickyFingazWhitey: Слава богу, приятель! Наконец-то ты в онлайнe!!!

С тобой все в порядке?

Перри уставился в экран. Он вдруг окаменел, боясь пошевелиться. Сначала электронная почта, потом звонок, теперь это...

StickyFingazWhitey: Перри, я знаю, что ты здесь. Поговори же со мной, толстяк!

Билл — один из них! Один из них. Билл отыскал его сразу, как только он отослал форму.

Обычное совпадение! Ты много дней не заходил в сеть. А Билл волновался и пытался с тобой связаться, вот и получилось, что он нашел тебя, как только ты подключился.

Нет, это, наверное, не Билл; своего друга Билла он знал много лет. С другой стороны, если кому-нибудь

взбрело в голову поэкспериментировать на Перри, понаблюдать за ним, то кто мог сделать это лучше, чем его лучший друг? Им нужно было лишь «завербовать» Билла. Именно «завербовать», превратить в двойного агента.

StickyFingazWhitey: Ответь мне. Серьезно, Перри! Не заставляй меня ругаться. Сукин ты сын!

Службы мгновенных сообщений для Билла, видимо, оказалось недостаточно. Подал сигнал IP-телефон — Билл пытался наладить телефонную связь через Интернет. Тишину квартиры разрезали короткие и звонкие гудки.

ЧТО ЭТО ЗА ЗВУКИ

Перри едва не подпрыгнул; до сих пор Треугольники вели себя так тихо, что он на время позабыл об их существовании. Трижды вздохнув, он стиснул и снова разжал кулаки. Неужели твари узнали, что он только что вошел в контакт с Военными? Если узнали... то каждую секунду его голова могла разорваться от мозговых воплей. Может быть, они уже сканируют его мозг?

НОВЫЙ ШУМ

ЧТО ЭТО ЗА НОВЫЙ ШУМ

МЫ СЛЫШИМ

Перри обеими руками схватил компьютер и что есть силы швырнул об стену. Пластик и стекло разлетелись вдребезги. Куски ноутбука посыпались на пол, а на стене остался рваный след, отметины внезапной гибели компьютера.

ЧТО ПРОИСХОДИТ
СКАЖИ НАМ

— Ничего! Ничего не происходит. Лично я ничего не слышу, — громко произнес Перри.

Нужно поиграть с ними и заодно немного расслабиться. Он не мог, не имел права проговориться или намекнуть о том, что часы Треугольников сочтены. Нужно как можно дольше держать их в неведении. Скоро все закончится. Если он рассчитывает выйти из страшной игры победителем, то необходимо прежде всего сохранять спокойствие. Только спокойствие.

НОВЫЕ ЗВУКИ
ЧТО ЭТО ТАКОЕ
МЫ СЛЫШИМ

— Какой еще шум? Я ничего не слышал. Не о чем беспокоиться, — продолжал упрямо твердить Перри в ответ.

ТЫ ЗДЕСЬ НЕ ОДИН НЕТ
КОЛОМБО

— Да нет здесь никого, не парьтесь!

Перри чувствовал, как его переполняют зловещие эмоции Треугольников, перемешанные с его собственными, — волнением, надеждой, страхом и яростью.

ЧТО-ТО ЗДЕСЬ НЕ ТАК
КТО ТАМ
КТО

Перри сделал глубокий вдох и осторожно выдохнул, стараясь сдерживаться. Он повторил процедуру раз

десять и наконец почувствовал некоторое облегчение. *Дисциплина и еще раз дисциплина.* Так любил повторять его папаша. *Без дисциплины ты гроша ломаного не стоишь, будешь только хныкать и реветь, как девчонка.*

Только самообладание поможет ему перехитрить Трех Бездельников.

— Все, убудьки. — Голос Перри излучал спокойствие. — Здесь никого нет. Никого! Так что расслабьтесь. Сейчас мы все отправляемся спать.

Перри закрыл глаза.

Наберись терпения и стань дисциплинированным, мальчик. Помни: никто не смеет вытирать ноги о Доуси.

Он положил голову на спинку дивана. Происходящее всего лишь игра — как футбол, хотя ставки куда выше, чем в чемпионате НФЛ. Из этой игры он должен выйти победителем. На лице Перри мелькнула улыбка. Веки смежились, и он вновь погрузился в глубокий сон.

53

РАЗГОВОР МАРГАРЕТ И ДЬЮ

Агент Отто передал Маргарет мобильный телефон.

— Здравствуй, Дью.

— Полагаю, раз ты звонишь, для меня есть кое-какая информация. Верно, док? — хрипло ответил Дью Филлипс. — А я тем временем пытаюсь руководить операцией.

От Маргарет не ускользнуло его раздражение, однако времени разбираться не было.

— Нам нужно наладить спутниковую связь, — сказала она. — Можешь устроить?

— Это еще зачем?

— Знаешь что, Филлипс, отвечай лучше на вопрос, хорошо? Можешь или нет?

Наступила пауза.

— Ты могла бы разговаривать со мной немного по-вежливее, док.

— Наплевать мне на вежливость! Отвечай, черт возьми, на поставленный вопрос, или я отключаюсь и звоню Мюррею. Можешь ты наладить специальное спутниковое сообщение с районом Анн-Арбор?

— Мы не в кино, док, — ответил Дью. — Нельзя просто так набрать определенный адресок и увидеть полноцветную картинку, на которой мистер и миссис Джонс проворачивают свои штучки. Это займет некоторое время, однако то, о чем ты просишь, вполне возможно. Ну а теперь, когда с ругней покончено, не удосужишься ли объяснить мне, зачем все это нужно?

— Речь идет о художественных творениях Къета Нгуена, — после некоторой паузы ответила Маргарет. — На его картинах изображены все известные нам жертвы и, кроме того, еще одиннадцать неизвестных лиц.

— И что?

— Значит, существуют жертвы, о которых мы пока не знаем.

— Ничего, узнаем. Ведь мы работаем, — возразил Дью. — У нас есть ориентиры, есть кое-какие сведения, мы пытаемся отследить подозрительных лиц по всей территории штата, а также в Огайо и Индиане. Как здесь поможет спутник, о котором ты просишь?

— Эти твари что-то строят, — вздохнув, сообщила Маргарет. — С помощью своих жертв.

— Что? — удивился Дью. — Строят? И где, скажи на милость?

— Наверное, в лесной зоне. Пока точно неизвестно, но на картинах изображены стволы деревьев. Речь, видимо, идет о глухих, непроходимых лесах.

— Тогда на что именно настраивать спутник? Что нужно искать?

Маргарет вздохнула.

— Не знаю. Что-нибудь, связанное с арками. Похожее на арки или состоящее из арок. Примерно в двадцать футов высотой.

— А длина этой штуки?

— Дью, я не знаю. Не знаю.

— Маргарет... — Дью говорил медленно, как будто объясняя что-то ребенку. — Изменить маршруты слежения спутника не так просто. Нужно получить уверенный сектор обзора. Кроме того, необходимо задать угол между максимумом диаграммы направленности и осью симметрии антенны. А поскольку мы толком не знаем, что именно ищем, и при этом нужно охватить огромный район поиска, то навскидку задача практически неразрешима. А теперь скажи: у тебя просто догадки или есть какие-то реальные данные?

Маргарет задумалась. Никакой надежной информации не было — ничего, кроме творений сумасшедшего художника-убийцы.

— Догадки, — ответила она. — Но предчувствия меня обычно не обманывают.

Она услышала, как Дью тяжело вздохнул.

— Прекрасно, — хрипло проговорил он. — Собственно, что мы теряем? Подготовка спутника займет четыре-пять часов. Я сообщу, чтобы искали что-нибудь необычное, с арками, высотой двадцать футов, длина неизвестна. Так?

— Да, — сказала Маргарет. — Все правильно. Действуй, Дью.

— Будет сделано. А если передумаешь и захочешь, чтобы спутник заодно отыскал единорога или салазки Санта-Клауса, только дай знать...

Усмехнувшись, Дью повесил трубку.

54

СПАМ?

Замигала одна из лампочек системы внутренней связи на столе у Лонгуорта, и раздался низкий сигнал.

— Что у тебя, Виктор? — спросил Мюррей.

— Сэр, есть кое-какие новости. Получено сообщение с нашего сайта.

Мюррей почувствовал, как забилося сердце.

— Когда?

— Менее получаса назад, сэр.

— Где клиент? Вы выяснили?

— Анн-Арбор, штат Мичиган.

— Хорошо! Всю информацию немедленно мне на стол.

Вскоре сетевой администратор с запечатанной папкой вошел в кабинет Мюррея Лонгуорта.

Когда эксперт покинул помещение, Лонгуорт сломал печать.

Итак, Анн-Арбор, штат Мичиган. Имя — Перри Доуси. Там как раз работал Дью, который уже побывал в переделке с одним из инфицированных негодяев. Отто и Маргарет тоже там. Нет, это не простое совпадение. Доуси, проживает в многоквартирном комплексе. К сожалению, он не описал свое текущее состояние.

Дью *уже там*. Там же и Маргарет со всем необходимым оборудованием для проведения анализов.

ПРАВДА

Голос щекотал его мысли и ворошил взбудораженный разум.

ГДЕ ОНИ?

Это был голос Треугольников: механический, но живой.

ГДЕ ТЫ?

ЕЩЕ ОДНОГО НЕ ХВАТАЕТ

Снова голос Треугольников, однако другой. Какой-то... женственный. Нет, не голос женщины, конечно, но с женским оттенком и женской глубиной ощущений.

ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ОТВЕЧАЮТ?

ГДЕ ОНИ?

Веки дрогнули. Услышанный голос был важен для Перри, то есть он каким-то образом понимал, что нужно задуматься. Боль свинцовым грузом нависла над телом. Каждый дюйм, казалось, отдавался ударами в приглушенной симфонии недовольства.

ОНИ НЕ СМОГУТ

ОНИ НЕ СМОГУТ

ОН СЛИШКОМ СИЛЕН

Перри заморгал, окончательно разгоняя остатки сна. Это Треугольники, но *не его* Треугольники. Может быть, те, о которых упоминали его собственные обитатели,

когда произносили свою странную фразу: «МЫ ОБХОДИМСЯ БЕЗ ТЕЛЕФОНА РАЗГОВАРИВАЕМ С ТРЕУГОЛЬНИКАМИ».

Он почувствовал, как Три Бездельника зашевелились. Женский голос пропал.

Перри еще не был готов вставать. Он лежал на диване, перенеся весь вес на левую сторону. И вдруг подумал, что мог бы, наверное, провести здесь остаток жизни, только бы не терпеть невыносимую боль. Интересно, какую новую загадку готовят ему Три Бездельника?

Обожженная ягодица по-прежнему болела; ощущение было такое, как будто он все еще сидел на раскаленной плите. Воздух наполнился неприятным запахом. Значит, именно так пахнет горелая человеческая плоть. Замечательно! Но Перри чувствовал и другой запах, более острый, более... смертельный. Посторонний запах то появлялся, то исчезал, хотя, конечно же, не мог состязаться по интенсивности со всепоглощающим ароматом обожженной ягодицы.

ПОЧЕМУ ТЫ СРАЖАЕШЬСЯ С НАМИ?

Вот где они, голубчики! Ошибки быть не могло: мужской, высокомерный, начальствующий голос. Голос его собственных Треугольников.

— А откуда взялся другой голос? — спросил Перри, не обратив внимания на заданный вопрос. — Значит, инфицирован еще кто-то, не так ли? Кто же? Он живет где-то в доме?

МЫ ТЕБЕ НЕ СКАЖЕМ
ПОЧЕМУ ТЫ ПРОДОЛЖАЕШЬ УБИВАТЬ НАС?
МЫ ЕДИНСТВЕННЫЕ КТО МОЖЕТ ТЕБЯ СЕЙЧАС
СПАСТИ

— О чем это вы мне говорите? Спасти меня? Я почти мертвец, и никто меня не спасет.

НЕТ УБИТЬ ТЕБЯ ХОТЯТ ДРУГИЕ
НЕ МЫ
НЕ МЫ, ПЕРРИ
МЫ НИКОГДА НЕ ПРИЧИНИМ ТЕБЕ БОЛЬ

Выходит, Треугольники не пытаются погубить его? Чушь! Паразиты намерены съесть его внутренности и носить его на себе, словно пальто, завладеть мозгом и расхаживать по улицам, словно на «Маппет-шоу»!

КТО-ТО ИДЕТ
ЭТО КОЛОМБО?

Перри ничего не услышал. Может быть, они уже слышат лучше, чем он? Насколько они стали сильнее?

— Значит, вы говорите, что слышите шаги в коридоре? — переспросил Перри. — Это, наверное, сосед, который заходил раньше.

НЕТ ШАГИ ЛЕГЧЕ
ЭТО КОЛОМБО
УБЕЙ КОЛОМБО

— Никакой это не Коломбо, ублюдки! — рассердился Перри.

Наконец он спрыгнул на пол, придерживаясь рукой за стойку, и встал. Каждое движение причиняло боль.

— Почему, черт возьми, вас так напугала полиция?

ПОТОМУ ЧТО ОНИ ХОТЯТ ЗАБРАТЬ НАС
НАС ИЩУТ И ХОТЯТ УБИТЬ
ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ?

— Спокойнее, приятели. Не нужно париться, и перестаньте кричать, а то у меня голова раскалывается. — Перри медленно выдохнул. Он попытался передать им свое спокойствие, надеясь, что если Треугольники способны переполнить его своими эмоциями, то он поступит так же по отношению к ним. — Почему вы решили, что они явятся сюда за вами?

РАЗВЕ ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ?
ЕСЛИ ОНИ УБЬЮТ ТЕБЯ, ОНИ УБЬЮТ И НАС

Ему словно выстрелили между глаз.

Аналитические процессы в голове Перри вдруг сдвинулись с мертвой точки, как только он понял, что его ждет.

То есть Военные не собирались его спасать...

Наоборот, они намеревались его убить!

Чтобы предотвратить дальнейшее развитие зародышей Треугольников. Просто и логично, хотя в глубине души все восставало против такого чудовищного и несправедливого развития событий. А он, как последний идиот, выслал через Интернет приглашение посетить свой дом, фактически сделав себя мишенью!

ДА ДА ГЛУПЕЦ!
ОНИ ИДУТ, ЧТОБЫ УБИТЬ ТЕБЯ!

В мысли из отдаленных, смутных воспоминаний вдруг просочился голос отца; теперь он обрел силу и значимость.

Ты противостояшь целому миру, мой мальчик, помни об этом. Мир суров, и здесь выжить может только сильный. Если ты слаб, люди используют тебя и отшвырнут в сторону, как никому не нужный мусор. Тебе

нужно показать миру, кто в нем хозяин. Вот почему я всегда был строг с тобой. Ты был глуп, неопытен и труслив, сынок. Когда-нибудь, мой мальчик, ты скажешь мне спасибо. Когда-нибудь ты все поймешь.

Впервые в жизни Перри наконец-то понял. Десять лет он пытался избегать повторения в себе унаследованных от папаши черт характера, боялся проявлять жестокость, гнев... но теперь понял, что совершал ошибку.

— Ты был прав, отец, — прошептал Перри. — Ты всегда был прав.

К черту все! И всех. Он не пустое место, а Перри Досу, сын своего отца, и будет поступать так, как велит ему его характер.

КОЛОМБО ЗДЕСЬ

Когда остатки здравомыслия улетучились, Перри услышал стук в дверь. Его глаза сузились, как у хищника перед броском.

Не позволяй командовать собой, мой мальчик.

— Хорошо, отец, — прошептал Перри. — Я не позволю, будь оно все трижды проклято.

56

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Билл Миллер снова постучал в дверь.

Ну сколько еще можно? Перри ведь наверняка дома. Каких-нибудь полчаса назад он подключил сервис мгновенных сообщений на своем компьютере и отключился, как только Билл отправил ему сообщение. Билл немедленно сел в машину, и вот теперь он здесь, возле двери в квартиру Перри.

Его друг мог, конечно, выйти в сеть из любой точки мира, но старенький «Форд» по-прежнему стоял под навесом, на котором собралось не меньше фута снега.

Билл снова постучал. Никакого ответа.

Может быть, Перри заболел? Потерял самообладание, совершил что-то очень гадкое, чего сам не смог вынести? Парень на редкость мнителен по поводу собственной вспыльчивости; даже громко высказанное порицание могло настолько расстроить и пристыдить его, что Перри потом часами не находил себе места. Болезнь, чувство вины... что бы там ни было, Билл должен докопаться до сути и помочь другу.

Он снова постучал в дверь.

— Перри, дружище, это Билл!

Никакого ответа.

— Перри, на работе все жутко взволнованы. Отвечать не обязательно, но если ты дома, просто дай мне знать, хорошо?

Тишина.

В кармане кожаной куртки Билл искал кусочек бумаги, чтобы написать Перри записку. Вдруг он почувствовал, как зашевелились волосы на затылке, — верный признак того, что за ним кто-то наблюдает. Он посмотрел на дверной глазок, и рука застыла в кармане.

Билл услышал, как скрипнула дверная цепочка, после чего щелкнул дверной засов.

Дверь медленно открылась. В проеме показалось массивное тело Перри. У Билла вырвался вздох удивления. Его друг выглядел словно Брюс Уиллис на плакате к одному из боевиков. Серая футболка была густо заляпана кровью. Перри стоял на одной ноге, схватившись за дверь; вторая нога бессильно волочилась, обмотанная еще одной футболкой грязно-бурого цвета. На лбу красовалась мрачная шишка с кровоподтеками.

На бледной коже подбородка выделялись клочки ярко-рыжей бороды.

Нет, не как Брюс Уиллис... как Арнольд Шварценеггер. Его мышцы пульсировали при каждом движении, особенно на шее, которая напоминала пучок стальных кабелей, туго переплетенных с венами и покрытых кожей. Уже много лет Перри не выглядел таким огромным и угрожающим. Билл вдруг осознал, что, находясь в компании своего друга почти ежедневно, он перестал замечать, что Перри Доуси — настоящий гигант.

Несмотря на свирепый вид, наибольшего внимания всегда требовали его глаза. Не потому, что кожа вокруг них была в темно-синих разводах — либо как следствие жестоких потасовок, либо недосыпаний. Нет, прежде всего, внимание Билла привлек взгляд. Оцепенелый взгляд сумасшедшего...

Билл был из тех людей, которые привыкли доверять интуиции. В этот момент внутренний голос громко велел ему уйти, убратся отсюда *немедленно*. Но его друг Перри, очевидно, попал в беду, с ним произошло что-то очень странное и очень серьезное.

По-видимому, он свихнулся.

Оба несколько секунд молча стояли друг против друга.

Молчание прервал Билл:

— Перри, что с тобой?

Как только Перри открыл дверь и увидел Билла с безукоризненной прической, облаченного в черную кожаную куртку, то сразу понял: перед ним один из Военных. Билл все время наблюдал за ним. Наверное, он один из тех, кто каким-то образом занес ему в тело семена Треугольников. Кто знает, на какие еще гадо-сти способны эти сволочи из правительства? Когда они

успели завербовать Билла? После окончания колледжа? Во время учебы? Каков уровень конспирации? Видимо, очень высокий. Наверное, поэтому Билл в свое время и вызвался жить с ним в одной комнате? Вполне логично.

Билл явился сюда, чтобы проверить, как протекает чертов эксперимент. Вероятно, он подтрунивал над Перри, когда тот прекратил ходить на работу. А когда Перри заполнил онлайн-форму, Билла послали понаблюдать за ним. Иначе зачем появляться здесь именно сейчас? Наверняка он дожидался удобного момента, чтобы сдать Перри в руки Военных. Нет, вероломный доносчик ничего не расскажет своему федеральному начальству!

Ни сейчас.

Ни потом.

Никогда.

— Со мной все в порядке, — ответил Перри. — Заходи.

С этими словами он немного отпрыгнул назад, дав Биллу возможность войти в квартиру. Из-за открытой двери просочился какой-то странный запах. В душе Билла моментально возник спонтанный протест, и что-то в душе подсказывало: нужно немедленно уносить ноги.

— Ну... мне вообще-то пора на работу, приятель. Я просто зашел повидать тебя, Перри. Правда, выглядишь ты неважно. Как ты себя чувствуешь?

Неважно — это слабо сказано. У него вид наркомана, с трудом перебивающегося от одной дозы до другой. Билл пристально глядел прямо в глаза, в которых горела едва сдерживаемая ярость. За последние десять лет он наблюдал такой взгляд многократно: подобное

выражение возникало на лице друга всякий раз, когда Перри собирался кого-нибудь избить — как перед ударом по мячу. Взгляд хищника, который означал серьезные неприятности.

Только за все десять лет объектом этого взгляда никогда не являлся сам Билл — до настоящего момента...

Пора уносить ноги.

Билл по-настоящему перепугался. Он никак не считывал на то, что Перри вынашивает какой-то план. Да никому бы и в голову не пришло, что добряк Перри окажется на такое способен. Нет, его явно недооценили! Билл недооценил его. И теперь, когда Билл осознал всю глубину ошибки, грозящей вылиться в роковую, он уже ничем не мог помочь другу. Оставалось лишь одно: бежать.

Но «Ужасный» Перри Доуси был во всеоружии.

Билл попробовал говорить спокойным и безразличным голосом.

— Перри, мне тревожно за тебя, и вид у тебя, дружище, какой-то агрессивный. — Он медленно отступил от двери. — Сейчас мне нужно ехать. А ты иди к себе и успокойся. Отдохни, а я скоро навещу тебя.

— Постой! — Фраза, вылетевшая из уст Перри, звучала скорее как мольба, хотя он тоже старался говорить спокойно. — Ты должен помочь мне... я... — Перри слегка качнулся, и здоровая нога подогнулась. — Я... просто не могу...

И Перри, потеряв равновесие, рухнул в коридоре.

Билл инстинктивно подался вперед, чтобы помочь другу. Перри знал, что именно так и произойдет. Люди просто не способны удержаться от подобных вещей. Осо-

бенно федералы, потому что эти ребята из правительственных служб и они обязаны помогать, не так ли?

Билл слишком поздно понял, что произошло. Он попытался отпрыгнуть еще до того, как заметил нож, но не успел. Он пробовал отскочить, ускользнуть.

Перри не собирался его упускать. Как только Доусимладший свалился на пол, вспышка адреналина затмила все болевые ощущения в его исковерканном теле. Перекатившись на левое плечо, он взмахнул большим столовым ножом. Шестидюймовое лезвие вонзилось Биллу в бедро, легко пройдя через джинсы, разрезав кожу, проникнув глубоко в квадрицепс и уткнувшись в бедренную кость. Перри увидел, как глаза Билла закатились от шока, страха и боли. Билл уставился на рукоятку ножа, торчащего из его бедра. Кровь не текла до тех пор, пока Перри не выдернул нож, чтобы нанести второй удар. Тогда кровь хлынула багровым ручьем, забрызгав стены прихожей и капая на ковер из акрилового волокна.

Перри встал на колени, наклонив голову вперед. Его глаза сверкнули, губы скривились в демонической усмешке хищника.

Билл попробовал было отскочить, но раненая нога совершенно не слушалась и не смогла удержать вес. Он бессильно упал набок, и занесенный над ним нож рассек воздух, просвистев возле лица. Билл опрокинулся навзничь, испуганно глядя на обезумевшего Перри. Тот наклонился вперед, хрипя и брызгая слюной. Билл не мог поверить: перед ним был монстр, настоящее чудовище, восставшее из ада. Перри снова занес свой ужасный нож. Билл инстинктивно поднял руки, стараясь защититься от удара. Лезвие с дьявольским хрустом вошло в правую ладонь Билла, разорвав хрящи, сухожилия

и уперевшись рукоятью. С обратной стороны ладони торчало пять дюймов окровавленного металла.

Билл инстинктивно закрыл глаза, когда горячая кровь брызнула ему прямо в лицо. Он не успел заметить левого кулака Перри, который с приглушенным треском обрушился на его нос. Капли крови забрызгали лицо и волосы.

Итак, тело предателя повержено. Перри поднялся, схватил Билла за запястье и поволок внутрь квартиры. Весил тот немного, и тащить его было легко, даже не смотря на больную ногу. Потом Перри покрепче запер дверь.

ОН ЕЩЕ ЖИВ
УБЕЙ ЕГО, УБЕЙ

— Мы не убьем его до тех пор, пока не получим ответы на кое-какие вопросы, — прохрипел Перри, задыхаясь от возбуждения и перенапряжения. Из раны на бедре у Билла хлестала кровь, темным пятном растекаясь по штанам.

УБЕЙ ЕГО УБЕЙ УБЕЙ ЕГО УБЕЙ

— Заткнитесь! Не намерен я убивать его. Мы сделаем так, как нужно мне.

Билли предстояло ответить на некоторые вопросы, и Перри собирался внимательно выслушать каждое слово негодая!

Билл его враг. А врага Перри хотел уничтожить. Билл был одним из Военных, посланным ради того, чтобы провести эксперимент, потом наблюдать его по-

следствия и потом ликвидировать. Да, да ликвидировать, но этого не случится, дорогой Билли.

Билл издал стон. Он закашлялся, отхаркивая кровь. Перри, ворча, поволок его через гостиную и швырнул на диван.

В голосе Перри ощущалась едва сдерживаемая угроза, которую Билл не слышал уже много лет.

— Хочешь подняться, приятель? Чтобы я тебе врезал, как следует? — хрипло проговорил Перри. — Лучше лежи и не дергайся, иначе хуже будет!

Он схватил правую, раненую руку Билла, из которой торчал нож и во все стороны хлестала кровь. Крепко сжал рукоятку ножа и мощным движением пригвоздил руку Билла к стене над диваном.

— Ну что, нравится тебе, дрянь? А на закуску получишь еще кое-что!

Перри запрыгал на кухню и схватил еще один нож. На ножницы для разделки курицы он даже не взглянул. Двигаясь очень быстро, как будто у него были целы обе ноги, он направился в ванную и поднял с пола измятый грязный носок.

Билл покачивал головой, из последних сил стараясь не потерять сознание. Из бедра, руки и носа текла кровь.

— Прошу тебя, — бессильно бормотал он. — Пожалуйста, прекрати!

Перри тем временем схватил здоровую руку Билла.

— Будешь говорить, когда я тебе разрешу, понял? И вообще лучше тебе пока заткнуться!

С этими словами Перри затолкал грязный носок ему в рот, со злобной усмешкой на лице приложил ладонь здоровой руки Билла к стене и коротким ударом вонзил в нее второй нож.

Билл взвыл от боли — примитивный кляп заглушил вопль.

Он попробовал освободиться, но лезвия еще глубже врезались в руки. Организм попросту лишился последних сил к сопротивлению. Билли медленно осел на диван, бессильно свесив голову, словно распятый на кресте каторжник.

— Соседи, — прошипел Перри, метнув злобный взгляд сначала на окно, потом на дверь. — Пронырливые соседи, должно быть, что-то разнюхали!

Он запрыгал к двери и заглянул в глазок. Даже в неясном, размытом свете он увидел кровь на стенах коридора и на полу. Кто-нибудь наверняка заметит. Времени на раздумья немного. Однако достаточно, чтобы получить кое-какую информацию от стукача, которого он пригвоздил к стене.

УБЕЙ ЕГО УБЕЙ ЕГО
УБЕЙ ЕГО УБЕЙ ЕГО!

Перри пристально посмотрел на Билла. Да, перед ним его друг, Билл Миллер. Его... друг!

— Бог мой, что же я наделал? Что со мной творится?

ЭТО КОЛОМБО
ОН ИЗ ВОЕННЫХ

— Да не может такого быть!

ОН ВЕДЬ ЗДЕСЬ, НЕ ТАК ЛИ?
А ПОЧЕМУ ОН ЗДЕСЬ, ЕСЛИ ОН НЕ КОЛОМБО?
УБЕЙ

Они правы, черт побери! Электронные послания, телефонные звонки, мгновенные сообщения, приход

к нему домой... Билл знал, что происходит. Он знал *все*. Каким же надо быть безразличным и бесчувственным человеком?! Вот негодяй! Притворялся верным другом, а сам наблюдал за тем, как Треугольники растут, увеличиваются и терзают его изможденное тело изнутри, как будто он какая-нибудь гусеница!

Но Билл мог следить за ним только на работе.

А как насчет остального времени суток? Того времени, которое Перри проводил дома, в собственной квартире, особенно в последние дни? Как можно было за ним следить? Подслушивающие устройства? Скрытые камеры? Скачивание моментальных сообщений и трафика электронной почты? Может быть, какой-нибудь «жучок» установлен внутри телевизора?

Если за ним следили все это время, то продолжают следить и сейчас.

А значит, видели, как он отделал предателя Билла.

Нет, они не могли допустить, чтобы их агент попал в беду. Они наверняка сейчас направляются сюда, на выручку. Перри обхватил голову Билла обеими руками и уставился в безжизненные глаза.

— Они опоздали, Билли, мой мальчик. Слышишь? Слишком поздно пытаться спасти твою задницу!

Билл вскрикнул, но носок, торчавший изо рта, заглушил его крик.

— Лучше не дергайся! — пригрозил Перри, пристально глядя в объятые ужасом глаза Билла, в которых явственно читались жгучая боль, страх и отчаяние. — Не хнычь, ублюдок, иначе ты у меня завоешь по-настоящему!

Билл застонал сильнее, пытаясь отпрянуть от чудовища, которое когда-то считал своим другом.

Перри с ревом ухватил здоровенной ручищей нос Билла, сдавил и принялся злобно дергать в разные

стороны. Тело Билла содрогалось в агонии. Он трясся, как приговоренный к смерти на электрическом стуле; мышцы скручивались и изгибались с такой силой, что нож, вонзенный в одну из ладоней, выскочил из штукатурки.

Перри с силой вогнал лезвие обратно в стену. На сей раз он почувствовал, что нож вошел очень плотно и глубоко.

Нет, теперь старине Биллу не удастся раскататься и вытащить его. Забудь об этом, приятель!

Билл, с трудом соображая, из последних сил боролся с болью. Каким-то образом ему удалось подавить в себе крики, перестать сопротивляться, несмотря на бесконечную пытку, которой его подвергал человек, еще час назад считавшийся самым близким другом.

Перри наклонился к нему так близко, что Билл ощутил жар его дыхания.

— Я сказал: немедленно прекрати нытье, а не то прикончу тебя прямо сейчас!

Билл посмотрел на него сквозь пелену слез, крупными каплями стекавших из глаз. Свежая кровь Билла запачкала футболку Перри, оставляя мокрые чернобурые пятна.

Кляп во рту имел такой вкус, который, по представлению Билла, и должен был иметь грязный носок: заплесневелый и удушающий. Из разбитого носа по лицу продолжала литься кровь, ручейками стекая на грудь. Кровь из пробитых ладоней стекала вниз, по подмышкам, капая на пол и собираясь в липкие лужицы.

Билли с трудом собрал в голове обрывки мыслей. Как все произошло? Он всего лишь пришел проведать лучшего друга, а теперь самым жестоким образом рас-

пят у стены и смотрит на окровавленного, огромного, кошмарного и свирепого монстра по имени Перри Досу.

— Ну вот, хорошо, — шепотом произнес Перри. — Сейчас я вытащу носок из твоего вонючего рта, после чего задам несколько вопросов. Останешься ты жив или нет, зависит от тебя. Только пикни — и я вытащу нож из руки и всажу тебе прямо в глаз. Так и знай, приятель! Мне на все наплевать, заруби себе это на носу. Ты в курсе, что мне плевать, Билли?

Билл кивнул. Голос Перри стал более спокойным, но взгляд не изменился. Билла охватил ужас. Страх перед неминуемой гибелью не оставлял ни малейших надежд на бегство. Кроме того, он серьезно ранен и лишен возможности двигаться. Ситуацией управляет Перри. Нет, Билл сделает все, что тот пожелает. Лишь бы остаться в живых.

Господи, не дай мне здесь погибнуть!

— Что ж, хорошо, — хрипло проговорил Перри. — Очень хорошо, Билли. Уверен, что тебя неплохо обучили и предупредили об опасности выполняемого задания, поэтому никаких угрызений совести я испытывать не буду. Если попытаешься повисить голос или, не дай бог, закричать, не обижайся. Ты ведь понимаешь, что тогда с тобой будет?

Билл снова кивнул, слезы продолжали катиться из его глаз.

Перри тяжело опустился рядом на диван. Сначала он немного поморщился, а потом гримаса исчезла, уступив место прежнему пристальному взгляду безумца. Неожиданно Перри отвернулся, и во взгляде пропала сосредоточенность. Казалось, он смотрит на стену или на какую-то точку за пределами стены. Голова его слегка наклонилась набок.

Он выглядит, словно собака, прислушивающаяся к свисту.

— Послушайте, он все расскажет, — неожиданно сказал Перри. — Не нужно его убивать!

О господи! Боже, да он совсем свихнулся! Он прикончит меня прямо здесь!

Перри продолжал сердито разговаривать с невидимым собеседником.

— Пошли вы к черту! Здесь команду я! А вы лучше заткнитесь и дайте подумать!

Билл почувствовал, что силы оставляют его, а впереди маячит неминуемая жуткая смерть. Перри снова повернулся к распятой жертве, сверля взглядом широко раскрытые и мокрые от слез глаза Билла.

57

ДЬЮ В ДВИЖЕНИИ

Дью Филлипс поместил неудобный мобильник между плечом и ухом, одной рукой удерживая руль, а другой набирая адрес на бортовом GPS-навигаторе «Бьюика».

— Когда клиент выслал заполненную форму, Мюррей?

— Примерно сорок минут назад.

— Мы раньше с ним связывались?

— По номеру, который он предоставил, никто не отвечает, — ответил Лонгуорт. — Мы отправили ответное сообщение, однако до сих пор ответа не получили.

— Вышли ко мне Маргарет вместе с группами быстрого реагирования. Нужно отыскать этот жилой комплекс. Только чтобы без меня никто никаких действий не предпринимал. Три мои группы оставь у дома Нгу-

ена. Нельзя допускать туда репортеров, пока не будут убраны малейшие следы Треугольников.

Дью отключил вызов и положил телефон на сиденье. Он едва не врезался в идущий впереди автомобиль, за рулем которого сидела какая-то пожилая женщина. Дью просигналил, чтобы та уступила дорогу. В воскресенье колледж отправился на отдых после окончания семестра, но вокруг было еще полно студентов, неспешно пересекающих улицу и, видимо, считающих себя бессмертными. Никто из них не задумывался о том, что их запросто может сбить автомобиль.

58

ДРУЗЬЯ НАВЕКИ

Перри знал, что времени у него немного, — либо Военные уже в пути, либо Билл-Предатель просто истечет кровью и умрет. Влажное кровавое пятно на диване непрерывно расширялось, как будто Билл мочился кровью. Перри понимал, что если все правильно рассчитать, то он получит столь необходимую ему информацию, а Военные успеют спасти его друга. Точнее, так называемого друга.

Взгляд Билла потускнел, голова бессильно наклонилась вперед.

— Ну не-е-т, мой маленький информатор, — возмутился Перри и шлепнул его по щеке. Голова бедняги откинулась назад и ударилась о стену.

Ты не знаешь, что такое страдать, Билли. Но я приложу все усилия, чтобы ты хоть немного ощутил, каково пришлось мне.

Билл очнулся, и на окровавленном лице вновь мелькнуло выражение ужаса. Перри с усмешкой посмотрел

на него. Как могут Военные набирать в свои ряды таких слабаков? Наверное, это какой-то фэбээровский трюк. Билл прикидывается простаком, задумал обвести его вокруг пальца.

— Нет, дружок, уж теперь-то ты меня не проведешь.

Он намного умнее гребаных ублюдков. Они не представляют, во что ввязались, когда затеяли свои грязные игры с ним, с Доуси. Потому что Доуси не даст себя провести. Нет уж, господа!

Перри протянул руку и вытащил носок у Билла из рта. Билл глубоко задышал, тем не менее больше не издал ни звука.

Перри облизал губы и почувствовал вкус крови. Он не знал, его это кровь или Билла. Желая поскорее получить ответ, наклонился к нему поближе и задал главный вопрос:

— На кого ты, ублюдок, работаешь и во что должны превратиться Треугольники?

Искаженное злобой лицо Перри находилось всего в нескольких сантиметрах от лица Билла. Темные круги под глазами говорили о том, что он не спал много дней. Белки были настолько налиты кровью, что приняли розоватый оттенок. Подбородок покрыт ярко-рыжей щетиной. На губах пестрели болячки — похоже, Перри постоянно кусал губы.

И странный вопрос про какие-то треугольники...

— Перри, что... о чем ты говоришь?

Билл понимал, что отвечает неправильно, но в этот момент ему ничего другого в голову не пришло. Глаза Перри налились яростью, усилив и без того мрачный и наводящий ужас взгляд.

— Лучше не испытывай мое терпение. — Во внешне спокойном голосе Перри явственно ощущалась смертельная угроза. — Твой крохотный разум здесь тебе

никак не поможет. А теперь я снова задаю вопрос: во что превратятся Треугольники?

Билл задышал часто и отрывисто.

Какой бред! Что хочет услышать Перри?

Билл пытался сдержать слезы. Все тело пронизывала непрекращающаяся боль, нервы были напряжены до предела.

Он с трудом подбирал слова, пытаясь придать им хоть какой-то смысл.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Перри. Послушай, ведь это я, Билл! Твой друг! Что тебе от меня нужно? Почему ты так поступаешь со мной?

На лице Перри мелькнула кривая улыбка. Он протянул руку к одному из ножей, которыми были проколоты обе ладони Перри.

— Здесь становится слишком громко. Тебе не кажется, осведомитель Билли?

— Прости, — быстро пролепетал Билл, и в его хриплом шепоте слышались страх и мольба. — Прости, друг, это больше не повторится.

— Да уж, конечно, не повторится, чертов ты ублюдок. Потому что если повторится, ты умрешь еще до того, как успеешь принести свои ублюдочные извинения. Все! Предупреждения закончились. Теперь ты подвергаешься двойной опасности. Спрашиваю тебя еще раз: во что превращаются Треугольники?

Билл отчаянно пытался придумать мало-мальски приемлемый ответ, который мог еще хоть ненадолго продлить ему жизнь. Надо очень быстро выдать какую-нибудь чушь, но как же трудно сосредоточиться под тяжелым взглядом разъяренного чудовища!

— Я... не знаю, мне не говорили. Честно!

— Черта с два не говорили, — сказал Перри, не спуская хищного взгляда с глаз Билла. — Даю тебе еще один шанс, а потом просто зарежу, как свинью.

Билл цеплялся за последнюю возможность найти ответ, но не мог толком сосредоточиться на фоне жуткой боли и под суровым взглядом разъяренного психопата. Как Перри назвал его — осведомителем? Осведомителем для кого? Какие бредовые видения пришли ему в голову?

— Перри, клянусь тебе, мне ничего не сообщили!

Глаза Перри снова налились яростью.

Билл продолжал говорить и умолять:

— Я не виноват, что мне ничего не сказали! Просто велели присматривать за тобой и сообщать о том, что ты делаешь.

Произнесенные слова, казалось, немного разрядили обстановку. Лицо Перри изменилось, как будто Билл ответил на какой-то важный вопрос.

Тот продолжал, ухватившись за проблеск надежды:

— В мои обязанности не входит знать, во что должны превратиться эти твари. У меня совсем другая работа.

Перри кивнул, как будто согласившись с тем, что услышал.

— Ну ладно, ты можешь не знать... Тогда просто скажи, на кого ты работаешь.

— Я думал, ты сам догадался, — пробормотал Билл, испуганно ожидая ответной реакции. Соленый привкус крови во рту заставил его съежиться.

Но когда Перри кивнул и улыбнулся, у Билла мелькнул лучик надежды.

Закружилась голова, все предметы в комнате задвигались, поплыли перед глазами.

— Перри, ты совершенно вышел из-под контроля. Превратился в параноика. У тебя галлюцинации...

Тело Билла сотрясла дрожь. В квартире вдруг наступил жуткий холод. Перед глазами замелькали черные пятна, и он вновь отключился.

Ублюдок снова потерял сознание. Перри отвесил ему подряд три пощечины, причем каждый удар был сильнее предыдущего. Ему понравилось. Нельзя позволять ублюдкам падать в обморок, когда выжимаешь из них жизненно важную информацию. Их следует научить дисциплине.

Билл несколько раз моргнул, но взгляд был по-прежнему безжизненный, а глаза не выражали ничего определенного. Перри ударил его по лицу так сильно, что у самого заболела рука. Правая сторона лица у Билла почти мгновенно распухла и покраснела.

УБЕЙ ЕГО

УБЕЙ ЕГО УБЕЙ ЕГО

— Заткнитесь! — изо всех сил крикнул Перри.

Он смертельно устал от Треугольников. Твари находились в его доме, а Доуси всегда был хозяином своих владений. Он знал, что если не возьмет ситуацию под контроль, то окончательно свихнется. Перри больше не мог терпеть, не в силах был выдерживать вопли Треугольников в голове почти каждую минуту.

— Или вы немедленно заткнетесь, или я, клянусь, что, как только разберусь с Коломбо, сразу прикончу одного из вас. Чего бы это мне ни стоило!

Последовала ультракороткая звуковая вспышка, потом все резко стихло. Перри почувствовал, как что-то внутри него изменилось. Он перестал бояться.

«Это мой дом, — думал Перри. Слабая улыбка заиграла на кровоточащих, потрескавшихся губах. — И в моем доме все будут жить по моим правилам».

Билл был лишен возможности расслабиться и опустить руки, пригвожденные к стене кухонными ножа-

ми. Лишь держа руки очень неподвижно, он мог поддерживать боль на терпимом уровне и по крайней мере не кричать. Напряжение от созерцания собственной агонии и страх перед очередной выходкой Перри окончательно сломили и измотали его.

Перри вдруг заморгал, неистово затряс головой, словно собака, отряхивающая шерсть после купания, потом уставился на Билла. Его глаза налились кровью и расширились от ужаса.

— Билл... помоги мне, — вдруг пробормотал Перри прежним, до боли знакомым голосом друга, а не психопата, едва не замучившего его до смерти.

— Перри... — захлебываясь слезами, ответил Билл. Мышцы рук отчаянно ныли, попросту не выдерживая бесконечной пытки. Но оторвать руки от стены было невозможно. Он понимал, что нужно немедленно действовать. — Перри, позвони...

В его распоряжении оставалось совсем немного времени, чтобы попытаться выжить. Трудно было поверить в перспективу столь нелепой и ужасной смерти.

— Позвони... в полицию.

Слово «полиция» рикошетом отдалось в голове у Перри. Он только освободился от Треугольников, хотя бы на несколько секунд почувствовал огромное облегчение. Он мог бы продержать их в безвыходном положении неопределенно долго, но Билл... он все испортил!

Посоветовал позвонить в полицию. В ненавистную полицию!

МЫ ТЕБЯ ПРЕДУПРЕЖДАЛИ

Ладно, хватит сидеть без дела. Нужно получить информацию, притом немедленно.

— Когда сюда прибудет полиция, Билли?

Билл промолчал. Перри схватил его за ворот и сильно встряхнул.

— Когда они придут за мной?!

Лишь на секунду в глазах Билла мелькнули огоньки сознания, а потом они снова остекленели. Голова бес- сильно упала на грудь.

Перри бил его до тех пор, пока не ободрал костяш- ки на пальцах. Впрочем, особого значения это не име- ло — Биллу не суждено было очнуться. Перри принялся ощупывать его шею, чтобы проверить пульс. Проверил собственный пульс, потом снова у Билла. Сердце быв- шего друга не подавало признаков жизни.

УБЕЙ ЕГО

ЕГО НУЖНО УБИТЬ

СДЕЛАЙ ЭТО СЕЙЧАС

— Ваше желание исполнено. Он мертв.

Перри встал на здоровую ногу и посмотрел на труп.

Итак, Билл Миллер мертв. Предатель получил по заслугам.

59

ЗВОНОК

Эл Тернер волновался. Подонок Перри, сосед сни- зу, опять поднял шум, а тут еще и геморрой усилился и теперь совершенно не давал покоя. Тернер уже из- расходовал целый галлон какой-то лечебной мази, но с таким же успехом мог смазывать задницу майонезом.

— Меня зовут Эл Тернер, — проговорил он в труб- ку. — Я вам звонил. Проживаю в квартире В-303. А со-

сед живет прямо подо мной. Его зовут Перри. Да-да, Перри Доуси. Он несколько дней не дает мне покоя и постоянно вопит, как сумасшедший. Мне все это надоело.

— Сэр, к вам направлена полицейская машина. Хотите ли подать официальную жалобу?

— Естественно. Я заходил к нему и просил прекратить вопли. Он какой-то чокнутый. Вы лучше предупредите своих людей, чтобы вели себя поосторожнее, потому что нрав у него довольно крутой. А парень — настоящий здоровяк. Играл в профессиональной футбольной лиге.

— Благодарим вас, сэр, за подробную информацию. Наши сотрудники прибудут как можно скорее. Пожалуйста, не выходите из квартиры. Полицейские сами справятся.

— Никаких проблем. Буду на месте. А Доуси просто долбаный псих.

60

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

МЫ ХОТИМ УВИДЕТЬ

Перри молча стоял.

— Постойте-ка, а о чьих глазах сейчас идет речь?

МЫ ВСЕ МОЖЕМ ВИДЕТЬ

Будь он проклят, если его яйца теперь обрели зрение. Черт знает что! Это уж слишком! Перри закатал рукав футболки выше локтя, дав возможность Треугольнику на предплечье увидеть труп Билла Миллера.

ДА, ОН МЕРТВ
ТЫ ПРАВ

Перри расправил футболку и безучастно посмотрел на тело бывшего друга. Застывшие глаза Билла усталились в пол. Кровавый ручеек из носа постепенно иссяк. Кровь густо покрывала диван и ковер, как будто Билл только что вышел из душа, полностью одетый в пропитанную кровью одежду, и уселся смотреть телевизор. За исключением того, что уселся на диван он не самостоятельно. В этом ему помог Перри. Руки Билла были раскинуты в стороны и прибиты ножами к стене. Кровь из пробитых ладоней стекала по обоям, она была липкой и вязкой.

Господи, что, черт поberi, со мной происходит?

Ведь он только что прикончил Билла. Хитростью заманил в квартиру, ранил ножом, потом пригвоздил к стене и пытал до тех пор, пока тот не истек кровью и не умер. Он тщетно пытался получить ответы на волнующие его вопросы. Дерьмовая работенка.

Перри схватился за голову. Он только что убил лучшего друга. Но вместо глубокой вины, на удивление, ощутил какое-то ледяное удовлетворение. В жестоком мире выживает сильнейший, а этот маленький, тщедушный осведомитель не оказался достаточно силен, чтобы соответствовать высоким ожиданиям.

— Нам нужно поскорее убираться отсюда.

В голове эхом отразился высокочастотный звук. А потом...

НАМ НУЖНО ОТПРАВИТЬСЯ В ВАДЖАМЕГУ

Он полагал, что Треугольники вряд ли смогут его чем-то удивить.

— Ваджамега? — тихо переспросил Перри. — Это что еще за дыра?

НЕ ЧТО, А ГДЕ
ЭТО НАХОДИТСЯ В МИЧИГАНЕ
ЗНАЕШЬ, ГДЕ МИЧИГАН?

— Мичиган? Естественно. А Ваджамегу надо поискать на карте. Сейчас я включу компью...

Тут Перри вспомнил, что вдребезги расколотил свой ноутбук.

— Ладно, обойдемся обычной картой. Кажется, у меня есть...

НАМ НУЖНО ТУДА ОТПРАВИТЬСЯ
ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НАМ ПОМОГУТ

Перри явственно ощутил их возбуждение, чистое и необузданное. В голове пронеслись какие-то образы: грязная дорога, которую он никогда не видел, неясное движение в густом лесу, пара раскидистых дубов и ритмичное покачивание ветвей. В памяти всплыла знакомая зеленая дверь. Потом возник еще один образ: какой-то рисунок или чертеж, набор линий, похожий на японский иероглиф. Но этот образ появился не из его, а из *их* памяти, и производил сильное впечатление.

МОЖНО НАМ ПОСМОТРЕТЬ?
ПОКАЖИ

Перри поскакал к старому комоду и вытащил из верхнего ящика сильно потрепанную дорожную карту штата Мичиган. Большая часть Верхнего полуострова была испачкана растекшимся чернильным пятном,

однако южная часть сохранилась неплохо. Перри отыскал местечко Ваджамега, потом несколько раз свернул карту, чтобы оставить видимой лишь интересующую его область. Отыскав ручку, обвел городок кружком. Немного помолчав, нацарапал рядом: «То самое место». Произнесенная фраза и обведенный кружком городок, казалось, манили к себе, и он удивился, почему вообще написал эти слова.

Перри повернул руку, чтобы Треугольники могли рассмотреть карту. Наступила пауза, после чего тело охватил целый поток эмоций.

ДА-ДА ЭТО ОНО!

ТО САМОЕ МЕСТО! МЫ ДОЛЖНЫ ПОЕХАТЬ В ВАДЖА-МЕГУ!

Радость паразитов была бурной, всепоглощающей, словно от воздействия лекарства, которое моментально растеклось по венам. В голове снова возник необычный символ.

Странный чертеж из сложенных под разными углами линий. Казалось, образ растет и раздувается у него перед глазами, излучая энергию, словно какой-нибудь волшебный талисман. Все кругом исчезло и померкло: весь мир сделался черным; в нем остался лишь этот символ — могучий и ни на что не похожий. Перри понимал, что виной всему проделки Треугольников. Знал — и ничего не мог поделать. Символ являлся их целью, основой существования.

Им нужно это построить, а я должен буду помочь им... ведь это так красиво.

Перри энергично встряхнул головой, пытаясь развеять дурман. Дыхание сбилось, сделавшись прерывистым. Снова пришел страх, на сей раз другой; дру-

гой потому, что ему на самом деле *хотелось* помочь Треугольникам. Подобные мысли приходили в голову и раньше, но никогда не были такими сильными.

Перри вдруг понял, что держит в левой руке нож. Карта лежала перед ним, и падающие на нее капли крови растекались возле городов, словно следы дьявольской бомбардировки. Перри увидел на кончике ножа кровь еще до того, как почувствовал боль. Тупо и медленно повернув голову, он осмотрел нижнюю сторону правого предплечья.

Оказывается, за время своего короткого транса он успел вырезать символ у себя на коже. Перекрестье кровавых линий. Три дюйма длиной. Из глубоких порезов сочилась кровь, стекавшая тонкими ручейками по обе стороны. Но он ничего не почувствовал. Перри принялся внимательно разглядывать рисунок.

Треугольникам хотелось в Ваджамегу. Желание было нестерпимым — как стремление наркомана поскорее получить очередную дозу. Там они собираются построить нечто, что выражал данный символ. Если они чего-то очень хотят, ему это вряд ли принесет пользу. Но все равно куда-то нужно бежать. Скоро явятся Военные, нужно выбраться из чертовой квартиры.

Собрав силы, Перри запрыгал в спальню. Он снова почувствовал странный запах. Неприятный запах какой-то гнили. Перри постарался не обращать на него внимания, и так проблем хватало.

Из шкафа он вытащил вещмешок, затем передумал и взял рюкзак. Небольшой нейлоновый рюкзак, в котором таскал на занятия книжки миллион лет назад. Потом мысленно представил, насколько тяжело будет скакать по улице на одной ноге с рюкзаком за плечами.

Положив рюкзак на кровать, он увидел на нем блеск пятен крови. Несколько секунд потребовалось, чтобы

понять, что источником липких пятен являются его собственные руки.

Перри вспомнил, что все еще испачкан кровью, как своей собственной, так и Билла.

Время сейчас приобретало решающее значение. В конце концов, в его гостиной находится распятый труп. У мертвеца остались коллеги и друзья в щегольской форме, которым теперь наверняка захочется всадить в большое тело Перри несколько пуль. Однако бежать в таком окровавленном виде не имело никакого смысла.

Он поскакал в ванную и снял одежду, которая была вся пропитана кровью, как свежей, так и запекшейся. Перри ощутил взрыв эмоций и волнение, когда Треугольники на спине и... на других участках тела... впервые вместе взглянули на окружающий мир.

Для полноценного душа времени явно не хватало. Схватив последнюю чистую мочалку, Перри намочил ее и принялся вытирать кровь. Кое-как закончив, швырнул мочалку на пол, взял полотенце и начал судорожно вытираться.

Именно в этот момент он случайно бросил взгляд на плечо.

И заметил плесень.

Она была под пластырем, и характерная зеленоватая паутинка выступала из-под краев. Тонкие волоски напоминали пух на голове у старика, на смену которому скоро придет лысина.

Вот откуда исходил неприятный запах: из его плеча. Ванную наполнил заплесневелый запах гнили. Пластырь по-прежнему плотно закрывал рану, но под ним Перри рассмотрел еще кое-что: черное, мокрое и жуткое.

Скорее удалить пластырь. Нужно хорошенько рассмотреть, что там. Ногтями Перри подцепил уголок

пластыря, чтобы получше ухватить большим и указательным пальцами, потом медленно потянул в сторону.

Лоскуток кожи приподнялся; вниз по груди потек черный липкий ручеек. Сначала он был теплым, а к моменту, когда достиг живота, сделался холодным, как лед. Жуткий запах, намек на который Перри ощутил совсем недавно, теперь ощущался повсюду. словно сатанинский джинн из бутылки, он наполнил ванную ароматом смерти.

От зловония желудок Перри вывернуло — его вырвало в раковину. Подняв голову и немного придя в себя, он стал пристально рассматривать рану, забыв стереть следы рвоты со рта и подбородка.

В ране еще оставалась мерзкая черная слизь, похожая на желе из черной смородины. Мертвый Треугольник разложился.

Перри охватил ужас, дыхание перехватило, а сердце отчаянно забилося с утроенной частотой.

Консистенция слизи походила на гнилую тыкву через месяц после празднования Хэллоуина — тестообразная, текучая и разлагающаяся. Зеленые пучки той же мерзкой плесени покрывали как саму рану, так и тело мертвого Треугольника. Нитевидные отростки плесени были поражены черной гнилью.

Перри сомневался, что вся гниль явилась следствием проколотаго вилкой и разлагающегося трупа Треугольника. Часть плесени выглядела так, будто выросла прямо из его кожи, словно вестник скорой гибели.

От горячей воды поднялся пар, и зеркало постепенно запотело. Перри, все еще пребывающий в оцепенении, машинально вытер его рукой — и вдруг понял, что смотрит на... собственного папашу.

Джейкоб Доуси, изможденный и совершенно седой. Впалые глаза и тонкие искривленные губы, бледная,

пожелтевшая кожа — вот таким запомнил отца Перри за несколько часов до того, как господин Рак забрал его мятежную душу.

Перри заморгал, потом яростно протер глаза, а когда открыл их, отец по-прежнему пристально смотрел на него. Где-то в глубине души Перри понимал — начались галлюцинации, но от этого ощущения не становились менее острыми, а впечатления — менее реальными.

Отец Перри заговорил.

— *Ты всегда пасовал перед трудностями, мальчик, — произнес Джейкоб Доуси тем же ворчливым голосом, который всегда предшествовал побоям. — Допустил промашку, и теперь в кусты? Тошно смотреть на тебя.*

Перри почувствовал, как к горлу подступает комок, а на глаза наворачиваются жгучие слезы. Он пытался сдерживать их, ведь, будь то галлюцинации или нет, выдавать слабость перед отцом ему не хотелось.

— Послушай, отец, уходи. Ты же мертв.

— *Да, мертв, и все-таки во мне больше мужчины, чем когда-либо будет в тебе, сынок. Ты только взгляни на себя: хочешь сдаться, сложить руки, позволить себя победить, поставить на колени!*

Перри почувствовал, что постепенно закипает.

— А что, черт возьми, от меня ждут? Ведь твари поселились *внутри* меня, папа! Они пожирают меня изнутри!

Джейкоб Доуси усмехнулся, и на его изнуренном лице мелькнула улыбка.

— *Ты позволишь им над собой издеваться? Хочешь отдать им победу? Перестань вести себя как девчонка и начни действовать. — Зеркало запотело от пара, и лицо Джейкоба Доуси немного потускнело. — Слы-*

шишь меня, мой мальчик? Ты слышишь меня? Придумай что-нибудь!

Зеркало полностью запотело. Перри протер стекло рукой, но теперь на него смотрело его собственное лицо.

Отец прав. Он всегда был прав. А Перри всю жизнь пытался убежать от проблем и от самого себя. Нет, в жестоком мире выживает только сильнейший.

Перри медленно и глубоко вдохнул и мысленно подготавливался к предстоящему испытанию.

Настала пора решительных действий.

61

ВЫЗОВ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Офицер Эд Маккинли свернул влево, на Уоштиноу-авеню, и направился на восток, в сторону Ипсиланти. Движение вокруг полицейской машины замедлялось, и даже те водители, которые гнали на предельно допустимой скорости, заметно сбавляли ход. Офицер Брайан Вандерпайн, гораздо более напряженный, чем обычно, сидел на пассажирском сиденье и внимательно смотрел в окно.

— Восемь трупов, — пробормотал Брайан. — Черт, перебор...

— Брайан, ты повторяешь это в десятый раз, — заметил Эд. — Может, хватит, а?

— Просто не могу поверить! В Анн-Арбор такого не бывает.

— Ну, теперь бывает, — отозвался Эд. — Если честно, я не особенно удивлен. Люди со всей чертовой планеты приезжают сюда учиться. И каждый первый из них считает, что Америка — зло.

— Да, мы — зло, но они тем не менее рады и счастливы, что могут получить тут образование.

Эд фыркнул.

— Думаю, дело не в колледжах, а в других сторонах нашей культуры. И все равно они с удовольствием всем этим пользуются. Забавно.

— Хотел бы я найти ублюдка, который заварил всю кашу. Как думаешь, фэбээровцы знают, что делают?

Эд пожал плечами.

— Понятия не имею. Что-то тут не чисто, это точно. Они появились, когда все уже закончилось. Не раньше. Никаких предупреждений мы не получили, только трупы.

Радио затрещало:

— Семнадцатый патруль, ответьте базе.

Брайан схватил рацию и нажал кнопку ответа.

— Семнадцатый патруль на связи. Продолжаем движение.

— Как далеко вы от жилого комплекса Уиндивуд?

— Движемся по Уоштиноу на восток, в сторону Гольфсайда. До Уиндивуда пара минут езды. В чем дело?

— Поступила жалоба от Эла Тернера, проживающего в квартире В-303. По словам заявителя, из квартиры снизу несколько дней доносятся крики. В квартире В-203 проживает парень по имени Перри Доуси.

Брайан повернулся к Эду. На лице его застыло недоуменное выражение.

— Перри Доуси... Знакомое имя.

— Не тот ли Доуси, который несколько лет назад играл лайнбэкером за Мичиганский университет?

Брайан снова нажал кнопку ответа.

— Вас понял, база, мы проверим, что там к чему.

— Будьте осторожны, — предупредил диспетчер. — Заявитель сказал, что Доуси очень высокий, сильный и потенциально опасный.

— Вас понял. Конец связи. — Брайан повесил рацию на место.

Эд нахмурился.

— Высокий, сильный и потенциально опасный? Похоже, это именно тот Перри Доуси, которого я видел в игре.

Брайан прищурился на яркое зимнее солнце. Он тоже вспомнил «Ужасного» Перри Доуси. Описание подходит лучше некуда. Конечно, это просто «нарушение спокойствия», но что-то в рядовом с виду вызове Брайану сильно не понравилось...

62

ИГРАТЬ, НЕВЗИРАЯ НА БОЛЬ...

Вдох — через нос, выдох — через рот. И еще разок, глубже.

Собратся.

Играть, невзирая на боль.

Перри дотянулся до плеча правой рукой и погрузил пальцы глубоко в рану. Он не заботился о том, чтобы сдерживать рвущиеся из глотки крики. Главное — достать эту дрянь. Он подцепил ее пальцами и дернул изо всех сил. Раздирая ногтями собственную плоть, вырвал из тела черный студенистый труп Треугольника. Хвост немного подергался и замер — моментальное гниение превратило его в темную слизь, ни больше, ни меньше. Перри швырнул труп в раковину, где виднелись следы рвоты и поднимался пар от горячей воды.

Он еще два раза погружал руку в рану, стараясь вычерпать все инородное. Кровь заливала грудь, живот, пах, стекала по внутренней стороне бедер и образовывала на полу маленькие лужицы.

Боль заполнила его разум, как будто мозг плотно обмотали ржавой колючей проволокой, но Перри все равно понимал, что кровь нужно остановить, причем быстро. Он взглянул на рану — она стала размером с кулак. Пластырем не обойтись.

Перри сгреб с пола окровавленное полотенце и на одной ноге поскакал в кухню. Там, преодолевая боль, затолкал ткань в рану, чтобы хоть как-то остановить кровотечение. Изоляционная лента для водопроводных труб валялась в ящике с хламом — широкая, серебристая и очень клейкая. Ему пришлось отпустить полотенце: чтобы отмотать и оторвать несколько полос ленты, понадобились обе руки.

Перри поплотнее затолкал полотенце в кровоточащую рану и залепил лентой. Потом закрепил ленту на спине и груди. Этот процесс он повторил пять раз: на рану — через плечо — на грудь — вниз — под мышку. Не бог весть что, но, как сказал бы папаша, для сельской местности сойдет.

А друзья Билла будут здесь с минуты на минуту.

Надо уходить.

Перри поскакал на одной ноге в спальню, попутно стирая кровь с тела скомканным бумажным полотенцем. Там вытащил из шкафа две пары джинсов, три футболки, толстовку, оставшееся чистое белье, носки и запихнул все в рюкзак.

Одна нога почти не двигалась, левое плечо горело, но Перри все равно сумел натянуть джинсы. Каждая секунда растягивалась в вечность, полную тревоги и страха. Вот-вот дверь треснет под ударами тяжелого тарана,

который полицейские используют, когда им нужно ворваться в очередной рассадник порока — так показывают в «Копях»¹. Сначала дверь выбивают тараном (а какой-то умник за кадром говорит «тук-тук»), а потом появляются легавые. Нынче они явятся в биокостюмах, прикрывающих каждый дюйм тела, чтобы не допустить контакта с Треугольниками. У них будут огромные пушки. И нервные пальцы на спусковых крючках.

Перри накинул на себя черную толстовку с эмблемой «Окленд рейдерз» и занялся носками и ботинками. Изувеченная нога даже такую простую задачу, как надевание ботинок, делала почти невыполнимой.

Нужно какое-то оружие: чтобы хоть что-то было в руках... Чтобы умереть сражаясь, как и подобает Досу. Он вернулся в кухню и бросил в рюкзак все ножи вместе с подставкой и ножницы для разделки кур. Схватил ключи и куртку. На Билла, который все так же лежал и тупо пялился на ковер, Перри не взглянул. Билл, в свою очередь, не встал, чтобы попрощаться. Грубиян.

Перри вышел из квартиры, осмотрел холл в поисках Военных — никого. Тут до него дошло, что карту он оставил внутри... Впрочем, не важно — она ему больше не нужна. Он точно знает, куда ехать, если только удастся выбраться из Анн-Арбор живым. После схватки с Биллом холл был залит кровью, но Перри шел, не обращая на нее никакого внимания.

Треугольники заговорили снова. Их слова потрясли Перри. Ничего страшнее он в жизни не слышал.

ВЫЛУПЛЕНИЕ УЖЕ СКОРО

¹ «Копы» (англ. «Cops») — американский документальный сериал о работе офицеров полиции и помощников шерифа. Идет с 1989 г.

ПРИВЕТ, СОСЕДКА! (ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ)

ВЫЛУПЛЕНИЕ УЖЕ СКОРО

У Перри пересохло во рту. Лицо горело. Душа съежилась и почернела, будто муравей, сожженный увеличительным стеклом. Вылупление. Скоро. Нет, он не ошибся. Он выполнил свою задачу, как гусеница для ос, отложивших в нее свои яйца, и теперь наступил страшный момент выхода.

Его огромное тело задрожало.

«Вы вылупляетесь?»

НЕ МЫ, КТО-ТО ДРУГОЙ БЛИЗКО-БЛИЗКО

Перри ощутил минутное облегчение, смешанное с надеждой. Он уже не надеялся на спасение, а просто рассчитывал на то, что кто-то другой попал в аналогичное ужасное положение. Кто-то такой же, как Перри, и этот человек хотя бы сможет его понять.

Перри допрыгал до лестницы, которая вела к входной двери. Он не обратил внимания, что пришлось проскákat по пропитанному кровью ковро, и теперь за ним протянулась цепочка следов с красными разводами.

Перри ощущал, как липнет к телу одежда, залитая кровью до такой степени, что ее легче сжечь, чем отстирать. Однако теперь он был готов выбраться из квартирки, в которой столько дней провел в полном заточении.

Плечо болезненно пульсировало в том месте, откуда Перри вырвал гниющий Треугольник. Лямки рюкзака при каждом шаге тревожили рану, но клейкая лента

держалась крепко. Снимать «повязку» будет адски больно... Впрочем, к тому моменту сам Перри будет уже мертв, так что нет смысла забивать себе голову.

МЫ ГОЛОДНЫ, ПОКОРМИ НАС
ПОКОРМИ НАС

Перри не обратил внимания на требования Треугольников — все его внимание поглотила лестница. Он тяжело опирался на грубые железные перила и осторожно, мелкими шагами, спускался вниз. Насколько все-таки легче было жить с двумя ногами!

СЕЙЧАС ЖЕ ПОКОРМИ НАС
ПОКОРМИ НАС
ВЫЛУПЛЕНИЕ УЖЕ СКОРО

— Заткнитесь! Нет у меня с собой еды!

До первого этажа Перри добрался без происшествий. После нескольких дней, проведенных в тесной конуре, будет здорово снова вдохнуть свежий воздух — и не важно, какая на улице погода: даже если земля разверзлась и изрыгает языки адского пламени, Перри выйдет за дверь, насвистывая «Поющего под дождем».

Вдруг его захлестнуло волной паники. Мгновенно подскочил адреналин — еще до того, как Перри понял, что это *не его* страх.

— В чем дело? Что происходит?

ОНИ ИДУТ, ОНИ БЛИЗКО

Военные! Перри выскочил на улицу, и его обдало зимним ветром и ослепило солнцем. Температура была лишь чуть-чуть выше нуля, однако день выдался на

редкость красивый. Перри добрался до машины и только сунул ключ в замок зажигания, как взгляд скользнул по другой машине, очертания и цвет которой были слишком знакомы. И не только ему одному. В мозгу воем взорвался сигнал тревоги.

В пятидесяти ярдах от Перри в ворота жилого комплекса въехал полицейский патрульный автомобиль. Он направлялся в его сторону.

Перри вылез из машины, аккуратно поставленной под металлический навес, и втиснулся между передним бампером и стеной.

Полицейский автомобиль замедлил ход и остановился у тротуара, как раз напротив главного входа в дом Перри. Инстинкты Доуси обострились, как у дикого зверя: враг находился в каких-то пяти метрах от него.

Из машины вышли двое копов, но ни один из них не взглянул в сторону Перри. Поправив дубинки за поясом, они небрежной и уверенной походкой, присущей всем полицейским, направились к дому.

Копы вошли. Металлическая дверь медленно закрылась за их спинами. Слишком поздно — своего доносчика им уже не спасти. Через несколько секунд они обнаружат тело и бросятся искать Перри. Потом станут палить налево и направо...

Стокилограммовый великан Брайан Вандерпайн поднимался по лестнице первым. Он грузно топал по ступенькам. Эд Маккинли, хоть и весил на пять килограммов больше, ступал гораздо легче, почти беззвучно.

Между собой они не разговаривали. Тут, конечно, ничего серьезного. Просто поступила жалоба от одного из жильцов на нарушение спокойствия. Тем не менее после всех событий сегодняшнего дня нервы у обоих были на пределе. Брайан очень надеялся, что Доуси жи-

вет один — не было ни малейшего желания разбираться с семейными скандалами.

В этот жилой комплекс полицию вызывали не реже двух раз в неделю. Обычно жильцы просто не отдавали себе отчета, насколько здесь тонкие стены и как далеко распространяется звук. Появление людей в полицейской форме, как правило, производило должный и незамедлительный эффект, и нарушители быстро затыкались. С такими вызовами иметь дело легко и просто, почти приятно.

Брайан и Эд поднялись на один пролет из шести ступенек и уже поворачивали на второй, когда Брайан затормозил, причем так внезапно, что Эд врезался в него. Брайан смотрел вниз. Эд машинально взглянул туда же.

На ступенях отпечатались красные следы ботинок.

Брайан присел на корточки возле одного из следов и коснулся его пальцем. На пальце остались влажные разводы. Брайан взглянул на напарника:

— Кровь.

Впрочем, сам он понял, что это кровь, еще до того, как коснулся влажного следа — он слишком хорошо знал этот запах.

Брайан встал. Они с Эдом вытащили пистолеты и медленно двинулись вверх по лестнице, стараясь не наступать на другие следы. Поднявшись на второй этаж, они увидели кровь на стене и ярко-красные лужицы на ковре. Очень много крови; скорее всего, рана была серьезная.

Кровавые подтеки вели прямо к двери квартиры В-203. Кто-то, истекая кровью, заполз туда. Или его попросту втащили внутрь.

Брайан и Эд встали по обе стороны от двери, прижавшись спинами к стене и уткнув стволы в пол; сердца бешено колотились. Мозг Брайана лихорадочно работал:

кровь свежая, по ее количеству легко предположить, что рана, скорее всего, смертельная. И нанесена, несомненно, каким-то оружием. Не исключено, что жертва до сих пор заперта в квартире вместе с преступником.

Сердце мощными толчками посылало по сосудам кровь с примесью адреналина. Брайан вдохнул и громко постучал в дверь:

— Откройте, полиция!

Нет ответа. В прихожей — ни звука.

Брайан постучал снова, еще сильнее.

— Полиция! Откройте!

Тишина.

Брайан развернулся и встал лицом к двери. Бросил быстрый взгляд на Эда. Тот кивнул — готов. Брайан ногой ударил дверь чуть ниже ручки, вложив в удар весь свой нешутучный вес. Дерево треснуло, однако дверь не поддавалась. Брайан ударил еще раз. Треск. Язык замка выломался из стены. Дверь распахнулась.

До Перри внезапно дошло, что от машины нет никакой пользы. Не пройдет и минуты, как копы будут на улице. Им ведь известно, кто он, и прежде всего они станут искать его машину. Ему и пятидесяти миль на ней не проехать. Беда только, что пешком он тоже далеко не уйдет.

СКОРО

ВЫЛУПЛЕНИЕ

Вылупление. Какому-то несчастному сегодня не поздоровится — Треугольники крепко взяли его на крючок. И как это будет? Насколько больно?

Поездку в Ваджамегу придется отложить. Должно сказочно повезти, чтобы только выбраться со стоянки,

а уж добраться до Ваджамеги... Осталось лишь одно место, куда можно пойти. Где-то неподалеку есть кто-то еще. Кто-то инфицированный. Он поймет Перри, поймет, в каком тот пребывает состоянии и почему так поступил с Биллом. Спрячет его от копов, которых тут через несколько минут будет хоть пруд пруди.

— А мы можем посмотреть на вылупление?

ДА, МЫ ПОСМОТРИМ, ПОСМОТРИМ, УВИДИМ

— Где это будет? Скажите, куда идти, только быстро!

ТУДА

Перри замер. Другой голос, женский. Тихий, но отчетливый.

ОБЕРНИСЬ

Перри зажал руками уши. На лице его отразился абсолютный ужас. Это уже слишком! Но сейчас паниковать нельзя. Копы будут здесь с минуты на минуту.

Перри обернулся и увидел блок G.

БЫСТРЕЕ, БЫСТРЕЕ

СКОРРЕ ТУДА ТАМ БЕЗОПАСНО

Перри ничего не понимал и не хотел понимать. Единственное, чего он по-настоящему хотел, так это укрыться от копов. Перри бросился вперед. Он перемещался скачками, ежесекундно рискуя потерять равновесие. Дважды упал лицом вниз на засыпанный снегом асфальт, но тут же отчаянно карабкался на ноги и прыгал вперед.

До блока G Перри добрался секунд за двадцать.

Все, что происходило дальше, Брайан Вандерпайн и Эд Маккинли запомнили с поразительной точностью. В общей сложности оба прослужили в полиции двадцать пять лет (Брайан — четырнадцать, Эд — одиннадцать), и за все эти годы не видели ничего, что могло бы сравниться с кошмаром в квартире В-203.

Дверь распахнулась. Брайан хотел направить дуло пистолета внутрь квартиры, но почему-то не сделал этого. Он вошел и тотчас увидел тело. Несчастный сидел на диване, зазубренные ножи пригвоздили окровавленные руки к стене — страшная пародия на распятие.

Брайан понимал, что бедняга мертв. Он отвел взгляд от тела — убийца, возможно, до сих пор где-то в квартире.

Кровь была повсюду.

Запах едва не сшиб Брайана с ног: пот, кровь, что-то гниущее и жуткое — такое, что мозг просто отказывался воспринимать.

Брайан нацелил пистолет в короткий коридор, ведущий к спальне и ванной. Слава богу, что его в комплекс вызывали десятки раз — здесь все квартиры имели одинаковую планировку, он успел ее изучить и хорошо ориентировался.

Эд зашел справа, направив пистолет в крохотную кухоньку.

— Боже милостивый...

Брайан заглянул туда же. Пол покрывала корка засохшей крови, настолько плотная, что белый линолеум по большей части был красновато-коричневым. Кровь засохла даже на обеденном столе.

Брайан двинулся дальше, Эд следовал за ним. Стеной шкаф был открыт настежь и пуст, за исключением длинного пальто, аляповатой гавайской рубашки

и толстовки с эмблемой футбольной команды Мичиганского университета. Значит, остались только спальня и ванная.

Запах, жуткий запах усилился, когда копы подошли к запертой двери спальни. Брайан встал, наполовину прикрытый углом коридора, и жестом велел Эду проверить открытую ванную. У напарника ушло на это три секунды — он покачал головой: пусто. Одними губами прошептал: еще больше крови.

Брайан опустил на колено перед дверью в спальню. Эд стоял в шаге позади него, не слишком близко, чтобы один выстрел не уложил обоих. Сердце гулко бухало в груди и глотке. Брайан нажал на ручку и открыл дверь. Никого. Быстро проверили в стенном шкафу и под кроватью — тоже никого.

— Проверь потерпевшего, Брайан, а я сообщу на базу. — Эд вытащил рацию и связался с диспетчером.

Брайан подбежал к человеку на диване. Пульса нет, хотя тело еще теплое. Вероятно, с момента смерти прошло не больше часа.

Жертва сидела на диване с приколотенными к стене руками. Голова безжизненно болтается на груди. Кровь залила ноги убитого и оставила огромные красные пятна на потертых диванных подушках. Нос сломан и разворочен. Лицо опухшее, изрезанное, черно-синее. Кровь с него стекла на рубашку.

Брайан сложил в уме эту историю, как головоломку. В груди его вскипел гнев — какое зверство! Преступник набросился на человека в холле, ранил одним из ножей, потом втащил его в квартиру и пригвоздил к стене. Лицо ему он разбил либо в коридоре, либо уже после «распятия».

В Анн-Арбор такого просто не бывает. Черт подери, такого не должно быть нигде!

Если семейный скандал заканчивается рукоприкладством, раскаяние и угрызения совести почти неизбежны. Часто, ранив кого-нибудь из близких, насильник сам вызывает полицию. Здесь совсем другое. Тот, кто это сделал, не испытывал и намека на угрызения совести. Потому что раскаявшиеся убийцы не пишут на стене посланий кровью жертвы.

Такой резни Брайан не видел никогда в жизни. Этот случай станет «гвоздем» его карьеры. И хотя каждая ужасная деталь навечно врезалась ему в память, больше всего Брайана поразила именно надпись на стене. Убийца размазывал кровь руками — об этом свидетельствовали многочисленные красные отпечатки пальцев и ладоней. Над головой жертвы убийца вывел метровые буквы, которые складывались в одно-единственное слово.

ДИСЦИПЛИНА.

64

ГОРЯЧИЕ НОВОСТИ

Маргарет ногой стукнула по двери мужского туалета.

— Эймос! Пошевеливайся! Еще один! — крикнула она.

В унитазе спустили воду. Эймос почти выпал из кабинки — он споткнулся, пытаясь на ходу натянуть штаны. Маргарет повернулась и побежала по коридору. Эймос бросился следом за ней.

Она затормозила у дверей лифта. Кларенс Отто держал дверь открытой. Маргарет и Эймос влетели в лифт, двери закрылись, и Отто нажал кнопку «автостоянка».

— Далеко отсюда? — спросила Маргарет.

Кларенс вытащил карту и быстро сверился с ней.

— Минут десять.

Маргарет схватила его за руку. Лицо ее светилось от нетерпения и надежды.

— В каком состоянии жертва? Какие симптомы?

— Не знаю, мэм. Дью уже едет туда, его прикрывают два отряда быстрого реагирования в биокостюмах. Думаю, это в жилом комплексе. Мы взяли больничный вертолет. Он готов к старту. Можем приземлиться прямо на крыше и на лифте доставить его сюда, в вашу лабораторию.

Маргарет отпустила его руку и попыталась собраться с мыслями:

— Думаете, этого мы получим живым?

— Полагаю, что да, мэм. Дью уже, наверное, на месте. Инфицированный заполнил виртуальную анкету. В ней инструкции — оставаться на месте и ждать помощи. Надеюсь, он дождетсЯ.

65

ГРАНДИОЗНЫЙ ПОБЕГ

Перри захлопнул входную дверь, осмотрелся в холле — пусто — и выглянул в окно. Как раз в этот момент из блока В выскочил полицейский и сел в машину. Вспыхнула красно-синяя мигалка.

Губы Перри исказила садистская усмешка:

— Чтоб вы провалились, живым вам меня не взять, — прошептал он.

Возможно, они не знали, чего от него ждать. Может, рассчитывали, что Билл упакует его, как цыпленка, для удобства транспортировки? Военные его явно не-

дооценили. Но что-то подсказывало Перри, что больше они не допустят такой ошибки.

Перри отвернулся от окна. Чувствовал он себя странно. В груди поселилось тепло, мягкое, маслянистое тепло. Такого он никогда прежде не ощущал. Перри понял, что чувство появилось еще в тот момент, когда он устремился к блоку G, а когда оказался внутри блока, оно лишь усилилось.

СКОРО ВЫЛУПЛЕНИЕ

СКОРО ВЫЛУПЛЕНИЕ

Бормотание Треугольников напомнило Перри, что это никакое не спасение, а лишь отсрочка. Сюда наверняка несутся другие полицейские машины. Копы рано или поздно отыщут его. Его застрелят «при попытке к бегству», неважно, попробует ли он унести свою задницу или смиренно ляжет на землю перед двадцатью свидетелями. Нужно двигаться дальше и отыскать другую жертву Треугольников.

— Ну, ребятки, и куда мы идем?

Как бы там ни было, а это ведь они рассказали ему про Военных и про стукача Билли. Именно Треугольники предупредили о приближении людей в форме. Они же помогли спастись от копов.

НА ТРЕТИЙ ЭТАЖ

Быстро они учатся! Уже не путаются в словах, а с ходу усваивают новые понятия.

Перри запрыгал по ступенькам на третий этаж. С каждым шагом теплое чувство в груди нарастало. К тому моменту когда, Перри поднялся на третий этаж,

он каждой клеточкой тела ощущал внутри нечто необыкновенное.

Он шел по коридору, пока Треугольники не остановили его.

ВОТ ОНО

Квартира G-304.

На двери висел маленький венок из веток, окрашенный в неяркие пастельные тона, и маленькие деревянные уточки держали в клювах розовую табличку «Добро пожаловать». Пасторальный стиль. Перри ненавидел пасторальный стиль.

Он постучал. Нет ответа. Перри постучал снова, громче и настойчивее.

Тихо.

Перри наклонился как можно ближе к дверному косяку и заговорил — тихо, но достаточно отчетливо, чтобы его расслышали в квартире:

— Я не уйду. Я знаю, что с вами происходит, я знаю про Треугольники.

Дверь приоткрылась — натянулась дверная цепочка. Где-то в глубине квартиры звучала песня в исполнении Уитни Хьюстон «I'm Every Woman». В щели показалось круглое лицо — его можно было бы назвать симпатичным, если бы женщина хоть немного поспала в последние четыре или пять дней. Она выглядела одновременно злой, измученной и испуганной.

Как только Перри увидел ее, теплое, маслянистое ощущение почти затопило его сознание. Теперь он понял, что это физическое ощущение близости другого хозяина-носителя. Женщина еще не произнесла ни слова, но Перри уже знал, что она заражена.

— Кто вы? — спросила она.

От Перри не укрылся проблеск надежды в ее голосе — надежды, что незнакомец пришел спасти ее.

— Я живу здесь, — спокойно ответил он. — Меня зовут Перри. Впустите меня, и мы вместе подумаем, что делать дальше.

Через щель он мог видеть лишь часть ее лица, полосу шириной в два дюйма, но и этого оказалось достаточно, чтобы понять: она не верит ему.

— Вас послало правительство? Вы из ФБР? — Ее слова источали страх.

Перри нахмурился.

— Послушайте, леди, я в той же ситуации, что и вы — у меня самого в теле Треугольники. Разве вы не чувствуете? Открывайте, пока кто-нибудь нас не увидел и не вызвал полицию.

Похоже, он попал прямо в яблочко. Женщина широко открыла глаза и с шумом втянула воздух. Дважды моргнула. Захлопнула дверь. Перри услышал, как она снимает цепочку. Дверь снова открылась. Женщина смотрела на него с надеждой.

Перри заскочил внутрь, оттолкнув хозяйку дома, захлопнул за собой дверь, торопливо набросил цепочку, закрыл задвижку и повернул собачку замка на круглой ручке. Он обернулся — в дюйме от его груди подрагивало лезвие огромного тесака.

Перри поднял руки вверх и медленно отстранился, пока не уперся спиной в дверь.

Ее глаза выдавали самые противоречивые чувства, но сильнее всего были страх и гнев. Одно неправильное слово — и этот нож окажется у него между ребрами. Женщина весила килограммов восемьдесят. Желтый халат в зеленый и голубой цветочек болтался на ней, как тряпка с чужого плеча, он был размера на четыре больше. До заражения она, видимо, весила кило-

граммов сто, не меньше, однако диета под названием «Треугольник» сотворила с ней настоящие чудеса. На ногах леди красовались пушистые тапки с заячьими мордочками и ушами. Светлые волосы, стянутые в неопрятный хвостик на затылке, странно контрастировали с немолодым лицом, на котором застыла печать страха и отчаяния.

Перри значительно превосходил незнакомку ростом и весом, тем не менее рисковать не спешил. Еще в юности он отлично усвоил на игровом поле, что толстые люди — сильные люди. Избыточный вес компенсирует силу мускулов, а еще они бывают удивительно шустрыми и могут быстро ударить, схватить — или вогнать нож под сердце.

— Ради всего святого, леди, опустите нож!

— Откуда мне знать, что вы не работаете на правительство? Покажите документы! — Ее голос дрожал, и дрожало острие ножа.

— Да бросьте вы! — Перри чувствовал, как в груди вскипает злость. — Если бы я работал на правительство, разве оно направило бы меня на задание с документами? Подумайте головой! Знаете что, давайте я закатаю рукав — и вы сами все увидите!

Перри медленно поставил на пол рюкзак, страшно жалея о том, что закрыл верхний клапан, и теперь быстро выхватить собственный нож ему не удастся: женщина может запаниковать и просто зарезать его.

Перри поднял рукав.

Волна возбуждения накрыла его, как «приход» от сильного наркотика.

ЭТО ОНА, ЭТО ОНА, ЭТО ОНА
ОНА СКОРО ВЫЛУПИТСЯ, СКОРО

— Бог мой! — Ее голос упал до хриплого шепота. — Господи, и у вас тоже. — Нож полетел на ковер.

Перри преодолел разделявшее их расстояние одним прыжком и нанес женщине удар в челюсть. Ее голова дернулась вбок, женщина упала на бледно-желтый ковер и разрыдалась.

НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИ
ПРЕКРАТИ СЕЙЧАС ЖЕ
СЕЙЧАС ЖЕ!!!

Перри поморщился от беззвучного крика Треугольников, как от физической боли. Он предполагал, что так и произойдет. Хорошо, что успел всыпать ей, как следует. Дура должна знать, кто тут главный.

— Значит, так, сука! Если еще раз возьмешься за нож, я сам разрежу твою жирную задницу!

Женщина плакала от боли, страха и разочарования.

Перри присел рядом с ней:

— Поняла меня?

Она не ответила. Лица не было видно. Жирное тело вздрагивало, как желе.

Перри нежно погладил ее по волосам — женщина вздрогнула от его прикосновения.

— Я спрашиваю еще раз. Если не ответишь, получишь ботинком под ребра, жирная свинья!

Она подняла голову. По щекам катились слезы.

— Да! Да, я все поняла!

Женские вопли... Она, наверное, хотела ему досадить. Старалась ему досадить. Вот бабы... Дай им палец — руку оттяпают. Заплаканное лицо напоминало Перри глазированный пончик. В жизни нет места слезам и женщинам...

Перри продолжал гладить ее по голове, а от его голоса теперь веяло ледяным холодом:

— И кстати. Если еще раз вякнешь, ты труп. Повторять не буду. Не будешь слушаться — прочищу мозги вот этим самым ножом. Ясно?

Она смотрела на него, как затравленный кролик, но Перри не чувствовал ни капельки жалости. Она слабая, а в жестоком мире выживают только сильные.

— Ты. Меня. Поняла? — В голосе Перри кипел гнев. Он говорил медленно, с паузами после каждого слова.

— Да, — прошептала она. — Поняла. Пожалуйста, не бейте меня.

Выглядела она жалко: кровь и слезы текли по щекам, в глазах застыл страх. Так выглядят изнасилованные женщины.

Так выглядела его мать, когда папаша «задавал ей урок».

Перри помотал головой. Что за чертовщина с ним творится? Во что он превращается? Ответ прост — в то, чем он должен стать, чтобы выжить. Выживает сильнейший. Он смотрел на женщину, стараясь подавить в себе жалость, запрятать ее настолько глубоко, чтобы она больше не доставляла ему беспокойства. Тот Перри, который десять лет сдерживал свою агрессию... Для такого человека больше нет места.

Он мягко вытер слезы с ее лица.

— А теперь подними с пола свою жирную задницу и приготовь чего-нибудь. Мы хотим есть.

Приятное волнение вновь пробежало по его телу. Треугольники знали, что скоро будет пища, и радовались этому. Очень радовались. Перри не мог не разделить их счастья.

СВЕРХУРОЧНАЯ РАБОТА

Дью глядел из окна «Бьюика» на суетящихся полицейских и прижимал к уху большой мобильник. Судя по всему, он опоздал буквально на десять минут. Надо же, подобраться так близко... От осознания упущенной возможности он весь кипел.

— Мюррей, тут полнейший бардак. Местная полиция повсюду сует нос, а через несколько минут подъедут другие машины, и тогда пиши пропало.

Он ярко представил, как лицо Мюррея наливается кровью.

— Отряды быстрого реагирования вмешались? Почему они не перехватили инициативу?

— Потому что они вообще не явились. Ребята вышли на связь, и я отослал их обратно. Думаешь, наши дела плохи? Так добавь к общей картине еще восемь парней в биокостюмах и при полной амуниции. Журналисты из штанов вылезут, чтобы узнать, в чем дело.

— Господи, за что? — Голос Мюррея звучал устало и глухо. — Репортеры уже там?

— Ага. Местные власти первыми узнали о происшествии. Репортеры, наверное, перехватили их частоту. Утечка информации неминуема. Полицейские не подпускают журналистов близко, но мы не можем ничего предпринять — иначе камеры трех сетей вещания будут нацелены на нас.

На радио и телевидении поднялся переполох по поводу бойни, устроенной Нгуеном, и последующего самоубийства. Однако если полиция объявит охоту на бывшего лайнбэкера команды Мичиганского университета, который оставил в квартире изуродованный труп,

эти новости, естественно, разом поблекнут. А об утечке газа, убившей мать и сына, точно никто не вспомнит.

— Не забывай, что Доуси — главная знаменитость в городишке. А если он и по жестокости побьет все рекорды, журналисты просто будут кипятком писать от восторга... Мюррей, тут не Вашингтон, а Анн-Арбор, заштатный университетский городок в Мичигане. Футболист-убийца в бегах — это история века! Усилия «правительства» по сохранению тайны для них что глазурь на праздничном пироге.

— Дью, как ты думаешь, в сложившейся ситуации мы можем взять Доуси живым?

— Ну, это тебе решать. Прикинь, сколько копов его ищут. У него в квартире труп, и они не бросят поиски только потому, что я им намекну: мол, мы тоже в игре. Они хотят сами добраться до Доуси. Очень хотят. Если он инфицирован достаточно давно, они могут увидеть наросты на его теле. Если парня возьмут, то кто-нибудь обязательно наведет на него камеру, уж поверь мне. Толпы репортеров станут землю рыть, но узнают, почему он убил человека. Если Доуси арестуют, то сегодня вечером во всех сводках новостей главным будет слово «треугольники». Если репортеры их увидят, САРС сразу покажется всем детской игрушкой. Если копы возьмут Доуси живым, все всплывет, Мюррей.

— Что ты предлагаешь?

— Предлагаю убрать его как можно скорее. Подключить копов. Им нужен только предлог, чтобы спустить курок. Можем связать Доуси и Нгуена. Можем навешать им лапши о том, что он якобы обвешан взрывчаткой, или что у него биологическое оружие. Я прослежу, чтобы все получили приказ стрелять на поражение и держались подальше от тела, пока наши люди о нем не позаботятся.

— Но Маргарет нужен живой инфицированный.

— Значит, отправим ей следующего. Если хочешь сохранить все в тайне, лучше делай, как я говорю.

Долгая пауза. Да уж, лейтенанту есть над чем подумать.

— Нет, — в конце концов проговорил Мюррей. — Парень нужен живым. Это важнее любой секретности.

— Придется нелегко. У местных нервы на пределе.

— Тогда мы свяжем Доуси с предыдущими убийствами. Я сам позабочусь об этом. Ты же только подтвердишь историю.

— Какую историю?

— Что Доуси знает про бомбу, заложенную террористами, и что его совершенно необходимо доставить в штаб в целости и сохранности. Привези его живым!

Мюррей повесил трубку. Дью стиснул зубы. План Мюррея сработает, и Дью прекрасно это знал. Копы сделают все для поимки Доуси.

Дью оторвался от созерцания сцены за окном и переключился на цифровые фото Доуси, которые люди Мюррея переслали на его большой мобильник. Самая свежая фотография — с водительских прав. На другой крупным планом было взято искаженное от гнева лицо Доуси, фрагмент полотна Нгуена. Остальные — с игр и тренировок в студенческие годы.

Дью присмотрелся к одной из них: не особенно примечательная спортивная фотография. Доуси тогда учился на втором курсе.

— А ты твердый орешек, правда, парень?

Бледно-желтую с голубым форму Доуси заливало солнце. Обычно на таких фотографиях стараются запечатлеть обаятельную улыбку «героя», но тут дело обстояло иначе. Доуси улыбался, однако в его взгляде ощущалась крайняя напряженность. Казалось, все его существо дрожит от сдерживаемой агрессии.

То ли фото такое, то ли Дью вспомнил те матчи с его участием, которые видел по телеку. Доуси — редкий игрок, настоящий зверь, который, выходя на поле, вел всю игру. Он играл не хуже быка, которому вогнали шило в задницу и защемили яйца мышеловкой. Жаль, что его карьера закончилась после травмы колена. Дью наблюдал по телеку момент, когда Доуси получил травму. Ему приходилось видеть людей, которых разрывало на части взрывом противопехотной мины, людей, пронзенных гигантскими щепами от развороченных взрывами деревьев, обезглавленных, людей, бьющихся в агонии, гниющих, раздувшихся утопленников... Но когда Дью увидел на медленном повторе, как колено Доуси выгибается под неестественным углом, его едва не вырвало.

Дью внимательно рассматривал фотографию, запечатлевая в памяти каждую деталь внешности Доуси. Здоровый парень, сильный и опасный, но пистолет, по счастью, изобрели задолго до него. К черту приказы Мюррея! Будь ты хоть десять раз героем Национальной футбольной лиги, ты все равно не станешь суперменом. Пуля в голову возымеет на «Ужасного» Перри Доуси то же действие, что и на любого другого.

Кто-то должен заплатить за смерть Малколма. И Доуси — мишень ничуть не хуже прочих.

67

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Перри восседал на новехоньком палевом диване, надежно укрытый от внешних опасностей уютными тенями маленькой квартирки. Он всегда ощущал себя странно, попадая в другую квартиру Уиндивуда, с той же

планировкой, такими же полами, но другой мебелью. Вот и на этот раз Перри казалось, что из его квартирки вынесли вещи и развесили по стенам морские акварели, добавили шторы в тон, разложили повсюду кружевные салфеточки и всякие безделушки в стиле кантри, от которых его тошнило.

Перри с чавканьем ел сэндвич с курицей и осторожно поглядывал на улицу через щели в жалюзи. Ему повезло с Толстухиной квартирой: отсюда прекрасно видно, что происходит перед его собственным блоком. Семь полицейских машин — пять местных и две из ведомства штата — расцвечивали угольно-черную ночь хаотичными красно-синими вспышками.

Теперь он понимал, как ему удалось унести ноги от копов. Со своего третьего этажа Толстуха увидела полицейскую машину, когда та еще была далеко. Ее Треугольники и предупредили Перри, что надо смыться. Вполне закономерно, они ведь заботились о себе. Для них жизненно важно, чтобы с Перри все было в порядке — он ходячий инкубатор и, если бы он погиб, с ним вместе умерли бы еще три личинки.

Мигание полицейских огней напоминало о дискотеке. Полночь давно миновала, и в небе не горело ни звездочки. Если Перри хочет бежать, то нужно сделать это сегодня же, позже, когда темнота беззвездной ночи скроет движения, а мягкий падающий снег с жадностью поглотит любой звук.

Но пока Толстуха не закончит свой цикл, он никуда не двинется. Необходимо знать, как все происходит. Она сидела на палевом стуле — в тон дивану — и тоже жевала сэндвич. Женщина тихо плакала, прижимая к свежему порезу на лбу сложенное втрое бумажное полотенце. Перри говорил ей, чтобы не редела в голос, — она не послушалась. Он порезал ее — шум прекратился.

Как любил повторять папуля, иногда просто нужно показать женщине, кто в доме хозяин.

Перри заметил, что на входную дверь она прилепила карту дорог Мичигана. Прочертила красную линию — от Анн-Арбор на север, потом на запад, по второстепенным дорогам. Линия упиралась в городок Ваджамега. Толстуха обвела его несколькими кружками и подписала: «Вот то самое место».

Под Ваджамегой она аккуратно, под линейку, провела красной пастой несколько линий, которые складывались в знакомый символ.

Перри взглянул на то, что вырезал у себя на правой руке. Порезы еще кровоточили. Так аккуратно, как у Толстухи, не получилось, но, может, дело в том, что у него вместо ручки и линейки был кухонный нож? Что этот символ значит для Треугольников? Впрочем, теперь уже не имеет значения.

— Тебе велели ехать в Ваджамегу, да? — спросил Перри. Женщина кивнула. — А машина у тебя есть? — Она снова кивнула, и его губы растянулись в улыбке. Проще простого: осталось только дожидаться, пока копы уберутся, и они с Толстухой поедут в Ваджамегу. Перри не знал, что ждет его там, но это ничего не меняло.

Он приканчивал второй сэндвич, расправившись прежде с лазаньей, шоколадным пирогом и парой пирожных. Он давно насытился, а Треугольники все требовали и требовали пищи. И он продолжал есть.

Перри чувствовал себя удивительно хорошо. Он не знал, чья это радость — его собственная или Треугольников, но пища доставляла почти оргастическое наслаждение. Грань между тем, что чувствовали они и что ощущал он, начала потихоньку стираться; теперь Перри и самому хотелось добраться до Ваджамеги.

Осторожнее с этим, старина. Не попадись в их поганую ловушку. Держись за свои собственные мысли, или ты покойник.

Перри решил прикончить еще один Треугольник, как только доест сэндвич. Это внесет ясность в их отношения. Ничто так не помогает отстоять свои границы, как небольшой акт самоистязания.

Полицейские перед его домом сновали, словно деловитые муравьи. Перри наслаждался всеми прелестями своего положения. Действо внизу разворачивалось как немая сцена из «Копов».

Полицейские приходили и к Толстухе. Она разыграла спектакль, достойный высочайших похвал. Нет, она ничего не слышала. Нет, она не видела крупного мужчину у дома. Она боялась Перри, но из-за Треугольников она еще больше боялась копов, а потому и выбрала меньшее из двух зол.

Перри стоял у окна, в тени. Интересно, а копы знают, что он наблюдает за ними? Если догадаются, где он, то скоро придут сюда.

Если только они уже не следят за ним.

Перри прищурился, скользнул взглядом по квартире. Может, тут где-нибудь спрятана камера? Жучки? И полицейские его слышат? Перри ни на секунду не сомневался, что они следили за его квартирой, так почему и у Толстухи не установить систему наблюдения? Если так, то его спасение — прыжок из огня да в полымя.

Да и откуда ему знать, что у Толстухи вообще есть Треугольники? Может, их и вовсе нет? И все ловко подстроено? Небось, у нее имеется какой-то прибор, с помощью которого она убедила его Треугольники, что здесь безопасно? А теперь просто присматривает за ним... Копы же в это время шмонают его квартиру и «соби-

рают материал», прекрасно зная, что сам Перри спокойно сидит у Толстухи и жует сэндвич с курицей?

Взгляд Перри пригвоздил ее к палевому стулу. Она смотрела на него, как газель на льва, который сбил ее с ног, но еще не перегрыз горло. Перри поставил тарелку на кофейный столик.

— Где они? — тихо спросил он.

— Кто? — Ее глаза наполнились слезами, по жирным щекам побежали соленые капли.

Она что, думает, он тут дурака ваяет? Перри взял со стола тесак и принялся поигрывать им. Каждый раз, когда широкое лезвие шлепало по ладони, Толстуха вздрагивала, как от слабенького электрического разряда.

— Не надо делать из меня идиота, — прошептал Перри и улыбнулся во весь рот, не потому что ему нравилось происходящее и не потому, что он хотел ее запугать, а потому, что власть была целиком и полностью в его руках. — Где они? Покажи. Живо.

Толстуха изменилась в лице, когда наконец-то поняла смысл его слов.

— Вы про мои Треугольники, да? — с готовностью выпалила она.

Перри ощутил ностальгию — вот оно, отчаянное желание угодить, избежать побоев, напомнившее ему о матери. Так мама разговаривала с отцом.

— Ты отлично меня поняла...

— Я не обманываю вас, клянусь! — Она умирала от страха, Перри видел это яснее ясного, но, несмотря на животный ужас, Толстуха говорила тихо и сдержанно. Умница.

Она встала и стянула просторную ночную рубаху — быстро и без возражений, хотя лицо ее и покраснело от унижения. У Толстухи были огромные обвислые гру-

ди с большущими сосками. Она до сих пор оставалась тучной, хотя дряблая кожа болталась на ней мешком. Какие сто, до заражения она весила килограммов сто двадцать!

Все правильно, у Толстухи на животе гнездились три Треугольника. Слезы капали с дрожащего подбородка и скатывались по грудям. Толстуха сама повернулась, демонстрируя левый бок. На бедре тоже прижился Треугольник. Он был немного темнее, чем его собственные. С каждой стороны Треугольника змеились черные упругие жилы. Две погружались в тело Толстухи, а одна нежно обвивала ее бедро.

Кожа женщины выглядела нездоровой. По углам Треугольника вздулись чирьи. Над телом паразита кожа сильно натянулась, как будто тот вымахал слишком большим, чтобы оставаться под ней. Собственные Треугольники Перри смотрели бессмысленным, расфокусированным взглядом, а этот — нет. Он злобно таращился на Перри, источая ненависть, и походил на луч от мощного фонаря, пронзающего угольно-черную нежную ночь.

— Ох, приятель, дождешься ты у меня, — тихо пообещал Перри. Этого он убьет первым. — Так, сними трусы и повернись.

Толстуха подчинилась беспрекословно, спустила пижамные штаны и переступила через них. Трусов она не носила. На каждой ягодице красовалось по Треугольнику, еще один прижился на задней поверхности правого бедра. Все они смотрели на Перри с нескрываемой ненавистью. Что они говорят ей о нем?

Перри поразило, насколько здоровыми выглядят паразиты Толстухи. Гнойные язвы — ее собственная проблема. Перри и в голову не приходило, что кто-то может сложить лапки и не сопротивляться. Жалкое зрелище!

Папаша не ошибся. Сбылось все, о чем он говорил. Удивительно, как Перри раньше этого не понимал.

— Ты слабачка, — прошипел Перри. — Ты даже не пыталась ничего сделать, просто позволила им расти на тебе!

Толстуха стояла перед ним голая и тряслась от страха и унижения. Руки машинально прикрывали лобок.

— А что мне было делать? Вырезать их?

Перри не ответил. Он положил нож на кофейный столик и снял рубашку. Клейкая лента почернела по краям. Перри взял нож и поочередно разрезал все полосы. Мягкая мочалка, пропитанная кровью и густой черной слизью, упала на пол.

Запах поразил их обоих — невидимый демон, пробравшийся к каждому в нос, в горло, глубже. Перри захохотал: Толстуха зажала рот рукой. Он глубоко вдохнул ядовитый, гнилостный запах смерти.

— Я люблю запах напалма поутру! Это... запах победы!¹ — продекламировал Перри.

Между ее пальцами брызнула рвота, запачкала диван, столик и ковер. Запах от его плеча действовал не хуже иприта.

Перри надеялся, что гниет хвост Треугольника, а не его тело. А в глубине души понимал, что это самообман. А тот, на заднице, тоже гниет? Жесткая, во-

---

¹ Цитата из известной речи полковника Килгора в фильме Френсиса Форда Коппола «Апокалипсис сегодня». Фильм посвящен войне во Вьетнаме. В одной из сцен, после того, как американские вертолеты подавляют все очаги сопротивления в округе и самолеты сбрасывают бомбы с напалмом на джунгли, полковник торжествует: «Я люблю запах напалма поутру. Однажды мы бомбили одну высоту двенадцать часов подряд. И когда все закончилось, я поднялся на нее. Там уже никого не было, даже ни одного вонючего трупа. Но запах! Весь холм был им пропитан. Это был запах... победы!».

локнистая, прочная петля туго-туго затянулась вокруг сердца. Он не мог оставить их в себе и не мог из себя вырвать.

Толстуха лежала на полу, сотрясаясь в конвульсиях. Теперь от нее воняло не хуже, чем от него. Перри не обратил на женщину внимания — он смотрел за окно. Третий этаж. Конечно, не двадцатый, ничего смертельного, но выбирать не приходится. А если вниз головой... Есть ли внизу какие-нибудь кусты? Перри помнил несколько историй о том, как люди не разбивались, упав даже с десятого этажа, и только потому, что приземлялись на кусты или провода. Он надеялся, что никакой серьезной растительности вниз нет.

Снаружи разливалась темнота, неяркий свет, падающий из кухни, превратил стекло в тусклое зеркало. Перри видел себя через щели в жалюзи. Главное — разбежаться, тогда он вылетит на тротуар в водопаде стеклянных осколков.

Перри дернул за шнур, и жалюзи поднялись.

Собственное отражение смотрело на Перри с расстояния в пару дюймов. Он замер. Глаза оставались голубыми, но вот зрачки...

Зрачки стали треугольными.

У него перехватило дыхание, горло сжалось. Ярко-голубые глаза с треугольными зрачками... Какого черта?!

Перри крепко зажмурился. Просто галлюцинация, ничего больше. Протер глаза, открыл их снова. Медленный выдох, глубокий вдох. Зрачки вновь сделались нормальными. Нет, не сделались. Они такими и были, ему просто показалось. Перри моргнул несколько раз. Самообладание постепенно возвращалось. Пора прыгнуть, пора завязывать с этим дерьмом. Перри помотал головой и снова глянул в окно...

...Оттуда на него смотрел отец — худой, как скелет, с перекошенным улыбкой, изможденным лицом. Злым лицом. Перри хорошо помнил эту маску — отец начинал их с матерью избивать, когда она появлялась на его лице.

— *Что ты делаешь, парень?*

Перри моргнул, потряс головой, но отец никуда не делся.

— Папа?

— *Я тебе не папа, а ты мне не сын. Мой сын не сдался бы. А ты сдаешься, парень?*

Перри не знал, как ответить на вопрос. Папа умер. Это только галлюцинация.

— *То, что я умер, не значит, что мне за тебя не стыдно! Кусок дерьма... Разве твой папочка сдался, когда к нему пришел Капитан Рак?*

— Нет, сэр, — машинально ответил Перри. Этот ответ отец долго в него вколачивал.

— *Правильно, черт подери! Я боролся с ним до самого конца! А знаешь, почему, парень?*

Перри кивнул. Он знал, и ответ придал ему силы.

— Потому что ты Доуси, папа.

— *Да, потому что я Доуси. Я боролся, пока от меня не остался этот мешок костей, который ты видишь перед собой. Боролся. Я был сильным. И тебя учил быть сильным, хорошо учил. Кто ты, парень?*

Лицо Перри приняло упрямое выражение. Отчаяние ушло, осталась лишь решимость и злоба. Пусть он умрет, но умрет как мужчина.

— Я — Доуси.

Отражение отца оскалилось в улыбке.

Перри опустил шнур, и жалюзи, вновь скрыли его отражение.

Толстуха все еще кашляла и блевала. Треугольники глазели на него с ее ягодиц. Он не чувствовал к ней жалости. Как она могла лишь безвольно ждать, даже не пытаясь бороться?!

— Мир жесток, принцесса, — назидательно сказал Перри. — Выживает сильнейший.

Раз уж она сама не почесалась, чтобы помочь себе, Перри и подавно не станет ее спасать. Кроме того, ему хотелось посмотреть на вылупление. Невозможно одержать победу, не зная своего врага.

Толстуха сотрясалась в конвульсиях еще пять минут. Спазмы перевернули ее на спину. Что с ней? Запах, конечно, тот еще, однако он вряд ли мог вызвать эпилептический припадок. Что происходит?

Ответ напрашивался сам собой. Треугольники на животе начали подергиваться под дряблой кожей, словно у женщины были судороги. Но дрожь происходила не от ее мышц.

Треугольники двигались сами по себе.

68

ОНИ ВЫЛУПЛЯЮТСЯ!

Перри сидел на диване, не в силах отвести взгляда от агонии Толстухи.

ОНИ ВЫЛУПЛЯЮТСЯ, ОНИ ВЫЛУПЛЯЮТСЯ

Треугольники подрагивали у нее под кожей, сокращаясь все быстрее и быстрее. Конвульсии внезапно прекратились — Толстуха лежала на спине, выбросив вверх руки со скрюченными, как у скелета, пальцами. Лицо с широко открытыми глазами и оскаленными зубами

искажилось в беззвучном крике. Перри содрогнулся от вида невыносимой агонии.

Вероятно, он будет следующим.

Его затошнило, словно чья-то узловатая рука сжала и перекрутила кишки. Ничего страшнее таких мук он в жизни не видел. Толстуха извивалась от боли и ужаса, ее лицо перекосилось — она хотела кричать, но не могла набрать в легкие воздуха.

В разворачивающемся перед Перри фильме ужасов заключался намек и на его грядущую смерть, не менее отвратительную и не менее мучительную. В то же самое время он ощущал небывалую радость от того, что на его глазах происходит что-то величественное и прекрасное. Эйфория, экстаз заполняли разум; такого счастья не бывает ни от наркотиков, ни от самого лучшего секса. Чувства — чужие, не его — были так сильны, так ярки, что Перри уже не мог отделить их от своих собственных. Эмоции Треугольников затопили все его существо.

Перри подумал, что можно убить Толстуху — просто провести ножом по горлу, и ее страдания закончатся, — но не находил в себе сил встать и взять тесак. Он должен знать, что будет дальше. Толстуха все равно умрет. И разве рождение — это не счастье?

Женщину захлестнула волна новой боли, и она задергалась, будто на электрическом стуле, покачиваясь из стороны в сторону и не сводя глаз с какой-то, несомненно, очень интересной детали на беленом потолке. Она обмочилась. Перри наблюдал за ней с удивлением и отвращением.

Треугольники двигались все быстрее и быстрее. Их крупные головки натягивали мягкую кожу изнутри, четко прорисовывая свои очертания. Треугольники выросли. Их тела теперь напоминали усеченные пирамидки. Перри вспомнил, как раньше готовили попкорн

чился по ковру. Существо стояло на нетвердых ногах, щелкая громко и отчетливо.

Толстуха коротко вскрикнула, когда три твари вылупились из ее живота почти одновременно — выпрыгнули из нее, как чертики из табакерки, и полетели в разные концы комнаты. Один приземлился как раз рядом с Перри. Этому ему удалось разглядеть гораздо лучше. Измазанная гноем и кровью кожица казалась не синей, а крапчатой, прозрачно-черной. Перри видел внутри тельца странные органы. Один из них спазматически сокращался — наверное, сердце, — а вот о предназначении других кусочков плоти даже думать не хотелось. Оборванный хвост попал прямо на ногу Перри — он двигался, оставляя след из слизи и фиолетовой крови. Наверное, поэтому они так отчаянно вырывались из нее — им нужно было освободиться от хвоста, ненужной больше пуговины.

Треугольник попробовал встать, однако одна из ног супалец угодила между подушками. В Перри отчаянно боролись противоречивые чувства — стробоскоп вспыхивал с поразительной скоростью. Ему до боли хотелось раздавить тварь — и в то же время он едва справился с порывом нежно освободить его ножку и поставить на пол, чтобы новорожденный малыш сделал первый шаг, а Перри, как счастливый родитель, наблюдал бы с улыбкой за его трогательными движениями.

ПЕРЕВЕРНИ ЕЕ, ПЕРЕВЕРНИ

Приказ отвлек Перри от внутреннего конфликта.
— Не понял?

ПЕРЕВЕРНИ ЕЕ
ОНИ ВЫЛУПЛЯЮТСЯ

А, вот оно что! Они хотят, чтобы он перевернул Толстуху на живот, и те Треугольники, которые выросли у нее на ягодицах, могли вылупиться.

Толстуха уже не шевелилась. Ее глаза неподвижно таращились в потолок, на лице застыла гримаса ужаса. Гусеница сдохла. Наверное, все хозяева-носители умирают — и правильно, зачем оставлять экс-хозяина в живых, ведь он может убить слабенький молодняк. Как они ее прикончили? Каким-нибудь ядом? Или перегрузили мозг приказами?

Эта мысль поляризовала все чувства Перри. Теперь ненависть к Треугольникам существовала отдельно, а эйфория — отдельно. Радость и счастье — не его эмоции. Перри больше не хотел ощущать их.

ПЕРЕВЕРНИ ЕЕ
ЖИВО ПЕРЕВЕРНИ!!!!

И тут Перри понял, как они ее убили. Понял, почему она только извивалась и хныкала и ничего не делала, пока твари вылуплялись из тела. Они парализовали ее ментальным приказом.

Треугольники кричали так громко, что убили ее самым криком.

Перри вскочил с дивана и опустился на колени возле тела, поскользнувшись в дряни, которая залила ковер. Он двигался быстро, он не хотел, чтобы голоса снова закричали в его голове, потому что они могли заорать так громко, что его мозг вытек бы через уши.

ПЕРЕВЕРНИ, ОНИ ВЫЛУПЛЯЮТСЯ! ВЫЛУПЛЯЮТСЯ!

Перри уперся руками ей в плечо и подтолкнул, однако женщина не перевернулась, а только проехала по

скользкому от слизи ковра. Мертвый груз. Какой неуместный каламбур.

Комнату наполнило настойчивое щелканье. Кто-то щелкал быстрее, кто-то медленнее, и все — на разной высоте. Нетерпеливые голоса Треугольников в его голове набирали силу, скоро последует вопль — удар бича по спине зазевавшегося раба. Сила на их стороне.

Перри перегнулся через труп, упершись раненым коленом в плечо Толстухи, и медленно перевернул ее. Она шлепнулась на живот.

Треугольники на заднице не стали терять время. Дернувшись всего несколько раз, они вырвались на волю — некрофильский оргазм, ставший рождением. Один вылетел под углом и ударился о кухонный стол, прежде чем шлепнуться на пол. Другой описал в воздухе дугу и приземлился аккуратно в центр торшера, на раскаленную лампочку. Послышалось шипение, а потом тельце взорвалось, хлюпнув. Черная слизь растеклась изнутри по абажуру и закапала на пол.

«Спасибо, не придется возиться самому», — подумал Перри.

Хлынула волна гнева и разочарования — чужие чувства вновь вытесняли его собственную садистскую радость по поводу безвременной кончины новорожденного Треугольничка.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? ГДЕ ОН?
ПОЧЕМУ ОН НЕ ОТВЕЧАЕТ?

Перри вспомнил, что его Треугольникам ничего не видно — он ведь полностью одет. Они только ощутили, что одного собрата не стало.

Перри закатал рукав толстовки и поднес руку к лампе.

«Он упал на раскаленную лампочку и сгорел. Несчастный случай». — В собственном голосе слыша-

лась та же угодливость, с какой к нему обращалась Толстуха, угодливость, какая появлялась в тоне матери, когда она хотела избежать побоев.

Ответ, похоже, удовлетворил Треугольников. Они больше ничего не сказали. Щелканье замедлилось, а потом и вовсе прекратилось. Новорожденные Треугольники замерли на ковре, подогнув ноги-щупальца и прикрыв глаза, — похоже, заснули.

Странный запах паленой плоти Треугольника заполнил комнату, перекрывая вонь от гниющего плеча Перри, рвоты и других жидкостей, разлитых и разбрызганных по полу и стенам. Перри ощутил, что его Треугольники тоже заснули — постоянное бормотание их мыслей стихло.

Перри остался один на один с трупом Толстухи. Теперь к трем Треугольникам в его теле прибавилось еще пять вылупившихся существ. Сколько они проспят? И что будут делать, когда проснутся?

В мозгу роились десятки вопросов, но наверняка Перри знал только одно — он не такой, как эта слабачка. Если суждено умереть, он не станет покорно ожидать, когда три личинки разорвут его гниющее тело.

Если он умрет, то умрет стоя, сражаясь за каждую секунду своей жизни — как Доуси. Плечо болело, спина чесалась, а мозг лихорадочно работал, пытаясь придумать, как убить всех тварей за раз.

69

«ОБРАТНЫЙ КАДР»

Отмечая свой двадцать второй день рождения, Дью до поросячьего визга напился с тремя лучшими друзьями из взвода в маленьком баре в Сайгоне. В том баре были белые стены, под потолком горели рождественские

гирлянды, оживленно болтали работающие девушки. Вся эта идиллия превратилась в ад. Дью дополз до туалета, чтобы облегчиться, и услышал сквозь алкогольную муть глухой взрыв и несколько криков. Когда он вернулся в зал, весь хмель улетучился.

К белым стенам прилипли осколки костей, обрывки волос, ярко-красная кровь стекала ручейками — чудовищные, живущие своей жизнью пятна Роршаха¹. Кровь и обрывки плоти принадлежали его приятелям и семилетней смертнице, которая вошла в бар с самодельной взрывчаткой в ранце.

Это первое, что пришло Дью на ум, когда он поднялся в квартиру Перри Доуси. Столько крови — на стенах, на полу, на мебели. Пол в кухне казался не белым, как ему полагалось, а красно-коричневым. Даже на кухонном столе засохла кровь. В квартире кишмя кишели копы из Анн-Арбор, из полиции штата и люди окружного coronera Уоштиноу.

— Ничего себе картинка, а?

Дью бросил взгляд на Мэтта Митчелла, местного следователя по убийствам, который сопровождал его к месту преступления. Стекланный глаз Митчелла все время смотрел куда-то не туда. Вот и сейчас его губы искривила ухмылка. Казалось, он ждет, что Дью вот-вот блеванет от открывшегося зрелища.

Дью кивнул в сторону трупа.

— У этого диванного Иисуса имеется удостоверение личности?

---

¹ Пятна Роршаха, также тест Роршаха — визуализированный тест для исследования личности. Испытуемому предлагается дать интерпретацию десяти симметричных относительно вертикальной оси чернильных клякс. Каждая такая фигура служит стимулом для свободных ассоциаций — испытуемый должен назвать любые возникающие у него слово, образ или идею.

— Диванного Иисуса? — Митчелл покосился на тело, улыбнулся и снова перевел взгляд на Дью. — Смешная шутка, нечего сказать!

— Спасибо, у меня таких миллион.

Митчелл заглянул в маленький блокнотик.

— Уильям Миллер. Коллега Доуси и, очевидно, его друг — они вместе учились в колледже.

— И все это море крови вылилось из одного несчастного?

Митчелл бросил на Дью еще один удивленный взгляд — на сей раз с оттенком уважения.

— Вы очень наблюдательны, агент Филлипс. Немногие обратили бы на это внимание. Приходилось видеть что-то подобное?

— Раз или два.

— Мы собираем все образцы крови. В ванной и спальне есть еще. Я и так могу сказать, что это не из одного человека. Вы попали в точку.

Митчелл прошел в кухню, стараясь не мешать группе судмедэкспертов, которые собирали образцы.

— Думаю, есть еще жертва, которую мы пока не видели, — сказал он.

— Другая жертва? Вы полагаете, Доуси забрал кого-то с собой?

Митчелл обвел рукой квартиру:

— А как иначе вы это объясните?

— Кровь самого Доуси?

Митчелл рассмеялся.

— Точно, кровь самого убийцы. Хотел бы я посмотреть на того быка, который потерял бы столько крови и еще брыкался.

— Что-нибудь интересное нашли?

Митчелл кивнул и указал на стойку в кухне. В пакете для улик лежала измятая карта.

— Может, нашли, а может, и нет. Эта карта валялась там. На ней несколько свежих кровавых отпечатков, значит, он не так давно в нее заглядывал. Ваджамега обведена кружком.

— Это город, что ли? — Дью взял пакет в руки. Кровь от отпечатков пальцев еще пачкала пластик. На карте кто-то неразборчиво нацарапал слова: «Вот то самое место».

— Да. Часа полтора езды отсюда.

— Вы предупредили полицию Ваджамеги, чтобы держали ухо востро?

— У них нет полиции — городок слишком маленький, но мы известили офис шерифа округа Тускола. В штате все копы уже стоят на ушах.

Дью кивнул. Может, это что-то значит, а может, и нет, правильно Митчелл сказал. Дью наклонился к карте. Не нужно быть гением, чтобы догадаться: Доуси неспроста обвел Ваджамегу. Судя по карте, в том районе не особенно плотная инфраструктура. Похоже, там повсюду деревья.

Деревья.

Густые леса.

Нужно поскорее выметаться из квартиры и звонить Мюррею. Пусть его ребята возьмутся следить через спутник не за Анн-Арбор, а за Ваджамегой.

Боб Циммер в одеянии из коричневого полиэстера пробирался через битком набитую квартирку. Он ловко обогнул фотографа и остановился перед Дью и Митчеллом.

— Час от часу не легче, Филлипс, — начал Циммер. — Я только что поговорил с начальством. Еще раз. ФБР сообщило, что Доуси и тот вьетнамец действовали сообща — они нашли какие-то электронные письма.

Служба безопасности объявила, что ситуация критическая. Доуси знает про бомбу.

Дью кивнул:

— Я говорил, что в убийствах замешан кто-то еще. Мы полагаем, это Доуси.

— Сложно поверить, что у нас под носом действовала ячейка террористов. Почему никто не соизволил снять телефонную трубку и известить нас, что в городе террористы? — Во взгляде Циммера сквозило сомнение, но Дью знал, что на его содействие можно рассчитывать. Боб Циммер не станет рисковать безопасностью города.

— Нгуен был, что называется, в спячке, — пояснил Дью. — Просто еще один студент-иностранец. Они сидят тихо до поры до времени, а потом — бабах!.. Каким-то образом ему или его товарищам удалось завербовать Доуси.

— А какого черта «белый воротничок» связался с террористами? — спросил Митчелл.

— Мы пока не знаем, — ответил Дью. — Может, имел претензии к миру по поводу того, что приходилось вкалывать в офисе, а не загребать миллионы в НФЛ. Точно мы не знаем, да это и не важно. Возможно, Доуси известно что-то о бомбе, а мы не знаем о ней ничего. Он нам нужен, притом как можно скорее.

— Вот что я скажу, — начал Циммер. — Мне все это очень не нравится. Девять человек погибли, один из убийц на свободе, и где-то затаилась чертова бомба. Не могу отделаться от мысли, что ничего не произошло бы, сообщи вы вовремя, что следите за вьетнамцем!

— Мы отслеживали его связи. Мы рисковали и проиграли. Главное, чтобы больше никто не пострадал, Боб. Если хочешь спасти не один десяток жизней, доведи

до сведения своих людей, с чем придется иметь дело. А теперь извини, мне нужно сделать пару звонков.

Дью вышел из залитой кровью квартиры, а за его спиной Боб Циммер скрежетал зубами от досады и разочарования.

70

ДОРОГОЙ ПАПОЧКА

В плече пульсировала глубокая, тянущая боль, отдавалась в заднице. Он загнивал изнутри, и дело принимало серьезный оборот.

Перри не представлял, сколько осталось до вылупления его собственных Треугольников. Те места, где они до сих пор сидели — середина спины, между лопатками, левое предплечье, левое яичко, — перестали болеть и чесаться. В мозгу слабо вспыхнула надежда, что они погибли, тихо умерли во сне, как любимый дедушка.

Черта с два!

Лучше бы все болело и чесалось. Места, где жили Треугольники, теперь просто онемели. Совершенно. Мелькнула мысль: «Местный наркоз». Неужели они наносят такой серьезный вред организму, что боль вывела бы его из строя? И поэтому снимают боль? Чтобы он и дальше выполнял свои важнейшие функции — кормил их и берег от Военных?

Перри передернуло. Он вспомнил черные щупальца, которые извивались под кожей Толстухи. Казалось, она не испытывала боли. Может, она ощущала такое же онемение? Возможно, анестезия длилась несколько дней. Самое ужасное, что он ни черта не знает об их «расписании».

Его дремлющие Треугольники скоро проснутся. Сколько времени пройдет, прежде чем они заорут в его голове? Когда он услышит песню смерти?

Нельзя позволить себе такой роскоши, как просто ждать. Нужно исходить из того, что, когда они проснутся, шансов от них избавиться не будет. Да еще вокруг дома рыщут легавые, и рано или поздно они его все равно найдут. Скоро начнет светать. Бежать при свете не удастся. Может, у них «жучки» в каждой квартире и они исправно исполняют обязанности Большого Брата? И уже подключились спутники-шпионы, рентгеновские лучи просвечивают стены, ищут его...

— Не знаю, пап, слышишь ли ты меня... одно понимаю: ты прав, — тихо, но решительно проговорил Перри. — Либо я сдамся, как дерьмо, либо выберусь из этой передрыги. Пора показать им, кто тут на самом деле главный. Показать им всем!

71

ДЕШЕВЫЙ КАЙФ

Планировка ванной оказалась точь-в-точь как у него в квартирке, но на этом сходство заканчивалось. Толстуха отделала все в пастельных тонах и тщательно подобрала каждую деталь — даже бледно-желтые полотенца превосходно сочетались по тону и стилю с фарфоровой мыльницей. Все поверхности сверкали чистотой.

Перри нашел в аптечке тайленол и проглотил сразу шесть таблеток. Все встало на свои места.

Иногда Треугольники действовали совсем непонятно: они не отдавали механическими голосами приказов, но Перри начинал ощущать их эмоции. В такие моменты они разговаривали с ним напевно и мелодично, и этот речитатив казался почти глупым в сравнении с их обычной деловитой, механической речью.

Они вели себя так, когда он принимал тайленол. Нет, глупый — не то слово. Обдолбанный. Тайленол каким-то образом вводил их в состояние наркотического опьянения. Перри наконец-то нашел оружие, которое поможет в последней битве.

Он улыбнулся.

— Мальчики, приготовьтесь, сейчас накроет, — объявил он и проглотил еще шесть таблеток. — Хороший приход вам не повредит...

Сложились последние кусочки во всей этой головоломке: Треугольники, вылупившийся молодняк, легавые... все. Перри им всем покажет, кто тут настоящий мужик. Точно покажет.

Есть план, деточки, отличный план, который выведет на чистую воду тупых и ничего не подозревающих врагов.

Ох, и жарко же будет сегодня в городке... Не стоит шутить с Доуси!

Перри тихонько проскакал в гостиную. Треугольники все еще спали, и редкие щелчки чертили пунктиром в тишине квартиры.

Перри напевал себе под нос известную мелодию, и в голове его звучали слова песенки.

«Burn, burn, yes ya gonna burn»¹.

72

РОТНЫЙ

От усталости у Дью все плыло перед глазами. Он стянул кожаные перчатки и протер глаза — холод тут же цепко облепил пальцы. Изо рта валил пар. Дью снова

¹ Строка из песни группы Rage Against the Machine. Примерный перевод: «Сгоришь, сгоришь, да, ты сгоришь в огне».

надел перчатки и сосредоточил внимание на засыпанных снегом дорожках жилого комплекса.

За всю проклятую ночь полицейские ничего не нашли. Психопат-гигант, чье имя гремело на всю Америку, до сих пор на свободе и угрозу представляет не меньшую, чем катящаяся по земле мина, которая вот-вот во что-нибудь воткнется и что-нибудь взорвет. Из Ваджамеги — тоже ни слова. Мюррей направил туда нескольких агентов. Дополнительные патрули курсировали по территории, все местные силы были подняты по тревоге, служба национальной безопасности проверяла все звонки в городе, все ходы и выходы. К тому же лицо Перри мелькало на каждом телеэкране в районе Великих озер, так что маловероятно, что ему удалось проскользнуть в Ваджамегу незамеченным. Люди насторожились. По крайней мере, в районе Великих Озер охота на Перри Доуси приобрела масштабы погони за О. Джеем Симпсоном¹. Еще один футболист-убийца в бегах.

Убийство произошло часов семь назад. Если Доуси бежал, то может быть уже в Индиане, в Чикаго, в Форт-Уэйне или на главной магистрали Огайо, по пути к Восточному побережью. Но Дью знал, что Доуси далеко не ушел. Пусть люди думают, что хотят; пусть запомнят описание преступника и глядят в оба. Доуси мог всех удивить, и, если уж он куда-то направляется, это совсем недалеко отсюда.

Машина Доуси мирно стояла под засыпанным снегом навесом. За два дня в Анн-Арбор не зарегистриро-

---

¹Орентал Джеймс «О. Джей» Сімпсон — известный игрок в американский футбол и актер. Подозревался в убийстве жены и ее друга. В итоге признан «ответственным за смерть» этих людей и приговорен к выплате штрафа в 33,5 млн долл. В 2008 г. осужден за ограбление и похищение людей, а также в организации преступного сообщества на 33 года тюремного заключения.

вано ни одного угона — ни машины, ни мотоцикла, ни даже мопеда. Значит, вряд ли он куда-то *поехал*. Кроме того, похоже, с его правой ногой что-то не так. Брайан Вандерпайн, тот коп, который обнаружил убийство, первым обратил внимание на кровавые следы в коридоре. Всю квартиру залили кровью, однако Вандерпайн обнаружил отпечатки только левого ботинка. Следов от костыля не нашли, и поэтому Вандерпайн выдвинул гипотезу, что Доуси передвигается прыжками — на одной ноге.

Итак, что мы имеем? Мужчина, причем мужчина огромного роста, без автомобиля или другого средства передвижения, совершает непредумышленное убийство, в спешке спасается бегством, не имея времени что-то обдумывать и планировать и не вызывая такси (они проверили, пассажиров в районе Уиндивуда в тот день никто не брал). Ко всему прочему, он еще и скачет на одной ноге. Заметная деталь, ведь кто угодно обратит внимание на здорового мужика, передвигающегося столь необычным образом. Тем не менее, несмотря на большую скорость распространения информации, сообщений об интересующем персонаже не поступало.

Все это натолкнуло Дью на мысль, что Доуси, возможно, вовсе и не покидал жилого комплекса. Все считали, что его и след простыл, но ведь они исходят из ложных сведений о связи Доуси с террористами, которые могли помочь ему бежать.

Армия полицейских проверила каждую квартиру в блоке В, значит, там его точно нет. Куда он мог деться? В комплексе семнадцать жилых зданий, в каждом по двенадцать квартир, по четыре на этаже. Полицейские постучались в каждую квартиру, спрашивая, не видел ли кто-нибудь чего подозрительного. Никто не

видел и не слышал. Но не во всех квартирах им отвечали. Кто-то из жильцов ушел на работу, кто-то просто съехал. Времени на то, чтобы проверить каждого жильца и узнать, должен ли он быть дома, не хватило. Следов насильственного проникновения в жилище тоже не обнаружено.

Впрочем, это еще не значит, что Доуси не засел в одной из квартир. Может, он взял заложника. Может, вынудил жильца говорить, что все в порядке.

Дью доверился инстинкту.

Если у Доуси ноги в крови, значит, кровь должна быть еще где-то на теле. К его машине вели отчетливые кровавые отпечатки ботинок, но каждый след бледнел по сравнению с предыдущим, а возле автомобиля они и вовсе исчезли. Раненый человек, быстро передвигающийся скачками на одной ноге... он наверняка падал, и если падал, то на снегу должны остаться другие следы крови.

Дью еще раз обошел вокруг блока В. Ничего. Еще один круг. Пристально вглядываясь в снег, вернулся к машине Доуси. Примятый снег перед капотом свидетельствовал, что не так давно здесь кто-то стоял. Возможно, сам Доуси.

Все следы перед машиной — от левого ботинка. Дью не сразу разглядел это, а когда разглядел — деталь буквально въелась ему в мозг. Доуси, гигант с искалеченной ногой, стоял здесь. Черт, он наверняка видел, как Вандерпайн входит в его дом!

Дью присел на корточки перед выдавшим виды, тронутым ржавчиной «Фордом». Замерзшие колени задрожали. Ведущий специалист ЦРУ страдает артритом, подумал он. В кино показывают не все.

Дью посмотрел на дверь блока В и ощутил сильнейший выплеск адреналина: Доуси стоял в этом самом

месте. Он видел, как двое копов входят в двери его дома, видел, как за ними захлопнулась дверь... И что потом?

Дью огляделся, стараясь представить, как рассматривал обстановку инфицированный человек. Слева — Уоштиноу-авеню, главная дорога между престижным Анн-Арбором и рабочей окраиной Ипсиланти. Она в любое время дня и ночи кишит машинами, двигающимися со скоростью тридцать пять миль в час. Если бы Доуси отправился туда, кто-то наверняка обратил бы внимание на мужчину, скачущего на одной ноге.

Слишком много шума, слишком много народу. Дью посмотрел вправо. Там — жилой комплекс. Квартиры. До черта собачьего квартир. Почти нет машин, занавески и жалюзи, никто не смотрит из закрытых окон. То, что нужно — тихо, полным-полно укромных уголков, кустов. Полицейские прочесали каждый кустик — и не нашли ничего, ни отпечатка ноги, ни сломанной ветки.

Но на дворе зима. Зачем прятаться в заснеженных кустах, если можно укрыться в уютной теплой квартирке? Доуси, должно быть, рассматривал ситуацию именно так. Он только что совершил зверское убийство, а двое полицейских уже вошли в его подъезд. Дью напомнил себе о жестокой паранойе, присущей всем жертвам. Доуси видел копов, знал, что они пришли за ним, что вот-вот обнаружат тело. Он хотел где-то спрятаться, и спрятаться как можно быстрее.

Дью застонал, разгибая колени, которым вовсе не нравилось такое обращение, и зашагал к блоку G. Хотя сердце гнало кровь по жилам со скоростью высокооктанового двигателя, он шел нарочито медленно, пристально осматривая каждый сантиметр дорожки.

**BURN. BURN.
YES YA GONNA BURN**

Тот, который на спине, наверное, засел крепче всего. В баре у Толстухи Перри обнаружил зажигалку, две бутылки вина, три бутылки «Бакарди 151» и немного «Джека Дэниелса». Он уже успел опустошить бутылку, в голове помутнело, но пока несильно. Перри рассчитывал, что через какое-то время действие алкоголя усилится.

Осталось три Треугольника — на спине, на левом предплечье и на яйцах.

Для того что он задумал, придется хорошенько набраться.

Другого пути уничтожить Треугольники не оставалось. Перри рисковал сильнее, чем прежде. Треугольник на предплечье расположился вплотную к артерии. Другой — на спине прямо над позвоночником; возможно, шипастый хвост обвил позвонки. Вытаскивая его, Перри может повредить или даже сломать позвоночник. А тот, что в кошонке, о котором Перри умудрялся не думать несколько дней... Ладно, сначала надо хорошенько напиться.

Перри не рассчитывал вытащить всех — он собирался убить их прямо там, где они угнездились. Они начнут гнить, но если план сработает, он позвонит 911, и его заберут на «Скорой». Пусть врачи потом разбираются. Военные хотели уничтожить его, чтобы помешать Треугольникам вылупиться. Может, если не останется никаких Треугольников, за ним больше не будут охотиться. Возможно, его убьют, а возможно, оставят в живых, чтобы допросить и исследовать. Даже если его посадят

в тюрьму и станут копать в мозгу с помощью тех секретных машин, которые читают мысли, он будет жить.

А самое главное, он убьет долбанных Треугольников! И тогда, даже если военные все равно прикончат его, никто не усомнится, что он умер, как подобает Доуси. Он не сдохнет как человеческий инкубатор. Не даст тварям победить.

Болезненная дрожь охватила мышцы. В суставах отдавался глухой ритм барабанов. Гниль. Гниет плечо и задница. Перри может сразиться с Треугольниками, но что делать с черной слизью, которая попала ему в кровь?

Пора кончать с этим.

Спящие «малыши» наполняли квартиру щелчками и хлопками. Из квартиры снизу приглушенно доносилась тихая музыка. Тишина стояла и в голове Перри — ни слова от Треугольников.

Перри сунул зажигалку в нагрудный карман, сгреб в охапку выпивку и подставку с ножами и ножницами для кур и неуклюже запрыгал в ванную.

Burn, burn, yes ya gonna burn.

74

ФЭБЭЭРОВЕЦ

Дью опустился на колени, не сводя глаз с пятнышка на снегу. Сначала он подумал, что ему привиделось — плод усталого мозга и усталого зрения. Остановившись и взглянув повнимательнее, он понял, что пятно настоящее.

Крохотная полоска темно-розового цвета на покрытом тонким слоем снега тротуаре. Длинной в сантиметр,

шириной миллиметра три. Мелкий снежок уже припорошил ее.

Доуси упал прямо здесь. Дью оглянулся на его машину. Если провести прямую линию от ржавого «Форда» через кровавое пятнышко, то она укажет прямо на дверь блока G.

Дью встал и пошел к двери. Гулко бухало в ушах. Он пристально рассматривал землю в поисках другого пятнышка — просто на всякий случай.

Сонливость испарилась — возможно, от охотничьего азарта, возможно, под действием инстинкта самосохранения.

Момент истины.

Первое реальное действие с той минуты, как Мартин Брубейкер, зараженный псих, убил его напарника. Брубейкер не был спортсменом, не отличался крупными габаритами, но он подтвердил то, что Дью знал лет с восемнадцати: убийца не тот, кто силен, быстр и хорошо обучен; убийца — тот, кто первым спустит курок, нападёт, пока другой еще не готов, кто жаждет перегрызть другому глотку. Наросты превратили Мартина Брубейкера именно в такого человека. У Доуси прижились те же наросты — и плюс к тому он спортсмен, он огромен, жесток и беспощаден от природы.

Дью посетило ощущение дежавю, будто он снова входит в дом Мартина Брубейкера, шагает по коридору, за мгновение до того, как этот псих подожжет дом и воткнет тесак в кишки Малколма. В голове вертелась старенькая песня Синатры.

I've got you... under my skin¹.

¹ Здесь игра смыслов. Идиоматический перевод данной фразы — «Ты меня заморозила»; буквально же она звучит как «Ты у меня под кожей».

«БАКАРДИ 151»

Перри захлопнул за собой дверь ванной и расставил свои сокровища на стойке и у раковины.

Бутылка «Джек Дэниелс»: есть.

Две бутылки «Бакарди 151»: на месте.

Набор ножей и ножницы для разделки кур: есть.

Зажигалка: на месте.

Полотенца: есть.

Навалилась слабость. Перри открыл кран и повернул затычку: пусть ванна наполняется холодной водой.

Он разделся до носков, взял самое большое полотенце, скрутил его в жгут и полил «Бакарди». Жидкость мгновенно впиталась в махровую ткань. По ванной расползался резкий запах спиртного. Перри перебросил полотенце через спину. От прикосновения холодного мокрого пятна по спине побежали мурашки. Он поправил полотенце таким образом, чтобы пятно как раз накрывало собой Треугольник. Один конец полотенца обвивал его левое плечо, другой уходил под правую руку. Перри связал концы — получилось что-то вроде бандитской перевязи.

«Си, сеньор. Эль Ужасный Перри — пла-ахой челофек».

Содержимым из бутылки с «Бакарди» он смочил конец маленького полотенца и положил на крышку унитаза. Завершив последние приготовления, приложился к бутылке «Джека Дэниелса» и сделал залпом четыре больших глотка.

Перри сел на край ванны. От холодного фаянса новой волной по телу побежали мурашки. В левой руке он держал нож и зажигалку, в правой — пропитанное алкоголем полотенце.

Пора.

Burn, burn, yes ya gonna burn.

Зажигалка щелкнула. Крохотный язычок пламени дрожал.

Yes, ya gonna burn.

76

ОН ПРИБЛИЖАЕТСЯ

За спиной Дью закрылась парадная дверь блока G. Его немного трясло, но не от зимнего холода. Как и во всех блоках жилого комплекса, в блоке G двенадцать квартир, по четыре на каждом из трех этажей.

Перри Доуси, одноногий убийца, затаился в одной из двенадцати квартир.

Дью вытащил из кармана блокнот и начал листать странички, ежесекундно поглядывая в коридор. Вот-вот, лихо скача на одной ноге, откуда-нибудь появится псих-великан, готовый с радостью повторить Распятие Билла Миллера.

Дью просмотрел записи, сделанные копами. Двое из полиции штата проверили здание G. В квартирах 104 и 202 никто не ответил. Дью сунул блокнот обратно в карман, коснулся рукой пистолета, просто чтобы убедиться, что оружие на месте. Если догадка подтвердится, ему выпадет шанс убить Доуси, не привлекая внимания прессы и местных властей.

Идти одному — опасно и глупо. Не исключено, что Доуси взял заложника. Если сейчас приедут отряды быстрого реагирования и Доуси их заметит, он может вытащить заложника на открытое пространство, где вмещаются копы, а это только усложнит дело.

Дью взял большой мобильник и набрал номер. Раздался только один гудок — его звонка ждали.

— Отто слушает.

— Всем приготовиться, — прошептал Дью. — Я в блоке G. Не приближайтесь, повторяю, не приближайтесь, пока я не подам сигнал. Буду на связи. Если соединение прервется, немедленно ко мне. Ясно?

— Да, сэр. Со мной Маргарет и Эймос. Они готовы.

Дью вытащил пистолет. По венам разлился адреналин. Сердце билось очень быстро, слишком быстро. А не хватит ли его удар раньше, чем он покончит с Доуси?

77

ДОГАДКИ

Человек, который проектировал биокостюмы, видимо, совершенно забыл о таком понятии, как комфорт. Маргарет Монтойя вместе с Эймосом и Кларенсом Отто сидела в сером фургончике номер два. Ее спутники тоже наслаждались прелестями биокостюмов. Оставалось только надеть шлемы, загерметизировать оболочку — и они готовы к бою с бактериями, вирусами и ядовитыми газами, которые мог распространять Перри Доуси.

Только Маргарет чувствовала, что это никакие не вирусы и не бактерии. Что-то совершенно иное... Новое. Она никак не могла понять, что именно, но мысль витала где-то рядом и сводила с ума.

— Это не природный организм, иначе мы бы его обнаружили.

Эймос вздохнул и потер глаза.

— Маргарет, мы уже это обсуждали. Причем не один раз.

Он был раздражен, что неудивительно — у нее рот не закрывался часами. Любопытство ученого... Ответ здесь, рядом, нужно только суметь ухватить его.

— Мы не знаем наверняка, что такие объекты раньше не встречались, — сказал Эймс. — Отсутствие записей еще не означает, что *это* не было обнаружено.

— Согласна, если бы мы имели дело с обычным заболеванием. Все болезни в чем-то похожи друг на друга. Но здесь совсем другое: у людей под кожей заводятся Треугольники. Что-то осталось бы. Миф, легенда...

— Ясно, ты считаешь, что это искусственное явление, — кивнул Отто. — Ты согласна с Мюрреем? Что это оружие?

— Ничего не могу сказать насчет оружия, но речь не о природном объекте. Кто-то его все-таки создал.

— Ага, опередив наши биотехнологии на десятки лет, — добавил Эймс. — Это тебе не два вируса совместить. Речь идет о создании принципиально нового вида, о генной инженерии, о которой люди пока и мечтать не могут. Идеальное совмещение их систем с человеческим организмом. Нашим ученым потребовались бы годы экспериментов.

— А если они созданы не для того, чтобы строить нервы и сосуды?

— Разумеется, для этого они и созданы, — ответил Эймс. — А как иначе?

Маргарет ощутила вспышку волнения, проблеск какого-то осознания. Вот, вот оно...

— Да, они строят нервы и венозные сифоны, но мы не можем говорить, что они именно для этого созданы.

Отто покачал головой.

— Чего-то я не догоняю.

— Светокопии, отпечатки, — пояснила Маргарет. — Что, если семена, или споры, или с чего там начинается

их развитие, созданы для чтения светокопий как инструкций в наших ДНК?

На лице Эймаса смешались два выражения: «Я об этом не подумал» и «Да, деточка, совсем у тебя крыша поехала».

— Продолжай.

— Что, если эти штуки считывают информацию из организма? Вычисляют, как внедриться и вырасти в нем?

— Тогда им не обязательно нужны люди, — заметил Отто. — Почему у животных мы такого не видели?

— Мы не знаем, может, животные тоже были заражены, — ответила Маргарет. — Хотя, возможно, дело не в чистой биологии, а в чем-то еще... Допустим, в интеллекте?

Эймас покачал головой.

— Зачем им интеллект? Это все только догадки, и если не учитывать, что ты просто больная на голову, кто способен создать подобный организм?

Для Маргарет все вставало на свои места.

— Не организм. Мне кажется, это своего рода машины.

Эймас закрыл глаза, покачал головой, потер переносицу — и все это одновременно.

— Маргарет, когда тебя заберут в психушку, можно я займу твой кабинет?

— Эймас, я серьезно! Подумай сам. Что, если бы тебе нужно было преодолеть огромное расстояние, настолько большое, что живой организм просто не перенес бы пути?

— Больше, чем путь на Гавайи в одном самолете с моей тещей?

— Да, намного больше.

Отто наклонился вперед.

— Ты имеешь в виду космический перелет?

Маргарет пожала плечами.

— Возможно. Возможно, нельзя послать живой организм на расстояние, которое лежит между пунктом А и пунктом В. А машину — можно. Неживой механизм, который не потребляет ресурсов, без биологических процессов... ну, короче, мертвый.

— До тех пор, пока не будет запущен. Пока не включится, не вылупится и так далее.... — продолжил Эймс.

— Идеальная пехота, — сказал Отто. — Армия, которую не нужно кормить, поить, одевать, обувать и обучать. Ты просто производишь их, отправляешь в полет, а когда они приземлятся, то сами себя сконструируют и овладеют интеллектом местного носителя.

Эймс и Маргарет во все глаза смотрели на Отто.

— Ладно, дорогие мои друзья, съехавший с катушек ученый и наивный шпион, обсмотревшийся фантастических боевиков, предположим, что это действительно оружие. Что оно дает вам? — спросил Эймс. — Допустим, вы посылаете эти штуки через всю Вселенную — конечно, с небольшой остановкой на перекус на Вулкане. Но зачем?

— Есть две причины, — сказал Отто. — Первая — разведка. Сбор информации об окружающей среде, живых организмах, потенциальных врагах. Может, поэтому животных они и не трогают... — Его голос сорвался. Он не мог закончить мысль.

— Потому что если они умеют считывать ДНК, то могут считывать и память, — договорила за него Маргарет. — Им нужен культурный контекст, чтобы знать, что им грозит, как им могут помешать.

Агент Кларенс Отто с восторгом посмотрел на нее и кивнул. Его улыбка легко могла отвлечь Маргарет, и она невольно улыбнулась в ответ.

— Почему бы вам двоим просто не потрахаться, чтобы покончить с этим? — поинтересовался Эймос. — Если отставить ваши шуры-муры, то я все еще не верю в предложенную версию. Ваши идеи ничего не проясняют. Фантазерка Маргарет считает, что паразиты здесь потому, что Альф¹ не может добраться до нас сам. Так зачем эти маленькие машинки собирают информацию?

— Разведка — это первая причина, — сказал Отто. — Вторая — использовать полученные сведения для создания плацдарма. Установить контроль над обороноспособной территорией, чтобы подкреплению было, где высадиться.

В фургончике на несколько секунд воцарилась тишина. Воздух наполнился страхом. В конце концов заговорил Эймос, и саркастический тон не мог вполне замаскировать ужас в его словах:

— Отто, будь добр, окажи услугу. Ты мне очень нравишься в роли бессловесного агента ЦРУ... Как насчет того, чтобы предоставить нам решение научных вопросов? А тебе — просто заткнуться?

Отто кивнул и откинулся на сиденье.

Они молча ждали.

78

ПРЕВОСХОДНАЯ ГОРЯЧАЯ ВАННА

От дрожащего огонька пропитанное спиртным полотенце мгновенно вспыхнуло, обжигая кожу. Пламя достигло мокрого пятна, и мощная вспышка в один миг подожарила тонкий слой плоти над Треугольником. Язы-

---

¹ Инопланетянин, герой популярного комедийного телесериала «Альф» (англ. «A.L.F.» — Alien Life Form), США, 1986 г.

ки огня добрались до волос Перри, и те с треском сгорели. Ванную наполнял запах алкоголя, жженой плоти и паленого волоса.

Боль от ожога распространялась по спине по мере того, как пламя пожирало полотенце. Перри начал подниматься на ноги — все его инстинкты вопили: «ШЕВЕЛИСЬ, БЕГИ, ОСТАНОВИ!!!» Кожа пошла волдырями — Перри коротко вскрикнул, но заставил себя снова опуститься на край ванны. Переложил нож из левой руки в правую.

В его рычании смешались боль, ярость и вызов. Перри вонзил нож в левое предплечье — прямо в закрытые глаза Треугольника. Он знал, что проколол его насквозь, потому что нож вошел в его собственное мясо с другой стороны от инородного тела. Хлынули красная кровь и фиолетовая жижа, отчего нож едва не выскользнул из руки. С утробным ревом и ухмылкой безумного удовлетворения Перри вновь и вновь втыкал нож в руку, будто колол лед в вазочке.

Спина продолжала гореть.

С искаженным от боли лицом Перри рухнул в ванну.

Холодная вода приняла его с легким шипением. Огонь потух, но ощущение жжения осталось. Перри корчился в агонии, и одновременно его волнами захлестывала радость.

— Как вам это понравится? А? Как, мать вашу, хорошо?!

Из развороченной руки хлестала кровь. Вода в ванне стала похожа на разбавленный вишневым сок.

— И это еще не все, ребятки! Уж не сомневайтесь, у меня кое-что припасено для вас!

Правой рукой Перри стиснул левое предплечье. Он метался в тесной ванне, на его лице застыла оскаленная маска страдания.

КВАРТИРА 104

Дью, не обращая внимания на боль в коленях, присел на корточки у двери в квартиру G-104. Толстые пальцы орудовали отмычками с изяществом балерины, делающей пируэт посреди сцены.

Замок тихонечко щелкнул, и Дью аккуратно отодвинул язычок, встал, вытащил пистолет и глубоко вдохнул.

«Они заплатят, Малколм».

Он открыл дверь и проскользнул в совершенно пустую гостиную. Быстро проверил остальные комнаты — ни мебели, ни беглеца, пусто. Дью выбежал в коридор — к следующей квартире.

НОЖНИЦЫ ДЛЯ РАЗДЕЛКИ КУР

Перри, пошатываясь, выбрался из ванной. Схватив чистое полотенце, свернул бабушкин узел и, с трудом подавив крик, затянул его на искалеченной руке.

Было очень больно, но он терпел. Почему? Потому что главное — *дисциплина*. Кровь из руки текла, как из забитого поросенка. Полотенце быстро пропиталось ярко-красной жидкостью — возможно, Перри повредил артерию. Впрочем, это не особенно его беспокоило, потому что все три глаза Треугольника он проткнул насквозь. Из пореза свешивалось тонкое скользкое щупальце.

Неважно. Через пять минут он будет в карете «Скорой помощи».

Перри перехватил концы полотенца, стиснул зубы и затянул жгут еще сильнее. Новая волна боли ударила в руку, но он сдержал крик.

Треугольники проснулись.

Нет, не Треугольники, *Треугольник*.

Треугольник на спине сдох, сгорел. Тот, что прижился на руке, — рассечен на части.

А значит, остается только одно.

СТОЙ СТОЙ НЕ НАДО
УБЛЮЮЮК МММУДАК

Голос в голове звучал слабо и тоненько. Многих слов Перри вообще не разбирал.

— Не надо было с Доуси шутки шутить, слышишь, тварь?! Понимаешь теперь? Или нет?

Перри наклонился вперед и оперся о раковину.

ГАД УБЛЮДОК СТОП СТО ПОМОГ...

— Никто тебе не поможет, — сказал Перри. — Теперь ты знаешь, каково это.

Разделочный набор стоял у раковины.

Дверь в ванную комнату угрожающе загрохотала. В щель под ней просовывались щупальца, они извивались, будто обезумевшие черные змеи. Не веря глазам, Перри сквозь туман боли взирал, как поворачивается дверная ручка.

Он бросился к двери как раз в тот момент, когда она начала открываться, и захлопнул ее плечом. Запер дверь и отступил на шаг. Упругие черные щупальца продолжали лезть из-под двери.

Он слышал щелканье и хлопки. Более того, в его голове звучали женские голоса; звучали не так громко,

как мольбы собственного Треугольника, но все-таки достаточно отчетливо. Отчаянно и зло.

На Перри лился поток слов. Он с трудом ухватывал отдельные фразы — то же самое чувствуешь, пытаясь в метель проследить за движением одной-единственной снежинки.

СТОП! НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО!
ГРЕШНИК! ТЫ СГОРИШЬ В АДУ!
НЕ УБИВАЙ ЕГО, НЕ УБИВАЙ ЕГО!

Щупальца дергали дверь, сотрясая ее, но открыть им сил не хватало.

Перри обернулся к раковине, заставив себя не обращать внимания на умоляющие голоса. Им сюда не пробраться, а у него осталось незаконченное дело.

Разделочный набор.

Ножницы для разделки кур.

Перри покачал головой. Нет, пусть этим займутся доктора, пусть сами все вычистят!

Край раковины располагался на уровне пояса. Перри потянулся к мошонке, чтобы подтянуть ее вверх и положить на стойку, но когда пальцы коснулись ее, он инстинктивно отдернул руку, как будто случайно схватил гремучую змею.

Ощущения получились странные: мошонка не мягкая и податливая, а плотная, покрытая коркой, раздувшаяся, с инородными буграми.

СТТТТОЙ СТОП СТОООО
ТЫ НЕ МОЕЕЕЕЕШЬ
НЕТ НЕТ НЕЕ

Голос Треугольника отчаянно дрожал — то ли потому, что он последний в его теле, то ли потому, что

в крови еще достаточно тайленола, то ли и то, и другое вместе. Да и не важно. Перри вновь протянул руку вниз, готовый ощутить эту дрянь, и положил мошонку на край мойки.

Ничего страшнее он в жизни не видел.

По щекам покатались слезы. Раз или два во время самоистязаний из глаз его начинали литься слезы, но на сей раз слезы были другими. Перри плакал от разочарования и страха, как мужчина, который потерял все.

Ни один доктор в мире ему не поможет.

На этот Треугольник Перри не смотрел несколько дней — с тех пор как вытащил маленькую белую штуку из бедра. И яйца с тех пор не проверял. Ни разу. Если бы он это сделал, если бы *увидел*, то, возможно, вообще не стал бы бороться.

Треугольник разросся до невероятных размеров. Под кожей он казался почти черным. Его голова вздымалась, как маленькая пирамида. Большая часть волос на лобке выпала, осталась голая, незащищенная кожа. Левое яичко скрывалось где-то под Треугольником, правое едва виднелось под его краем. Член торчал под каким-то неправильным углом — Треугольник вырос как раз у его основания. Для ткани, прикреплявшей пенис к телу, почти не осталось места, и он выглядел так, будто вот-вот оторвется, вытесненный разросшимся Треугольником.

И это еще не самое плохое.

Под кожей из граней треугольной пирамиды, выросли черные щупальца — как у Толстухи. Одно огибало правое яичко. Другое змеилось по внутренней стороне бедра — уродливое, пульсирующее щупальце, похожее на черный жгут.

А последнее?

Последнее добралось до пениса, заползло в него, натянуло кожу и несколько раз обвило.

Обнаженное тело Перри содрогалось от ужаса. Он знал, что не сможет этого сделать, не сможет отрезать себе член и яйца. Мерзкие твари победили. Да пошло оно все!.. Перри нагнулся вперед и схватил с подставки один из зазубренных ножей. Положил руку на раковину, ладонью вверх, и прижал острие ножа к запястью. Где-то он слышал, что нужно резать вдоль руки, а не поперек.

— *Что это ты делаешь, парень?* — спросил голос отца.

Слезы Перри капали в раковину, рыдания сотрясали тело. Он взглянул в зеркало, в котором снова вместо собственного отражения увидел обтянутое кожей лицо отца. Глаза Джейкоба Доуси налились кровью, губы растянулись настолько, что не двигались, когда он говорил, — от него остались только кожа да кости, потому что все мышцы на теле сожрал Капитан Рак.

— Прости, папочка, — сквозь слезы выдавил Перри. — Но я не могу. Не могу этого сделать. Я хочу покончить с собой.

— *Сынок, ты еще можешь победить. Можешь еще показать им всем.*

— Пап, не могу. Не могу!

— *Ты должен, парень!* — повысил голос отец. — *Ты зашел так далеко — нельзя сейчас сдаваться. Человек должен делать то, что он должен!*

Перри опустил голову. Он не мог сделать *это* и не мог смотреть в глаза отцу. Он вдавил лезвие в руку. Выступила капля крови. Два быстрых разреза — и все.

«Прости, па, но здесь все и закончится».

Перри в последний раз взглянул на свои изуродованные; чудовищные гениталии, смахнул слезы и собрал волю в кулак, чтобы...

Сначала он подумал, что ему показалось.

Еще раз. Теперь Перри знал, что это не плод его воображения.

Его гениталии сокращались.

ВЫЛУПЛЕНИЕ ВРЕМНЯ ВЫЛУПЛЯТЬСЯ
ВРЕМЯ ВВВЫЛУПЛЯТЬ

Нет.

Нет, нет и еще раз нет. Если он убьет себя сейчас, Треугольник все равно вылупится и присоединится к остальным, и они будут веселиться, скакать по трупам глупых людишек, играть в карты, смотреть телек или еще что-то, не важно что, а он, Перри, ничегошеньки уже не сможет сделать.

— Да пошли вы! Пошли вы! Будьте прокляты! — завопил Перри. — Не будет этого, ясно?!

Треугольник в мошонке вздрагивал и сокращался. Перри с ужасом и гневом смотрел, как он начал подпрыгивать, натягивая кожу, стараясь порвать ее и отбросить хвост, пуповину, которая все это время поддерживала в нем жизнь.

Перри схватил ножницы и отодвинулся от раковины — совсем немножко, чтобы смогло пройти толстое стальное полотно. Одно лезвие он расположил над мошонкой, другое — под ней.

Если у Перри Доуси до сих пор оставалась хоть капля рассудка, то теперь не стало и ее.

ВЫЛУПЛЕНИЕ
ВОТ И ММ МЫ ИДЕММ

По крайней мере смолкнут чертовы голоса.
Послышался металлический скрежет ножниц для
разделки кур.
Страшный вопль...

81

КВАРТИРА 202

В 202-й никто не ответил, и Дью уже наполовину
вскрыл замок, когда услышал ужасный крик. Кричал
мужчина, и у Дью по спине прошел холодок. Что-то за
гранью боли и страха звучало в его крике.

Дью вскочил. В тишине коридора отчетливо щелкну-
ли колени. Ближе — по черной лестнице. Дью помчался
по ступенькам, на бегу доставая мобильник:

— Отто, быстро сюда!

82

YA GONNA BURN...

Перри, спотыкаясь, кашляя, истекая кровью, сле-
зами, соплями и слюной, вышел из ванной, сжимая
в руках отрезанные гениталии. Он не заметил, как бро-
сились врассыпную вылупившиеся личинки, стараясь
убраться с дороги настолько быстро, насколько позво-
ляли их плохо скоординированные ножки-щупальца.
Они наполнили его мозг какой-то бессмыслицей и от-
влеченными фразами.

Перри размахнулся и швырнул о стену бутылку; та
разлетелась вдребезги, забрызгав стены и пол бакарди.

Один из Треугольников бросился к нему. Перри схва-
тил окровавленные ножницы. Личинка запрыгнула ему

на ногу, обхватив щупальцами икру. Перри ощутил резкую боль в мышце, но как-то отстраненно — как будто кто-то кричал в миле от него. Он наклонился и пронзил ножницами маленькое тельце.

Мозг чуть не взорвался от пяти одновременных женских криков — их испустили вылупившиеся личинки.

— Почему я до сих пор их слышу? — изумился Перри. В его голосе прорывались истерические нотки. — Я ведь всех убил... Почему я до сих пор слышу их, будь они прокляты?!

Он поднял ножницы, мельком взглянув на дергающееся, извивающееся тельце, насаженное на лезвия. Страхнул его, и Треугольник шлепнулся на пол, подергиваясь и заливая ковер фиолетовой слизью.

Перри поднял голову и издал рев — бросил вызов остальным. Однако они предпочли держаться подальше. Перри направился к двери, перешагнув через тело Толстухи. Ступней и кистей у нее уже не было — обглодали до кровавых обрубков. Твари заскакали в тошнотворном танце, чирикая и щелкая, бомбардируя его мозг бесвязными угрозами.

ТЫ ЗАПЛАТИШЬ ТЫ УБЛЮДОК
ТЫ СВОЕ ПОЛУЧИШЬ И ОЧЕНЬ СКОРО

Перри запрыгал к выходу, не выпуская из рук своей ноши. Отпер три замка и распахнул дверь. Расколол последнюю бутылку о косяк. Спиртное полилось на ковер.

ТЫ ПЛОХОЙ. МЫ ДОБЕРЕМСЯ ДО ТЕБЯ!
МЫ ДО ТЕБЯ ДОБЕРЕМСЯ.

Перри оглянулся. Твари взирали на него с неприкрытой злобой. Черные глаза светились ненавистью.

Перри ничего не сказал. Мозг не мог сейчас складывать слова. Из рта стекала тонкая струйка слюны. Он бросил ножницы на пол. В руках оставались еще две вещи. Он щелкнул зажигалкой.

Перри Доуси оглядел комнату взглядом человека, который в одночасье стал намного старше. Затем наклонился и коснулся огоньком лужицы спиртного.

Пламя вспыхнуло мгновенно. Сначала бледно-голубое, добравшись до ковра, оно стало ярко-оранжевым. Перри бросил зажигалку. Теперь у него остался только один предмет. Пожар разгорался, пламя плясало уже под потолком.

Перри в последний раз взглянул на тварей. Они носились по квартире в какой-то кошмарной, сатанинской пляске, в слепом ужасе натывались на стены, мебель, друг на друга. Им негде было прятаться от огня.

— Да, да, вы все сгорите, — тихо проговорил Перри. — Все до единого...

Он хотел уйти, и тут заметил карту. Пламя облизывало ее уголок.

Перри сорвал карту с двери, выскочил из квартиры, повернул направо и запрыгал по коридору. А за спиной у него бесновалось пламя.

83

КВАРТИРА 304

Дью поднялся по лестнице, когда языки пламени уже плясали в коридоре. По другую сторону огня он увидел огромного нагого человека, сжимающего что-то в каждой руке.

Сквозь дрожащий от жара воздух Дью видел, что человек стоит на одной ноге. Другая просто висит, поднятая над полом на пару дюймов. Человек развернулся и запрыгал прочь. Огонь скрыл гигантскую фигуру.

Дью начал стрелять, выпустив полную обойму за три секунды. Смертоносные пули сорок пятого калибра исчезли в огне. Дью не знал, подстрелил он Доуси или нет.

Выяснить можно только одним способом.

Он вставил новую обойму в «кольт» и, поколебавшись секунду, бросился в ревущий огонь.

84

ПРЫГ-СКОК

Перри совершенно потерял инстинкт самосохранения, но, как ни удивительно, его ловкость только возросла. Он одним прыжком преодолел пролет в шесть ступенек. Кровь толчками вытекала из промежности. Сила инерции швырнула Перри в стену, однако он не упал, а вместо этого сумел развернуться и в следующем броске покрыл еще шесть ступенек. Когда Перри оказался на площадке второго этажа, полотенце следело с ноги, и он остался совершенно голым, в одних носках.

Если бы кто-то увидел его со стороны, то решил бы, что Перри спятил и твердо вознамерился свернуть себе шею. Но тот продолжал прыгать, не зная, что Дью Филлипс гонится за ним и уже почти догнал...

Входная дверь распахнулась, так сильно провернувшись на петлях, что ручка ударила в кирпичную стену и выбила из нее несколько осколков. Перри, вопя, с вытаращенными глазами, выпрыгнул прямо на снег, и холод ударил его, словно крепкий кулак Санта-Клауса.

Где-то в голове вертелась мысль о машине — должна быть машина, нужно поехать в Ваджамегу и завершить проклятую одиссею. А еще хотелось попасть в больницу, потому что какой-то придурок только что прострелил ему левое плечо. Перри чуть не упал, но ему случалось принимать удары и посильнее.

Да, нужно в больницу, чтобы там залатали руку, из которой прямо на тротуар хлещет яркая, дымящаяся кровь; чтобы сшили то, что разрезано в ноге, и он снова мог передвигаться на своих двоих; чтобы полечили волдыри от ожогов на спине, голове и заднице; чтобы остановили кровотечение в руке; чтобы затушили огонь, пожирающий правую кисть и предплечье; чтобы вытащили пулю из левого плеча, отсосали черную гниющую слизь из плеча и ягодицы.

А самое главное — чтобы пришили обратно член!

85

ПИФ-ПАФ!

Входная дверь блока G еще не успела закрыться, как Дью Филлипс снова распахнул ее. В дыму и пламени он выскочил на заснеженный тротуар, прокатился раз, другой, третий... Когда вновь поднялся на ноги, пламя отступило. Куртка из полиэстера едко дымилась.

Он снова дошел до той черты, когда не было места чувствам и морали, а было место лишь для одного — для убийства. Он уже не Дью Филлипс, он ротный, машина смерти, которая отняла больше жизней, чем можно пересчитать.

Дью упал на одно колено и взвел «кольт» сорок пятого калибра. Рука действовала уверенно и твердо, как у нейрохирурга. Дью видел все: покрытые снегом

мертвые ветви зимних деревьев и кустов, каждую обледеневшую иголочку на сосне, каждую машину, каждый колесный диск, каждый номерной знак, каждый след. Полицейские заволокли двор, как темно-синие аллигаторы, загорающие на берегу реки. Во двор ворвались три серых фургона — один справа, другой слева, третий — из-за спины истекающего кровью, скачущего на одной ноге психа.

Доуси неся по территории парковки в отчаянном порыве к свободе — в месте, откуда некуда бежать. Он заметил полицейские машины и замедлил движение. Потом остановился. Обернулся. И с отчаянным оптимизмом безумца запрыгал в сторону Дью.

Дью видел перед собой лицо, искаженное яростью, болью, смятением и ненавистью. Человек неся вперед — огромный, страшный. Он прыгал на залитой кровью правой ноге, покрывая каждым прыжком невероятно большое расстояние. Левая нога висела под углом. Правую руку покрывали ожоги третьей степени. Волос на нем не осталось, только черная корка и волдыри на черепе. На груди красовалась длинная полоса черной слизи, которая изливалась из багряной, размером с бейсбольный мяч раны на правой ключице. По обеим ногам текла кровь — текла из того места, где должен быть пенис.

Но кошмарнее всего Дью показался взгляд: Перри смотрел вперед холодным, напряженным взглядом хищника — и в то же время диким, безумным от страха взглядом жертвы. Рот будто не мог решить: издать крик или оскалить зубы.

Все это Дью отметил за две секунды — в то краткое мгновение, когда детали выступают из реальности, как буквы из медной таблички с именем.

Взгляд. Выражение лица. Все как у Брубейкера. У человека, который убил Мэла.

Один выстрел из сорок пятого калибра — и череп Доуси разлетится на мелкие осколки вперемешку с мозгами. Кто-то должен заплатить за смерть Мэла, и этот ублюдок подойдет как нельзя лучше.

Дью прицелился в улыбку безумца.

Палец на спуске напрягся.

Доуси приближался. Один выстрел. Только один выстрел. Черт, Мэл, как же тебя не хватает!

Но Дью получил приказ.

Он сменил цель и нажал на спуск.

Пуля вонзилась в правое плечо Доуси и развернула его вокруг своей оси, как тряпичную куклу. Псих рухнул на землю. Снег превращался в красную кашу, смешиваясь с хлещущей кровью. Карта упала неподалеку.

Дью опустил пистолет и пошел вперед, потом остановился. Не веря своим глазам, он смотрел, как Доуси поднялся на здоровую ногу. Выражение его лица не изменилось ни на йоту, на нем не отразились ни удивление, ни боль. Доуси бросился к Дью. Могучие мускулы сокращались, безумная усмешка будто приросла к лицу. Он прыгал на одной ноге.

Дью поднял пистолет. Есть еще одно место, куда можно выстрелить, чтобы парень не поднялся.

— Ну и силен же ты, ублюдок, — тихо проговорил Дью и спустил курок.

Пуля вонзилась в колено Перри, то самое колено, из-за которого закончилась его футбольная карьера. Коленная чашечка разлетелась на осколки. Пуля прошла через хрящ и вылетела с обратной стороны ноги в кровавом облачке.

Перри упал и, проскользив по снегу, рухнул на землю всего в нескольких футах от Дью. На сей раз он не

встал. Тяжело дыша, смотрел на Дью. Безумный оскал смерти был словно высечен на его лице.

В кулаке Перри все еще сжимал свой пенис.

Дью аккуратно затоптал пламя, лижущее карту, и поднял ее. Не сводя прицела с сумасшедшего оскала Доуси, посмотрел на карту. В некоторых местах она прогорела насквозь, но Дью все равно видел красную линию, проведенную от Анн-Арбор до Ваджамеги. И странный красный, похожий на японский символ.

Дью взглянул на Доуси. Тот же самый символ он вырезал у себя на руке.

Дью показал Перри карту.

— Что там такое? Какого черта тебе нужно в этом сраном городишке? Что значит этот символ?

— Кто-то стучит в дверь, — нараспев ответил Перри. — Кто-то звонит в звонок. Сделайте одолжение, откройте дверь и впустите их...

86

БЕСПЛАТНЫЙ ПРОЕЗД

Три серых фургона вплотную подъехали к Дью и Перри. Из них посыпались солдаты в биокостюмах — как муравьи из муравейника. Полицейские сдвинулись поближе к фургонам, но не спешили близко подходить к странно одетым военным со страшным оружием в руках.

Маргарет и Кларенс первыми подбежали к Доуси и Дью. Маргарет бросилась к раненому, опустилась на землю рядом с ним, и ее колени утонули в луже крови. Она с трудом отвела взгляд от отрезанного члена, который Доуси сжимал в руке.

Футболист все еще дышал, но неизвестно, сколько он мог протянуть. Маргарет поверить не могла, что

человек способен выжить с такими ранами. Треугольников она не видела, несчастный был весь в крови и ожогах. Но главное, он жив, а значит, с ним можно работать.

Маргарет едва не подскочила, когда он заговорил.

— Кто-то звонит в дверь, — снова сказал Доуси. — Мне нужно в Ваджамегу. Пожалуйста, помогите, откройте дверь и впустите их.

Маргарет с трудом сглотнула. Она глазам не верила. Искалеченный, изуродованный человек, потерявший невероятное количество крови, говорил! И говорил с абсолютно безумной улыбкой.

— Да открой же ты гребаную зеленую дверь, сука! — Тяжелая рука Доуси метнулась быстро-быстро и схватила Маргарет за биокостюм. Он притянул ее к себе настолько близко, что его губы касались визора — на пластике оставались разводы крови и слюны. В дюйме от ее глаз сверкали страшным огнем безумия широко раскрытые глаза. — Кто-то стучится в гребаную дверь!

Кларенс с силой ударил Доуси рукояткой пистолета в скулу — появилась еще одна рана. Доуси дернулся, но продолжал скалиться.

Кларенс еще дважды ударил его. Доуси ослабил хватку и упал на землю с полуприкрытыми глазами и сумасшедшей улыбкой на губах.

— Все в порядке, док? — спросил Кларенс.

Маргарет с трудом взяла себя в руки. Секунду она была уверена, что Доуси разорвет ее костюм и вцепится зубами в горло. Он такой быстрый и сильный...

— Ничего, все нормально. — Она встала и жестом позвала двух солдат с носилками.

Немного задыхаясь от напряжения, Дью указал на одного из солдат в биокостюмах.

— Эй ты, быстро займись его ранами! И свяжи, он очень опасен. Заносите его в фургон, ребята, нам нужно торопиться.

Маргарет могла лишь догадываться, через что пришлось пройти пойманному бедолаге. Что может заставить человека так себя изуродовать? Маргарет не знала, ответит ли когда-нибудь на этот вопрос.

Она не знала, что за ужасы ждут их в ближайшие месяцы. Для Перри Доуси заражение закончилось. Для всего остального мира — только началось.

87

ПОПРЫГУНЧИК

Все случилось так быстро, что от дула «кольта» еще поднимались тонкие струйки дыма. Дью выполнил свою работу, однако удовлетворения не чувствовал. Он ни на шаг не приблизился к тому, чтобы узнать, кто в ответе за весь этот кошмар, кто виноват в смерти его напарника. Дью молчал, сжимая в руке пистолет, и смотрел, как Кларенс Отто командует отрядом быстрого реагирования, выставляя периметр вокруг Доуси.

Окно на третьем этаже раскололось, дождем посыпались осколки. Дью взглянул вверх — из окна вырывались языки пламени, в небо валил клубами черный жирный дым. И еще Дью увидел... что-то горящее. Что-то падающее. Будто пронеслась маленькая комета. Извивающиеся черные отростки придавали ей сходство с горячей головой медузы.

Станный предмет шлепнулся о покрытый снегом тротуар, во все стороны брызнуло пламя. Дью стоял и смотрел, и часть его рассудка отказывалась верить в то, что он видел. Пылающее нечто стояло или, по

крайней мере, пытались стоять на нетвердых, бескостных ногах. Пляшущий огонь скрывал его тело... Раздался короткий визг — жалобный звук, который издает слабая женщина, когда испытывает острую боль.

Из странного предмета (или существа) брызнула черная жидкость, упала на грязный снег, задымилась. Существо еще раз дернулось и лопнуло. По стоянке разлетелись пылающие ошметки. Так ярко горят куски обшивки разбившегося самолета.

Маргарет сняла защитный шлем, и черные волосы рассыпались по плечам. На мертвенно-бледном лице женщины застыло выражение ужаса.

— Теперь все понятно, — тихо проговорила она. — Господи, все теперь ясно. Доуси и другие были просто носителями для этих...

Дью тоже это понял. Не время сомневаться в очевидном, даже если оно совершенно невероятное. И есть еще дело, которое необходимо сделать.

Звук приближающихся шагов отвлек его от созерцания пляшущих языков пламени. Подходили местные копы и сотрудники из полиции штата. Собралось не меньше десятка человек.

Дью повернулся к Отто и затянутым в биокостюмы ребятам. Все они держали оружие наготове и хищными взглядами скользили по стоянке, ожидая, что вот-вот появится еще какое-нибудь кошмарное создание.

— Погрузить Доуси в фургон. Третий отряд, зачистить эти куски, живо! Шевелитесь, шевелитесь! — Дью выкрикивал отрывистые приказы тоном опытного сержанта. Солдаты бросились выполнять.

Дью развернулся к полицейским, которые подходили к горящему зданию. Он сделал шаг вперед, лихорадочно придумывая, как объяснить появление за-

гадочного существа, но копы пробежали мимо горящих ошметков в парадную дверь здания.

Боб Циммер подбежал к Дью.

— Ты видел... из окна?..

— Видел, — кивнул Дью. — Оно мертво.

Копы пропустили падение существа или не обратили на него внимания. Может, они находились слишком далеко, а может, так сильно беспокоились о людях в горящем доме, что не придали значения выпавшему из окна существу — странному, явно неземного происхождения.

— Там остались люди?

— Возможно. Я никого оттуда не вытаскивал, а Дюси выбежал сам.

Циммер даже не кивнул, будто не обратил внимания на замечание Дью. Он побежал к зданию, направил туда других полицейских, отдал приказы тем, кто выводил растерянных и перепуганных жильцов.

Солдаты в биокостюмах затушили горящие останки и впихнули их в специальные мешки. Все погрузились в фургончики — все, кроме Кларенса Отто и Маргарет Монтойи. Она, как замороженная, смотрела на горящее здание. Отто стоял рядом и ждал распоряжений.

Дью указал на юг — в пяти милях отсюда располагалась временная лаборатория. Отто обнял Маргарет за плечо и повел к фургону. Дью закрыл за ними дверь, машина мягко тронулась с места и выехала со стоянки, где сустились полицейские.

В отдалении завывали сирены: мчались «Скорая», пожарные. Дью в последний раз взглянул на окно на третьем этаже — там полыхал огонь, языки пламени взвивались в небо футов на двадцать. В квартире ничего не останется.

Вокруг бушевал хаос, а Дью медленно шагал к своему «Бьюику». Он прошел между полицейскими ма-

шинами и выбрался со стоянки, как раз когда во двор ворвалась первая пожарная машина.

Дью закрылся в машине и принялся рассматривать подпаленную карту Доуси со странным знаком, в точности повторяющим тот, что Доуси вырезал у себя на руке. Слова «То самое место» аккуратно выведены синими чернилами — красивыми буквами, совсем не так, как те же слова нацарапаны на карте из квартиры Доуси.

Женский почерк.

— Черт меня подери... — прошептал Дью.

Доуси бежал не наугад — в той квартире проживала еще одна зараженная жертва, которая его укрыла. Она, вероятно, там и осталась и успела поджариться до угольков.

Наверное, оба знали друг друга еще до заражения, ведь они жили в одном комплексе. Но если они не были знакомы, значит, после заражения Треугольниками жертвы способны узнавать друг друга и помогать «своим».

И самое главное: если прежде они не были знакомы, значит, независимо друг от друга решили, что им позарез нужно в Ваджамегу. Выходит, им понадобилось туда из-за инфекции.

Или самой *инфекции* понадобилось срочно туда отправиться.

В голове прозвучали слова Маргарет: «Они там что-то строят».

Дью вспомнил горящее существо, которое выпрыгнуло из окна на третьем этаже, и схватился за большой мобильник.

Мюррей ответил после первого гудка.

— Вы его взяли?

— Взяли. Живым, как ты и хотел. Но ставки растут. Слушай меня, босс, слушай внимательно. Мне нужны

люди в Ваджамеге, штат Мичиган. Немедленно. Никаких цэрэушных командос. Пусть будут морпехи, или зеленые береты, или спецназовцы ВМС. Достань мне людей, Мюррей, как минимум взвод, а лучше дивизию, и как можно скорее. При полной боевой готовности. Артиллерия, танки и все дела. И еще вертолеты.

— Дью, мать твою, что там происходит?

— Подожди! Спутник перенаправлен на Ваджамегу?

— Да. Он недавно ее прошел. Специалисты обрабатывают снимки.

— Как только я повешу трубку, я сделаю снимок одной штуки — это вроде знака — и pošлю тебе. Пусть спецы ищут что-то похожее, ладно?

— Я понял тебя.

— Через пятнадцать минут пришли за мной вертолет. Меня не интересует, где ты его возьмешь.

— Дью, — тихо сказал Мюррей. — Я не смогу все это сделать так быстро.

— Ты сделаешь! — заорал Дью в трубку. — Сделаешь прямо сейчас! Ты и представить себе не можешь, что я только что видел!

88

ПОРА ПОВЕСЕЛИТЬСЯ

В третий раз он видел этот символ, но сейчас — не нацарапанный на карте и не вырезанный на человеческой коже.

Он видел его на снимке со спутника.

Прошло четыре часа с момента, когда Дью стрелял в Перри Доуси. Теперь он стоял неподалеку от «Хаммера» на замерзшей дорожной грязи. На капоте машины лежали карта и несколько спутниковых снимков, при-

давленных камнями, чтобы не унесло суровым ледяным ветром, который разгулялся в зимнем лесу.

По обеим сторонам Бруизи-роуд вздымались деревья — толстые кряжистые деревья, поднимающиеся над зарослями подлеска и ежевичника. Голые ветви образовывали над головой купол-скелет, отчего непроглядная ночь делалась еще темнее. Неожиданно резкий порыв ветра потряхнул верхние ветки, и посыпались рыхлые комья мокрого снега. Снег падал на два «Хаммера», черный фургон связи без номеров и шестьдесят вооруженных солдат.

Вокруг Дью собрались командиры взводов и отделений группы «Браво» 187-го пехотного батальона. Сам батальон входил в состав Третьей бригады 101-й дивизии воздушно-десантных войск Форт-Кэмпбелла, штат Кентукки. Он представлял силы быстрого реагирования, поддерживал постоянную боеготовность и мог в течение тридцати шести часов высадиться в любой точке планеты. То, что зона высадки находилась в шестистах двадцати милях от Форт-Кэмпбелла, а не в тысяче миль за океаном, значительно ускорило события.

Не прошло и двух часов с момента, когда Дью в панике звонил Мюррею, как из Нэшвилла вылетели два грузовых самолета «С-130 Геркулес» из 118-го авиатранспортного крыла. «Геркулесы» приземлились на военном аэродроме Кэмпбелла через тридцать минут после взлета, а еще через тридцать минут с первой группой солдат из 187-го батальона вылетели по направлению муниципального аэродрома Каро, в двух милях от того места, где сейчас стоял Дью.

Понадобилось бы около пятнадцати вылетов — то есть несколько часов, — чтобы перебросить в район батальон целиком. Дью не хотел дожидаться прибытия всех сил. На данный момент в его распоряжение посту-

пило сто двадцать восемь солдат и четыре «Хаммера». На них он и рассчитывал.

Большинство солдат стояло с серьезными лицами, но некоторых явно подтачивал страх. Кое-кто до сих пор думал, что это учения. Дью знал, что все они — великолепно обученные ребята, однако никакое обучение на свете не заменит опыта реального боя. По крайней мере все командиры отделений участвовали в боевых действиях — Дью читал это на их спокойных сосредоточенных лицах.

Главным у них был командир батальона, сорокалетний подполковник Чарльз Огден. Обычно первую партию сопровождал капитан, однако неотложность задания, неизвестный враг и тот факт, что действия разворачивались на американской земле, требовали личного вмешательства Огдена. На сухопаром «подполе» форма висела, как на вешалке, но двигался он быстро, говорил властно, и его манеру поведения никто бы не додумался назвать слабой. Худоба тоже оказалась обманчивой — подполковник мог дать фору любому молодому бычку из своих подчиненных, и все это знали. Дью чувствовал, что Огден участвовал в боевых действиях, причем не раз.

— Итак, почему мы здесь? — спросил Огден. — Что в этом месте такого особенного?

— Известны случаи инфицирования в Детройте, Анн-Арбор и Толедо. До Ваджамеги легко добраться из каждого из этих городов. Вокруг фермерские угодья и леса, здесь легко спрятаться. Мы считаем, что они собираются здесь — или вылупившиеся личинки, или хозяева-носители, или те и другие.

Сидя в вертолете, Дью рассказал Мюррею то немногое, что они знали о личинках. Мюррей сначала потребовал, чтобы информацию скрыли от солдат, но Дью

воспротивился и легко победил в споре: он не желал вести в бой людей, которые не знают, в кого им предстоит стрелять — в мирных граждан или в негуманоидных монстров. Еще вопрос, что на самом деле хуже.

— Как обстоит дело с поддержкой с воздуха, полковник? — спросил Дью.

Огден сверился с часами.

— У нас три боевых вертолета «Апач», расчетное время прибытия двадцать минут. Часть 130 СВ НГ из Моррисвилла проходила учения в Кемп-Грейлинг, в ста двадцати милях к северо-западу отсюда.

— Вооружение?

— На каждой «птичке» восемь ракет «земля — воздух» с термобоеголовками.

Дью кивнул. Двадцать четыре противотанковые ракеты действительно устроят большой бум. Плюс к тому на каждом «Апаче» установлены тридцатимиллиметровые скоростные авиационные пушки, которые с четырех километров могут снять БТР. Все вместе — очень даже неплохая поддержка с воздуха.

У него в распоряжении наземные войска. На подходе воздушная ударная сила. Полиция штата Мичиган оцепила территорию и эвакуировала жителей.

Огден поднял снимок со спутника, сделанный в теплых тонах — инфракрасная съемка. Большую часть снимка занимали голубовато-зеленые тона ночного леса, но в центре сходились красноватые линии, которые эксперты обвели белым.

Они также отметили известные на данный момент габариты — ширина около 135 футов, длина около 180 футов, высота неизвестна. Глядя на эти параметры, Дью вспомнил картину Нгуена — неужели они строят из человеческих тел? То полотно — символ или пророчество?

Огден ткнул пальцем в снимок.

— Это и есть то, что мы ищем?

Дью кивнул.

— И что же это такое?

Дью пожал плечами и указал на другую фотографию, демонстрирующую странный объект под иным углом.

— Неизвестно. Возможно, какой-то вход. Жертва твердила в бреду что-то насчет «двери» в Ваджамеге.

— Вы меня разыгрываете? — ледяным тоном осведомился Огден. — Дверь? Портал? Разве мы здесь обсуждаем «Стар трек»?

Дью снова пожал плечами.

— Не спрашивайте. Если бы вы видели то же, что и я, вы бы поняли, для чего мы здесь.

— Ладно, сэр. Приказ есть приказ. — Огден внимательно изучал фото. — Четыре параллельные линии идут строго с запада на восток... Интересно, это важно?

— Понятия не имею. Знаю только, что надо взорвать все к чертям собачьим.

Огден наклонился поближе к снимку.

— Высота неизвестна... может, есть обычный снимок?

Дью вытащил детальный снимок той же самой территории, сделанный с таким хорошим разрешением, что можно было различить отдельные ветки на больших деревьях. Странная конструкция едва виднелась между деревьями: черные и зеленые цвета отлично маскировали ее на естественном фоне. Фотографию сделал воздушный разведчик не позднее часа назад. Аналитики выделили сооружение. Оно стояло на земле, вокруг белел снег. Пять желтых кругов отмечали на карте три легковушки, пикап и жилой фургончик.

— Конструкция растопила снег, — заметил Огден. — Значит, там довольно жарко. Чертовы цвета... Будто какой-то камуфляж. А что это за машины?

— Мы полагаем, что хозяева Треугольников подъехали туда, бросили свой транспорт и направились к сооружению пешком.

— А красные точки на инфракрасном снимке?

— Это враги. — Дью вытащил стопку бумаг — рисунки, выполненные художником по описанию Дью, которому удалось мельком увидеть горящее существо, падающее из окна третьего этажа. Он еще сам их не видел. Получилось вполне похоже. Дью протянул рисунки командирам отделений.

— Красные точки — тепловые отпечатки. Они принадлежат либо людям-хозяевам, либо таким вот тварям.

Один из солдат, увидев рисунок, громко расхохотался. Дью впери́л в него пронзительный, холодный, как смерть, взгляд. В голосе прорезались новые, властные нотки. Он командовал такими парнями и видел, как они гибнут десятками.

— Тебе смешно? — поинтересовался Дью. — Эти твари виновны в смерти по меньшей мере пятнадцати человек, и если каждый из вас не примет угрозу всерьез, то уже через час может сдохнуть.

Воцарилось молчание. Слышалось только, как заывает между ветвей ветер.

Огден разгладил карту.

— По-моему, сэр, нам нужно действовать так: основная ударная группа из восьми отделений атакует с запада, и остаются две группы сдерживания, в каждой по два отделения — одна на юге, другая на севере от цели. — Огден указал в три точки на карте. — Здесь, здесь и здесь. Лес слишком густой, чтобы проехать на транспорте, придется идти пешком. У нас достаточно людей для первой и второй групп сдерживания. Третья группа еще на аэродроме. Все три будут на позиции через пятнадцать минут. Артиллерию подготовят через

тридцать минут. «Апачи» прилетят раньше, чем пехота оцепит периметр, поэтому «вертушки» задержатся в зоне ожидания в миле отсюда. Когда артиллерия будет готова к бою, мы вышлем разведку и сделаем как можно больше снимков, потом наведем на цель лазер, и пусть «Апачи» разнесут объект в пух и прах. После этого вступит в действие западная группа сдерживания, а мы проведем зачистку.

Дью посмотрел на карту. Огден отвел западной группе место на холме. Если твари побегут, то, скорее всего, выберут самый простой путь — через узкую долину, которая проходит с севера на юго-восток. Тогда они как раз окажутся в зоне поражения окопавшихся на холме отделений.

— Отличный план. Прикажите своим людям убивать все, что движется.

— А как насчет хозяев? Они гражданские...

Дью в упор посмотрел на Огдена.

— Все, что движется, — с нажимом повторил он и повернулся к людям. — Вы видели рисунки. Неважно, верите вы в это или нет. Исходим из максимальной степени опасности.

Лица солдат говорили сами за себя. У половины в головах не укладывалось, что придется сражаться с какими-то киношными чудищами, другая половина верила. У этих в расширенных глазах читался страх.

— Держитесь вплотную друг к другу, — посоветовал Огден. — Следите за теми, кто слева и справа от вас. Стреляйте по всем движущимся целям. Не важно, как они будут выглядеть — как эти нарисованные твари или как ваша тетушка Дженни. Они враги. Всем отделениям приготовиться. Выступаем немедленно.

Молодые парни с суровыми лицами разбежались, оставив Огдена и Дью одних.

— Дью, вы знаете, что тут, черт возьми, происходит?
Дью кивнул:

— Ага. Во всех деталях. До последней мелочи.

— Слушайте, если твари выстроили какие-нибудь ворота, чтобы провести сюда свои войска, то зачем было делать это в паре миль от посадочной полосы?

Дью хмыкнул. Такой вопрос просто не приходил ему в голову.

— Наверное, они не знали о ее существовании. Их «разведка» не заметила аэродрома, или же они не разобрались, что это такое.

Огден кивнул.

— Пожалуй, так и есть. Хотя немного странно — у них, похоже, технологии круче некуда. Не знаю, что это за штука, но наверняка система хитрая и работает хорошо.

Дью кивнул. Снимки со спутника послужили отличным подспорьем. Он понимал, что не получил бы их, если бы не Маргарет Монтойя. Не вмешайся она, они бы до сих пор настраивали спутник и узнали о местоположении объекта только через несколько часов. А Дью нутром чуял, что дорога каждая секунда.

Дверь черного фургона связи распахнулась, и оттуда выскочил человек с распечаткой в руке. Он поскользнулся на замерзшей грязи, с трудом удержал равновесие и с размаху шлепнул распечатку на капот «Хаммера»:

— Эта штука быстро нагревается. Вот последний инфракрасный снимок.

Фотография в точности походила на предыдущую, только на этот раз экспертам не пришлось обводить странный символ. Его расплывчатые очертания светились красным, оранжевым и желтым сиянием.

— Она включилась, — сказал Дью. — Огден, выводите людей. Группы сдерживания отправляй на позиции согласно плану. Мы не станем ждать артиллерию и третью группу сдерживания. Атакуем прямо сейчас.

Перри слабо застонал во сне. Десятки электродов, подключенных к голове и груди, фиксировали каждое его движение. Плотные ремни крепили руки к боковой койке. Время от времени руки подергивались и сгибались, и тогда ремни натягивались. Электронный писк вторил его пульсу. В комнате висел тихий гул работающего медицинского оборудования.

По обеим сторонам койки стояли люди в биокостюмах с лазерами в руках. Ни огнестрельного, ни холодного оружия, ничего острого вообще. Излишней предосторожности не бывает. Если Перри разорвет ремни — а это никого не удивит, вон какие у него мускулы! — то его быстро угомонят с помощью разряда в пятьдесят тысяч вольт.

Кровотечение остановили, тем не менее Перри все еще пребывал в крайне тяжелом состоянии. Из плеч извлекли пули; на ожоги, включая ожоги головы, наложили влажные повязки; из руки и спины извлекли останки Треугольников, очистили от гнилостных масс ключицу и ногу. Но отравление медленно распространялось по телу, и врачи не знали, как с ним быть. На следующий день назначили операцию на ноге.

А пенис держали пока в контейнере со льдом.

Перри застонал снова. Его глаза были плотно закрыты, зубы по-волчьи оскалены — предупреждение хищника. Перри видел знакомый сон, вот только тот казался ему страшнее, чем раньше.

Он снова оказался в живом коридоре. Двери сближались. От них исходил жар, кожа его покрывалась

волдырями, краснела, потом чернела, от нее валил вонючий дым. Но Перри не кричал от боли. Такой радости он им не доставит. Пошли они... все. На хрен! Он умрет как Доуси. Двери приближались, маршируя на крохотных щупальцах, и Перри медленно поджаривался заживо.

— *Ты их победил, парень.*

Во сне Перри открыл глаза. Перед ним стоял отец — не скелет, обтянутый кожей, а крепкий, полный жизни мужчина, каким он был, пока рак не постучался в двери.

— Папочка... — слабо проговорил Перри. Он попытался вдохнуть, но раскаленный воздух обжег легкие. Каждая клеточка тела болела. Когда же кончится эта боль?

— *Ты отлично справился, парень,* — сказал Джейкоб Доуси. — *Правда здорово. Ты им всем показал. Ты их победил.*

Двери придвинулись еще ближе. Перри посмотрел на свои руки. Плоть размягчилась, потом пытающей массой стекла с костей и с шипением закапала на пол. Перри не закричал. Когда отрезаешь себе яйца и член, понимаешь, что всякая боль относительна.

Двери придвинулись еще ближе. Перри слышал скрип дерева и скрежет старого железа, глубокий стон петель, на много столетий обездвиженных ржавчиной.

— Мне пришлось очень трудно, пап, — прохрипел Перри.

— *Да, сынок, трудно. Ты сделал то, что никому другому не под силу. Я никогда тебе не говорил, но я горжусь тобой. Горжусь, что могу назвать тебя своим сыном.*

Перри закрыл глаза и ощутил, как плоть начинает отваливаться от костей. Изумрудно-зеленый свет напол-

нил собой тоннель. Перри открыл глаза — отец исчез. Двери открылись. За ними что-то шевелилось.

Перри заглянул внутрь... и заорал.

Они почти здесь!

Дью и Чарльз Огден распластались на покрытой снегом лесной подстилке. Холод стоял зверский. Дью смотрел в прибор ночного видения. От зеленоватой картинки, открывавшейся его взгляду, кожа под толстым слоем зимней одежды покрывалась пупырышками.

— Не знаю, что это за чертовщина, но ясно, что ничего хорошего, — сказал он. — Может, хочешь еще пошутить про «Стар трек», Чарли?

— Нет. Я передумал.

— Что с радиацией?

Огден покачал головой:

— Ничего. По крайней мере отсюда не определяется. Счетчики Гейгера ничего не показывают. Дью, как думаешь, что это?

— Есть у меня идея, но я до сих пор надеюсь, что ошибаюсь. — Дью никак не мог выкинуть из головы бред Доуси насчет «двери». Даже в «Скорой», когда Маргарет перевязывала его раны, Перри еще кричал: «Закройте дверь, пока не поздно!». Дью боялся, что вещь, на которую он смотрит в эту минуту, и есть та самая дверь.

Дью оглянулся. Двое солдат снимали кошмарную сцену на цифровые камеры. В состав каждого взвода входило двое таких операторов.

— Вы все снимаете? — спросил Дью.

— Да, сэр, — хором ответили парни. В их голосах звучал страх.

Существа метались вокруг двух огромных дубов, с которых капала талая вода. Мертвые ветви деревьев

образовывали скелетный навес, простирающийся над пятью десятками существ разного размера — от малышей вроде того, что выпрыгнул из окна на глазах у Дью, до полутораметровых тварей, передвигающихся на ногах-щупальцах толщиной с бейсбольную биту.

«Господи Иисусе, пятьдесят... А мы-то думали, что взяли всех. Сколько хозяев потребовалось, чтобы выносить пятьдесят монстров? Скольких хозяев мы вообще не обнаружили до самого вылупления личинок?» — спрашивал себя Дью.

Они построили что-то невообразимое. Что-то органическое, может, даже живое. Толстые, волокнистые тяжи — одни толщиной с веревку, другие с двутавровую балку — расходились во все стороны: от стволов — к земле, к ветвям, к другим стволам... Не меньше тысячи их образовывало гигантскую трехмерную паутину, словно придуманную художником-модернистом. А посреди тяжей, между огромными дубами, высилась та самая конструкция, которая раскрасила оранжевым инфракрасный снимок.

От сооружения из того же волокнистого материала веяло чем-то зловещим и примитивным, как от Стоунхенджа или древнего ацтекского храма. Четыре поперечные линии — те, которые шли с запада на восток, — на самом деле являли собой высокие арки; самая маленькая из них стояла в центре и возвышалась всего на десять футов, а самая высокая, первая от края, поднималась в небо на целых двадцать футов. Вместе четыре арки выглядели как конический каркас, наполовину врытый в промерзшую землю.

Дью не знал, из какой дряни сделана эта штука, но по крайней мере не из человеческих тел.

Две части «хвоста» — иначе не назовешь — отходили от арок ярдов на тридцать. Каждая была толщиной

с бревно. Вдоль хвоста тянулись тонкие шипастые наросты. Твари с проворством тарантулов карабкались по огромной конструкции, цепляясь щупальцами, — живая масса, кишачая в веревочном лабиринте.

Дью и Огден залегли на расстоянии пятидесяти ярдов от каверны из арок.

— Далеко наши «Апачи»? — спросил Дью.

Огден махнул радисту, который тихо приблизился и протянул ему рацию. Огден что-то шепнул в нее. Потом ответил Дью:

— Будут на месте через две минуты.

Побежали секунды. Вскоре Дью услышал шум винтов. Твари внезапно брызнули с арок. Кто-то влез на дубы, другие предпочли остаться на земле.

— Что происходит? — спросил Огден. — Они слышали вертолеты?

— Вполне возможно. Сообщи своим, что пора наступать. Мы... — Голос Дью оборвался: сооружение начало светиться.

Волокнистые арки залили дубовые ветви и лесную подстилку слабым беловатым свечением. Едва различимое поначалу, оно так быстро разгоралось, что вскоре Дью уже не мог смотреть в прибор ночного видения — резало глаза.

— Что за черт?! — изумился Огден.

— Не знаю, — покачал головой Дью, — но мне это не нравится. Выдвинь два отряда вперед. Нужно взглянуть получше.

Огден тихо отдал приказания. Дью поднялся и, пригнувшись, побежал вперед, не обращая внимания на щелканье в коленях. Под ногами хрустел снег, трещали ветки. Он с болью подумал, насколько тихо по сравнению с ним передвигаются десантники, почти что

беззвучно. Когда-то Дью тоже пробирался по лесам без единого звука. М-да, старость не радость...

Преодолев тридцать ярдов, он остановился. Ночь больше не прикрывала их. От сияющей арки сделалось светло, как днем. Длинные тени убегали в лес. Сама земля, казалось, вздрагивает в зловещем ритме, будто в глубине бьется сердце какого-то злобного чудовища. Дью остро ощутил *неправильность* происходящего.

— Дайте мне обычный бинокль! — рявкнул Дью.

Кто-то протянул ему бинокль, естественно, защитного зеленого цвета. Дью смотрел в глубь тоннеля из арок, где свет разгорался ярче всего, настолько ярко, что приходилось щуриться, чтобы что-то разглядеть.

— Огден, расчетное время прибытия «Апачей»?

— Шестьдесят секунд.

По телу Дью прошла волна напряжения. Никогда еще он так не боялся, никогда не чувствовал ничего подобного. Даже в рукопашной схватке во Вьетнаме, где полегли почти все ребята из его взвода, он не был настолько испуган.

Сооружение светилось все ярче и ярче. Один из солдат вдруг бросил винтовку и с криком рванул в лес. Еще несколько отступили. На молодых лицах отражался неподдельный ужас.

— Держать позиции! — закричал Огден. — Следующий получит пулю в спину! Ложись!

Пляска длинных теней выдала движение тварей. Они бежали к взводу. Станные пирамидообразные тела скользили по лесу. Обнаружив угрозу, они, как насекомые, стремились ее уничтожить, чтобы защитить улей.

— Огден, они движутся прямо на нас!

— Отделения четыре и пять, держать позиции! — выкрикнул Огден. — Все остальные — вперед на под-

держку! Стрелять на поражение! — Не успел он отдать последний приказ, как раздались выстрелы.

Дью не шелохнулся. Свечение не ослабло, но изменилось, из белого превратившись в изумрудно-зеленое. Дью внезапно осознал, что смотрит прямо в арку — и куда-то за нее. Очень далеко.

Потрясенный, он посмотрел поверх бинокля. Конструкция осталась на месте, за ней ничего не было, кроме леса. Дью снова прильнул к биноклю. Зеленое поле простиралось внутри арки, наверное, на мили. Невозможно, просто *невозможно*.

Вокруг ревели винтовки М4 и пулеметы М249, а Дью не двигался с места. Человеческий крик прорезал ночь — одно из существ прорвалось сквозь шквал пуль. Дью даже не вздрогнул — он заметил что-то на зеленом поле.

Заметил движение.

Причем не движение одной личинки, а перемещение чего-то настолько огромного... Собственно, двигалось само зеленое поле. Он с трудом различал там отдельных существ — так же трудно разглядеть одного-единственного муравья в кишачей озлобленной массе. Там простиралось море существ, и все они стремились к проходу под арками.

— Их миллионы... — пробормотал Дью.

В нескольких футах от него раздался выстрел, под ноги покатила личинка. Огден пристрелил ее прямо в прыжке. Выстрелы вокруг редели и сменялись криками — твари прорвались.

— Они наступают, — спокойно сказал Огден, лишь слегка повысив голос — чтобы его слышали сквозь визг и крики.

— Огден, команду массированную атаку! — прорычал Дью. — Скажи, пусть «Апачи» выльют на них весь боезапас!

Огден выхватил у радиста рацию. Дью вытащил «кольт». Из подлеска вынырнула полутораметровая тварь. В черных глазах чудовища полыхала ярость. Существо выбросило щупальца вперед для атаки.

Дью выстрелил пять раз. Черное пирамидальное тело разорвалось, как мягкий пластик, залив землю вязкой фиолетовой жижей.

Бой гремел со всех сторон: выстрелы, топот ног, треск ломаемых веток, крики боли, отчаянные молебны о помощи, ужасающее щелканье и чириканье монстров. Дью увидел, как к упавшему, истекающему кровью солдату приближается враг, и дважды выстрелил. Пока он перезаряжал оружие, парень уже выхватил нож и набросился на тварь. Брызнула фиолетовая жидкость.

Ища глазами следующую мишень, Дью добрался до Огдена, стремясь прикрыть его, пока он не отдаст приказ об ударе с воздуха.

— Главный шесть вызывает Голубя-один, главный шесть вызывает Голубя-один, — кричал Огден в микрофон. — Массированная атака, повторяю, массированная атака, бить по главной цели из всех видов оружия!

Выстрелы стихли, как по команде. Дью огляделся в поисках врагов — и не увидел никого. Несколько тварей еще подергивались на земле, но разъяренные солдаты быстро прекратили их мучения. На земле стонали раненые. Бой закончился.

Дью поднял бинокль в тот момент, когда услышал, как «Апачи» выпустили ракеты. Зеленое море достигло выхода. На миллисекунду Дью увидел то, что ему не забыть уже никогда, сколько бы он ни прожил и как бы ни старался.

Красное членистое тело ростом под два с половиной метра, L-образной формы, покрытое зеленоватым

радужным панцирем — наверное, скафандром. Шесть толстых многосуставчатых ног, четыре сильные руки, сжимающие какое-то оружие. Если у него и была голова, то ее закрывало некое подобие шлема из того же зеленого материала. Без отверстий для глаз и рта.

Миллионы таких же, как он, готовились ворваться в этот мир.

Дью ничего не успел сделать. Первое чудовище вышло из арки. Нога его ступила на лесную почву. Невозможное стало реальностью. Дью, как в замедленной съемке, увидел, как когтистая лапа наступила на веточку.

Веточка хрустнула.

И разверзлись небеса.

Шестнадцать ракет поразили цель с интервалом в три секунды. Над лесом прокатился рев умирающего бога. Огненный шар вырывал деревья поменьше прямо с корнем. Ударная волна подняла Дью и отбросила назад, точно соломенную куклу. Вокруг попадали солдаты. Дью больно ударился о землю и, не обращая внимания на боль, тут же перекатился на колени.

Огненный шар поднимался в небо, подсвечивая лес в закатные тона. Обломок арки взлетел в воздух, неистово вращаясь и рассыпая искры. Взрыв стер с лица земли две арки, одна стояла нетронутой, от другой осталась только половина — она торчала из земли как обломанное ребро.

Воздух разорвала очередь из автоматических пушек. Каждая тридцатимиллиметровая пуля выбивала из земли маленький гейзер грязи. Полуразрушенная арка, та, что походила на ребро, упала на землю и рассыпалась на сотни осколков. Дью отчаянно пытался что-нибудь рассмотреть в бинокль. Неужели все? Вовремя ли ударили ракеты? Уничтожены ли твари? Он проклинал

дым и жадно искал движение — движение миллионов существ, готовых к атаке.

Приближающийся рев другой серии ракет наполнил собой воздух. Дью взглянул вверх — и как раз вовремя. Он увидел восемь дымчатых лент, которые неслись навстречу уцелевшей арке, словно беспилотные змеи. Ракеты попали в цель, породив еще один огненный шар. Дью бросился на землю — над ним со страшной скоростью пронеслись комья земли, щепы и зеленые обломки.

И все закончилось.

Последний огненный шар поднялся в небо, точно маленькое умирающее солнце. Дью встал и, как зомби, медленно побрел вперед.

Зеленый свет погас. Кто-то захлопнул ту дверь, захлопнул весьма резко. Папаша тоже исчез, и теперь Перри твердо знал, что на этот раз — навсегда.

Глаза его приоткрылись. Впервые за неделю в голове вертелись собственные мысли. Боль отступила, но только благодаря лекарствам. Боль — это способ, которым тело дает понять, что с ним что-то неладно. Перри теперь лучше, чем когда бы то ни было, чувствовал свое тело. Он и без боли знал, что с ним не все в порядке.

Голоса исчезли, осталось только эхо от полусотни криков. Улей в Ваджамеге стерт с лица земли. Перри ощущал, что его больше нет. Лихорадка прошла. Смерть улья освободила его от безумия. Почти...

Перри с трудом повернул голову и увидел людей в биокостюмах по обе стороны от койки. Его привязали — он не мог пошевелить руками. Перри лежал в абсолютно белой комнате. Во все стороны от его тела расходились провода. Это больница. *Больница!* Значит, у него получилось, он победил!

Из громкоговорителя раздался голос:

— Мистер Доуси, вы меня слышите?

Перри медленно, будто сонно, кивнул.

— Меня зовут Маргарет Монтойя. Я занимаюсь вашим лечением.

Перри улыбнулся. Как будто кто-то сможет его вылечить после того, что он пережил.

— Все закончилось, мистер Доуси. Теперь отдыхайте. Все закончилось.

Перри расхохотался. Лекарства не всемогущи — правое плечо пронзила резкая боль.

— Закончилось, думаете? Нет! Это еще не конец.

Не конец, деточки. Если что-то и закончилось, то ненадолго. Гнездо в Ваджамеге вы уничтожили, но есть и другие...

Он все еще каким-то образом их ощущал. Слышал их голоса. Они собирались вместе, чтобы строить. Далекие, приглушенные голоса... Перри все еще их чувствовал.

Это только начало.

Догорали почерневшие деревья. Многие ветви вырвало разрушительной силой взрывов. Один гигантский дуб оказался полностью объят пламенем, и его горящие ветви, словно огненная корона, вздымались в небо; другой взрывом расщепило напополам, и зимний ветер безжалостно въедался в белую древесину.

На земле повсюду валялись куски зеленых опор, быстро горящих голубоватым пламенем. Появились несколько солдат с оружием наготове. Бойцы медленно шли сквозь дым. Стоны раненых висели в воздухе и смешивались с треском пожара.

подавив страх, Дью вышел туда, где должен был находиться пресловутый «коридор». Ни следа чуждых

существ, ни намек на зеленое свечение, которое открыло путь в бесконечность.

Огден подошел к нему так спокойно, будто шагал по заднему двору своего дома. Он прижимал рацию к уху, сзади, словно послушный щенок, следовал радист.

— Мы насчитали пятьдесят шесть вылупившихся личинок, — сказал Огден. — Все мертвы. Несколько смогли прорваться через наши ряды, но в арьергарде ничего подозрительного не обнаружено.

— Пятьдесят шесть, — рассеянно повторил Дью.

— Потеряли восемь человек. Шесть убиты врагами, двое — шрапнелью. Еще двенадцать ранено.

— Пятьдесят шесть... — Голос Дью звучал странно, глухо.

— Я намерен заняться ранеными. «Апачей» я отослал на полмили назад и вызвал вертолет-эвакуатор для тяжелораненых.

— Хорошо. Очень хорошо.

Огден ушел, отдавая приказы спокойным, властным голосом. Дью остался один. Он смотрел на разрушения, на извивающиеся языки пламени и качал головой.

Если здесь собралось так много, то сколько же их всего? Сколько еще тварей осталось? И где они будут строить новый коридор?

Дью не знал ответа. Впервые смерть Малколма показалась ему чем-то незначительным, малой потерей в сравнении со страшной угрозой, которая нависла над миром.

Вообще, он совсем измотался. Слишком много в последнее время свалилось на старину Филлипса. А отдохнуть в ближайшее время не удастся. Ему — так точно.

Да и вообще никому.

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Скотт Сиглер

ИНФИЦИРОВАННЫЕ

Ответственный редактор *В. Харос*

Редактор *О. Пчелин*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Л. Козлова*

Компьютерная верстка *Н. Билюкина*

Корректор *С. Горшкова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 19.10.2012.

Формат 60х90 1/16. Гарнитура «SchoolBook».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0.

Тираж 4100 экз. Заказ 1091.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-60569-9

9 785699 605699 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

СКОТТ
СИГЛЕР

По всей Америке сотни обычных мирных людей внезапно превращаются в одержимых паранойей убийц-маньяков. В своем безумии они не щадят ни друзей, ни родных, ни даже самих себя. Вот и Перри Доусн – добродушный великан, бывшая звезда американского футбола – замечает, что с ним происходит что-то не то. Сначала – странная сыпь и зуд по телу, затем – непонятно откуда взявшиеся треугольные наросты под кожей. А затем Перри начал слышать голоса, нашептывающие ему страшные вещи... Он инфицирован. Но Доусн не собирается уступать этому «нечто». И, возможно, от исхода жестокой войны, которую он ведет с собственным телом, будет зависеть судьба всего человечества. Потому что паразитам от него что-то нужно – что-то гораздо большее, чем простые убийства...

ISBN 978-5-699-60569-9

9 785699 605699 >

ИНФИЦИРОВАННЫЕ

ЭКСМО